

Д. П. КАЛЛИСТОВ, А. А. НЕЙХАРДТ,
И. Ш. ШИФМАН, И. А. ШИШОВА

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РАБСТВА В АНТИЧНОМ МИРЕ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

К. К. Зельин, Я. А. Ленцман
А. И. Павловская, С. Л. Утченко,
Е. М. Штаерман

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград — 1968

РАБСТВО НА ПЕРИФЕРИИ АНТИЧНОГО МИРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград — 1968

Ответственный редактор

доктор исторических наук

Д. П. КАЛЛИСТОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга входит в серию монографий под общим заголовком «История рабства в античную эпоху», намеченную к изданию Институтом истории АН СССР. В состав этой книги входит ряд очерков и исследований по истории рабства в Малой Азии, на прилегающем к ней острове Хиос, в Северном Причерноморье, Сицилии и Карфагене, иными словами, в таких областях, какие в классическое время не играли ведущей роли в хозяйственной, политической и культурной жизни античных греков.

Такая постановка тем представляется авторам книги вполне правомерной. Не может не обратить на себя внимания обилие слов в языке древних греков, которыми обозначался труд несвободных. Разнообразие терминологии в данном случае отражает историческую действительность. Но оно отражает не только удельный вес рабовладельческих отношений в исторической жизни античного общества. Существует и ряд других причин, объясняющих эту особенность языка. На протяжении многих веков античное рабство пережило ряд существенных изменений, и эксплуатация подневольного труда на ранних стадиях развития античного общества, естественно, во многом отличалась от того, что наблюдалось в более позднее время. Терминология в данном случае отражает реальную историю рабства — смену одних его форм другими.

Свою роль в терминологии сыграли и весьма разнообразные формы использования труда рабов — в мастерских, в сельском хозяйстве, рудниках, торговле и т. д. Но, пожалуй, одна из очень важных причин, порождавших неоднородность рабовладельческих отношений, кроется в локальных особенностях развития рабства в различных частях древнего мира. С этой точки зрения развитие рабовладельческих отношений в таких областях, какие испытали на себе сильнейшее воздействие древневосточных обществ, вышедших на широкую историческую арену значительно раньше греков, а также развитие рабства на окраинах античного мира, население которых еще не изжило строя родо-племенных отношений, представляет собою несомненный интерес.

К сожалению, на пути изучения рабства в этих районах пришлось столкнуться с еще большими трудностями, чем при изучении его в главных центрах античного мира: трудностями, связанными с крайней скудостью и фрагментарностью источников. Поэтому авторы разделов этой книги в ряде случаев были поставлены перед необходимостью восполнять отсутствие прямых свидетельств всякого рода данными, имеющими лишь косвенное отношение к их главной теме.

Кроме того, по ходу работы над книгой оказалось необходимым затронуть и по возможности осветить и некоторые более общие вопросы истории античного рабства, без которых локальные модификации рабовладельческих отношений на периферии античного мира нельзя было должным образом осветить. К числу таких вопросов относятся: 1) теоретические взгляды древних на порабощение греков; 2) вопрос о долговом рабстве в греческих городах VI—IV вв. до н. э.; 3) вопрос о войне как источнике рабства и о судьбах военнопленных.

Само собою разумеется, что все разделы книги отнюдь не претендуют на исчерпывающее освещение поставленных в них вопросов. Учитывая особенность материала, с которым пришлось иметь дело авторам, и степень разработанности этих вопросов в нашей науке, здесь речь может идти лишь только о первых шагах в этом направлении.

ч.

Глава I

ВОЗЗРЕНИЯ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ НА ПОРАБОЩЕНИЕ ЭЛЛИНОВ

Проблема рабства в античном мире в последние годы все чаще привлекает внимание исследователей. Обстоятельный обзор литературы по этой проблеме дан в монографии Я. А. Ленцмана — первом исследовании по истории рабства в античном мире в серии, выпускаемой Институтом истории АН СССР.¹ Этот обзор содержит развернутый очерк борьбы взглядов на древнегреческое рабство в новой и новейшей литературе. Автору удалось показать эволюцию воззрений буржуазных ученых в этом вопросе. Он справедливо отмечает, что для современного периода буржуазной историографии характерен отказ от господствовавшей прежде тенденции к умалению роли античного рабства. В настоящее время, подчеркивает Я. А. Ленцман, разногласия марксистских и буржуазных ученых, «не теряя своей остроты, все более перемещаются в плоскость оценки степени распространения рабства, характера и роли противоречий между рабами и рабовладельцами, значения классовой борьбы и аналогичных вопросов» (стр. 92).

В историографическом обзоре Я. А. Ленцман значительное внимание уделил работам английского ученого М. И. Финли (стр. 81—85). Взгляды Финли справедливо оцениваются как наиболее близкие к воззрениям советских историков. Финли возражает против недооценки античного рабства, полемизируя с Вестерманном, взгляды которого во многом определяли точку зрения западных исследователей по этому вопросу.² Финли также настаивает на необходимости конкретного и всестороннего изучения отдельных групп зависимого населения в Греции. Однако сам Финли

¹ Я. А. Ленцман. Рабство в микенской и гомеровской Греции (ч. I, «Древнегреческое рабство в новой и новейшей литературе»). М., 1963, стр. 11—92. Как указано в предисловии редколлегии (стр. 6), этот историографический очерк должен служить как бы общим введением не только к данной книге, но и к другим исследованиям, посвященным рабству в доклассической и классической Элладае.

² О работах Вестерманна по античному рабству см.: Я. А. Ленцман. Рабство в микенской и гомеровской Греции, стр. 38 и сл.

устанавливает такое множество категорий и групп зависимого населения, что при этом бесконечном дроблении по существу исчезают четкие различия между двумя основными классами рабовладельческого общества.³ Это дробление делает вполне допустимым и вывод Вестерманна о том, что между свободными и рабами в древней Греции не существовало сколько-нибудь значительной грани.⁴ Нам представляется поэтому необходимым вновь вернуться к этому вопросу и, в частности, ясно представить себе, насколько широко практиковалось порабощение свободных эллинов. Немаловажно в этой связи ознакомиться с тем, как сами греки относились к порабощению своих соотечественников. При этом сразу же возникает вопрос — когда же собственно возникло у греков чувство национальной общности?

Проявление панэллинских представлений можно наблюдать уже в VIII в. до н. э., в тот период, когда колонизация открыла доступ в греческие города иноплеменным рабам. В VIII в. до н. э. был прекращен допуск негреков на общегреческие празднества. Тогда же возникают общие названия — «эллины» и «варвары».⁵

Сознание национального единства, особенно обострилось под влиянием опасности, во время нашествия персов на греческую землю. Победа над персами и вместе с тем появление на греческих рынках огромного числа рабов варварского происхождения⁶ привели к тому, что с конца V в. до н. э. широкое распространение Получает не только резкое противопоставление эллинов варварам, но и презрительное отношение к варварам как к прирожденным рабам.⁷

Во времена Гомера «варварами» называли людей, говорящих на чужом, непонятном языке. К концу V в. до н. э. слово «вар-

³ M. I. Finley. The servile statuses of ancient Greece. *Revue internationale des droits de l'Antiquité*, VII, 1960, стр. 178—179, 186—187. Ср.: Я. А. Ленцман. Рабство в микенской и гомеровской Греции, стр. 85.

⁴ W. L. Westermann. The slave systems of greek and roman antiquity. Philadelphia, 1955, стр. 5—6.

⁵ Шлайфер, работа которого специально посвящена исследованию греческих теорий рабства, отмечает, что эти теории могут быть поняты в свете двух противоположных факторов. Один из них — падение панэллинского национализма, второй — усиление презрительного отношения к тем видам труда, которые выполнялись рабами и считались недостойными свободного человека (см.: R. Schlaifer. Greek theories of slavery from Homer to Aristotle. *Harvard Studies in Classical Philology*, 47, 1936, стр. 165 и сл.). Статья Шлайфера вошла также в сборник «Slavery in classical antiquity. Views and controversies*». (Ed. by M. I. Finley). Cambridge, 1960, стр. 93—133.

⁶ См. об этом подробнее в главе III, стр. 60 и сл.

⁷ Грекам, оценившим преимущества демократического строя над монархией во время греко-персидских войн, варвары, подчинявшиеся монархическому строю, представлялись «рабами одного человека». Впервые это утверждение встречается у Эсхила (Aesch. Pers., 241—242). Подробнее об этом см.: H. Diller. Hellenen—Barbaren—Antithese. Grecs et barbares. Six exposés et discussions. *Entretiens sur l'antiquité classique*, t. VIII, Vandoevre—Genève, 1961, стр. 50 и сл.

вар» приобретает уже пренебрежительный оттенок. Прилагательное βαρβαρος (так же как и глагол βαρβαρίζω) нередко употребляется в значении «невежественный», «скотский».⁸ Отличие между «варварами» и «греками» усматривали теперь не только в том, что варвары говорили на непонятном языке. Их изображали существами иной, низшей сравнительно с эллинами природы, незнаемыми с законом и справедливостью, неспособными к умственному труду.⁹

Интенсивное развитие рабовладения, существование двух резко противостоящих друг другу классов требовали теоретического обоснования, и потому разделение общества на рабов и рабовладельцев было признано неизбежным и естественным на том основании, что самой природой одни созданы для того, чтобы управлять и мыслить, а другие — подчиняться и исполнять грубую физическую работу.¹⁰ Варварам, согласно этим взглядам, отводилась участь рабов, тем более что именно они и составляли преобладающее большинство невольников в греческих городах.

Естественным продолжением подобных воззрений должна была явиться мысль о том, что рабская участь невозможна для эллинов, предназначенных самой природой не для подчинения, а для господства,¹¹ а следовательно, порабощение эллинов эллинами недопустимо. Эта точка зрения вполне четко и определенно выражена Платоном¹² в его сочинении «Государство».

⁸ См.: Liddel-Scott., s. v. Ср.: С. Я. Лурье. Геродот. М.—Л. 1947, стр. 47 и сл.

⁹ Эти предрассудки в отношении варваров разделялись, однако, далеко не всеми. Сочувственное отношение к варварам может быть отмечено в трагедиях Еврипида. Правда, С. Я. Лурье (там же) указывает на неустойчивость взглядов Еврипида, поскольку он то защищает варваров, то поносит их и издевается над ними. С. Я. Лурье объясняет эту непоследовательность тем, что действующие лица, выступающие в защиту варваров, выражают взгляды не самого Еврипида, а его современников и противников. Категорически отрицали всякие различия между эллинами и варварами софисты. См.: Z. Petre. Les sophistes et la question de l'esclavage. *Acta antiqua Philippopolitana. Studia historica et philologica*. Serdica (София), 1963, стр. 77—78.

¹⁰ Сформулировать теорию «естественного» рабства (natural slavery) к концу V в. до н. э. (см.: R. Schlaifer. Greek theories..., стр. 189). К числу сторонников этой теории Шлайфер относит Платона и Аристотеля.

¹¹ Шлайфер отмечает, что представление о недопустимости порабощения эллинов никак не было связано с теориями, объявлявшими несправедливым самый институт рабства. Протесты против использования эллинов в качестве рабов Шлайфер с полным основанием считает продуктом теории «естественного» рабства (см.: R. Schlaifer. Greek theories..., стр. 188).

¹² Взгляды Платона на рабство, отразившиеся в его законах о рабах будущего государства, весьма обстоятельно изложены Морроу (см.: G. Morrow. Plato's law of slavery in its relation to Greek law. *Illinois studies in language and literature*, 1939, v. XXV, N3). В своей работе (стр. 36 и сл.) Морроу рассматривает также и отношение Платона к порабощению греков греками.

В книге V «Государства» (Resp. V, 468—469), где речь идет о сословии воинов в идеальном государстве, о нормах их поведения на войне, Сократ и его собеседники рассматривают также вопросы об отношении к пленным.

Вначале проблема поставлена в самой общей форме. Допущения, которая ли врагов, рабов, эллинов можно считать полезными в государстве». 17
Оказывается, что поработать врагов, захваченных в плен живыми, вполне справедливо. Однако далее мы узнаем, что это правило ни в коей мере не распространяется на эллинов. Эллины не должны поработать эллинские города и тем самым ослаблять друг друга. Им не следует забывать об угрозе варварского порабощения. Сократ у Платона, обращаясь к собеседнику, спрашивает: «Следовательно, владеть эллинами-рабами не следует и то же самое нужно советовать всем эллинам?». Собеседник охотно соглашается: «Конечно, несомненно». И добавляет от себя, что в этом случае эллины бы чаще нападали на варваров и держивались от борьбы друг с другом.

Теперь остается устранить противоречие с общим положением о врагах, взятых живыми в плен. Ими, как было уже сказано, можно распоряжаться каждому по собственному усмотрению. Оказывается, что врагами, по мнению Сократа, следует считать только варваров. Вражда с ними — это война. Раздоры же эллинов — это раздоры друзей. «Эллада в этом случае больна и находится в состоянии возмущения, самую же вражду следует называть междоусобицей».¹³

В «Законах», написанных значительно позже «Государства», Платон опять возвращается к интересующему нас вопросу. В книге VI (777с) Платон рассматривает средства, с помощью которых можно удержать рабов в повиновении, и, в частности, рекомендует: «чтобы рабы легче подчинялись, они не должны быть соотечественниками, а, напротив, по возможности, как можно более разниться по языку». Морроу вполне правильно отмечает, что все эти рабы, отличающиеся друг от друга по языку, конечно, варвары.¹⁵ Это правильное соображение следовало бы подкрепить имеющейся в нашем распоряжении аргументацией. В тексте рабы-соотечественники названы οἱ πατρίωται. Так обычно греки именovali варваров, имеющих общее отечество. Эл-

¹³ Plato Resp. V, 470c. "Ελληνας μὲν ἀρα βαρβάρους καὶ βαρβάρους "Ελλησι πολεμεῖν μάχόμενος τε φήσομεν καὶ πολεμίους φύσει εἶναι, ὑαὶ πόλεμον τὴν ἑορᾶν ταύτην χλητέον "Ελληνας δὲ "Ελλησιν, οἷαν τι τοιοῦτον δρώσιν, φύσει μὲν φίλους εἶναι, νοεῖν δ' ἐν τῷ τοιούτῳ τὴν Ελλάδα καὶ στασιάζειν, καὶ στάσιν τὴν τοιαύτην ἐχθρὰν χλητέον. (Ср.: Plato Leg. I, 629cd; ср. также: Isocrat. XII, 158 ¹⁴ сл.).

¹⁵ μῆτε πατρίωτας ἀλλήλων εἶναι τοὺς μέλλοντας ῥίον δουλεύσειν ἀσυμφώνους τε. (Ср.: Aristot. Polit. VII, 1330a, 25—27).

¹⁶ G. Morrow. Plato's law. . ., стр. 36.

лины, жители одного полиса, назывались οἱ πολῖται.¹⁶ В словаре Гезихия (Hesych., s. v.) мы находим следующее объяснение слова πατρίωτης παρὰ Ἀθηναίους; ὁ βάρβαρος καὶ οὐ πολίτης. Таким образом, у Платона речь идет несомненно о варварах, и, следовательно, в «Законах» мы находим подтверждение той точки зрения «Государ-

Можно считать, что диалоги Платона отражают реальное положение в современной ему Греции. Во время непрерывных войн, которые вели между собой греческие города в IV в. до н. э., военное порабощение было серьезной угрозой личной свободе греков. Взаимная вражда и взаимное порабощение греков ослабляли эллинскую землю и вполне естественно, что Платона это тревожило.

Предоставляя слово своему учителю — Сократу, Платон напоминает грекам об угрозе порабощения со стороны варваров. Греки, говорит Сократ у Платона, должны считать своими врагами варваров. Им следует отказаться от владения рабами-греками.

Нет оснований предполагать, что Платон искажил в данном случае взгляды Сократа и приписал ему собственные воззрения. Вероятно, еще задолго до появления «Государства» Сократ проповедовал отказ от владения рабами-греками. Эта проповедь была в той или иной мере воспринята всеми учениками этого философа. Какое-то отражение она нашла и в «Воспоминаниях» Ксенофонта о Сократе.

В книге II (II, 2, 1—2) Ксенофонт приводит беседы Сократа о благодарности к родителям. Выясняется, что неблагодарные (αχάριστοι) принадлежат к числу несправедливых (ἀδικοί). Однако и неблагодарность, и несправедливость — понятия относительные. Сократ задает собеседнику вопрос: «Не считается ли, что неблагодарность — несправедлива в отношении друзей и справедлива в отношении врагов, подобно тому как обращать в рабство несправедливо друзей, а врагов — справедливо?».

Вестерманн полагает, что в число врагов, которых справедливо обращать в рабство, Ксенофонт включает не только варваров, но

¹⁶ См.: Liddell-Scott., s. v. πατρίωτης. Эти сведения приводит А. Н. Егуннов в примечаниях к переводу «Законов» Платона. См.: Полное собрание творений Платона под ред. С. А. Жебелева и др. Academia, Пгр., 1923, т. XIII, стр. 219, прим. 129.

¹⁷ По мнению Шлайфера, Платон не был последователен в своем отношении к варварам (см.: R. Schlaifer. Greek theories..., стр. 170). Шлайфер ссылается на сочинение Платона «Политик» (Politicus, 262d-c—263d), где сказано, что неправильно делить человеческий род на эллинов и варваров. Следует отметить, однако, что в «Политике» речь идет совсем не о нравственной стороне дела. Предметом исследования в данном случае служат понятия «рода» и «вида». Название «варвары», отмечают собеседники Сократа, объединяет бесчисленные, несмешанные, разноязычные народы. Но, продолжают они развивать свою мысль, единство названия не означает еще единства рода и потому неверно противопоставлять варваров эллинам. Иначе журавли, например, могли бы делить весь мир на журавлей и нежуравлей.

и греков: именно так обстояло дело на практике в греческой жизни, и Ксенофонт считает это вполне естественным. У Ксенофонта, по мнению Вестерманна, мы не находим того активного отрицания порабощения греков, о котором заявляет Платон словами Сократа. Однако такая позиция Ксенофонта никак не согласуется с тем, что нам известно по другим его сочинениям. Сам Вестерманн именно у Ксенофонта находит примеры того, что порабощение эллинами эллинов, взятых в плен на войне, встречало в ряде случаев неодобрение.¹⁸ Гуманное отношение к военнопленным-грекам часто используется Ксенофонтом как веский аргумент для доказательства благородной позиции тех исторических лиц, деятельность которых он стремится изобразить в возможно более привлекательном

Можно ли согласиться с Вестерманном, что, говоря о врагах, которых справедливо порабощать, Ксенофонт имеет в виду не только варваров, но и греков? Не следует забывать, что в «Воспоминаниях» Ксенофонта слова о справедливости порабощения врагов произносит не кто иной, как Сократ. Автор «Меморабилий», правда, очень недолго пользовался уроками знаменитого философа. «Воспоминания» интересны главным образом для характеристики бытовой обстановки и личности самого Сократа. Сочинение это написано много лет спустя после смерти учителя, и Ксенофонт, по существу, излагает в нем лишь чисто внешнюю сторону философии Сократа. И все же «в желании автора верно изобразить личность своего учителя и воспроизвести его воззрения можно не сомневаться».²⁰ Как мы помним, Сократ и у Платона также говорит о том, что взятыми в плен врагами можно пользоваться по своему усмотрению (Plato Resp. V, 470c). Однако тут же следует разъяснение, что враги (οἱ πολέμιοι), которых можно обращать в рабство (ἀνδραποδίζειν), это варвары в отличие от друзей (τοὺς φίλους) — греков.

Думается, что Ксенофонт, приводя рассуждения Сократа по вопросу о нравственности: порабощать (ἀνδραποδίζειν) врагов (τοὺς πολέμιοις) — справедливо, а друзей — несправедливо, пользуется той же сократовской терминологией, которая расшифрована у Платона. Тогда враги — это варвары, а друзья — греки. Первых обращать в рабство справедливо, а последних — нет. Так, очевидно, можно устранить и непоследовательность Ксенофонта и противоречие во взглядах Платона и Ксенофонта, которое усматривает Вестерманн.

В самих «Меморабиях» также в книге II (II, 7, 6) мы находим косвенное подтверждение той точки зрения, что для Ксено-

¹⁸ W. L. Westermann. The slave systems. . . , стр. 26.

¹⁹ См. подробнее в главе III, стр. 81—82.

²⁰ См.: В. Бузескул. Введение в историю Греции. Харьков, 1903, стр. 133.

фонта рабы — это только варвары. В данном случае приведены воспоминания о том, как Сократ советовал обремененному нахлынувшими во время войны родственниками Аристарху обратиться к такому источнику доходов, как ремесленная мастерская. Аристарх возражает: владельцы мастерских, говорит он, имеют в своем распоряжении купленных βαρβάρους ἀνθρώπους, а у него — Аристарха — свободные и к тому же родственники. Нет сомнений, что для Ксенофонта рабы — это прежде всего βαρβαροὶ ἄνθρωποι (ср.: Isocrat. IV, 181).

В IV веке до н. э., когда греческие полисы переживали жесточайший социально-экономический кризис, многие искали способы лечения болезни, симптомами которой были резкое расслоение граждан, концентрация собственности на одном полюсе и рост нищеты на другом, усиление классовой борьбы. Большую популярность приобретает в этот период план покорения Азии.

Ксенофонт был одним из наиболее горячих сторонников объединения Греции под сильной властью для завоевания персидского царства.²¹ Участник и руководитель похода «десяти тысяч», он писал о том, что покорить персидского царя легко, так как «персидский народ ...это толпа рабов» (Hell. VI, 1, 12; ср. III, 4, 19). «Анабазис» Ксенофонта буквально пронизан этой мыслью. Наглядно демонстрируя слабость персидской державы, «Анабазис» несомненно способствовал упрочению панэллинской программы, получившей окончательное завершение в речах Исократ.²² Для Исократ единственной средством избавления Эллады от всех бедствий представлялось порабощение Персии в результате объединенного похода всех греков.²³

Такая позиция исключала терпимое отношение к порабощению греков самими греками. Идеологическая подготовка общеэллинского похода на восток, требование объединения эллинов должны были особенно остро поставить перед греческими писателями и философами вопрос об отказе от взаимных распрей и о недопустимости

²¹ С. Я. Лурье отмечает, что эта идея зародилась в умах греков в конце V в. до н. э. Он ссылается при этом на отрывок из «Лисистраты» Аристофана (1133—1134), где еще в 411 г. до н. э. было сказано:

«... Общий враг
У всех вас есть заклятый — перс, и все же вы
Ведете войско на свои же города
И, греков убивая, губите нас всех».

(См.: Ксенофонт. Греческая история. Перевод, вступительная статья и комментарий С. Лурье. Л., 1935, стр. 324).

²² См. у Исократ (V, 90 и сл.), где говорится о том, что поход «десяти тысяч» показал, как легко греки могут победить персов.

²³ Программа Исократ наиболее четко изложена им в речи, обращенной к Филиппу (V, 120—123). См.: Е. А. Миллиор. Исократ и второй афинский морской союз. Уч. зап. ЛГУ, СИН, вып. 4, Л., 1939, стр. 95 и сл.

порабощения эллинов эллинами, поскольку это ослабляло Элладу и отдаляло поход на варваров.²⁴

В IV в. до н. э. идея общегреческого похода на Восток, что называется, носилась в воздухе.²⁵ Не осталась она вне поля зрения крупнейшего греческого философа — Аристотеля. Взгляды Аристотеля — сторонника объединения греков под предводительством македонского царя — с исчерпывающей полнотой и убедительностью рассмотрены А. И. Доватуром в его недавно опубликованной работе «Политика и политики Аристотеля».²⁶ Аристотель, так же как и Платон, мечтал о господстве эллинского мира над «варварским», которое, по его представлениям, мог осуществить союз греческих государств под эгидой Македонии.²⁷ Однако, в отличие от Платона, Аристотель нигде не ставит непереносимым условием такого объединения отказ от владения рабами-греками. А. И. Доватур отмечает, что в разделе о рабстве дало себя знать стремление Аристотеля принять и узаконить действительность такой, как она есть.²⁸ Можно ли, однако, считать, что Аристотеля вообще не интересует порабощение эллинов и что в его трудах нигде не высказано отрицательного к нему отношения?²⁹ И, наконец, чем вызвана эта уклончивость в таком важнейшем для всех греков вопросе?

Поход в Азию для вывода на Восток огромного числа безработных и неимущих граждан греческих городов, а также для захвата новых рабов представлялся крайне необходимым всем зажиточным людям в Греции (см., например: Isocrat. XII, 14). Аристотель теоретически обосновал правомерность такого похода, изложил свои взгляды на природу рабства (Polit. I, 1253b—1255b). Он выступил в защиту рабовладения, объявив его необходимым и естественным.

Без рабов можно было бы обойтись лишь в том случае, если бы существовали инструменты, сами исполняющие свою работу. Раб-

²⁴ См.: O. Reverdin. Crise spirituelle et evasion. Grecs et barbares, стр. 104.

²⁵ Гомм безусловно прав, отмечая существенные отличия панэллинизма четвертого и предшествующего веков (A. W. Gomme. More essays in greek history and literature. Oxford, 1962, стр. 19). Однако трудно согласиться с его мнением о том, что панэллинизм IV в. до н. э. был скорее всего панэллинизмом одного Исократова и что взгляды Исократова не были характерны для его времени. Исократ, может быть, несколько опережал события, но вместе с тем он, как нам представляется, был выразителем идей, которые постепенно приобретали все большую популярность и были распространены достаточно широко.

²⁶ А. И. Доватур. Политика и политики Аристотеля. М.—Л., 1965, отд. 1, главы 2—3.

²⁷ Там же, стр. 94.

²⁸ Там же, стр. 24.

²⁹ Об отсутствии у Аристотеля вывода о недопустимости порабощения эллинов эллинами см.: С. Ф. Кечекьян. Учение Аристотеля о государстве и праве. М.—Л., 1947, стр. 77.

ство, по Аристотелю, существует, так же как и семья, в силу требований самой природы. Подобно тому как мужчина и женщина объединяются для продолжения рода, раб и господин соединены в целях взаимного сохранения. Раб — это существо, способное лишь выполнять полученные приказания. Поэтому для раба естественно подчиняться тому, кто по своим природным данным предназначен властвовать. Таким образом, объединение полезно и рабу, и господину. Аристотель вполне определенно указывает, кто, по его мнению, предназначен самой природой к участи рабов. Это негреческие народы — «варвары». У них полностью отсутствуют качества, дающие возможность властвовать (*το φύσει αρχον ουκ εχουσι*). Цитируя стих Еврипида, в котором сказано, что эллинам подобает властвовать над варварами, Аристотель выражает полное согласие с таким заключением, поскольку для самого Аристотеля оно кажется естественным: варвар и раб — это одно и то же по своим природным свойствам (I, 1252b, 7—9).³⁰ Разбирая детально отношения господства и подчинения, Аристотель приводит еще ряд аргументов в пользу существования «рабства по природе», касающихся физической организации рабов и свободных (I, 1254b, 27—31). Подводя итог своим рассуждениям о природе рабства, он пишет (I, 1255a, 1—3): «Ясно, однако, что одни люди по своей природе свободны, другие — рабы, и этим последним быть рабами и полезно и справедливо».³¹

Итак, в «Политике» Аристотеля мы находим очень четкую схему, согласно которой варвары должны занимать подчиненное

30 διό φασιαι αι ποιηται „βαρβαρων δ' "Ελληνας τρχιν ειχος", ως ταυτό φύσει βαρβαρον χαί δοϋλον ον. Такую же оценку эллинов и варваров мы встречаем и в других главах «Политики». При этом следует отметить, что варварский мир не был для Аристотеля единым. Азиатских варваров он считал более приспособленными к рабскому состоянию, чем варваров, живущих в Европе (там же, III, 1285a, 20—22). Причину такого различия между варварами Аристотель усматривает в природных условиях. Варвары, живущие в странах с холодным климатом на севере Европы, мужественны, но лишены интеллекта. Поэтому они дольше сохраняют свободу, но неспособны к государственной жизни и не могут управлять своими соседями. Варвары, населяющие Азию, интеллектуальны и обладают художественным вкусом, однако они малодушны и потому находятся в подчиненном и рабском состоянии. Эллинская народность живет как раз посередине относительно варваров севера Европы и варваров Азии и потому обладает природными свойствами тех и других. Эллыны мужественны и интеллектуальны. Поэтому они сохраняют свободу, лучшее политическое устройство и смогут управлять всеми, если будут объединены единым государственным строем (см.: VII, 1327b, 23—33; ср.: Isocrat. XV, 293—294). Происхождение теории Аристотеля о влиянии климата на физическую и духовную организацию человека рассматривает Вестерманн (см.: W.L. Westermann. The slave systems. . . , стр. 26).

31 Втексте οι μεν . . . οι δε (букв. — некоторые свободны, некоторые — рабы). Следовательно, обязательное деление на рабов и свободных от природы Аристотель устанавливает не для всего человеческого общества а лишь для какой-то части. См.: W. L. Newman. The Politics of Aristotle, II. Oxford, 1887, стр. 149—150.

рабское положение.³² Эта схема полностью соответствует политическим симпатиям Аристотеля — сторонника греко-македонской экспансии на Восток. Однако, высказав свои взгляды вполне точно и определенно, Аристотель сразу же делает весьма многозначительную оговорку. «Нетрудно увидеть, — читаем мы (I, 1255a, 3—4), — что в некотором отношении (τρόπον τινά) правы и те, кто утверждает противное (οἱ τάναντία φάσποντες)».

Далее следует отрывок (I, 1255a, 4—6, 6), при беглом ознакомлении с которым может показаться, что Аристотель вступает в явное противоречие с собственными утверждениями. Именно поэтому толкование отрывка вызвало значительные разногласия у исследователей «Политики».³³ Некоторые из них вообще склонны объяснять все противоречия в тексте Аристотеля путаницей в рассуждениях философа.³⁴ Нам представляется, однако, что путь к объяснению этих кажущихся противоречий должен быть иным.

Аристотель не был только кабинетным ученым. Он пристально следил за современной ему жизнью греческих городов. Чаще всего непоследовательность Аристотеля объясняется тем, что его теория приходила в явное противоречие с фактами реальной действительности. Поэтому задача исследователя состоит в том, чтобы в каждом отдельном случае вскрыть подтекст и выяснить, что именно заставило Аристотеля внести те или иные исправления в свою теорию. В данном случае также необходимо выяснить, что вызвало уступку Аристотеля его противникам. Для этого прежде всего следует определить, в каком именно отношении (τρόπον τινά), по мнению Аристотеля, правы утверждающие противное, т. е. те, кто отрицает «рабство по природе» и считает, что на свободных и рабов людей разделяет только закон. У Аристотеля (I, 1255a, 4—7) мы находим следующее разъяснение: «Дело в том, что понятия рабство и раб употребляются в двойном смысле».³⁵ Ведь,

³² Во времена Аристотеля такой взгляд на варваров не был, однако, общепринятым, так как существовало мнение о том, что нет никаких оснований считать варваров чем-либо отличающимися от эллинов. См.: R. Schlaifer. Greek theories..., стр. 169. Ср.: H. C. Baldry. The idea of the unity of mankind. Grecs et barbares, стр. 171 и сл.

³³ См., например: W. L. Newman. The Politics of Aristotle, II, стр. 149—160; R. Schlaifer. Greek Theories..., стр. 203—204; А. К. Бергер. Проблема рабства в социально-политической системе Аристотеля. ВДИ, 1961, № 3, стр. 26—27.

Таким путем следует при толковании интересующего нас отрывка Шлайфер (см.: R. Schlaifer. Greek theories..., стр. 203—204). Шлайфер вообще усматривает в трактовке вопросов рабства у Аристотеля «безнадежную путаницу». Эту особенность работы Шлайфера отмечает А. К. Бергер (Проблема рабства..., стр. 22).

³⁵ διχῶς γὰρ λέγεται το δουλεύειν καὶ ὁ δοῦλος. По мнению А. К. Бергера (Проблема рабства..., стр. 26), эти слова Аристотеля передают точку зрения противников. А. К. Бергер пишет: «Раб и рабство трактуется ими

помимо раба и рабства по природе, бывает раб и рабство по закону; закон же является своего рода соглашением, в силу которого, как говорят, захваченное во время войны становится собственностью захвативших». По закону войны во времена Аристотеля в рабство обращали не только тех, для кого рабская участь была, с его точки зрения, и полезна и справедлива. В рабство продавали не только варваров, но и греков. Если же варвары, по мнению Аристотеля, были предназначены к рабской участи, то эллинов он, естественно, не мог считать прирожденными рабами. Аристотель был вынужден признать, что его противники кое в чем правы, поскольку наряду с рабами-варварами существовали рабы-греки — рабы по закону войны.

Несомненно, наличие рабов-греков делало теорию, проповедуемую Аристотелем, уязвимой, и умолчать о них он не мог. Как бы отвечая на возражения своих противников, он соглашается считать их кое в чем правыми с тем, чтобы отстоять свой основной тезис: некоторые люди по природе своей рабы и быть рабами им полезно и справедливо.

Обратимся опять к интересующему нас отрывку. Признав, что наряду с рабами, созданными самой природой, существуют рабы по закону войны, Аристотель переходит к рассмотрению этого закона. Он сообщает, что право, справедливость войны (τὸ δίκαιον) подвергается нападкам многих законовладельцев (πολλοὶ τῶν ἐν τοῖς νόμοις).³⁶

Однако единого мнения по этому поводу не существует. Одни, говорит Аристотель, считают так, другие — иначе. При этом и

(т. е. представителями противоположной точки зрения, — И. Ш.) двояким способом». Однако безличное λέγεται не позволяет считать, что двойной смысл в понятиях «раб» и «рабство» усматривают только οἱ τάναντία φάσποντες. В этом случае было бы употреблено λέγουσι. Здесь и далее устанавливается скорее бесспорный факт, в силу которого Аристотель вынужден признать некоторую правоту своих противников. С таким пониманием отрывка вполне согласуется перевод С. А. Жебелева. — См.: Политика Аристотеля. Перевод С. А. Жебелева. СПб., 1911, стр. 14.

³⁰ Вряд ли можно согласиться с А. К. Бергером (Проблема рабства..., стр. 26), по мнению которого слова «многие из людей, занимающихся законами», обозначают всех вообще противников рабства, для которых рабство было насилием, нарушающим естественное равенство людей. При таком толковании текста остается неясным, в чем же Аристотель считает возможным согласиться со своими противниками. На наш взгляд, скорее можно принять точку зрения Ньюмена (W. L. Newman. The Politics of Aristotle, II, стр. 149—152), мнение которого Бергер отвергает. Речь идет не о тех, кто полностью отрицает рабство, но лишь о противниках порабощения силой человека, достойного быть свободным. Однако Ньюмен решает этот вопрос в самой общей форме. С точки зрения Ньюмена, раб по закону — это любой свободный человек, насильно обращенный в рабство. Противником порабощения варваров военной силой Аристотель не был. Он считал, что обращать в рабство тех, кто предназначен к рабской участи, естественно и справедливо. (Ср.: Polit. I, 1256b, 23—26). Рабы по закону, которых несправедливо обращать в рабство, — это прежде всего греки.

с той и с другой стороны в споре принимают участие и мудрые люди (Polit. I, 1255a, 11—12).³⁷

Мы вправе предположить, что по вопросу о праве войны и праве сильного шла, вероятно, острая полемика. Какую же позицию занимал в таком существенном для его времени вопросе сам Аристотель? По его мнению, причиной существующих разногласий служит представление о том, что даже добродетель (αρετή) может прибегать к насилию, а насилию до известной степени присущ элемент добродетели. Спор, по мнению Аристотеля, идет, следовательно, о том, можно ли считать, что насилие основывается на праве, на справедливости. При этом для одних право — это благоволение к людям (εὐνοία), для других — сила сама по себе — право. Главный вопрос — «должно или не должно более совершенное, по своей добродетели, начало властвовать и повелевать», остается, таким образом, открытым.³⁸

Итак, Аристотель рассматривает вопрос о рабстве «по праву войны» в связи с актуальным вопросом о праве сильного. Как мы видим, он по существу уклоняется от категорического суждения о том, можно ли считать, что насилие основано на праве. Вместе с тем в соответствии со своими политическими симпатиями Аристотель утверждает, что сила не лишена добродетели. Мы вправе предположить, что Аристотель склонен был признавать право за той силой, которую он считал наделенной добродетелью и направленной ко благу людей.³⁹

Эта неопределенность в вопросе о праве сильного сменяется гораздо большей ясностью, как только Аристотель возвращается к рассмотрению рабства по закону войны.

«В общем,— пишет он, — совершенно противоречат себе те, кто, опираясь, как они думают, на своего рода правовой принцип (ведь всякий закон в основе своей предполагает своего рода право), полагает, что обращение в рабство во время войны основано на праве — справедливости».⁴⁰ Далее следуют возражения по

³⁷ χαί τοις μέν οὕτως δοχεῖ τοις δ' ἐχέινως, χαί των σοφόν. Genetivus — χών σοφόν указывает на то, что Аристотель считает мудрыми людьми далеко не всех участников спора.

³⁸ Polit. I, 1255a, 15—21. Шлайфер (R. Schlaifer. Greek theories стр. 203—204) делает попытку восстановить на основании этого отрывка те различные теории, с которыми полемизирует Аристотель. Однако, как уже было сказано, Шлайфер склонен преувеличивать путаницу во взглядах самого Аристотеля и даже без достаточных оснований обвиняет философа в передержках.

³⁹ Аристотель считает, например, что развитие военного дела и приобретение господства над соседями вполне оправдано в том случае, когда завоевание имеет своей целью благо — пользу покоренных (см.: Polit. VII, 1333b, 38—1334a, 2).

⁴⁰ Сторонники справедливости военного порабощения названы Аристотелем τινες. Тем самым он как бы выделяет их из общего числа тех, для кого свободных и рабов разделяет закон. К тому же τινες, у Аристотеля чаще всего те его противники, взгляды которых для него совершенно неприемлемы. Ср.,

существо. «В самом деле, самый принцип войн можно считать противным идее права, и никоим образом нельзя было бы утверждать, что человек, недостойный быть рабом (τὸν ἀνάξιον δουλεύειν) все-таки должен стать таковым»⁴ (перевод С. А. Жебелева). В противном случае рабами могут стать люди благороднейшего происхождения, если они, случайно попав в плен, будут проданы в рабство (I, 1255a, 21—28).

То же отношение Аристотеля к войне высказано им и в книге VII (1333b, 38—1334a, 2), где речь идет о развитии военного дела в идеальном государстве. Аристотель специально оговаривает, что о военном обучении граждан следует заботиться не ради того, чтобы вести войну для порабощения тех, кто не заслуживает рабской участи.⁴²

Говоря о тех, кого несправедливо обращать в рабство, Аристотель опять имеет в виду прежде всего греков. Именно греки являются ἀνάξιοι δουλεύειν — незаслуживающими рабской участи».

Греки составляли несомненно большую часть тех «благородных», в отношении которых закон войны противоречит идее права.

Сторонников справедливости военного порабощения Аристотель упрекает в непоследовательности. Считая рабство по закону войны вполне правомерным, они вместе с тем настаивают на том, чтобы не эллинов, а одних только варваров называть рабами. Такая непоследовательность, по мнению Аристотеля, сводит на нет все возражения этой группы противников теории «естественного, природного» рабства. В самом деле, если считать, что эллинов нельзя, а варваров можно называть рабами, то в этом случае, указывает Аристотель, вопрос сводится лишь к признанию «рабства по природе». Тогда необходимо согласиться с тем, что одни люди — повсюду рабы, а другие — нигде не могут быть рабами (I, 1255a, 28—32).

С благородством происхождения дело обстоит точно так же, как и со свободой. Себя представители указанного направления считают благородными не только на родине, но и повсюду, а варваров только у них дома на том основании, что одни люди благородны и свободны ἀπλως (абсолютно), другие — οὐχ ἀπλως (I, 1255a, 32—36).⁴³

например: Polit. I, 1255b, 16—18; ср. также: Metereologica, I, 341b, 6 и сл. См. об этом: А. И. Доватур. Политика и политики Аристотеля, стр. 224.

⁴¹ τὴν τε γὰρ ἀρχὴν ἐνδέχεται μὴ διχαίαν εἶναι των πολέμων, χαί τον ἀνάξιον δουλεύειν οὐδαμῶς ἀν φαίη τις δούλον εἶναι κτλ (см.: С. А. Жебелев. Политика Аристотеля, стр. 16).

⁴² τὴν τε των πολεμικῶν ἀσκησιν οὐ τούτου χάριν δεῖ μελεταίν, ἵνα καταδουλώσωνται τοὺς ἀνάξιους, несомненно, δουλεύειν. (Ср.: I, 1255a, 25 — τὸν ἀνάξιον δουλεύειν), тем более что далее следует рекомендация τὸ δεσπόζειν των ἀξίων δουλεύειν.

⁴³ τὸν αὐτὴν δὲ τρόπον χαί περὶ εὐγενείας αὐτοὺς μέν γάρ οὐ μόνον παρ' αὐτοῖς εὐγενεῖς ἀλλὰ πανταχοῦ νομίζουσιν, τοὺς δὲ βαρβάρους οἴχοι μόνον, ὥς δν τι τὸ μέν

Но это справедливое, с точки зрения Аристотеля, суждение о благородстве происхождения лишь подтверждает правоту сторонников рабства «по природе». Ведь свободного от раба и благородного от неблагородного можно отличить лишь по присущим им свойствам добродетели и порочности (ἀρετῇ καὶ κακία).⁴⁴ Следовательно, критерием во всех случаях служат свойства, дарованные от природы. Так, уличая своих противников в непоследовательности, Аристотель отстаивает правоту теории «природного, естественного» рабства.

Вместе с тем он отмечает, что было бы неверным закреплять природные свойства за той или иной группой людей абсолютно, без оговорок. Предполагается, пишет Аристотель, что «от хороших людей может произойти только хорошее потомство. Природа часто стремится к этому, однако не может этого достигнуть» (I, 1255b, 1—4). Говоря о хороших людях, от которых рождается недостойное потомство, Аристотель, конечно, имеет в виду потомков свободных людей, недостойных, с его точки зрения, своей свободы (например, ремесленников — см.: I, 1260a, 36 и сл.; ср. III, 1277b, 33 и сл.).

Полемику Аристотеля с противниками «природного» рабства завершает заключение, смысл которого, как кажется, можно передать следующим образом: для некоторых людей разделение на рабов и свободных естественно; однако колебания во взглядах на природу рабства имеют некоторое основание. Не все порабощенные являются рабами от природы и не все свободные достойны свободы по своим природным качествам (I, 1255b, 4—6).⁴⁵

По существу это то же определение, с которым мы сталкивались выше (I, 1255a, 1—2). В него лишь внесены те поправки, которые Аристотель был вынужден сделать, признав некоторую правоту своих противников. Рабы «по закону войны» существуют и многих из них нельзя считать «природными» рабами. Вместе с тем

απλῶς ευγενές καὶ ἐλεύθερον το δ'οὐχ απλῶς χτλ. Можно думать, что ὡς ὅν τι χτλ в данном случае служит у Аристотеля для передачи чужого мнения. Ср.: I, 1255a, 9—11.

44 По мнению Аристотеля, рабы и, следовательно, варвары-рабы по самой своей природе должны обладать добродетелью лишь в слабой степени. См.: I, 1260a, 34—35; ср. 9—11.

45 " Ὅτι μὲν οὖν ἰχθεὶς τινὰ λόγον ἢ ἀμφιστήτης, καὶ οὐχ εἰσὶν οἱ ἀνὴρ φύσει δοῦλοι οἱ δ' ἐλεύθεροι, οἷον, καὶ ὅτι ἐν τισὶ διώριται τοιοῦτον χτλ. При сравнении с 1255a, 1—2 обращает на себя внимание то, что там имелась в виду какая-то группа людей — τίνας, для которых разделение на рабов и свободных Аристотель считал вполне естественным. Здесь также такое разделение считается естественным ἐν τισὶ — для группы людей. Разделение всего человеческого рода на свободных и рабов (οἱ μὲν . . . οἱ δὲ) происходит не в соответствии с природой (ср.: W. L. Newman. The Politics of Aristotle, II, стр. 160). Мерлан (см.: Ph. Merlan. Alexander the Great or Antiphan the Sophist? Classical Philology, 45, 1950, стр. 165) толкует это заключение Аристотеля (I, 1255b, 4—5) следующим образом: „This, in Aristotle, may well mean: All barbarians and some Greeks are slaves by nature“.

качества человека свободного не всегда передаются по наследству. Следовательно, в числе свободных могут быть люди, недостойные своей свободы.

Итак, отстаивая теорию «естественного, природного» рабства, Аристотель вынужден все же признать существование рабов «по закону». Однако, с его точки зрения, закон и насилие не могут дать той общности интересов, которая должна существовать между рабом и господином. Естественно и справедливо только природное рабство (I, 1255b, 12—15).

Рабство по закону войны для Аристотеля не могло быть справедливым прежде всего потому, что он не соглашается с порабощением людей свободных и благородных по своим природным качествам. Однако Аристотель вовсе не отрицал войну как способ приобретения рабов. В следующем разделе «Политики», посвященном науке о приобретении рабов, Аристотель пишет: «военное искусство может рассматриваться как естественное средство приобретения собственности, ведь и охотничий промысел составляет одну из частей военного искусства. Охотиться же следует как на диких животных, так и на тех людей, которые от природы предназначены к подчинению, но не желают подчиняться. Такого рода война по природе своей справедлива» (I, 1256b, 24—26). Люди, предназначенные природой к подчинению (πεφυκότες ἀρχεσθαι), Это, конечно, варвары, которые, по словам Аристотеля, τὸ φύσει ἀρχον οἱ ἐχθροί. Воевать с варварами и обращать их в рабство естественно и справедливо, поскольку они самой природой предназначены быть рабами.

Аристотель еще работал над «Политикой», когда война на Востоке и покорение восточных «варваров» — «рабов по природе», уже начались. Наступило время осуществления планов всех тех, кто давно мечтал об общеэллинском походе против варваров. Есть основания считать, что Аристотель рассматривал свое сочинение как программу деятельности македонского царя.⁴⁶

Не исключено, что именно поэтому он с такой энергией защищает «естественное» рабство. Это должно было послужить обоснованием прав эллинов на господство над варварами — подданными персидского царя.

Существование эллинов-рабов делало, однако, теорию «естественного» рабства уязвимой. Чтобы отстоять ее основы, Аристотель не только соглашается признать своих противников кое в чем (τρόπον τινά) правыми. Печальная судьба многих военнопленных-эллинов заставила Аристотеля признать, что военное порабощение может быть несправедливым.

Закон войны он, однако, сохраняет в силе для варваров. Аристотель, как и Платон, не мог не осуждать взаимного порабощения эллинов. Эллины должны быть объединены для господства

чад всеми (VII, 1327b, 31—33). Варварам же Аристотель предназначал рабскую участь. Мы узнаем у Плутарха (*De fortuna Alex.* I, 6), что Аристотель советовал Александру обращаться с эллинами *ἡγεμονικοῖς*, а с варварами *δεσποτικῶς*. Об эллинах он рекомендовал заботиться как о друзьях и близких (*ὡς φίλων καὶ οἰκείων*), а к варварам относиться как к животным и растениям (*ὡς ζώων καὶ φυτῶν*).⁴⁷ Сообщение Плутарха вполне согласуется с взглядами, высказанными Аристотелем в «Политике».⁴⁸

Аристотель, как и Платон, не мог одобрять порабощения эллинов, тем более что точка зрения Платона во второй половине IV в. до н. э. уже достаточно прочно внедрилась в общественное сознание. Как мы увидим дальше, считалось неприличным обращаться в рабство эллинов в самой Элладе. Но в отличие от Платона Аристотель нигде прямо этого не высказывает. Для того чтобы объяснить подобную уклончивость Аристотеля, нужно, по-видимому, принять во внимание ту роль, которую Аристотель во всех своих построениях отводил Македонии. Платон еще считал возможным для греков объединиться и совершить совместный поход на Восток самостоятельно. Аристотель уже не верит в это. Из тупика, в который попали греки, их может вывести только посторонняя рука.⁴⁹ Беспокойное время, в которое жил и писал Аристотель, находясь в Афинах, вынуждало его осторожно высказывать свои политические симпатии и избегать решительных суждений по всем наиболее острым вопросам современности. Так, Аристотель уклоняется от категорического суждения о праве сильного, о праве войны. Для греков в его время такое право войны олицетворяли прежде всего македонские правители. Точно так же обстоит дело и с порабощением соотечественников. Протест против обращения в рабство эллинов был бы адресован прежде всего македонским царям: торговал эллинами Филипп (*Demosth.* XIX, 194, 306, 309; *Diod.*, XVI, 53, 3); провёл через Коринфский конгресс суровое решение о расправе с фиванцами Александр.⁵⁰ Именно этими причинами, нам кажется, можно объяснить в данном случае стремление Аристотеля примириться с действительностью, принять ее такой, как она есть. Главной целью раздела «Политики», посвященного вопросу о рабстве, было защитить теорию «естественного рабства» и обос-

новать право на порабощение восточных «варваров», которые, как подчеркивает Аристотель (III, 1285a, 20—21), более всего приспособлены к рабскому состоянию.

Рассмотренный нами отрывок из «Политики» дает также возможность сделать некоторые предположения о том, каковы были основные пути обращения свободного эллина в рабство.

Аристотель, как уже было сказано, вынужден был признать существование «рабства по закону». Однако рассматривает он только одну его форму — военное порабощение. Уже Ньюмен отмечал, что во времена Аристотеля несомненно существовали и другие «законные» пути обращения свободного человека в рабство: продажа за долги, продажа родителями и т. д.⁵¹ «В эти мелочи, — замечает Ньюмен, — Аристотель не входит». Вряд ли можно считать это объяснением. По всей вероятности, Аристотель оставляет в стороне все другие виды порабощения не случайно. В его время эллины могли стать рабами главным образом по закону войны. Военное порабощение было самой серьезной угрозой свободе грека. Все остальные возможности обращения свободного человека в рабство «по закону» Аристотель опускает потому, что в греческой практике они встречались более редко. Эти соображения, как кажется, должны быть приняты в расчет при решении вопроса о том, как широко было распространено долговое рабство в большинстве греческих государств.

Аристотеля — знатока самых различных сторон греческой общественной жизни — долговое рабство в современных ему греческих государствах не интересует. Исследуя вопрос о рабах «по закону», он ни словом не упоминает о долговых рабах. Очевидно, обращение в рабство за долги, как государственные, так в особенности частные, не было во времена Аристотеля таким частым и заметным явлением, как порабощение военнопленных. Долговые рабы не вносили существенных корректив в теории Аристотеля. Именно поэтому они остались вне поля зрения автора «Политики».

Обратимся теперь к самой греческой практике, чтобы определить, насколько прочно была в действительности обеспечена свобода граждан внутри общины.

⁴⁷ Ср.: А. И. Доватур. Политика и политии Аристотеля, стр. 93 — «В Александре, впитавшем в себя греческую культуру, Аристотель видел предводителя греков, их друга и близкого им человека».

⁴⁸ Ср.: *Polit.* I, 1256b, 24—26, а также: VII, 1333b, 38—1334a, 2, где рекомендуется стремиться к гегемонии (*ἡγεμονίαν*) над людьми, не заслуживающими рабской участи, и к деспотическому правлению (*τὸ δεσποτικόν*) над теми, кто должен быть рабом.

⁴⁹ См.: А. И. Доватур. Политика и политии Аристотеля, стр. 58.

⁵⁰ Премакедонская партия стремилась изобразить разрушение Фив как заслуженную кару, но большинство греков было возмущено жестокостью Александра. (См. главу III, стр. 90 и прим. 119).

⁵¹ W. L. Newman. The Politics of Aristotle, II, стр. 149 и сл.

ДОЛГОВОЕ РАБСТВО

Долговое рабство является одной из древнейших форм зависимости. В государствах Древнего Востока, где бытовала более отсталая по сравнению с греческими полисами форма общественных отношений, рабство-должничество было распространено широко и повсеместно. Ограничения долгового рабства, с которыми мы сталкиваемся и в законах Хаммурапи, и в иудейских законах, не приводили к полному искоренению кабальной зависимости. Законы о рабах-должниках, сохранившие свою силу на Древнем Востоке, принимали в расчет эллинистические монархи при установлении общих законоположений для своих подданных — как греческих, так и туземных.¹

В древнейший период, во времена «обычного» права, долговое рабство было повсеместно распространено и во всех греческих общинах. Для ранних Афин практика самозаклада и заклада членов семьи засвидетельствована у Солона, Аристотеля и Плутарха.² И Солон, и Плутарх сообщают о том, что должники, попавшие в кабалу, или находились в рабстве на родине (от μὲν αὐτοῦ δουλοεόντες), или их продавали на чужбину (οἱ δ' ἐπὶ τῇ ξενίᾳ πλεοναχόμενοι).

В классический период рабство-должничество продолжало сохраняться в отсталых районах Греции. В V—IV вв. до н. э., например, на Крите, где рабовладельческие отношения сохранили много патриархальных черт, мы встречаем раба-должника, названного *катахе́μενος* — «заложник». В гортинских законах, там, где

¹ См.: W. L. Westermann, The slave systems of greek and roman antiquity, Philadelphia, 1955, стр. 30—51.

² Solon 24; Aristot. Resp. Athen. II, 2; Plut. Sol. 13. Социальные отношения в Аттике VI в. до н. э. и законы Солона подробно исследуются в книге: К. К. Зельин. Борьба политических группировок в Аттике в VI веке до н. э. М., 1964. В главе «Некоторые основные черты экономики и социальных отношений в Аттике VI в. до н. э.» (стр. 158 и сл.) автор уделяет значительное внимание вопросу о тектеморях, проблеме неотчуждаемости земли и формам зависимости должников. В этой главе приведен также обстоятельный обзор литературы и источников.

речь идет о долговом праве, наряду с *катахе́μενος* встречается термин *νενιχάμένος*.³ Как показывает сам термин *νενιχάμένος*, эта категория должников попадала к кабалу по суду, в результате проигранного ими судебного процесса. По мнению Л. Н. Казамановой, положение обеих категорий должников было одинаковым: и того и другого кредитор имел право «уводить» (*ἀγεῖν*).

В гортинских законах термин *νενιχάμενος* употреблен всего один раз и потому критский материал не дает возможности сделать какие бы то ни было выводы о положении этих проигравших процесс должников. Остроумное и убедительное толкование термина *νενιχάμενος* дал Свобода.⁴ На основании различных параллелей и главным образом Законов XII таблиц, касающихся долгового права, он провел тонкий юридический анализ понятия *αὔφωτος*.⁵ Этот анализ позволил ему прийти к следующему выводу: термины *катахе́μενος* и *νενιχάμενος* в гортинских законах далеко не однозначны. По мнению Свободы, *катахе́μενος* — форма самозаклада, промежуточное положение между рабом и свободным. Такого должника кредитор мог увести к себе (*ἀγεῖν ὡς αὐτόν*) и держать у себя в доме без права продажи. Иное дело *νενιχάμενος*. Эта категория должников теряла по суду все свои права. Их кредитор мог не только «уводить» и держать у себя в доме. Подобно *secum ducere* из Законов XII таблиц *ἀγεῖν* могло быть «первой ступенью к последнему акту» («die Vorstufe zu dem letzten Akte») — продаже в рабство за пределы страны.

Исследуя древнейшие формы долговой зависимости в Греции, Свобода приходит к вполне обоснованному выводу, что в Аттике, так же как и в Гортине, наряду с обращением в рабство за долг по суду (*exekutorische Schuldknechtschaft*) существовал и добровольный заклад личности должника. В последнем случае должник избегал полного порабощения и оказывался в положении полусвободного (*solutorische Schuldknechtschaft*).

Вероятно, к числу находившихся в рабстве на родине — в Аттике — относились те, кто добровольно отдал себя в распоряжение кредитора. Их полузависимое положение предполагает, по-видимому, что кредитор имел полное право на труд, но ограниченные права на личность должника. Так, должник, возможно, сохранял

³ [Τό]ν δέ νενιχαμένο[v] χα[ῖ]τὶ τόν χα[ῖ]τα/ε[μ]νον ἴγοντι ἀπατον ἐμεν. Col. I,

⁴ Л. Н. Казаманова. Очерки социально-экономической истории Крита V—IV вв. до н. э. М., 1964, стр. 123.

⁵ Н. Swoboda. Beiträge zur griechischen Rechtsgeschichte. Weimar, 1905, стр. 168 и сл., 208 и сл.; то же в: Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Bd. XXVI, Romanistische Abteilung, 1905 (далее ссылки на Beiträge...).

⁶ Зельин отмечает тонкость юридического анализа термина *αὔφωτος*, проведенного Свободой. См.: К. К. Зельин. Борьба политических группировок. . ., стр. 200.

какие-то личные обязанности перед государством.⁷ Продажа за границу означала полную власть кредитора, распространявшуюся не только на труд, но и на личность должника. Иными словами, должник полностью утрачивал все гражданские права, его обязанности в отношении государства прекращались. Проданный за границу неоплатный должник становился рабом в самом полном и безусловном смысле. Возможно, что в самой Аттике таких рабов не принято было держать. С. Я. Лурье полагал, что рабов из числа афинских граждан в самой Аттике, вероятно, не было, так как их продавали за пределы родины.⁸

Законодательством Солона всякое обеспечение долгов личной кабалой было запрещено. Отмена долговой кабалы определила дальнейшее развитие рабства в Аттике. Рабство развивалось отныне не за счет сокращения числа свободных членов общины, что подрывало основы ее социальной и экономической жизни, но за счет ввоза рабов-чужеземцев. Такой путь развития для Афин не нуждается в доказательствах. Но как обстояло дело в других греческих государствах? В отсталых районах Греции, таких как Крит, рабство-должничество безусловно существовало. Но в наиболее развитых греческих городах-государствах с развитием рабовладельческих отношений и в результате острой классовой борьбы долговое право было отменено. Такая точка зрения на рабство-должничество принята в работах советских исследователей, прямо или косвенно затрагивающих эту проблему.⁹ Специально вопрос о рабстве-должничестве в классический период в нашей литературе не ставился.

В буржуазной литературе, между тем, по этому поводу существуют самые различные взгляды. Крупнейший знаток древнего права Миттайс безоговорочно утверждал, что долговое право было распространено в Греции повсюду, за исключением Афин.¹⁰ По-

⁷ На Крите в случае войны, как предполагает Свобода, *καταχρεωμένος* мог быть призван и тем самым временно прерывалось его зависимое от кредитора состояние (см.: Н. Swoboda. Beiträge..., стр. 201). Финли также отмечает сохранение каких-то политических прав у этой категории (см.: М. I. Finley. The servile statuses of ancient Greece. *Revue internationale des droits de l'Antiquité*, VII, 1960, стр. 173).

⁸ С. Я. Лурье. К вопросу о роли Солона в революционном движении начала VI века. Уч. зап. ЛГУ, СИН, вып. 4, Л., 1939, стр. 77. К. К. Зельин отмечает, что это предположение, действительно, соответствует обычной практике долгового права в античности (см.: К. К. Зельин. Борьба политических группировок..., стр. 208). В Риме по Законам XII таблиц несостоятельных должников продавали *trans Tiberim*. См.: Е. Weiss. *Griechisches Privatrecht*, I. Leipzig, 1923, стр. 503—505, а также: Н. Swoboda. Beiträge..., стр. 204.

⁹ Наиболее четко эта точка зрения выражена С. Я. Лурье (см.: С. Я. Лурье. История Греции, ч. I. Л., 1940, стр. 166; ср. стр. 6); ср. также: К. М. Колобова, Л. М. Глускина. Очерки истории древней Греции. Л., 1958, стр. 175).

¹⁰ L. Mitteis. *Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des Römischen Kaiserreichs*. Leipzig, 1891, стр. 446.

добное мнение встречается и в работе Морроу, опубликованной сравнительно недавно.¹¹ Противоположная точка зрения представлена Вестерманном,¹² по мнению которого обращение в рабство за долги, исключая долги государственные, в большинстве греческих государств, как и в Афинах, со времени Солона было запрещено. Однако у Вестерманна это утверждение высказано в самой общей форме и не подкреплено фактическим материалом.

В числе работ, наиболее обстоятельно рассматривающих интересующую нас проблему, следует назвать исследование Вайса о греческом частном праве. Хотя и этот труд не дает определенного ответа на целый ряд вопросов.¹³

В последние годы рабство-должничество привлекло к себе внимание исследователей.¹⁴ Но вопрос о том, насколько широко в классический период практиковалась продажа в рабство за долги, рассматривается в них лишь попутно и потому остается по-прежнему спорным.

Наибольший интерес представляет в этом плане статья Финли «Рабские статусы древней Греции». В ней перечислен тот круг источников, который, по мнению автора, свидетельствует о существовании долговой кабалы в Греции в классический период. Это отрывок из первой книги Диодора (I, 79, 3—5), отрывки из речей Лисия (XII, 98) и Исократ (XIV, 48) и фрагмент из комедии Менандра «Герой».¹⁵

Нам представляется, что без принципиального решения вопроса о долговой кабале в греческих полисах VI—IV вв. до н. э. невозможно приступить к анализу тех случайных обрывков, из которых состоит большая часть наших сведений о рабстве в «периферийных греческих городах». Обоснованный выбор точки зрения на долговое рабство даст возможность правильно оценить различные формы зависимости внутри греческих общин, расположенных на периферии эллинского мира.

Среди тех свидетельств, которые, по мнению некоторых исследователей, бесспорно доказывают существование рабства-должничества в большинстве греческих государств, центральное место за-

¹¹ G. Morrow. Plato's law of slavery in its relation to greek law. *Illinois studies in language and literature*, 1939, v. XXV, № 3, стр. 23, прим. 21.

¹² W. L. Westermann. The slave systems..., стр. 50; ср. стр. 4 сл.

¹³ E. Weiss. *Griechisches Privatrecht*, I, стр. 495 и сл. Основные положения по вопросу о рабстве-должничестве изложены Вайсом также в статье «Execution», опубликованной в *RE*, Supplbd. VI, 1935, стлб. 56—57.

¹⁴ См., например: М. I. Finley. La servitude pour dettes (a la memoire d'Henry Levy-Bruhl). *Revue historique de droit français et étranger*, 4 serie, 1965, № 2, стр. 159—184. В статье Финли обстоятельно исследуется история института долгового рабства. Рассматриваются формы долговой кабалы, бытовавшие в примитивных обществах. Привлечен также материал эллинистического и позднеримского времени. Однако долговая кабала в Греции после VII в. и в Риме после V в. до н. э. из excursus исключена (см. стр. 184).

¹⁵ М. I. Finley. The servile statuses..., стр. 175—177. Об этой статье см. в главе I, стр. 7 сл.

нимает отрывок из сочинения Диодора. Приведем этот отрывок полностью. Речь идет в нем вначале о законах фараона Бокхорида, принятых им по поводу займов: «Взыскивать долги он (Бокхорид) разрешил только с имущества, людей же ни под каким видом не разрешил уводить. Он считал, что имущество должно принадлежать тем, кто его нажил или получил в дар от какого-нибудь владельца, а люди должны принадлежать государствам, чтобы государства имели от них надлежащую службу во время войны и в мирное время. Ведь нелепо, чтобы воина, подвергающего себя опасности ради отечества, кредитор увел из-за долга, чтобы из-за жадности частных лиц подвергалось опасности общее спасение».

Нельзя не обратить внимание на то, что приведенные мотивы совсем не характерны для древнеегипетского мировоззрения, согласно которому не полисы, а фараон был верховным владыкой своих подданных.

Такие возражения против долговой кабалы могли звучать скорее в греческих городах, заинтересованных в крепком гражданском ополчении. Следует также отметить, что вокруг личности царя Бокхорида и событий, связанных с его правлением, сложился целый цикл легенд и потому нелегко определить точность тех сведений, которые приводит Диодор.¹⁶ Французский ученый Э. Ревейю предположил, правда, что Диодор (или его источник) имел в руках греческий перевод кодекса Бокхорида.¹⁷ Но, как мы видели, говоря о причинах, побудивших Бокхорида провести закон об отмене самозаклада, Диодор высказывает типично полисные мотивы.¹⁸ Не исключено, что и само законодательство изложено Диодором применительно к греческим образцам, в частности к закону Солона. Сам Диодор устанавливает связь египетского и греческого закона следующим образом: «Кажется, Солон перенес в Афины именно этот закон, который он назвал сисахфией, освободив всех граждан от обеспечения займов личной кабалой». Это стремление отыскать древние корни установления об отмене самозаклада свидетельствует о большой популярности закона, который для греков был связан с именем Солона.¹⁹

¹⁶ Б. А. Тураев. История Древнего Востока, II. Л., 1936, стр. 42.

¹⁷ E. Revielout. Notice des papyrus demotiques archaïques et autres textes juridiques et historiques. Paris, 1896, стр. 24.

¹⁸ Финли (см.: M. I. Finley. The servile statuses..., стр. 185) пишет по поводу этих мотивов Диодора: «there can scarcely be any dispute that here he was expressing the classic Greek conception of the individual's relation to the polis».

¹⁹ См.: E. Weiss. Griechisches Privatrecht, I, стр. 507 и прим. 35. О популярности законов Солона см. также: R. Taubenschlag. The ancient greek-city laws in Ptolemaic Egypt. Actes du Ve Congress internationale de papyrologie. Brussels, 1938, стр. 472; Свобода (H. Swoboda. Beiträge..., стр. 235—236) называет Солон великим реформатором, образ действий которого открыл новую эру не только для Атики, но и для остальной Греции, где он, несомненно, скоро нашел себе подражание.

Отметив древность афинского закона, Диодор далее сообщает следующее (I, 79, 5): «Некоторые не без основания порицают большинство греческих законодателей, которые запретили брать в обеспечение долга рабочие инструменты, плуг и другие самые необходимые вещи, но согласились, чтобы их владельцев (буквально: тех, кто ими пользуется) уводили в кабалу».²⁰ Исследователи ссылаются на это указание Диодора, как на доказательство существования рабства-должничества в греческих государствах.²¹ Однако сведения, приводимые Диодором, оставляют без ответа целый ряд вопросов. О каком времени идет речь? Какой цели должны были служить эти несомненно противоречивые меры, при которых ремесленника и земледельца можно было увести за долг, а его орудия труда оставались незаложенными? Кому переходили орудия труда, которые запрещено было брать в обеспечение долга? Ведь рабство-должничество предполагает право продажи не одного только должника, но всех членов его семьи. Такое положение возможно лишь при существенном ограничении прав собственности, которое характерно скорее для Египта, о котором пишет Диодор. (Там фараон действительно мог передать орудия труда любому соседу-общиннику). В Греции, в развитых полисах классического периода такое положение представляется немыслимым. Мы едва ли в состоянии ответить на все эти вопросы и потому сообщением Диодора нужно пользоваться с очень большой осторожностью. Необходимо к тому же принять во внимание время, в которое жил и писал Диодор, а также лишь относительную надежность сведений такого источника, как «Историческая библиотека». В любом случае сведения Диодора сами нуждаются в дополнении и разъяснении. Особую важность в этом случае приобретают свидетельства современников — греческих авторов классического времени.

Обратимся поэтому к отрывкам из речей Исократ (XIV, 48)²³ и Лисия (XII, 98).²⁴ И в той и в другой речи мы встречаемся

20 μέμφονται δὲ τινες οὐχ ἀλόγως τοῖς πλείστοις τῶν παρὰ τοῖς Ἕλλησι νομοθετῶν, οἵτινες σὺν μὲν καὶ ἀποτρον καὶ ἄλλα τῶν ἀναγκασιότατων ἐχώλυσαν ἐνέχυρα λαμβάνειν καὶ πρὸς δάνειον, τοὺς δὲ τοῦτοις χρησόμενους ἀνεγώρησαν ἀκύμους εἶναι.

²¹ См.: M. I. Finley. The servile statuses..., стр. 177. Ср. также: E. Weiss. Griechisches Privatrecht, I, стр. 508; R. Schlaifer. Greek theories of slavery from Homer to Aristotle. Harvard studies in classical philology, 47, 1936, стр. 177 и прим. 3.

²² См.: E. Weiss. Griechisches Privatrecht, I, стр. 498—499; ср. стр. 506. прим. 31.

23 τίνα γὰρ ἡμῖς οἶσαο γνώμην εἰναι ὁρῶντας καὶ τοὺς γονέας αὐτῶν ἀναξίως ὑποτροφεύμενους καὶ τοὺς παῖδας οὐχ ἐπὶ ταῖς ἐλπίσιν, αἷς ἐποιήσαμεθα παιδεύομενους, ἀλλὰ πολλοὺς μὲν μικρῶν ἐνεχα συμβολαίων δουλεύοντας, ἄλλους δ' ἐπὶ θητείαν ἰόντας χεῖρ.

24 οἱ δὲ παῖδες υἱῶν, ὅσοι μὲν ἐνθάδε ἦσαν, ὑπὸ τούτων ἀν' ὑβρίζοντο, οἱ δ' ἐπὶ ξένης μικρῶν ἀν' ἐνεχα συμβολαίων ἐδούλευον ἐρημία τῶν ἐπιχουρτσόντων.

с рассказом об ужасном положении, в котором оказались люди, принужденные скитаться по чужим странам. Исократ сообщает о платейцах, изгнанных фиванцами. В речи Лисия говорится о страданиях тех афинян, которые были вынуждены бежать от преследований тридцати тиранов. Такая же судьба, по словам Лисия, ожидала всех демократов после поражения.

В этих отрывках обращает на себя внимание не только сходство обстоятельств, о которых идет речь. Бросается в глаза также идентичность приема, использованного ораторами. И в том и в другом случае цель ораторов — нарисовать картину ужасных бедствий, которые выпадают на долю изгнанников. Самое страшное из них — обращение детей в рабство за долги.

При этом оба оратора употребляют одинаковые выражения — *μικρὼν ἐνεκα συμβολαίων δουλεῖν*. Создается впечатление, что перед нами некое общее место, обычный прием, и что, следовательно, подобное явление было достаточно широко распространено в Греции. Вайс правильно отмечает,²⁵ что и у Исократ, и у Лисия речь идет о вынужденном пребывании на чужбине,²⁶ и поэтому сведения этих авторов могут быть использованы лишь для решения вопроса о долговом праве греческих городов в отношении чужеземцев.

К этому соображению можно, однако, добавить еще и следующее — как у Исократ, так и у Лисия упомянуты в связи с долговым рабством *только дети*. Более того, приведенные отрывки по существу исключают долговое рабство для взрослых. В самом деле, заклад детей — это самое яркое свидетельство, к которому прибегают оба оратора, заинтересованные в том, чтобы как можно сильнее потрясти слушателей. А между тем упоминание о самозакладе и обращении в рабство за долги взрослых было бы для их аудитории более убедительным доказательством. Ведь пока отец семейства оставался на свободе, оставалась и надежда на выкуп детей. Однако ораторы не упоминают о подобной продаже взрослых, хотя она и означала бы окончательную гибель всей семьи. Продажа детей, очевидно, самый веский аргумент для их слушателей, знакомых с практикой того времени, и другого, более сильного быть, вероятно, не могло.

Отметим, кстати, что изгнанники, о которых речь идет у Лисия, это афинские демократы, большая часть которых нашла убежище в Фивах (Xen. Hell. II, 4, 2), где законы не только разрешали, но в иных случаях и предписывали продажу детей самих фиванских граждан.

²⁵ E. Weiss. Griechisches Privatrecht, I, стр. 506.

²⁶ Шлайфер (см.: R. Schlaifer. Greek theories..., стр. 177, прим. 3) считает возможным на основании приведенного отрывка из речи Лисия высказать предположение о постановлении афинских олигархов 403 г., по которому было возможно обращение в рабство за долги в Афинах. Это несомненно ошибка, так как у Лисия говорится о порабощении детей *ἐπὶ ξένῃς*.

Так, Элиан (V. Н. II, 7) сообщает о «справедливом и человеческом» фиванском законе, запрещавшем подкидывать детей или бросать их на произвол судьбы. Этот закон предписывал отцу ребенка в случае крайней бедности отдать новорожденного властям для продажи в рабство. Больше об этом законе нет никаких сведений. Неизвестно и время его возникновения. Вестерманн приводит фиванский закон для иллюстрации положения в Греции классического периода.²⁷ Фолькманн, напротив, считает, что фиванский закон мог появиться лишь в более позднее время.²⁸

На наш взгляд, очень интересное предположение высказано С. Я. Лурье.²⁹ По его мнению, рассказ Элиана содержит подробное изложение древнего закона Филолая о деторождении, о котором сообщает Аристотель (Polit. II, 1274b, 2—5): *νομοθέτης δ' αὐτοῖς ἐγένετο Φιλόλαος περὶ τ' ἄλλων τινῶν καὶ περὶ τῆς παιδοποιίας, οἷς καλοῦσιν ἐκεῖνοι νόμους θετικούς· καὶ τοῦτ' ἐστὶν ἰδίως ὅπ' ἐκείνου νομοθετημένον, ὥπως ὁ ἀριθμὸς σωζῆται τῶν κληρῶν*.

В таком случае закон, упомянутый Элианом, восходит к VII в. до н. э. Необходимо, однако, отметить, что в «Пестрых рассказах» реальные исторические факты нередко предстают в совершенно искаженном виде.³⁰ Поэтому трудно определить, что в сообщении Элиана — правда, а что — вымысел. В самом законе — в том виде, как он изложен у Элиана — много неясного. Так, в частности, непонятным представляется условие, согласно которому отец должен был отдать ребенка тому, кто даст за него наименьшую цену (*ἀποδίδονται τὸ βρέφος τῷ τιμὴν ἐλαχίστην δόντι*). К. О. Мюллер предлагал даже заменить его на *τῷ τιμὴν μεγίστην δόντι*.³¹ По мнению М. Мюллера, которое принимает и С. Я. Лурье, передача была бесплатная, а уплата «самой маленькой суммы денег» была только формальным актом, на который можно было бы впоследствии сослаться в подтверждение того, что ребенок был продан в рабство.³² На наш взгляд, закон Элиана может быть использован при исследовании до сих пор нерешенного вопроса о том, практиковалась ли в Беотии продажа в рабство за долги.³³ Закон Элиана (если считать его подлинным)

²⁷ W. L. Westermann. The slave systems..., стр. 6 и 44. Ср.: M. I²⁸ Finley. The servile statuses..., стр. 187.

²⁸ H. Volkmann. Die Massenversklavungen der Einwohner in der hellenistisch-römischen Zeit. Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse, 1961, № 3, стр. 72, прим. 1).

²⁹ С. Я. Лурье. Бео/ийский союз. СПб., 1914, стр. 12.

³⁰ См. подробнее об этом главу III, стр. 59 и прим. 33 настоящего издания.

³¹ K. O. Müller. Orchomenos und die Minyer. Breslau, 1844, стр. 402, прим. 5. К. О. Мюллер также относит упомянутый Элианом закон к VII в. до н. э.³²

³² M. Müller. Geschichte Thebens. Diss. Leipzig, 1879, стр. 15, прим. 5. Ср.: С. Я. Лурье. Беотийский союз, стр. 12, прим. 1.

³³ Древняя Греция. М., 1956, стр. 108.

свидетельствует, по нашему мнению, о том, что долговой кабалы в Беотии не было. Трудно представить себе существование закона, специально регулирующего отдачу детей в рабство, наряду с долговой кабалой. Как известно, отец семьи у греков, как и у римлян, располагал полнотой власти в отношении своих детей. В Афинах в период существования долгового рабства отец мог распоряжаться их судьбой и без разрешения должностных лиц (Plut. Sol. 13). Несостоятельные должники в Беотии скорее всего терпели поражение в политических правах. По свидетельству Николы Дамасского людей, не уплативших долга, подвергали унизительному наказанию:³⁴ Βοιωτῶν ἐνιοὶ τοῦς το χρεὸς οὐκ ἀποδίδοντας ἐς ἀγορὰν ἄγοντες καθίσαι κελεύουσιν εἰτα κόβινον ἐπιβάλλουσιν αὐτοῖς. δς δ' ἂν κορινῶθη ἄτιμος γίνεταί. «Атимия», которой подвергались в Беотии несостоятельные должники, также несовместима с долговой кабалой, которая сама по себе приводила к лишению гражданских прав и более того — к продаже за пределы государства. Вместе с тем в примитивном наказании, которому подвергали должников, сказалась отсталость Беотии. Такой же примитивный характер носит и закон о принудительной продаже в рабство детей беднейших граждан.

В Афинах после Солона право отца на свободу членов семьи было ограничено. По закону Солона (Plut. Sol. 23) отец мог продать лишь обесчещенную дочь. Возможно, что и в других греческих общинах продажа детей граждан была противозаконной. Элиан называет фиванский закон «справедливым и человечным» — не потому ли, что Фивы представляли своего рода исключение? В других городах беднейшие граждане, не имея возможности прокормить детей, вынуждены были подкидывать их, оставлять в безлюдных местах, обрекая на верную смерть — словом, совершать все то, что строго запрещалось фиванским законодательством. Не исключено, что бедняки иногда пытались продавать детей тайно, вывозя их за пределы государства. Может быть, в «Ахарнях» Аристофана мы встречаемся с гротескным изображением именно такой тайной продажи (Aristoph. Acharn. 730). Так, обедневший мегарянин пытается сбыть Дикеополью своих дочерей под видом свинок. Он предлагает дочерям на выбор — голод на родине или рабство на чужбине — и они предпочитают последнее. Продажа под видом свинок, возможно, подчеркивает, как худы и некрасивы были эти изголодавшиеся мегарянки, которых Дикеополью еще предстоит откормить. Но скорее всего это может быть истолковано как свидетельство противозаконного характера такой сделки. Конечно, для Аристофана подобный торг — лишь средство для изображения той нищеты, до которой дошли Мегары в результате войны и нарушения торговли с Афинами. Но прием,

³⁴ F. Gr. Hist., 2 T., A, № 90, fr. 103v (113), стр. 386. Есть основания полагать, что закон о наказании должников функционировал еще в конце VI—начале V в. до н. э. См.: С. Я. Лурье. Беотийский союз, стр. 16.

к которому он прибегает, должен был иметь какие-то корни в реальной действительности, иначе он не произвел бы впечатления на зрителей.

За пределами своей страны совершить любую сделку в отношении собственных детей было, видимо, много проще. На чужбине — об этом свидетельствуют и Лисий, и Исократ — даже афиняне могли отдавать детей в заклад, и это не вызывало ни у кого ни малейшего возмущения, но скорее должно было снискать сочувствие. И если в Фивах была разрешена прямая продажа детей самих граждан, то фиванские законы, конечно, не препятствовали закабалению детей чужестранцев. Вероятно, и в других греческих городах чужестранцы могли более свободно распоряжаться судьбой своих детей. Нет оснований при этом полагать, что и в данном случае Афины составляли исключение.

С очень любопытной формой долговой зависимости в Афинах знакомит нас комедия Менандра «Герой». Некий вольноотпущенник, по имени Тибий, занял у своего бывшего господина 2 мины на пропитание мальчика и девочки, которых он выдает за своих детей и которые в действительности были отданы ему на воспитание. Деньги, по-видимому, были заняты на определенный срок, а обеспечением займа послужили дети. В прологе комедии (ст. 3) сказано прямо: ταῦτα (ἀρρεν τε θῆλυ) δ' ὑλέθετο. Тибий, не успев отдать занятые деньги, умер, и дети вынуждены идти в кабалу, чтобы отработать долг (τὸ χρεὸς ἀτερύαζομενος — Ст. 36). В доме их хозяина они, по сути дела, на положении рабов. Об этом мы узнаем из диалога, который подробно знакомит зрителей со всеми предшествующими событиями. Один из двух собеседников спрашивает о девушке (ст. 20): δοῦλη 'στίν; другой отвечает: οὕτως, ἡσυχή, τρόπον τινά.

Вайс рассматривает указанный случай как возможный пример ответственности за долг отца.³⁵ Однако он не принимает во внимание ни глагол ὑλέθετο, ни сообщение о том, что дети должника попадают в положение рабов. Финли с полным правом считает, что у Менандра мы встречаемся с долговой зависимостью (debt bondage).³⁶ Вместе с тем он полагает, что эта сделка была совершена в нарушение или в обход закона.³⁷ Однако в комедии нет ни малейшего намека на противозаконный характер сделки. В кабалу попадают брат и сестра, которых все считают детьми вольноотпущенника, а это, возможно, и не противоречило афинским законам, охранявшим от заклада за долги только афинских граждан. Нет оснований также полагать, что мы имеем дело лишь с выдумкой автора комедии, не отвечающей реальной действительности. Как отмечает Церетели, Менандр «при передаче серьезных

³⁵ E. Weis. Griechisches Privatrecht, I, стр. 205 и прим. 42.

³⁶ M. I. Finley. The servile statuses. . ., стр. 177.

³⁷ M. I. Finley. La servitude pour dettes, стр. 183, прим. 77.

вопросов жизни... предпочитает передавать ничем не скрашенную правду».³⁸

Итак, отрывки речей Лисия и Исократа, на наш взгляд, не подкрепляют противоречивых сведений Диодора о долговой кабале в греческих государствах. Эти отрывки касаются лишь долгового права греческих государств в отношении чужеземцев. При этом кабальную зависимость взрослых они по существу исключают и свидетельствуют лишь о широком распространении заклада детей неграждан. Одну из форм подобного заклада допускали, возможно, и афинские законы.

Определенный интерес представляет судьба раба Кариона из комедии Аристофана «Плутос». Сам Карион сообщает о себе следующее (ст. 147—148): *ἐγὼ γὰρ τοὶ διὰ μικρὸν ἀργυρίδιον δοῦλος γεγέννημαι, διὰ τὸ μὴ πλουτεῖν ἴσως*. С. И. Соболевский — автор одной из позднейших работ об Аристофане,⁴⁰ справедливо замечает, что причиной рабства Кариона не были ни война, ни разбой, но лишь его бедность в то время, когда он еще был свободным.⁴¹ По мнению С. И. Соболевского, Карион был обращен в рабство уже взрослым, так как у ребенка не может быть богатства. Все эти соображения представляются вполне логичными. Трудно тем не менее согласиться с остальными предположениями С. И. Соболевского. По его мнению, Карион, вероятно, эллин и, может быть, даже афинянин. С. И. Соболевский также отмечает, что имя *Καρίων*, по-видимому, есть производное от *Καρ*, тем более что в «Птицах» (ст. 764) прямо упоминается раб-кариец. С. И. Соболевский, очевидно, прав, утверждая, что имя *Καρίων* могло относиться и не только к карийцу, поскольку многие этнические названия превратились уже в имена рабов независимо от их происхож-

³⁸ См.: Г. Ф. Церетели. Комедия Менандра «Герой». СПб., 1911, стр. 21. Церетели не считает эту сделку противозаконной. Указав на ее своеобразный, необычный для греческого законодательства характер, Церетели подкрепляет достоверность сведений комедии «Герой» ссылкой на аналогичный рассказ из комедии Теренция «Сам себя наказывающий» о девушке, оставленной в залог за невыплаченную сумму денег (ст. 600 и сл.). Комедия эта восходит к Менандру.

Конечно, можно отнестись к форме кабальной зависимости, которую мы встречаем у Менандра, к числу полусвободных (*μεταξὺ ἐλευθέρων καὶ δούλων*) состояний. Примеры подобных состояний подробно рассматривает Финли, уподобляя их *παράσπονῃ* дельфийских надписей. (См.: M. I. Finley. The servile statuses..., стр. 175 и сл.). Отметим, однако, что краткость сообщений Лисия и Исократа не дает возможности установить, как выглядел упомянутый ими заклад детей и чем он отличался от долговой зависимости детей неграждан в Афинах. Можно указать при этом, что если Лисий и Исократ определяют участь детей как рабскую (*δουλεύειν, δουλεύοντας*), то и у Менандра попавшая в зависимость девушка названа *δούλη*. . . *τρόλον τινά*.

⁴⁰ С. И. Соболевский. Аристофан и его время. М., 1957, стр. 302 и сл.

⁴¹ Ср. краткое замечание схолиаста (к ст. 148) — *δοῦλος γεγέννητοί πρότερον ὡν ἐλεύθερος*; оно приведено и С. И. Соболевским.

дения.⁴² Однако из того что Карион носит обычную для раба кличку, совсем не следует, что он эллин. Нам представляется, что раб с греческим именем, привычным для слуха афинян, скорее всего сохранил бы его. В комедиях Аристофана встречается немало рабов с греческими именами, хотя и без всяких указаний на греческое происхождение. Можно предположить, что клички давали чаще всего тем, кто носил труднопроизносимые «варварские» имена. При этом Карионом мог быть назван, конечно, не обязательно кариец, но все-таки раб с Востока, из Малой Азии. Вполне возможно, что эти клички соответствовали хотя бы приблизительно стране, из которой прибыл тот или иной раб.

Обратимся теперь к рассмотрению причин, которые могли привести Кариона в рабство. Их, по мнению С. И. Соболевского, две: 1) если кто-нибудь не уплачивал денег, затраченных другим на выкуп его из плена; 2) если метек не уплачивал подати *μετοίκιον*, С. И. Соболевский отказывается видеть в Карионе несостоятельного должника на том основании, что в Афинах со времени Солона продажа несостоятельных должников в рабство не производилась.⁴³ При решении вопроса о причинах рабства Кариона С. И. Соболевский, очевидно, руководствуется собственным предположением о том, что Карион не просто эллин, но даже афинянин.⁴⁴ Однако, если отказаться от этого предвзятого мнения, то, как нам представляется, есть основания видеть в Карионе именно несостоятельного должника. В самом деле, его сетования — *διὰ μικρὸν ἀργυρίδιον δοῦλος γεγέννημαι* — очень напоминают уже хорошо знакомую нам формулу — *μικρὸν ἐνεκα συμβολαίων δουλεύειν*. Не исключено при этом, что Карион если и не кариец, то все же малоазийский раб. В восточных же районах — об этом мы будем говорить подробнее несколько ниже — различные формы личной зависимости должны были сохраняться и дольше, и прочнее, чем в центральной Греции. Именно поэтому нам кажется, что Фогт, исследовавший вопрос о рабах в комедии Аристофана, имел полное право написать о Карионе: «Wie immer er in Karien in die Sklaverei geraten sein mag, durch Schuldknechtschaft, Selbstverkauf oder Kinderhandel».⁴⁵ По нашему мнению, Карион скорее всего долговой раб. Однако в рабство он был продан, конечно, не в Афинах, а где-нибудь на Востоке. Карион мог быть и метеком, не уплатившим *μετοίκιον*. Но кем он ни в коем случае не мог

⁴² С. И. Соболевский. Аристофан и его время, стр. 297—298.

⁴³ Утверждая, что в других общинах Греции практика порабощения несостоятельных должников продолжала существовать, С. И. Соболевский (Аристофан и его время, стр. 303) ссылается при этом все на те же отрывки из речей Лисия и Исократа.

⁴⁴ О таком доводе С. И. Соболевского в пользу греческого происхождения рабов в комедиях Аристофана, как их чистейший аттический язык, см. главу III, стр. 86, прим. 108.

⁴⁵ J. Vogt. Sklaverei und Humanität im klassischen Griechentum. Historia, Einzelschriften, N. 8, 1965, стр. 9.

быть — это афинянином, не уплатившим денег, затраченных другим на выкуп его из плена.

Обязательства выкупленного по отношению к тому, кто внес за него выкупную сумму, представляли собой в древности определенную форму долговых обязательств.⁴⁶ На Крите отношения выкупленного из-за границы (ἐκς ἀλλοπολίᾱς) и выкупившего регулировались специальными законами.⁴⁷ В Афинах IV в. до н. э. мы встречаем упоминание о подобном законе в речи Демосфена против Никострата (LIII, 11)⁴⁸ — οἱ νόμοι κελεύουσι τοῦ λυσαμένου ἐκ τῶν πολεμίων εἶναι τὸν λυθέντα ἕαν μὴ ἀποδίδῃ τὰ λύτρα.

В литературе этот закон часто рассматривается как исключение из общего правила, запрещающего в Афинах обращение в рабство за долги.⁴ По мнению Соболевского, как мы видели, за невыплату выкупа из плена афинянин мог стать рабом даже в самих Афинах.

Рассмотрим подробнее обстоятельства, при которых был упомянут этот закон.

Истец Аполлотор и обвиняемый Никострат — соседи по земельным участкам, долгое время находились в дружеских отношениях. Никострат неоднократно управлял хозяйством Аполлотора в его отсутствие. Так было и в тот раз, когда истцу пришлось в качестве триерарха отправиться в Сицилию.⁵⁰ Однако

⁴⁶ Так, Демосфен (XIX, 169) сообщает, что во время переговоров с Филиппом многие из пленных, отпущенных на поруки, не надеясь на благоприятный исход, заняли (ᾠδονεῖζοντο) у него деньги на выкуп.

⁴⁷ Col. VI, 47—50. Αἱ χ' ἐδ' δυο[μενίας] περ[αι]οῖ) εἰ[τέ]χ; ἀλλοπολίος ὑπ' ἀνάγκας ἔχόμενος, χελο[μ]ένο τις λόιεται, ἐπὶ τοῖ ἀλλυαμένοι ἐμεν, πρὶν χ' ἀποδοῖ τὸ ἐπιβάλλον. Это постановление большинство исследователей относит к выкупу военнопленного. См.: Н. Swoboda. Beiträge..., стр. 197; ср.: R. Schlaifer. Greek theories..., стр. 178. По мнению Казамаковой (Очерки социально-экономической истории Крита V—IV вв. до н. э., стр. 123), здесь речь может идти как о пленном, захваченном во время войны между критскими городами и превращенном в раба, так и о должнике, попавшем в кабалу за долги. Интересно отметить, что право на выкупную сумму признавалось только за тем, кто внес ее с согласия пострадавшего. Выкуп без соответствующей просьбы, как и размеры выкупной суммы, могли быть предметом судебного разбирательства. См.: Col. VI, 50—54.

⁴⁸ Бласс относит речь против Никострата к 366—365 гг. до н. э. По его мнению, эта речь не принадлежит Демосфену. См.: F. Blass. Die Attische Beredsamkeit. Abt. III, 1. Leipzig, 1877, стр. 459 сл.

⁴⁹ См., например: K. F. Hermann, Th. Thalheim. Lehrbuch der Griechischen Rechtaltertümer. Freiburg—Leipzig, 1895, стр. 20, где говорится об отмене в Афинах долгового права, и прим. 7: «Doch ein Fall der Schuldknechtschaft bleibt: der aus der Gefangenschaft in der Fremde losgekaufte Bürger wird, wenn er in der verabredeten Frist das Loskaufgeld nicht zahlen kann, Sklave seines Befreiers». Ср. также: L. Beauchet. Histoire du droit privé de la République Athenienne, II. Paris, 1897, стр. 415; С. Ф. Кечекьян. Государство и право древней Греции. М., 1963, стр. 56; M. I. Finley. The servile statuses..., стр. 187.

⁵⁰ Бласс считает, что плавание в Сицилию было связано с теми переговорами, которые афиняне вели с Дионисием I в 370—368 гг. до н. э. См.: F. Blass. Die attische Beredsamkeit, III, 1, стр. 460.

с Никостратом в это время случилась беда. У него бежали три раба — из них два принадлежали Аполлотору и один — самому Никострату. Он отправился за ними в погоню, но был захвачен вражеской триерой, отвезен на Згину и там продан. Когда Аполлотор вернулся в Афины, его посетил брат пострадавшего — Дейнон, рассказал о случившемся и занял у Аполлотора 300 драхм на дорогу. При посредничестве Дейнона Никострат получил взаимные деньги на выкуп, был освобожден и вернулся на родину. В Афинах Никострат явился к Аполлотору. Он жаловался на равнодушные родных, показывал раны на ногах от оков, в которых его держали, и просил Аполлотора дать ему денег, с тем чтобы возратить выкупную сумму (26 мин.). Аполлотор дал ему 1000 драхм⁵¹ в качестве зрана (беспроцентного займа) и подарил те деньги, которые были даны Дейнону на дорогу. Спустя несколько дней Никострат опять явился к Аполлотору и со слезами рассказал, что чужезмцы (οἱ ξένοι) требуют у него всю оставшую сумму, одолженную ему для выкупа. Договором же обусловлено, что если выкуп не будет возвращен в течение 30 дней, то сумма удваивается. Свой участок земли Никострат продать не может, так как должен деньги одному из своих родственников и тот не разрешает никому ни купить, ни взять эту землю в залог. Если недостающие деньги не будут внесены в срок, исчезнет всякая надежда расплатиться. Аполлотор потеряет те 1000 драхм, которые он уже дал, а сам Никострат будет уведен в кабалу (αὐτὸς αὔφ' ὧς γένωμαι—говорит он о себе). Если же ему удастся собрать зран и расплатиться с чужезмцами, то он вернет тогда свой долг Аполлотору. Дальше и следовало упоминание об интересующем нас законе: «Ты ведь знаешь, — сказал он (т. е. Никострат), — что и по закону тот, кто выкуплен у врагов, принадлежит выкупившему его, если он не вернет выкупной платы» (τοῦ λυσαμένου εἶναι τὸν λυθέντα).

Статья гортинского кодекса, в которой речь идет о выкупе из-за границы, свидетельствует о том, что выкупленный, не вернувший выкупную сумму, становился рабом тут же на Крите. В Афинах до Солона закон, упомянутый у Демосфена (а он, очевидно, древний⁵²), означал, вероятно, то же самое. Но следует ли предполагать, что и в IV в. до н. э. свободный афинянин, выкупленный из плена, мог быть за неуплату выкупа обращен в рабство своим согражданином?

Речь Демосфена не дает для такого предположения никаких оснований. Эта речь посвящена собственно тяжбе, которая возникла в результате событий, развернувшихся после того как Никострат получил необходимые ему деньги. По словам Аполлотора,

⁵¹ Ὑπὸς τε δραχμάς ἑρανον οὕτω εἰς τὰ λύτρα εἰσοοῖσιν. (Demosth. LIII, 8).

⁵² Финли называет закон, касающийся выкупа, — peculiar survival (см.: M. I. Finley. The servile statuses. . . , стр. 187).

Никострат с помощью своего брата Аретузия сразу же начал плести против истца цепь интриг, с тем чтобы уклониться от уплаты полученных в долг денег. Если бы закон о выкупных деньгах давал Аполлодору реальное право обратиться в рабство, то все интриги Аполлодора, равно как и сам этот процесс, были бы невозможны. В речи нет ни малейшего намека на то, что Никострат мог стать рабом своего афинского кредитора. Судя по словам самого Аполлодора, реальную угрозу для Никострата представлял договор, заключенный им с чужеземцами. Однако ответственность перед чужеземцами к отношениям между гражданами не имеет никакого отношения. Заем у Аполлодора Никострат явно предпочитает зависимости от чужеземных кредиторов, связанной уже с международным правом (χοινός νόμος).⁵³

Процитированный Никостратом закон об ответственности за выкуп как закон полисный призван был регулировать отношения афинских граждан. Закон этот в IV в. до н. э., очевидно, продолжал существовать в Афинах. Но он вряд ли действовал, подобно многим другим устаревшим, но не отмененным афинским законам. Маловероятно, чтобы этим законом устанавливалась ответственность выкупленных афинян перед их афинскими кредиторами. Конечно, права тех, кто выкупал своих сограждан из плена, должны были как-то гарантироваться. Их интересы, вероятно, охранялись во всяком случае не меньше, чем интересы обычных кредиторов в отношении неоплатных должников, тем более что выкупные операции производились в Греции достаточно часто. Особые заслуги по выкупу сограждан отмечались в почетных декретах.⁵⁴ Однако в источниках мы не встречаем упоминаний о том, чтобы кто-нибудь употребил во зло свои услуги по выкупу из плена⁵⁵ или тем более обратил в рабство выкупленного согражданина. Ссылка на закон о выкупе должна была скорее всего показать то бедственное положение, в которое попал Никострат, и чем он обязан Аполлодору. Но она ни в коей мере не является свидетельством серьезной угрозы со стороны афинских кредиторов. Именно к такому выводу можно прийти при внимательном изучении обстоятельств, изложенных в речи Демосфена. Для каких-либо более определенных заключений и, в частности, для ответа на вопрос — имел ли интересующий нас закон какую-ни-

⁵³ См. прим. 65 (настоящее издание), где приведено мнение Миттайса, согласно которому городское право в греческих полисах не могло регулировать отношений с чужеземцами, так как это входило в область международного права.

⁵⁴ Смотри об этом подробнее в III главе, стр. 80—81, прим. 96.

⁵⁵ Как об этом свидетельствует речь против Никострата, для выкупа (εις τὰ λύτρα) предоставлялся беспроцентный заем (ὁ ἔρανος—см. Demosth. III, 8 и 11). Демосфен (XIX, 170) специально отмечает, что даже тем гражданам, которые заняли у него деньги на выкуп, прежде чем Филипп согласился отпустить остальных, он отдал выкупные деньги в подарок (ἔδοχα δωρεάν τὰ λύτρα).

будь связь с международным правом, мы располагаем слишком скудными сведениями.⁵⁶

В Афинах, как уже говорилось, продаже в рабство подлежали метеки за неуплату подати (μετοίκιον). Продавали в рабство вольноотпущенников в случае нарушения ими своих обязанностей, а также чужеземцев за попытку незаконно присвоить права афинского гражданства.⁵⁷ Афинские законы, как и законы других греческих государств, возможно, не препятствовали даже закладу детей неграждан за долги. Но нет никаких оснований утверждать, что афинский гражданин мог стать в Афинах рабом за какой бы то ни было частный долг, в том числе за долг по выкупу из

56 В литературе мы встречаем ссылки на Лисия (IV, 13), где, по мнению некоторых исследователей (см., например: RE, Hbhd. XXVII, 1928, s. v. λύτρον, стлб. 74), упомянут закон о выкупе, аналогичный тому, на который ссылается Демосфен. Интересующий нас фрагмент из IV речи Лисия содержит обоснование прав ответчика на допрос под пыткой рабыни, которая, как он утверждает, принадлежит ему так же как и истцу. Понимание данного отрывка очень затруднительно, тем более что текст рукописи испорчен. В последних изданиях принято чтение — εἰ εἰς μὲν λόγῳ τοῦ σώματος [ἔδοχα το ἀργύριον] ἐχ τῶν πολεμίων ἐξήν αν μοι χρήσθαι αὐτῇ ὅ τι ἐβούλομην, χινδυνεύοντι δέ μοι χτλ (см.: Lysiae Orationes, ed. Th. Thalheim. Lipsiae, 1910; ed. C. Hude. Oxford, 1912). Возможно также чтение δεδοχότ'. Его дает Ватиканская рукопись среди исправлений, внесенных рукой переписчика. Основной вопрос при толковании этого отрывка — чей выкуп из плена имеет в виду ответчик. Если речь идет о рабыне, тогда, действительно, у Лисия мы встречаем упоминание о законе, который отдает выкупленного в рабство тому, кто внес выкупные деньги. Но при этом остается неясным, в чем заключается противопоставление одной части фразы другой, на которое указывают частицы μὲν и δέ, поскольку сравниваются ситуации, в которые попадают разные люди: рабыня и ее хозяин. С. И. Соболевский (см.: Лисий. Речи. Перевод, статьи и комментарии С. И. Соболевского. Academia, М.—Л., 1933, стр. 79) переводит эту фразу так: «для освобождения себя из неприятельского плена я мог бы сделать с ней что угодно». Перевод С. И. Соболевского кажется нам вполне обоснованным, поскольку при таком понимании текста ход рассуждений ответчика представляется вполне логичным: для своего освобождения из плена он мог бы сделать с этой рабыней что угодно (т. е., очевидно, продать, для того чтобы выручить деньги), а теперь, когда речь идет об изгнании из отчества (ответчик обвиняется в покушении на убийство), он лишен возможности подвергнуть ее допросу под пыткой. Дальше та же мысль выступает еще более отчетливо: καὶ μὲν δὴ πολὺ ἂν οἰχαιότερον ἐπὶ ταύτῃ τη αἰτία βασανισθεῖ[*] ἢ ἐπὶ τῇ ἐχ τῶν πολεμίων λύσει πραθείη.

В данном случае речь уже вполне определенно идет о возможности продажи рабыни для выкупа из плена хозяина. (См.: F. Blass. Die attische Beredsamkeit. 2 Aufl., Abt. I. Leipzig, 1887, стр. 585). Ответчик утверждает, что подвергнуть рабыню пытке гораздо более справедливо, чем продать ее (так как деньги для выкупа из плена можно достать и другими способами, а для спасения от личных врагов иного средства, как допрос рабыни под пыткой, нет). Это единственное упоминание о выкупе из плена в IV речи Лисия. Оно, на наш взгляд, носит чисто риторический характер и не имеет ничего общего с законом о выкупе, на который ссылается Демосфен.

⁵⁷ См. об этом подробнее: K. F. Hermann, Th. Thalheim. Lehrbuch der griechischen Rechtsaltertümer, стр. 20—21; L. Beauchet. Histoire du droit privé... II, стр. 416 и сл.

плена. Нет также оснований предполагать, что в других развитых греческих общинах дело обстоит иначе.

Особую сложность представляет вопрос об ответственности граждан в греческих городах за государственный долг. В литературе неоднократно утверждалось, что отмена долговой кабалы даже в Афинах не распространялась на государственных должников.⁵⁸ Однако, по справедливому замечанию Я. А. Ленцмана, эта точка зрения недостаточно подкреплена фактическим материалом.⁵⁹ Как полагает Свобода, обращение в рабство в Греции даже за государственные преступления случалось крайне редко. Однако в тех случаях, когда граждан все же наказывали продажей в рабство, их должны были продавать за пределы государства.⁶⁰ В этой связи интересное свидетельство можно найти в более позднем александрийском законе.

В дошедших до нас Δικαιώματα есть специальное установление (строки 219—221):⁶¹ Περί τ[ών] πολιτῶν ὅπως μὴ δ[ο]υλεύωσιν. Ὁ Ἀλεξανδρεὺς τοι Ἀλεξ[ανδ]ρεὶ μὴ δουλεύετω μηδὲ ἡ Ἀλεξανδρ' ἰς τῷ Ἀλεξ[ανδ]ρεὶ μηδὲ τῇ Ἀλ[ε]ξανδρίδι.

По этому закону ни один гражданин или гражданка Александрии не могли «рабствовать» у александрийца. Вместе с тем в Δικαιώματα при перечислении законов, касающихся гражданских тяжб, встречается право взыскания ἐκ τῶν υπαρχόντων, εἴν δέ μὴ ἐκποίῃ, καὶ ἐκ τοῦ σώματος (строки 117—120). По мнению издателей, это установление включает в себя и право кредиторов в отношении неоплатных должников.⁶² В Птолемеевском Египте закабаление за долги было распространено достаточно широко.⁶³ По мнению Вестерманна, закон Бокхорида был забыт уже во времена персидского владычества, и Птолемеи, узаконив рабство-должничество, следовали при этом местной практике.⁶⁴

⁵⁸ См., например: E. Weiss. Griechisches Privatrecht, I, стр. 499, прим. 9 и стр. 508; ср. также: W. L. Westermann. The slave systems..., стр. J); J. H. Oliver. On the Ephesian debtor law of 85 b. c. American journal of philology, LX, 1939, стр. 469.

⁵⁹ Я. А. Ленцман. Рабы в законах Солона. ВДИ, 1958, № 4, стр. 54, прим. 9.

⁶⁰ Так, Я. А. Ленцман (там же, стр. 57) высказывает предположение, что дочерей и сестер афинян, уличенных в прелюбодеянии и подложивших, по закону Солона, продаже в рабство, продавали за пределы Аттики.

⁶¹ Dikaiomata. Auszüge aus Alexandrinischen Gesetzen und Verordnungen herausgegeben von der Graeca Halensis. Berlin, 1913, стр. 23 и комментарий, стр. 122—124.

⁶² Dikaiomata. ..., стр. 19 и комментарий, стр. 81.

⁶³ См.: А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950, стр. 205—206; см. также: R. Taubenschlag. The ancient greek-city laws..., стр. 472. Ср.: К. К. Зельин. Исследования по истории земельных отношений в Египте II—I веков до нашей эры. М., 1960, стр. 157 сл.

⁶⁴ W. L. Westermann. The slave systems..., стр. 50—53. Зельин (там же, стр. 137) не решает окончательно вопроса о том, как объяснить возможность порабощения греков — влиянием ли вековых обычаев Востока или же тем, что и в Греции запрещение в Аттике долговой кабалы не отра-

Александрийский закон, таким образом, содержит взаимоисключающие положения: запрещение держать в рабстве полноправных граждан и право на личность должника (в законе отсутствуют какие бы то ни было оговорки, на основании которых можно было бы заключить, что это право осуществлялось только в отношении местного неполноправного населения). Большинство исследователей считает, что это противоречие устранялось предписанием продавать несостоятельных должников за пределы государства. Эта часть закона, как предполагают, была просто опущена человеком, который списывал александрийские законы.⁶⁵

Исследователи, однако, расходятся в определении корней такого предписания. По мнению Вестерманна, александрийское постановление, узаконившее местную практику порабощения должника, связано полностью с местными религиозно-племенными представлениями, не допускавшими порабощения а fellow member of the cult community and the political group. Вестерманн категорически отвергает точку зрения издателей Δικαιώματα, усматривающих в александрийском установлении связь с греческими законами, не сохранившимися до нашего времени. Точку зрения издателей Δικαιώματα разделяют, однако, такие крупнейшие знатоки греческого права, как Вайс⁶⁶ и Свобода.⁶⁷ По их мнению, в греческом праве, как и в римском, мог существовать закон об обязательной продаже должников за границу.⁶⁸ Сторонники этого

жало юридической практики других эллинских городов. С его точки зрения, однако, вероятнее второе.

⁶⁵ См.: L. Mitteis. Dikaiomata. Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Bd. XXXIV, Romanistische Abteilung, 1913, стр. 462—463. Статья представляет собой критику комментария издателей «Dikaiomata». Издатели, в частности, считают, что в александрийском законе не оговорен и, следовательно, как бы допускается случай, когда несостоятельный должник присуждался к отдаче в рабство кредитору, не имевшему прав александрийского гражданина. Миттайс вполне справедливо указывает по этому поводу, что с античной точки зрения городское право не может регулировать отношений с чужеземцами. Это уже область международного права. Вместе с тем Миттайс считает невероятным, чтобы александриец мог стать рабом кредитора, не пользовавшегося правами александрийского гражданина. Следует отметить также сомнения другого порядка. В законе говорится, что александриец не может быть порабощен александрийцем. В то же время указано, что александрийская гражданка не может быть порабощена ни гражданином, ни гражданкой. Остается еще один случай — порабощение гражданина гражданкой, специально не оговоренный и тем самым как бы возможный. Однако Вайс отмечает, что смысл такого исключения непонятен. Параллели для него в истории права отсутствуют. Вайс принимает точку зрения издателей, по мнению которых переписчик и в данном случае включил только то, что его особенно интересовало. См.: E. Weiss. Griechisches Privatrecht, I, стр. 505.

⁶⁶ Вайс, правда, склонен относиться к александрийскому закону с осторожностью (см.: E. Weiss. Griechisches Privatrecht, I, стр. 503—505).

⁶⁷ H. Swoboda. Beiträge..., стр. 204, ср. также стр. 223.

⁶⁸ Как уже указывалось, в Риме по Законам XII таблиц несостоятельного должника продавали trans Tiberim. См. стр. 26 и прим. 8 (настоящее изд.), где излагается точка зрения ученых, по мнению которых и в Афинах до Солона долговых рабов из граждан продавали за пределы Аттики.

взгляда привлекают в качестве параллели к александрийскому закону галикарнасскую надпись Лигдамида.⁶⁹ Эта надпись содержит постановление граждан Галикарнасса 457 г. до н. э. Здесь мы ограничимся указанием лишь на одну особенность этого постановления, устанавливающего меру наказания для тех граждан, которые попытаются внести изменения в решения народного собрания: имущество этих граждан конфискуется, а их самих изгоняют из Галикарнасса навсегда. Если же за имущество будет выручено менее десяти статов, тогда его владелец должен быть продан за пределы Галикарнасса также без права возвращения на родину.

Весьма примечательным нам представляется то, что наказанием за политическое преступление (попытку внести изменения в законодательство) по галикарнасскому закону является собственнo штраф в 10 статов и изгнание. Продажа в рабство предусматривалась только для тех, кто был не в состоянии уплатить штраф государству и тем самым оказывался должником государства. Следовательно, продаже в рабство политический преступник подлежал уже не за само преступление, но за долг государству, т. е. как несостоятельный должник.⁷⁰

Особый интерес в данном случае представляет обязательное условие продажи такого несостоятельного должника за границу. Как нам представляется, продажа гражданина по тем или иным причинам за пределы государства была мерой, необходимой для сохранения мира и порядка.⁷¹ Вряд ли можно было рассчитывать на полное повиновение раба, сохранявшего тесные связи с гражданами, с большим числом родственников у себя на родине, где все ему напоминало о вчерашней свободе. Такой раб представлял слишком большую угрозу внутреннему миру и не только в период обострения социальной борьбы. Галикарнасский закон, с нашей точки зрения, подтверждает, что в греческом праве мог существовать закон об обязательной продаже граждан (за долг или преступления) за пределы государства. Закон этот нашел свое отражение и в александрийском кодексе.

В том же Галикарнассе, однако, была найдена надпись V—IV вв. до н. э., по свидетельству которой должники становились рабами у себя на родине.⁷² В этой надписи говорится о должниках

⁶⁹ Ditt. Syll.³, 45. Подробный анализ надписи Лигдамида см. в главе IV, стр. 114.

⁷⁰ Издатели Δικαιόματα сопоставляют формулировку александрийского кодекса о должниках — ἐχ τὸν υπαρχόντων, ἐὰν δὲ μὴ ἐχλοήῃ, καὶ ἐχ τοῦ σώματος — с галикарнасским законом, где устанавливается та же последовательность: τὰ ἐόν[τα] αὐτοῦ πειρήσθω... ἢν δὲ μὴ ἢ αὐτῷ ἀξία δέχα [στα]τήρων, αὐτοῦ [π]ειρήσθαι ἐπ' [ἐξ]αγωγή. См.: Dikaionmata... , стр. 81.

⁷¹ Вайс отмечает, что продажа в другие страны могла быть наказанием и для провинившегося раба (см.: E. Weiss. Griechisches Privatrecht, I, стр. 504, прим. 22).

⁷² Syll.³, 46. Подробный анализ этой надписи и об ее датировке см. в главе IV, стр. 116.

бога Аполлона, Афины и Девы. Первая категория должников, занимая деньги у храма, обеспечивала заем своим имуществом. Ввиду того что деньги в срок не были выплачены, их имущество поступает в продажу. За списком купивших имущество должников бога следует вторая рубрика: [οἶδε ἐπρίαντο τοὺς ὀφειλόν]τας τοῖς θεοῖς... [καὶ αὐτοὺς καὶ ὧν ἰχνέονται].⁷³ Эта формула — καὶ αὐτοὺς καὶ ὧν ἰχνέονται — повторяется многократно. Встречается даже καὶ ὧν ἰχνέται πάντων, т. е. покупают и самих должников, и все их имущество. Как мы видим, в надписи речь идет о продаже должников на месте. Обязательное условие ἐπ' ἐξαγωγή, с которым мы сталкивались в галикарнасской надписи 457 г. до н. э., отсутствует. По мнению Вайса,⁷⁴ это отличие определяется тем, что в данном случае речь идет о должниках бога.

У первой категории должников в продажу поступает собственность, служившая, по-видимому, обеспечением долга. Вторая категория должников бога также располагает каким-то имуществом, которое не отделяется от их владельцев. Должник поступает в продажу со всем тем, что ему принадлежит. Его имущество не распродается, для того чтобы покрыть долг, как это должно было быть сделано для уплаты штрафа в 10 статов за попытку внести изменения в законодательство. Все эти обстоятельства дают основание предположить, что продажа должников бога не означала для них полного порабощения. Храм продавал не людей, а их долговые обязательства. Зависимость, в которую попадал должник, определялась размерами долга, который ему предстояло выплатить. Оссулье⁷⁵ считает, что ἰχνέονται означает право не только на то, чем должник владеет, но и на то, что он в будущем может приобрести. Покупатель, по-видимому, получал полное право на заработок должника, но вряд ли мог распоряжаться по своему усмотрению его личностью. Об этом, возможно, свидетельствует продажа одного должника сразу четырем покупателям. При этом каждый покупатель вносит за него различную цену. Нельзя не согласиться с Оссулье, что речь идет, вероятно, о покупке не самого должника, а его долговых обязательств. Должник занял деньги у храма четыре раза и выдал четыре обязательства на разные суммы. Именно поэтому в надписи фигурируют четыре покупателя и четыре различные денежные суммы. Маловероятно, чтобы все четыре владельца одного раба приобретали его за разную цену в полную собственность. Скорее каждый из них имел право на выплату определенной суммы, пропорциональной приобретенному долговому обязательству. Нельзя сказать ничего определенного о том, в каких формах выражалась зависимость долж-

⁷³ Несмотря на то что текст сильно разрушен, Оссулье (см.: B. Haus-soullier. Inscription d'Halicarnasse. BCH, 4, 1880, стр. 309 и сл.) считает восстановление достоверным.

⁷⁴ E. Weiss. Griechisches Privatrecht, I, стр. 504, прим. 22.

⁷⁵ См.: B. Haussoullier. Inscription d'Halicarnasse, стр. 313 и сл.

ника от его покупателей. Но, по всей вероятности, власть покупателя не была полной и окончательной. Возможно, у этих должников, поступавших в продажу в самом Галикарнассе, зависимость представляла собой промежуточное состояние между свободой и рабством.⁷⁶ Когда же речь шла о полной потере свободы за неуплату личного долга (как в Александрии) или за политическое преступление и неуплату долга государству (так, нам представляется, можно толковать галикарнасский закон), то предписывалась обязательная продажа за пределы государства.

В Галикарнассе сохранение определенных форм долгового рабства было, как и в Египте, вызвано, очевидно, влиянием местной традиции, которая была достаточно сильна во многих районах Малой Азии.⁷⁷ Не исключено, что местная традиция сказалась также и в жестокости тех мер, к которым прибегали галикарнасцы в ходе политической борьбы, отраженной в законе 457 г. до н. э. Финли отмечает, что в восточных районах прочнее и дольше, чем в центральной Греции, сохранялись различные формы долговой зависимости.⁷⁸

К IV в. до н. э. рабство-должничество не играло в Греции заметной роли. Недаром Аристотеля, пристально изучавшего современную ему общественную жизнь, вопрос о рабах-должниках не интересует. А между тем если бы долговое рабство играло по-прежнему существенную роль, Аристотель вынужден был бы коснуться его в связи с основной темой своего исследования — о причинах упадка греческих полисов. Уже в древности, как об этом свидетельствует Диодор, прекрасно понимали, что долговая кабала подтачивает крепость государства. Сплочение коллектива рабовладельцев достигалось в первую очередь отменой или во всяком случае ограничением долговой кабалы. Аристотель подчеркивает, что до Солона самым тяжелым и горьким из тогдашних условий государственной жизни было рабское положение народа. Речь идет не только о лишении гражданских прав. Солон выступил защитником народа, рабскому положению которого способствовало суровое долговое право — займы под обеспечение личной кабалой.⁷⁹ Солон,

⁷⁶ См. прим. 39.

⁷⁷ В Галикарнассе и язык, и культура гораздо медленнее, чем, например, на Родосе, поддавались эллинизации. Еще в V в. до н. э. в документах Галикарнасса встречается множество карийских имен, как отмечает Гиллер фон Гертринген. См.: RE, Supplbd. V, 1931, s. v. Rhodos, стлб. 739.

⁷⁸ M. I. Finley. The servile statuses. . . , стр. 189.

⁷⁹ Aristot. Resp. Athen., II, 2. ο! δανεισμοί πάσιν ἐπὶ τοῖς σώμασιν ἦσαν μέχρι Σόλωνος • οὗτος δὲ πρῶτος ἐγένετο τοῦ δήμου προστάτης, χαλεπώτατον μὲν οὖν καὶ πικρότατον ἦν τοῖς πολλοῖς τῶν κατὰ τὴν πολιτείαν τὸ δοῦλεύειν. Фразой χαλεπώτατον μὲν οὖν Аристотель подводит общий итог всему сказанному выше; на «итоговый» характер фразы указывает и οὖν. Ср. также VI, 1: Σόλων τὸν τε δῆμον ἡλευθέρωσε, καὶ ἐν τῷ παρόντι καὶ εἰς τὸ μέλλον, κολώσας δανείζειν ἐπὶ τοῖς σώμασιν. Ср. также IX, 1: δοκεῖ δὲ τῆς Σόλωνος πολιτείας τρία ταῦτ' εἶναι τὰ δημοτικώτατα' πρῶτον μὲν καὶ μέγιστον τὸ μὴ δανείζειν ἐπὶ τοῖς σώμασιν.

по мнению Аристотеля, сделал афинян свободными. Однако свободными для Аристотеля были не только афиняне, но и все греки (см., например: Aristot. Polit. VII, 1327b, 29—33).

Гарантия от закабаления согражданами в пределах полиса, известное равенство перед законом было юридической основой как тимократических, так и в особенности демократических греческих государств. Любой член греческой общины, богатый или бедный, ощущал себя прежде всего свободным и полноправным гражданином, как бы ни были призрачны его права. Именно неприкосновенность личности свободного гражданина греческого государства — своеобразный *habeas corpus* — была одной из причин, породивших сознание превосходства над варварами — рабами одного человека.⁸⁰ Сознание собственной свободы не могло бы быть столь ярким и определенным при сохранении в полном объеме угрозы закабаления своими же согражданами. Как мы видели, в Афинах одним из «составных элементов» свободы была отмена долговой кабалы. Вместе с тем в источниках свобода афинян никогда не противопоставляется свободе других греков. Именно поэтому нет оснований считать, что Афины были каким-то исключением из правил.

Развитие рабовладельческого государства неизбежно приводило к ограничению или полной отмене рабства-должничества. Об этом свидетельствует история римской республики. В числе других завоеваний римских плебеев, одержавших победу над родовой патрицианской аристократией, видное место занимает *lex Poetelia Papiria*, по существу провозгласивший неприкосновенность личности. По этому закону никто, кроме действительных преступников, не должен был содержаться в колодках или оковах. Запрещалось также брать должников в кабалу. Впредь за долги должно было «отвечать имущество должника, а не его тело». Ливий (VIII, 28) называет год, в который был принят закон об уничтожении рабства за долги, «новым годом свободы для римских плебеев». Интересно отметить сходство формулировок закона об отмене долговой кабалы в греческой и римской литературе.⁸¹ Оно свидетельствует о большой популярности этого установления в греческом мире, оказавшем большое влияние на развитие римской культуры.

По нашему мнению, исследователи, которые считают возможным усматривать существование долгового права во всех государствах, кроме Афин, не располагают вескими аргументами, доказывающими его существование в развитых рабовладельческих странах. По существу, единственный автор, упоминающий о широком

⁸⁰ См., например: Demosth. XIV, 32. Былой свободой греки продолжали гордиться и во времена римского владычества, лишившего их даже тени самостоятельности. См.: Phil. V. A. VIII, 7, p. 161, где подчеркивается, что в противоположность варварам, равнодушным к рабскому состоянию, эллины «доселе влюблены в свободу».

⁸¹ См.: E. Weiss. Griechisches Privatrecht, I, стр. 508—509.

распространении долговой кабалы в Греции — это Диодор. Но Диодор все же поздний автор. В его время в греческих городах, пришедших в полный упадок, самозаклад мог уже снова практиковаться. Да и сам рассказ Диодора содержит так много неясностей, что совершенно необходимо найти ему какие-то параллели или же подтвердить его свидетельством более ранних источников. Привлекаемые же с этой целью отрывки из Лисия и Исократа сообщают лишь о закладе детей чужестранцев в греческих городах.

Характерно еще одно обстоятельство — в греческом языке отсутствует специальное слово, обозначающее раба или рабство за долги, аналогичное римскому *pexus* и *pexum*.⁸² Вайс, правда, пытается усмотреть влияние аттической прозы в толковании слова *ἐξελυθερος* (как отпущенного долгового раба) у поздних грамматиков. Однако, как отмечено в словаре Лидделл-Скотта: «The special application of *ἐ.* to a released debtor (cf.: *Amnion*, p. 23 V., *Eust.* 1751.2) is not confirmed by usage».⁸³

Нам представляется несомненным, что во всех греческих государствах борьба против господства родовых отношений была связана так или иначе с ограничением долгового права. Интересы рабовладельческого государства требовали создания прочного гражданского ополчения. Отмена пережитков родового строя проводилась прежде всего для сохранения крестьянства — основы гражданского ополчения.

Борьба с остатками родового строя в различных греческих государствах — Мегарах, Аргосе, Коринфе, Сикионе, Милете, Самосе, Родосе, Хиосе и других — привела к установлению самых разнообразных политических режимов. Но долговое рабство было отменено во всех передовых греческих государствах, где ремесло и торговля достигли высокого уровня развития. Крестьянство могло одолеть родовую знать только в союзе с торгово-ремесленным классом.

Как в Афинах, так и в других греческих государствах запрет порабощения сограждан открыл пути для усиленного привоза рабов извне.⁸⁴

Вероятно, в наиболее развитых рабовладельческих полисах борьбе против родовой аристократии сопутствовало проведение реформ, направленных к упрочению гражданского коллектива, и в том числе реформ, запрещающих или существенно ограничивающих самозаклад. Нельзя не учитывать при этом, что по всей вероятности повсюду в Греции сохранялись остаточные явления прежней практики самозаклада.

⁸² Это обстоятельство было отмечено Финли (см.: *M. I. Finley* *La servitude pour dettes*, стр. 160).

⁸³ См.: *E. Weiss* *Griechisches Privatrecht*, I, стр. 508, прим. 37; ср.: *Liddell-Scott*, s. v.

⁸⁴ См.: *Я. А. Ленцман*. Рабы в законах Солона, стр. 54.

По нашему мнению, в наиболее «чистом», т. е. наиболее близком к афинскому, виде отмену самозаклада нужно ожидать в тех высокоразвитых полисах, где греки или не сталкивались с сильным местным влиянием, или с самого начала отгородились от местного влияния.

На Хиосе, как об этом свидетельствует отрывок «конституции»,⁸⁵ в самом начале VI в. до н. э. были проведены демократические реформы. Хотя сохранившийся отрывок сообщает лишь о правах народного собрания, есть основания полагать, что права народа могли быть защищены также и отменой самозаклада.

Виламовиц-Моллендорф ставит эти реформы в один ряд с соловскими. Он полагает, что хиосские реформы даже старше афинских, что, по его мнению, вполне естественно, так как «основания для организации греческого общества и греческого государства были заложены в Ионии».⁸⁶

Отмена долгового рабства пролагала непроходимую грань между свободным бедняком и рабом. На Хиосе, где насчитывалось большое число рабов, гражданский коллектив благодаря этому мог сохранить единство и сплоченность. В противном случае он был бы беззащитен перед лицом рабов.

Конечно, данные источников очень скудны. Но все же в таком полисе, как Хиос, мы вправе ожидать последовательного проведения реформ для укрепления гражданского коллектива и, следовательно, минимальных «остаточных явлений» практики самозаклада.

Совсем иначе обстояло дело в тех районах, где греки столкнулись с прочной местной традицией, во многом усвоили ее и применились к ней. Об этом мы можем судить на основании документов из Галикарнасса и Александрии. Здесь, как мы видим, долговая кабала по-прежнему угрожает свободному греку. Гражданский коллектив этих полисов прибегает к иным мерам самозащиты: кабального раба продают за пределы государства. Когда продажа производится на месте, она, возможно, носит условный характер: покупатель получает право на труд, но не на личность должника.

Древние прекрасно понимали тот вред, который наносила гражданскому коллективу, его единству и боеспособности долговая кабала. У нас есть основания считать, что внутри большинства греческих общин свобода граждан находилась под защитой закона.

⁸⁵ См.: *M. N. Tod*. *A Selection of Greek Historical Inscriptions*, v. 1. Oxford, 1946, № 1.

⁸⁶ *U. Wilamowitz-Moellendorf*, *von. Nordionische Steine. Abhandlungen der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Classe*. Berlin, 1909, стр. 64 и сл. Ср.: *J. A. O. Larsen*. The origin of the counting of votes. *Classical philology*, v. 44, 1949, № 3, стр. 170 и сл., а также: *L. H. Jeffery*. The Courts of justice in archaic Chios. *BSA*, LI, 1956, стр. 166—167.

Положение резко менялось, когда грек покидал пределы своей родины. Его свободе угрожали пираты, торговцы рабами. Но в периоды затишья, когда между греческими городами царил мир, находились средства для борьбы с этой опасностью. Похитители рабов и пираты были вне закона в греческих полисах.

Самой серьезной угрозой свободе эллинов, как об этом можно судить, например, по диалогам Платона, были междоусобные войны греков. Для того чтобы ответить на вопрос о границах, отделявших в Греции свободных от рабов, необходимо познакомиться с практикой порабощения военнопленных-эллинов в Греции.

Глава III

ПОРАБОЩЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГРЕЦИИ

V — IV вв. до н. э.

Исследование вопроса о порабощении греков во время войн между греческими городами не лишено известных трудностей. В литературе до последнего времени не появлялось работ, специально посвященных указанной теме. Как правило, о порабощении военнопленных говорилось лишь попутно, в связи с какими-либо иными проблемами. Самые общие сведения приводились и в работах о греческом праве.¹

Только недавно этот немаловажный вопрос начал привлекать к себе внимание исследователей. Значительный интерес представляет в этом отношении статья Франца Кихле «О гуманности в способах ведения войны греческих государств».² В ней собран большой материал и сделаны интересные наблюдения. Однако далеко не все выводы Кихле представляются бесспорными. Его интересуют только случаи гуманного или жестокого отношения к военнопленным. Кихле отмечает лишь непосредственные результаты того или иного столкновения греческих государств: были пленные убиты, отпущены или порабощены. Дальнейшая их судьба его не интересует. Кихле также по существу оставляет в стороне вопрос о причинах, приводивших к тем или иным изменениям в обращении с пленными. Несмотря на целый ряд очень интересных выводов, статья Кихле далеко не исчерпывает проблему порабощения военнопленных.

¹ См., например: C. Phillipson. The international law and customs of ancient Greece and Rome. v. I—II. London, 1911. В советской историографии вопрос о войне, как об источнике рабства, ставился лишь на римском материале. См.: А. И. Павловская. Полибий о рабстве в III—II вв. до н. э. Война как источник рабства. ВДИ, 1963, № 3, стр. 95.

² F. Kiechle. Zur Humanität in der Kriegsführung der griechischen Staaten. Historia, Bd. VII, 1958, стр. 129 и сл. Справедливые критические замечания в адрес исследования Кихле были сделаны Финли (см.: M. I. Finley. Was greek civilisation based on slave labour? Historia, Bd. VIII, 1959, стр. 163, прим. 61).

В последнее время появились работы, специально исследующие вопросы, связанные с обращением в рабство на войне. Так, в 1954 г. вышло исследование Гизелы Микнат «Очерки по вопросу о плене и рабстве в греческой истории», а в 1961 г. статья Ганса Фолькмманна «Массовые порабощения жителей в эллинистическо-римское время».³ Но даже эти специальные исследования все же оставляют значительные лакуны. Прежде всего потому, что Гизела Микнат ограничилась пока материалами гомеровского времени; Ганса Фолькмманна, напротив, интересуют эллинистический и римский периоды. Данные более раннего времени — второй половины IV в. до н. э. — он привлекает только как материал для сравнения. Обе работы — и Микнат и Фолькмманна — построены на серьезной источниковедческой базе. В работе Фолькмманна есть раздел, посвященный наблюдению над специальными терминами, представляющий значительный интерес и для исследователей более ранних периодов. Выводы обеих работ могут служить серьезным подспорьем при изучении вопроса об обращении в рабство военнопленных греков в классический период.

Исследование вопроса о судьбе военнопленных в значительной мере затруднено состоянием наших источников. Фолькмманн прав, замечая, что авторы, как правило, сообщают лишь о тех последствиях войны, которые, с их точки зрения, достойны упоминания. Молчание того или иного источника о судьбе пленных еще не означает благоприятного для них исхода. Отношение к военнопленным не оставалось неизменным на всем протяжении многовековой истории Греции. В древнейшие времена при захвате чужого города победители уводили с собой только женщин. Все мужское население и дети (даже не родившиеся) подлежали обязательному уничтожению. Подобная жестокость диктовалась страхом мести. Детей уничтожали как возможных будущих мстителей. Гомеровские поэмы, как показывает Гизела Микнат, с достаточной полнотой иллюстрируют эту древнейшую практику.⁴ В тех же поэмах можно проследить и более поздние нормы, практиковавшиеся в междоусобных войнах греческих государств в собственно гомеровское время, когда детей уже не убивали, а порабощали вместе с женщинами.⁵ Это смягчение нравов Микнат вполне справедливо

³ G. Micknat. Studien zur Kriegsgefangenschaft und zur Sklaverei in der griechischen Geschichte. Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse, 1954, № 11, стр. 565 и сл.; H. Volkmann. Die Massenversklavungen der Einwohner erobelter Städte in der hellenistisch-romischen Zeit. Там же, 1961, № 3, стр. 117 и сл. Позднему периоду посвящена и статья А. И. Павловской «Полибий о рабстве в III—II вв. до н. э.» (ВДИ, 1963, № 3, стр. 95 и сл.).

⁴ G. Micknat. Studien zur Kriegsgefangenschaft. ..., стр. 508 и сл.

⁵ В рецензии на книгу Микнат Я. А. Ленцман отмечает насыщенность исследования конкретным материалом, однако подвергает сомнению концепцию автора, согласно которой порабощение женщин предшествовало появлению рабов-мужчин. Вместе с тем изменение отношения к захваченным на войне

связывает с развитием рабовладения и с увеличением потребности в рабах.⁶

Нормы классического периода необычайно ярко охарактеризованы Ксенофонтом, которому трудно отказать в близком знакомстве с военными нравами его времени. В «Киропедии» Ксенофонта (VII, 5, 73) мы встречаем упоминание о «законе, вечном и принятом всеми людьми», по которому все захваченное на войне является полной собственностью победителя: νόμος γάρ ἐν πάσῃ ἀνθρώποις αἰδίος ἐστίν, ὅταν πολεμοῦντων πόλις ἄλλω, τῶν ἐλόντων εἶναι καὶ τὰ σώματα τῶν ἐν τῇ πόλει καὶ τὰ χρήματα. «Закон-соглашение», в силу которого победитель полноправно распоряжается всем захваченным на войне, упоминает и Аристотель (Polit. I, 1255a, 6—7): 6 γάρ νόμος ομολογία τίς ἐστίν, ἐν ᾧ τὰ κατὰ πόλεμον κρατούμενα τῶν κρατούντων εἶναι φαίνονται. Аристотель, правда, сообщает о том, что это право войны неоднократно подвергалось нападкам многих законоучителей. Однако можно считать бесспорным, что право победителя на имущество и личность побежденного не представлялось для греков нарушением нравственного закона. Право на жизнь и собственность побежденного (χρήσθαι οὐ τι ἀνὰ βούλωνται) признавалось даже в тех договорах, которые заключались между двумя воюющими сторонами.⁷ Но как широко понималось в классический период это «право победителя» и как оно применялось на практике — на этот вопрос приведенные выше определения ответа по существу не дают. В литературе между тем можно встретить по этому поводу самые различные точки зрения.

Многие ученые полагают, что никаких существенных изменений в практике войны у греков не происходило. По их мнению, для V в. до н. э. также характерны нормы гомеровского времени, когда при захвате чужого города убивали всех мужчин и обращали в рабство женщин и детей.⁸ Целый ряд исследователей считает, что иллюстрацией обычного способа ведения войны у греков может служить отрывок из Полибия (V, 11, 3):⁹ τὸ μὲν γὰρ παρὰ τῶν πολεμίων καὶ καταφθεῖρειν φρούρια, λιμένας, πόλεις, ἀνδρας, ναύς, καρπούς, τάλαντα, τὰ τοῦτοις παρὰ πλῆσι, δι' ὧν τοὺς μὲν ὑπεραντίους ἀσθενέστερους ἀνὰ τίς ποιήσαι, τὰ δὲ σφέτερά τε πράγματα καὶ τὰς ἐπιβολὰς δυναμικωτέρας, ταῦτα μὲν ἀναγκάζουσιν οἱ πόλεμον νόμοι καὶ τὰ τοῦτου δίκαια ὄραν. Описание «законов войны» в V книге Полибия, как

детям Я. А. Ленцман согласен считать одним из признаков разновременности тех или иных слоев в поэме. См.: ВДИ, 1956, № 2, стр. 107—111.

⁶ Там же, стр. 609. Ср.: F. Kiechle. Zur Humanität..., стр. 130 и сл. См.: A. Aymard. Le partage des profits de la guerre dans les traites d'alliance antiques. Revue historique, 217, 1957, стр. 233 и сл. См. также: H. Volkmann. Die Massenversklavungen. ..., стр. 7.

⁸ См., например: Дж. Томсон. Исследования по истории древнегреческого общества, т. II. М., 1959, стр. 186.

⁹ См., например: С. Филипсон. The international law..., v. II. стр. 249.

нам представляется, не чуждо риторики и отражает отношение Полибия к жестокостям войны как таковой.¹⁰ Полибий осуждает бессмысленные и бесцельные разрушения и убийства, которые не сулят выгод одному из противников и не ослабляют сил другого (V, 11, 4—5).¹¹ Что же касается *τοὺς τοῦ πολέμου νόμους* в отношении побежденных, то в этом плане значительно больший интерес представляет отрывок из второй книги сочинения Полибия (II, 58, 9—10). Речь идет о судьбе Мантиней, разрушение которой в 223 г. до н. э. произвело на современников гнетущее впечатление (см.: Polyb. II, 56—61).¹² Полибий в силу своих политических симпатий не разделяет этого возмущения и всячески стремится оправдать действия Ахейского союза. Обвиняя своего предшественника (и основной источник) Филарха в том, что тот в рассказе о событиях в Мантинее намеренно сгущает краски, Полибий строит защиту ахейцев по двум линиям: 1) мантинейцы первыми совершили злодеяние и нарушили общечеловеческие права (*τα κοινὰ τῶν ἀνθρώπων δίκαια παρὰρὰντες*),¹³ 2) несмотря на вину мантинейцев, их участь была не тяжелее обычной участи побежденных, неповинных ни в каком преступлении.

Какова же эта обычная участь? — *πράθεντες μετὰ τέκνων καὶ γυναικῶν*. Ни о каком уничтожении людей (как в V, 11, 3) речи не идет. А между тем, если бы обычной участью было полное и всеобщее уничтожение, Полибий не мог этим не воспользоваться, так как его цель — показать, что мантинейцы потерпели даже меньше того, что заслужили.

В классический период убийство военнопленных, конечно, практиковалось и, как мы увидим дальше, достаточно часто. Но обычным и нормальным считать такое обращение с военнопленными все же не следует. По греческим нормам считалось предосудительным убивать врага, бросившего оружие и умоляющего о пощаде. О таком общепринятом у греков установлении сообщает Фукидид (III, 58, 3) в рассказе о переговорах платейцев с лакедемонянами: *ὥστε καὶ τῶν σωματῶν ἀδείαν ποιοῦντες ὅσα ἴν οἰκίζοιτε καὶ προνοοῦντες διὰ ἐκόντας τε ἐλάβετε καὶ χεῖρας προϊσχυμένους* (ὁ δὲ νόμος τοῖς Ἕλλησι μὴ κτείνειν τοὺτους). Этот «закон», по преданию, был дарован богами. Афиняне, например, получили его в эпоху царя Афейданта (предпоследнего паря из рода Тезея) от Зевса Додонского (Paus. VII, 25, 1—2). Зевс считался покровителем умоляющих, и пифия от его имени грозила возмездием нарушителям интересующего нас

¹⁰ Подробнее об отношении Полибия к произволу войны и о «законах войны» см.: F. Kiechle. Zur Humanität. . ., стр. 150 и сл.

¹¹ В данном случае Полибий осуждает разрушения, произведенные македонянами в Ферме, во время похода Филиппа в Этолию.

¹² См.: В. Тарн. Эллинистическая цивилизация. М., 1949, стр. 91.

¹³ Полибий обвиняет мантинейцев в том, что они сдали город лакедемонянам и тем самым обрекли на гибель ахейцев, которых сами призвали для охраны порядка.

обычая. Насколько действенной была такая угроза — судить трудно. В отдельных случаях она все же, по-видимому, производила впечатление (см.: Paus. IV, 24, 7; ср.: Thuc. I, 103, 2—3). Как бы то ни было, полностью пренебрегать ссылками на подобный *νόμος τοῖς Ἕλλησι*, нам кажется, не следует.

В научной литературе высказывались самые различные мнения о так называемом международном греческом праве. Эти разнообразные точки зрения подробно изложены в работе Филлипсона.¹⁴ Он справедливо критикует тех исследователей, которые находили в Греции целую систему ясно сформулированных законных установлений.¹⁵ Однако не менее категорически Филлипсон отвергает также и утверждение, что у греков вообще не было никаких общих норм и что греческие государства соблюдали в отношении друг друга лишь те обязательства, которые регулировались специальными договорами.¹⁶ Он пишет (стр. 60): «That the ancients possessed a complete system of international law, no one can justifiably assert. That they possessed important elements thereof which contributed greatly to subsequent juridical evolution is undeniable». Эта точка зрения представляется нам вполне оправданной.

У многих античных авторов мы встречаем упоминания о *τα κοινὰ τῶν Ἑλλήνων νόμιμα*, *τὰ νόμιμα τῶν Ἑλλήνων*, *τὰ κοινὰ τῶν ἀνθρώπων δίκαια* (см., например: Thuc. III, 59, 1; IV, 97, 2; Isocrat. XII, 170; Polyb. II, 58). Иногда сфера действия таких «законов» ограничивалась только эллинским миром, а иногда распространялась и на весь человеческий род.

В «Риторики» Аристотеля (I, 13, 2) понятие *κοινὸς νόμος* — общий закон — дано в отличие от *ἰδιὸς νόμος* — закон какого-то одного государства. Если *ἰδιὸς νόμος* мог быть как *ἄγραφος*, так и *γεγραμμένος*, то *κοινὸς νόμος* — это естественный, неписанный закон. Общегреческие установления принадлежали к числу *ἄγραφοι νόμοι*.¹⁷ Все они, по представлению греков, были установлены богами (см., например: Isocrat. XII, 169). В выработке норм общегреческого права большую роль сыграла общность религиозных представлений. Однако, как правильно отметил Филлипсон, не следует все сводить только к религии.

¹⁴ C. Phillipson. The international law..., v. I, стр. 46 и сл.

¹⁵ См., например: G. F. Schoemann. Griechische Alterthümer, IV. Aufl., neue bearb. v. J. H. Lipsius, v. II. Berlin, 1902, стр. 2 (далее: G. F. Schoemann — J. H. Lipsius).

¹⁶ В современной литературе такая точка зрения была высказана Гоммом (см.: A. W. Gomme. A historical commentary on Thucydides, v. I. Oxford, 1945, стр. 172—173).

¹⁷ Подробнее об этом см.: R. Hirzel. "Ἀγραφὸς νόμος. Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der Königlich Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, Bd. XX, № 1. Leipzig, 1903. Хирцель справедливо указывает (стр. 46 и сл.), что само понятие «gemeinen Gesetze der Hellenen» едва ли могло появиться раньше V в. до н. э. (до греко-персидских войн). Он отмечает также, что в V и IV вв. до н. э. усиливается интерес к *ἄγραφοι*, что связано с появлением представлений об естественном человеческом праве.

Эти общеэллинические обычаи регулировали отношения греческих государств. Нам известны общегреческие установления о правах послов и глашатаев, которыми обменивались государства и в военное и в мирное время, о пользовании гаванями и рынками, о неприкосновенности могил и храмов. Значительная часть обычаев, признаваемых всеми эллинами, касалась военных столкновений греков. Эти общегреческие правила ведения войны определяли процедуру объявления войны, обмена мертвыми телами для погребения и т. д. Существовало также много других общеобязательных норм, нарушение которых считалось бесчестным и преступным делом.

Иногда наказание виновных в нарушении неписанных законов брала на себя заинтересованная сторона. Так, из письма Филиппа ([Demosth.] XII, 4) мы узнаем об отлучении мегарцев от элевсинских мистерий за убийство афинского глашатая Анфемокрита (ср.: Paus. I, 36, 3). Обвинение в святотатстве нередко использовалось в политических целях — для объявления «священной войны» тому или иному государству.

С ростом экономических, культурных и политических связей между греческими полисами появлялось все большее число общеэллинических обычаев. Множились договоры отдельных государств, регулировавшие их взаимные отношения. Мы вправе предположить, что усложнение «международного греческого права» должно было вызвать также определенные сдвиги и в обращении с побежденными.

Отношение к военнопленным не могло оставаться неизменным. Нам представляется глубоко ошибочным стремление считать для V в. до н. э. нормой практику гомеровского времени. Кихле в своей работе, посвященной проблеме гуманности в греческих войнах, устанавливает для VI—IV вв. до н. э. периоды, резко отличающиеся друг от друга соблюдением или, наоборот, полным отказом от всяких гуманных норм в обращении с пленными. Цель его исследования — проследить общую линию постепенного смягчения военных нравов в Греции VI—IV вв. до н. э. Она заслуживает, на наш взгляд, самого серьезного внимания. В исследовании Кихле, как уже говорилось, вопрос о причинах, способствовавших смягчению нравов, по существу остается невыясненным. Нередко за причину принимается явление, которое в свою очередь требует объяснения.

К вопросу о причинах улучшения статуса военнопленных мы еще вернемся. Если же подытожить наблюдения Кихле, то в целом они сводятся к тому, что смягчение нравов тесно связано с возникновением различного рода объединений греческих государств. Продолжая эту мысль, можно добавить, что наибольшее ожесточение в греческих войнах, полное забвение всяких норм гуманности можно наблюдать в тех случаях, когда перевес получали не центростремительные, а центробежные силы, как например при распадении I Афинского морского союза.

Первые попытки повлиять на «практику» войны были сделаны дельфийской амфикицией. Клятва, которую приносили члены амфикиции, свидетельствует о том, что междоусобные войны не были запрещены даже для самих амфикиционов. Однако принесенная ими клятва (δρκοι) обязывала вести войну, не прибегая к слишком большим жестокостям.

По свидетельству Эсхина (II, 115), амфикиционы обязывались не подвергать насильственному изгнанию жителей городов, входивших в состав амфикиции: μηδεαὶν λόβιν τῶν Амфиκτιονιδῶν ἀνάστατον ποιῆσαι. Эсхин сообщает также, что членам амфикиции запрещалось лишать друг друга источников воды в дни войны и в дни мира.¹⁸ Нарушителя члены амфикиции обязывались подвергнуть наказанию. Кихле отмечает, что в VI в. до н. э., когда авторитет дельфийской амфикиции был очень высок, и, следовательно, клятва соблюдалась, мы не встречаем ни одного случая насильственного изгнания жителей какого-либо принадлежащего к амфикиции полиса.¹⁹ Следовало бы, конечно, добавить — насколько нам это известно, но эта фраза будет служить неизбежным рефреном для всех наших выводов в настоящей главе.

Консолидация сил греческих государств во время персидского нашествия и совместная борьба с персами также должна была уменьшить число конфликтов и ограничить порабощение соотечественников, каковыми греки с полной силой ощутили себя во время греко-персидских войн. Определенную роль в этом отношении сыграл Коринфский конгресс 481 г. до н. э., запретивший перед лицом угрозы со стороны персов столкновения между греческими городами. Конечно, далеко не все государства в Греции признали эти решения обязательными для себя. Однако по требованию конгресса был заключен целый ряд мирных договоров. Примирились, например, такие давнишние противники, как Афины и Эгина.²⁰

Все эти сдвиги в сторону смягчения нравов были, разумеется, временными и распространялись только на период консолидации сил, необходимой в связи с непосредственной угрозой со стороны персов; они носили ограниченный характер, поскольку касались далеко не всех греческих государств. Так, сразу же после окончания греко-персидских войн добровольных сторонников персов подвергали наказанию, взимая десятую часть в пользу дельфийского оракула — τοῦτοῦς δεκάτουσαι τῷ ἐν Δελφοῖς θεῷ (Herod. VII, 132; ср.: Diod. XI, 33).²¹

¹⁸ См.: J. A. O. Larsen. Federation for peace in ancient Greece. Classical philology, 39, 1944, № 3, стр. 146.

¹⁹ F. Kiechle. Zur Humanität. . . , стр. 135.

²⁰ См.: J. A. O. Larsen. Federation for peace..., стр. 151.

²¹ См.: RE, IV, 1901, s. v. δεκάτη, где δεκάτευσιν определено следующим образом: «d. h. die Ländereien sollten Eigentum des delphischen Tempels werden und den Zehnten des Ertrags dahin abführen».

Для середины V в. до н. э. угроза применения самых свирепых мер расправы была вполне реальной, особенно в тех случаях, когда причина столкновения казалась жизненно важной. Так, для мессенских изгнанников, получивших от афинян Навпакт, необходимо было укрепиться и расширить свои владения. В их борьбе с акарнанскими Эниадами, как для той, так и для другой стороны, хороши были все средства. Осажденные мессенянами жители Эниад предпочли добровольно оставить город, сдавшись на определенных условиях: *δείσαντες δὲ οἱ ἔνδον μὴ ἀλούσης τῆς πόλεως αὐτοὶ τε ἀπλόωνται καὶ γυναῖκες σφισὶ καὶ οἱ παῖδες ἑξάνδραποδιοσθώσιν* (Paus. IV, 25, 1—3). Правда, эти события происходили, как отмечает Кихле, на диком Западе (rauhem West).²² Но и для более культурных областей Греции у нас нет оснований исключать подобную практику.

И все же в V в. до н. э. в Греции были сделаны определенные шаги по пути смягчения жестокостей военных нравов. Для первой половины V в. до н. э. источники наши скудны. Что же касается «Истории» Геродота, то она, как нам представляется, может дать материал для значительно большего числа наблюдений, чем это сделано у Кихле. Примечательно, на наш взгляд, то обстоятельство, что у Геродота, при всей его склонности к ярким краскам, мы довольно редко встречаем рассказы о поголовном истреблении пленных в греческих междоусобиях. Кихле несомненно преувеличивает, утверждая, что Геродот во многих местах сообщает о кровавых расправах с побежденными (стр. 132, прим. 1). Из трех приведенных им примеров один (VI, 75) содержит рассказ о жестокости Клеомена, которого постигает наказание за святотатство; второй (V, 1)—уничтожение войска перинфян македонским племенем пэонийцев, строго говоря, не может быть использован для иллюстрации греческих нравов; и, наконец (V, 85), — истребление афинского десанта на Эгину (до единого человека). В данном случае крайняя жестокость в отношении побежденного противника объясняется чрезвычайной остротой взаимной вражды, которую издавна питали друг к другу жители Афин и Эгины (см.: Thuc. IV, 57, 3).

Однако число таких примеров у Геродота вряд ли может быть значительно увеличено. Обращение в рабство встречается у Геродота несравненно чаще, чем поголовное истребление. Сам Геродот к взаимному порабощению греков, близких друг к другу по крови (*οἰασιουσ*), относился с осуждением (см. I, 151; V, 49). Геродоту не чуждо и представление о родственности всех греков — *τὸ Ἑλληνικόν, ἓν ὅμασιόν τε καὶ ὁμόλογον* (VIII, 144). Его «История» дает основания утверждать, что в V в. до н. э. уже появились факторы, существенно ограничивавшие и обращение в рабство военноплен-

ных-греков. Речь идет прежде всего о развитии выкупной практики. Выкуп пленных производился с очень давних пор. О выкупе пленных, захваченных в ходе Троянской войны, упоминает Гомер. Микнат отмечает, однако, что выкуп или продажа в рабство воинов имели место только в отношении пленных, захваченных на поле боя или случайно попавших к врагу за стенами города. Всех мужчин, оказавшихся в плену после сдачи города, в гомеровское время обычно умерщвляли.²³ Выкупная сумма — *ἀποῖνα* (синоним *λύτρα*), по Гомеру, очень высока. Выкуп состоит из дорогостоящих металлов — золота, бронзы и «тщательно обработанного железа» (*χαλκός τε χρυσός τε πολὺκιβτός τε σίδηρος*). Размеры суммы не указываются, но обычное определение при *ἀποῖνα* — *ἀπερείσια*,²⁴ т. е. бесчисленный, беспредельный.

У Геродота мы впервые встречаем определенную выкупную таксу, применявшуюся в конце VI в. до н. э., во время войн между различными греческими государствами. Так, выкуп (*ἀποῖνα*)²⁵ в две мины был установлен между государствами Пелопоннеса (Herod. VI, 79 — *ἀποῖνα δὲ ἐστὶ Πελοποννησίοισι δύο μνᾶι τεταγμένα κατ' ἄνδρα αἰχμάλωτον ἐκτίνειν*). Partitivus Perfecti позволяет предположить, что норма выкупа, установленная в древности, продолжала существовать и во времена Геродота.

Такса в две мины была, по-видимому, принята не только в Пелопоннесе, но и во всей Греции. В пользу этого, как нам представляется, свидетельствует тот факт, что выкуп также в две мины афиняне установили для пленных беотийцев и халкидян (Herod. V, 77 — *ἐλυσάν σφεας δῖμνβως ἀποτιμησάμενοι*). Определенную выкупную сумму (*λύτρον τι τεταγμένον*) взыскивали друг с друга во время непрерывных войн коринфяне и мегаряне (Plut. Quaest. graec. 17, 295c). Плутарх сообщает об этом в небольшом экскурсе по поводу слова «*δορυξενος*».

Нам кажется, что такая определенная такса могла появиться лишь в результате частого обращения к выкупной практике. Установленная сумма свидетельствует о серьезных сдвигах в области международного права у греков, о стремлении воюющих государств идти друг другу навстречу в таком остро важном вопросе, как выкуп сограждан. Освобождение из плена было, конечно, одной из обязанностей общин в отношении ее членов. О развитии международных отношений свидетельствует также та помощь, которую оказывали друг другу греческие государства в выкупе сограждан. Так, самосцы выкупили у персов пятьсот афинян, которые были взяты в плен войском Ксеркса (см.: Herod. IX, 99).

²³ См.: G. Micknat. Studien... , стр. 595 и сл.

²⁴ На ценность выкупа указывают также определения *αἰλαα* и *ἀξία*. См. об этом подробнее: G. Micknat. Studien..., стр. 598, прим. 3.

²⁵ У Геродота мы встречаем для обозначения выкупа как раннее *αἰοῖνα*, так и позднейшее *λύτρα* (см.: V, 77).

По мнению Кихле, в период пентаконтэтии обращение в рабство жителей побежденного греческого полиса уже отошло в прошлое, так же как и уничтожение побежденного населения.²⁶

Конечно, такое категорическое утверждение грешит преувеличением. Порабощение военнопленных и даже населения целого города случалось и в то время. Так, в 446 г. до н. э. афиняне обратили в рабство (*ἀνδραποδίαντες*) жителей Херонеи (Thuc. I, 113, 1) Правда, по мнению Гомма, порабощены были только олигархи, захватившие в городе власть после изгнания демократов.²⁷ К тому же афиняне потеряли всех пленников, так как на обратном пути они подверглись нападению объединенных сил беотийских изгнанников из Орхомена и локров, эвбейских изгнанников и, потерпев поражение, были выпущены из пределов Беотии по договору (Thuc. I, 113, 2—3).

В целом наблюдение Кихле все же представляется нам правильным. Возникновение таких крупных объединений, как Пелопоннесский и Афинский морской союзы, значительно сократило число конфликтов между греческими городами. Примеры порабощения и тем более избиения покоренного противника в этот период очень немногочисленны.²⁸ Эти крайние меры заменяет принудительное выселение — мера, конечно, более гуманная.²⁹ Возражение напрашивается само собой — насколько следует доверять источникам, которые могут и умалчивать о судьбе побежденных? Фукидид, например, рассказывая о подавлении мятежа самосцев в 440 г. до н. э., упоминает лишь о том, что после сдачи Самоса были скрыты укрепления и выданы заложники; афиняне отобрали у самосцев корабли и обязали их уплатить военные издержки (Thuc. I, 117, 3). Ни с каком наказании предводителей мятежа у Фукидида не говорится. Диодор между тем сообщает, что Перикл не только взыскал с самосцев военные издержки, но и наказал виновных (XII, 28, 3). Как это отметил уже Бузольт,³⁰ сомневаться в правильности сообщения Диодора нет никаких оснований. Однако подавление мятежа самосцев интересно для нас не только как пример относительной точности даже «Истории» Фукидида — источника серьезного и надежного. Борьба афинян с самосцами — это несомненно наиболее яркое проявление взаим-

ной вражды военных противников того времени. Плутарх (Pericl. 26) дополняет сведения Фукидида и Диодора рассказом о клеймении, которому подвергали пленных как афиняне, так и самосцы.³¹ Расправа афинян с самосцами произвела на современников неизгладимое впечатление. В начале Пелопоннесской войны на действия афинян как на своего рода прецедент ссылались коринфяне. Напоминая о своем нейтралитете во время подавления самосского восстания, коринфяне требовали от афинян отказать Керкире в помощи, поскольку каждый имеет право наказывать своих союзников (Thuc. I, 40, 5).³² После Пелопоннесской войны, когда Афинам зачитывалась любая вина, жестокость, проявленная афинянами по отношению к самосцам, многократно преувеличивалась (Plut. Pericl. 28). Впечатления современников от расправы с самосцами не поблекли даже на фоне тех ужасов, которые пережили жители многих греческих городов в конце V—начале IV вв. до н. э. Их отзвуки мы находим и в «Пестрых рассказах» Элиана (II, 9), где в сильно искаженном виде предстает перед нами очень характерный перечень наиболее жестоких преступлений, которые ставились афинянам в вину.³³ По нашему мнению, расправа с самосцами представлялась современникам явлением исключительным, и именно поэтому история самосского мятежа, на наш

³¹ По Плутарху, самосцы выжигали на лбу афинян совы, а афиняне у самосцев самэну (вид корабля). По Элиану (V. Н. II, 9) и Свиде (s. v. Σαρών ὁ δῆμος ἐστὶν ὡς πολυῤῥάκιος) напротив — афиняне выжигали на самосцах клейма в виде совы, а самосцы на афинянах в виде самэны. Версия Элиана дает основание предполагать обращение военнопленных в рабство, так как сова служила как бы гербом афинян, а самэной могли метить самосских рабов. Клеймение пленных, как правило, производилось для того, чтобы заявить на них права собственности. Так, персы клеймили фиванцев царским знаком (Herod. VII, 233), а сиракузцы афинян — клеймом в виде лошади (Plut. Nic. 29). См.: С. Phillipson. The international law..., v. II, стр. 260.

Гомм отмечает явную передержку со стороны коринфян, поскольку Керкира не была ни их союзником, ни членом пелопоннесской лиги (см.: А. W. Gomme. A historical commentary on Thucydides, v. I, стр. 174—175).

³³ Первым в этом списке Элиан упоминает постановление об отрубании у жителей Эгины большого пальца правой руки. Гомм называет это постановление clearly аrostyphal (см. там же, стр. 355, прим. 1). Нам представляется, что в этом апокрифическом декрете по поводу Эгины отразился более поздний закон, принятый афинянами после битвы при Аргинусах (о нем подробнее дальше). Затем у Элиана следует постановление по поводу митиленян, которое — об этом Элиан не упоминает — не было проведено в жизнь. Приводя постановление о митиленянах, Элиан, как нам представляется, сливает воедино судьбы торонцев, скионцев и других жителей греческих городов, в расправе с которыми усматривали главное преступление афинян во время Пелопоннесской войны (об этом также подробнее дальше). Последним Элиан называет постановление афинян о клеймении самосцев. Как отмечает Гомм (там же), сообщение Элиана о специальном декрете не внушает доверия, так же как и остальные его сведения, приведенные в этом отрывке. Однако для каждого из них, как мы видим, можно найти действительный источник. Самый же подбор фактов не случаен, и упоминание о расправе с самосцами в этом перечне свидетельствует о значении этого факта.

²⁶ См.: F. Kiechle. Zur Humanität. ., стр. 136 и сл.

²⁷ См.: А. W. Gomme. A historical commentary on Thucydides, v. I, стр. 338. Гомм отмечает также, что многие издатели вообще опускают *ἀνδραποδίαντες*, так как в лучших списках это слово отсутствует.

²⁸ См., например, сводку международных событий с 478 по 432 г. до н. э., составленную Гоммом (А. W. Gomme. A historical commentary on Thucydides, v. I, стр. 394—396; ср.: САН, v. V, 1935, стр. 50 и сл.).

²⁹ См., например: Plut. Pericl. 23, где говорится о том, что Перикл изгнал гестицев за то, что они во время отпадения Эвбеи от Союза, захватив аттический корабль, перебили всех пленников. Ср.: Thuc. I, 114, 3; Diod XII 7 30 G. Busolt. Griechische Geschichte, t. III, I. Gotha, 1897 стр 553 прим. 2.

взгляд, подтверждает наблюдение Кихле о значительном смягчении нравов в период пентаконтаэтии.

Каковы же причины такого заметного сдвига? Для Кихле по существу все сводится к распространению идей гуманизма и предостережений об единстве эллинов. Общеизвестно, что греко-персидские войны сыграли значительную роль в развитии этих представлений. К концу V в. до н. э. мир эллинов уже резко и отчетливо противопоставляется миру варваров. Причиной расцвета эллинского «национализма» послужил несомненно массовый наплыв рабов варварского происхождения, хлынувших на греческие рынки со времен похода Кимона в Малую Азию и Фракию.³⁴ Известно, что после битвы при Эвримедонте Кимон захватил 20 тысяч пленных (Diod., XI, 62, 1). К этому известию Диодора Вестерманн, правда, склонен относиться со скептицизмом, поскольку Диодор единственный источник, сообщающий об этом факте.³⁵ Кроме того, неизвестно, были ли пленные проданы в рабство или выкуплены персами. По сообщению Плутарха (Симон 9, 2—6), пленных, захваченных в Сесте и Византии, Кимон отпускал за большие деньги. Зато ни малейших сомнений не вызывает судьба жителей фракийского города Эйон, занятого персами, и долопов, обитавших на Скиросе. По вполне надежному свидетельству Фукидида (Thuc. I, 98, 1—2), те и другие были обращены в рабство. Что же касается битвы при Эвримедонте, то сведения Диодора, как кажется, можно дополнить данными Плутарха из биографии Кимона. Вначале (13, 2) Плутарх сообщает о захвате пленных и палаток, полных всякого добра после победы над варварами. А затем (13, 5) мы узнаем о распродаже военной добычи, в результате которой афинский народ обогатился — *πραθέντων οὐ τῶν αἰχμαλώτων λαφύρων*.³⁶ Термин *λάφυρα*, к сожалению, многозначен. В словаре Лиддел-Скотта *τά λάφυρα* (s. v.) определено как «добыча, захваченная на войне» (spoils taken in war). Случаи употребления *τά λάφυρα*, приведенные в словаре, подтверждают широкое значение термина как добычи вообще, причем пленные также могут входить в ее состав (см., например: Xen. Hell. V, 1, 24).

У Плутарха, однако, мы встречаем *τά αἰχμάλωτα λάφυρα*, буквально — добыча, захваченная копьем. *Τα αἰχμάλωτα*, как отмечает словарь Лиддел-Скотта, может означать и неодушевленную добычу. С. Соболевский и Аристофан и его время. М., 1957, стр. 300.

40 О захвате рабов в западных
³⁴ См.: С. Я. Лурье. Геродот. М.—Л., 1947, стр. 46 и сл.

³⁵ W. L. Westermann. The slave systems of greek and roman antiquity. Philadelphia, 1955, стр. 7. См. также: Я. А. Ленцман. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963, стр. 42, где позиция Вестерманна подвергнута справедливой критике.

³⁶ Ср. Plut. Pericl. 9, где говорится о том, что Кимон одержал блестящие победы над варварами и наполнил Афины множеством денег и добычи. Здесь употреблен тот же термин (*χρημάτων πολλῶν καὶ λαφύρων*).

добычу.³⁷ Но в подавляющем большинстве случаев *αἰχμάλωτος* все же означает «военнопленный».³⁸ С нашей точки зрения, проданная, по сообщению Плутарха, *τά αἰχμάλωτα λάφυρα* без всяких сомнений включала военнопленных, захваченных при Эвримедонте, о которых сообщалось всего несколькими строками выше.

Конечно, многие из варваров, обращенных Кимоном в рабство, были проданы (или выкуплены) тут же на Востоке. Однако купить их могли, и, по всей вероятности, скупили греческие купцы, следовавшие обычно в походе за войсками. На наш взгляд, нет никаких оснований сомневаться в том, что после походов Кимона греческие рынки действительно были наводнены рабами-варварами.

Война с варварами дала одновременно огромную массу рабов. Но и после войны не было недостатка в способах пополнения числа рабов негреческого происхождения: пиратство и охота на людей, торговля иноземцами. Огромную роль здесь играли греческие города, расположенные на периферии греческого мира.

Большое число рабов в Грецию доставляли фессалийцы (см.: Aristoph. Plut. 521; schol. ad loc.).³⁹ Положение Фессалии на периферии греческого мира в близком соседстве с малоразвитыми северными племенами способствовало тому, что фессалийцы с давних пор обращались к опасному и позорному промыслу охоты на людей. Распространение греческих колоний на Запад, установление торговых связей с Карфагеном не могли не сказаться на состоянии работорговли. На греческих рынках появились рабы из далеких и малоизвестных областей.⁴⁰ Но наиболее важную роль в снабжении Греции рабами играли Скифия, Иллирия, Фракия, Пафлагония, Лидия, Сирия.⁴¹ В поставках рабочей силы из этих областей большую роль, помимо фессалийцев, должны были

³⁷ Liddel-Scott, I, v. *αἰχμάλωτος*; — *τά αι.* —booty; Xen. Hell. IV, I, 26; Anab. IV, 1, 13 — в обоих случаях речь идет о добыче, которую можно унести.

³⁸ См. основное определение в словаре: Liddel-Scott, s. v. *αἰχμάλωτος*; — taken by the spear, captive, prisoner. Ср.: Pape, s. v. — *besonders von Menschen*. Глагол *αἰχμαλωτίζω*, как указывает Фолькманн, может относиться и к вещам, и к людям (см.: H. Volkmann. Die Massenversklavungen. . . , стр. 127). Однако у Гесихия мы встречаемся с определением *αἰχμαλωτίζεσθαι* — *εἰς Βουλείαν ἄγοντα μετὰ βία*; (s. v. *αἰχμάλωτος*), также оттеняющим то обстоятельство, что *αἰχμαλωτίζω*, как и *αἰχμάλωτος*, чаще всего относятся к людям.

И. Соболевский. Аристофан и его время. М., 1957, стр. 300. районах Средиземноморья см. подробнее главу VIII.

⁴¹ См.: W. L. Westermann. The slave systems..., стр. 7. Соболевский отмечает, что у Аристофана нет ни одного Дава и Гета, обычных у Менандра. По его мнению, это связано с тем, что во времена Аристофана рабы из этих местностей (около устьев Дуная) в Афины не доставлялись. Возможно также, как указывает Соболевский, что все рабы из мест, соседних с Фракией, привозились в Афины под общим именем фракийцев. См.: С. И. Соболевский. Аристофан и его время, стр. 300.

сыграть причерноморские колонии и греческие города, расположенные на малоазийском побережье.

Наиболее важную роль в греческой работорговле играли острова, находившиеся у побережья Малой Азии, в непосредственной близости к «варварским» странам, и среди них Самос и особенно Хиос. Именно на конец VI—V вв. до н. э. падает особый расцвет Хиоса как рабского рынка. Хиос, бесспорно, выступал посредником в торговле людьми между Западом и Востоком. Свои торговые связи с персидской державой Хиос охранял весьма упорно. При этом рабы, конечно, занимали немалое место в его торговом обмене. Вестерманн отмечает, что в VI—V вв. до н. э. в западных провинциях персидской державы находились крупнейшие рынки рабов.⁴²

В V в. до н. э. варвары составляли основную массу рабов в греческих городах.⁴³ Это и была основа для расцвета идей единства эллинов, превосходства эллинов над варварами, идеи тождества понятий «варвар» и «раб». Для возникновения таких идей требовалось время. Они сложились лишь к концу V в. до н. э. и окончательно оформились в IV в. до н. э. Но на судьбе военнопленных-греков обилие варваров-рабов могло сказаться и раньше. Убивать побежденного противника-эллина постепенно признавалось греками все более постыдным,⁴⁴ а поработать — попросту невыгодным. Должно было появиться и представление о нерентабельности взрослого раба-грека, способного носить оружие, но непривычного ни к какому труду. Это интересное наблюдение было сделано Дж. Томсоном.⁴⁵ Однако на его основе Томсон приходит к совершенно неоправданному выводу о прочном установлении в V в. до н. э. практики умерщвления военнопленных-мужчин. С нашей точки зрения, представление о нерентабельности труда военнопленных-греков должно было способствовать замене порабощения выкупом. Свидетельство тому — определенная такса выкупных сумм, существование которой для V в. до н. э. прослеживается достаточно четко (см. об этом стр. 57). Невыгодность порабощения греков, при огромном наплыве на греческие рынки рабов-варваров, не могла не привести к отмеченному Кихле смягчению нравов в отношениях между эллинскими городами в период пентаконтаэтии. Этому смягчению нравов способствовали также объединительные тенденции, господствовавшие в Греции в указанный период.

⁴² См.: W. L. Westermann. The slave systems..., стр. 6.

⁴³ См.: B. Büchschütz. Besitz und Erwerb im griechischen Alterthum, Halle, 1869, стр. 116.

⁴⁴ В V в. до н. э., как уже было сказано, все большее внимание привлекают неписанные законы (*сфрафа*), большая часть которых защищала естественные права человека (см. прим. 17 в настоящем издании).

⁴⁵ Дж. Томсон. Исследования по истории древнегреческого общества, т. II, стр. 186 и сл.

Факты взаимных жестокостей, приведенные Томсоном, нимало не колеблют это наблюдение, сделанное Кихле. Достаточно сказать, что большая часть примеров, приведенных Томсоном, относится ко времени Пелопоннесской войны.⁴⁶ Однако уже современники отмечали, что Пелопоннесская война во многих отношениях значительно отличалась от всех предыдущих. За время этой войны, сообщает Фукидид (I, 23, 1—2), «Эллада испытала столько бедствий, сколько не испытывала раньше в равный промежуток времени. Действительно, никогда не было взято и разорено столько городов, частью варварами, частью самими воюющими сторонами (в некоторых городах, после завоевания их, переменилось даже население), не было столько изгнаний и смертоубийств, вызванных или самою войною или междоусобицами».

Нет сомнений, что нравы Пелопоннесской войны не были характерны для времени, ей предшествующего. Есть также основания полагать, что и в IV в. до н. э., во второй его половине, произошли серьезные сдвиги, существенно изменившие судьбу греческих военнопленных.

Период, для которого характерны чрезвычайно суровые методы ведения войны, был достаточно длительным. Он охватывает конец V в. и всю первую половину IV в. до н. э. Но даже и в эти смутные времена можно обнаружить характерные моменты, свидетельствующие о сохранении целого ряда общих закономерностей.

Прежде всего в теории мы по-прежнему встречаемся со ссылками на общеэллинские нормы, обычаи — νόμος τῶν Ἑλλήνων (Thuc. III, 59, 1; 67, 6) и, в частности, на обычай, запрещающий убивать молящего о пощаде (Thuc. III, 58, 3). Очень популярны всякого рода обвинения в жестокостях в отношении эллинов. Так, под девизом возмездия за преступления против эллинов решалась судьба побежденных афинян (см.: Xen. Hell. II, 2, 3; ср. II, 1, 30 и сл.).

Пелопоннесская война дает нам достаточно примеров чрезвычайно свирепых расправ с военнопленными-греками, в которых повинны как афиняне, так и спартанцы.⁴⁷ Однако наиболее жесто-

⁴⁶ Ту же тенденцию считать, что нормы или, вернее, отсутствие норм во времена Пелопоннесской войны и в первой половине IV в. до н. э. является обязательным и для других периодов греческой истории, можно часто встретить в литературе. См., например, соответствующие разделы в книге Филиппсона. Используя в основном примеры периода Пелопоннесской войны, Филиппсон приходит к тому выводу, что при взятии города у греков было общим законом истребление мужчин и продажа женщин и детей (см.: C. Philippton. The international law..., v. II, стр. 251). Это мнение полностью разделяет и Тарн (см.: В. Тарн. Эллинистическая цивилизация, стр. 91 и прим., 10).

⁴⁷ Кихле склонен чрезмерно преувеличивать жестокость афинян и всячески оправдывать спартанцев (см.: F. Kiechle. Zur Humanität..., стр. 141 и прим. 2). По его мнению, только благодаря спартанцам не было полностью предано забвению представление о том, что недопустимо поработать οἰαίμοις.

кие преступления в подавляющем большинстве случаев преследовали определенные политические цели.

В начале войны лакедемоняне убивали без разбора всех захваченных на море (Thuc. II, 67, 4; III, 32, 1). Так погибло много афинских, союзных и нейтральных купцов. Эта мера, конечно, должна была способствовать нарушению нормальных торговых связей, в которых были остро заинтересованы афиняне. Но уже в летнюю кампанию 427 г. до н. э. отношение лакедемонян к военнопленным меняется. Фукидид (III, 32, 2) сообщает о том, что спартанский военачальник Алкид, отплывший на помощь Лесбосу, умертвил большую часть пленников, захваченных во время плавания. Однако граждан Хиоса и некоторых других городов он отпустил. По словам Фукидида, это было сделано под влиянием самосцев, убеждавших Алкида не убивать тех, кто ему не враждебен и состоит в вынужденном союзе с Афинами. Своими действиями, заявили самосцы, Алкид вооружает против себя друзей.⁴⁸

По мере того как афинских союзников все более явно раздражала тяжесть афинского гнета, спартанские военачальники стремились привлечь к себе недовольных. Как сообщает Фукидид (IV, 81, 2), Брасид вел себя во Фракии справедливо и умеренно по отношению к городам и большинство из них отторгнул у афинян.⁴⁹ Дипломатические соображения не могли не сказаться также и на спартанских решениях вопроса о военнопленных.

Поражает прежде всего то исключительное доверие, с которым Кихле относится к риторике Ксенофонта в рассказе о милосердии Калликратида (Hell. I, 6, 14 и сл.—подробнее об этом дальше). Нельзя согласиться с утверждением Кихле о том, что единственным серьезным проступком Спарты во время Пелопоннесской войны была резня в маленьких Гисиях в 417 г. до н. э. (Thuc. V, 83, 2; ср.: Diod. XII, 81, 1). При уничтожении Платеи спартанцы стремились не столько к защите общеэллинских законов, на которые ссылались фиванцы (Thuc. III, 67, 6), сколько к устрашению афинских союзников. Кихле обходит молчанием также сообщение Фукидида (II, 67, 4) о том, что в начале войны спартанцы убивали как врагов всех пленных, захваченных на море (ср. III, 32, 1). Эта участь постигла не только афинян и их союзников, но также и тех, кто не принадлежал ни к одной из воюющих сторон. Фукидид использует этот пример жестокости спартанцев, для того чтобы оправдать действия афинян, захвативших на море спартанских послов и умертвивших их без суда. Наконец, Лисандр казнил три тысячи афинян, захваченных после битвы при Эгоспотамах (Xen. Hell. II, 1, 32; Plut. Alcib. 37; Lysandr. 13).

⁴⁸ В ту же летнюю кампанию 427 г. до н. э. лакедемонские судьи вынесли суровое решение участи сдавшейся спартанцам Платеи. Было казнено 200 платейцев (и вместе с ними 25 афинян); оставшихся в городе женщин и детей продали в рабство (Thuc. III, 68, 2; Demosth. LIX, 103). Мягкое обращение с пленными Хиоса преследовало определенные дипломатические цели, которыми спартанцы отнюдь не задавались в отношении Платеи. Этот афинский форпост в Беотии они стремились полностью стереть с лица земли.

⁴⁹ Ср.: Thuc. IV, 85—87, где приведена речь Брасида. В этой речи говорится о миролюбивых намерениях спартанцев, готовых оказать помощь тем, кто поработен афинянами; ср. также 106—123, где сказано о переходе на сторону Брасида целого ряда городов, в том числе Скионы и Тороны.

Политические мотивы выступают особенно отчетливо в тех жестоких расправах с побежденными, которые чинили во время войны афиняне. В ходе войны они неоднократно прибегали к самым крайним мерам: уничтожению мужчин захваченного города и продаже в рабство женщин и детей. Эти меры обсуждались уже во время решения судьбы Митилены (427 г. до н. э.) и были вначале утверждены, но сразу же отменены афинским народным собранием (все же около тысячи⁵⁰ митиленян — зачинщиков мятежа — были казнены; Thuc. III, 50, 1). Полемика по поводу участи митиленян, подробно изложенная Фукидидом (III, 36—49), представляет, на наш взгляд, очень большой интерес. Речь Клеона, сторонника полного уничтожения Митилены, содержит аргументы в пользу твердой и жестокой политики: обойтись с митиленянами мягко значит признать за ними право отложиться от союза и, следовательно, признать незаконность своего господства. Достойная кара послужит предостережением другим союзникам. С ними не придется тогда бороться и все силы можно будет направить против основного врага. Доводы сторонников противоположной точки зрения сводились, по Фукидиду, к следующему: смертная казнь не сможет предотвратить восстаний. За союзниками следует внимательно наблюдать и действовать так, чтобы им даже не приходила в голову мысль об отпадении. Казнив митиленян, афиняне оттолкнул от себя демократические партии союзных городов и превратят дружественную им часть населения во враждебную.

Насколько точно Фукидид воспроизводит речи, произнесенные в действительности, это вопрос, конечно, спорный.⁵¹ Но в любом случае в них отражены взгляды, бытовавшие в тот период, когда создавалась история Пелопоннесской войны. Речи, приведенные Фукидидом, свидетельствуют о том, что современники прекрасно понимали политический характер тех жестоких мер, к которым вынуждены были прибегнуть афиняне в ходе войны и которые впоследствии многократно ставились им в вину.

Наиболее полный перечень преступлений афинян приводит Ксенофонт (Hell. II, 2, 3). Он сообщает, что после поражения при Эгоспотамах афиняне ожидали в отношении себя того же, чему они подвергли мелосцев, гестийцев, скионцев, торонцев, эгинян и многих других эллинов.

У Фукидида мы находим сведения о судьбе пострадавших. В 422 г. до н. э. после взятия Тороны были проданы в рабство

⁵⁰ ὀλίγω πλείους χιλίων. О правильности этой цифры см.: A. W. Gomme. A historical commentary on Thucydides, v. II, 1956, стр. 325 и сл.

⁵¹ О речах у Фукидида см.: A. W. Gomme, Essays in greek history and literature. Oxford, 1937, стр. 156 и сл. Гомм считает, что в передаче речей Фукидид был столь же добросовестен, как и в изложении событий. О добросовестности Фукидида, по его мнению, свидетельствуют употребляемые при передаче речей выражения ἐλεγε τοιαύτα, τοιαῦτα μὲν εἶπεν в противоположность ταδε и ταῦτα у Геродота.

женщины и дети; мужчин, оставшихся в живых, отправили в Афины, где содержали их в тюрьме вплоть до соглашения об обмене (Thuc. V, 3, 2—4). Судьба Скионы и Мелоса была еще ужаснее. При взятии этих городов в 421 и 416 гг. все мужчины были перебиты, а женщины и дети проданы в рабство (Thuc. V, 32, 1; 116, 4). Гестиейцев еще в 445 г. до н. э. (Thuc. I, 114, 3; ср.: Diod. XII, 7, 4; Plut. Pericl. 23; Strabo X, 1, 3—4), а эгинян в 430 г. до н. э. (Thuc. II, 27; ср.: Plut. Pericl. 34) афиняне вынудили покинуть родные города. Позднее афиняне убивали эгинян, захваченных в плен (Thuc. IV, 57, 3).

Маловероятно, чтобы Ксенофонт не упомянул какие-нибудь города, также уничтоженные афинянами. Можно предположить, конечно, что *καὶ ἄλλους πολλούς* скрывает за собой менее значительные города. Но и Мелос, и Скиона, и Торона были очень незаметными полисами. Это обстоятельство отмечает Исократ (XII, 63 и 70).

Нам представляется, что крайние меры афиняне применили только к этим трем городам. В источниках мы находим подтверждение тому, что и в IV в. до н. э. самым тяжелым злодеянием афинян считалось уничтожение все тех же Скионы, Тороны и Мелоса (см.: Isocrat. IV, 100; Arrian. Anab. I, 9, 5; ср.: Aelian. (V. Н. II, 9). Хара ктерно при этом, что Фукидид (V, 3, 2—4 и 32, 1) лишь бегло упоминает о расправе с афинскими союзниками — торонцами и скионцами. Причины этой расправы представлялись ему вполне очевидными. Судьба торонцев и скионцев должна была послужить примером для остальных афинских союзников (ср.: Diod. XII, 76, 3 — *παράδειγμα πᾶσιν ἀπέδειξαν τὴν ἐκ τῶν Σκιωναίων τιμωρίαν*). Но на мотивах, которыми руководствовались афиняне при решении участи Мелоса, он останавливается чрезвычайно подробно в рассказе о переговорах афинян с мелосцами (V, 85—113). Афиняне во время этих переговоров потребовали от мелосцев присоединения к союзу на том основании, что нейтралитет Мелоса, как они утверждали, обнаруживает слабость Афин. Для афинян, говорится в одной из речей, страшны не обитатели материка, а не покоренные еще островитяне и те, кто раздражен своим подчинением власти Афин. Налицо политический мотив — стремление укрепить пошатнувшийся авторитет Афин в глазах союзников. Вместе с тем уничтожение Мелоса должно было нанести чувствительный удар лакедемонянам.

Перед самым концом войны афиняне прибегли еще к одной, чрезвычайно свирепой мере. Ксенофонт (Hell. II, 1, 30 и сл.) сообщает о ней следующее: «против афинян выдвигался ряд обвинений как по поводу тех преступлений, которые они уже совершили, так и по поводу тех, которые они собирались совершить в силу решения народного собрания, постановившего, чтобы у всех пленных была отрублена правая рука». Закон об отрубании руки был принят афинским народным собранием после битвы при Аргину-

сах.⁵² Слова Ксенофонта *ἐψηφισμένοι ἦσαν ποιεῖν* свидетельствуют о том, что этот суровый закон был принят, но еще не применялся. Сведения Ксенофонта значительно расходятся с теми данными, которые приводит Плутарх в биографии Лисандра (Plut. Lysandr. 9). Плутарх, в частности, приписывает авторство закона афинскому стратегу Филоклу. Для биографии Лисандра Плутарху основным источником послужила «Греческая история» Ксенофонта. Но сведения об интересующем нас законе (и в особенности имя его автора) Плутарх мог заимствовать из сочинения Феофраста. Именно на Феофраста ссылается Плутарх (Lysandr. 13) в рассказе о последних словах Филокла перед казнью. Более вероятно, однако, что этот бесчеловечный закон был впоследствии приписан Филоклу в связи с тем преступлением, которое он совершил незадолго до битвы при Эгоспотамах. По сообщению Ксенофонта (Hell. II, 1, 31 и сл.) Филокл, захватив две триеры — коринфскую и андросскую, приказал сбросить в пропасть весь экипаж. Нам представляется, что версия автора «Греческой истории» заслуживает в данном случае полного доверия. Ксенофонт — современник событий, несомненно знал имя автора закона, молва о котором должна была прокатиться по всей Греции. Скрывать авторство Филокла у Ксенофонта нет никаких причин. Скорее наоборот — чем больше преступлений совершил Филокл, тем больше оснований для казни было у Лисандра, обвинявшегося противоположной стороной в жестокости. Представить Филокла в возможно более неприглядном свете было бы для Ксенофонта, стремившегося обелить спартанцев, немаловажно.

Расхождения Плутарха и Ксенофонта касаются также и той меры наказания, которую предполагалось применить к военнопленным. По сообщению Ксенофонта, афиняне постановили отрубать военнопленным правую руку (*τὴν δεξιὰν χειρά*), у Плутарха речь идет о большом пальце правой руки (*δεξιὸς ἀντίχειρ*). В трактовке Ксенофонта закон выглядит чрезвычайно жестоким, но в литературе его версия признана более достоверной. И действительно, если считать, что основной целью закона было запугать готовых к отпадению союзников, то в таком случае мера Плутарха не могла быть достаточно действенной. Плутарх же предпочел иную версию потому, что для его времени отрубание правой руки, лишавшее пленных трудоспособности, могло представляться неразумным. Может быть, именно поэтому Плутарх специально оговаривает те удобства, какие предоставляла мера, которой он отдает предпочтение: отрубание большого пальца правой руки не давало возможности носить копье, т. е. делало пленных небоеспособными, однако их можно было использовать, посадив за весла.

⁵² См.: RE, Hbhd. XXXVIII, 1938, стлб. 2486.

⁵³ G. Busolt. Griechische Geschichte, III. 2, стр. 1616—1617.

Этот бесчеловечный закон обнаруживал слабость Афин, стремившихся в конце войны любым путем предотвратить распадение Афинского морского союза. Как указывает Бузольт,⁵⁴ постановление афинян было направлено против приморских городов, перешедших на сторону спартанцев и пополнявших лакедемонский флот. Одновременно целью закона было запугать те города, которые тяготились афинским гнетом и стремились отпасть от Афин.⁵⁵ Афинское постановление свидетельствует о том, что экономическая ценность пленников как возможных будущих рабов не всегда принималась в расчет.

В наиболее свирепых расправах с пленными политическая подоплека выступает особенно отчетливо. Иное дело — продажа в рабство военнопленных. Эта практика была вполне обычной; к ней, вероятно, прибегали гораздо чаще, чем об этом упоминают источники. Но даже и здесь в ряде случаев явно прослеживаются определенные политические соображения, стремление нанести противнику особенно болезненный удар.

Так, для афинян отпадение Хиоса было серьезной катастрофой. Узнав об измене хиосцев, афиняне даровали свободу рабам на захваченных ими хиосских кораблях и заковали в цепи свободных (Thuc. VIII, 15, 2).

Когда войско находилось на марше, военнопленных нередко продавали торговцам, следовавшим за солдатами (Thuc. VI, 44, 1; Xen. Hell. VI, 2, 23; 4, 9). Во-первых, это освобождало от лишних хлопот по содержанию и охране пленных, а во-вторых, продажей добычи, и в том числе военнопленных, добывали необходимые для ведения войны средства (см., например: Thuc. VIII, 28, 4; Xen. Hell. V, 1, 23—24; Diod. XV, 47, 7). Тем более что суммы, вырученные при этом, бывали весьма значительными.⁵⁷

Вместе с тем Пелопоннесская война дает нам немало примеров, когда пленников забирали с собой и держали до решения их судьбы. Размещали пленников или в своем городе, или на территории союзных государств.⁵⁸

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ RE, Hbhd. XXXVIII, стлб. 2487.

⁵⁶ О затруднениях коринфян в связи с необходимостью сторожить пленных см.: Thuc. I, 52, 2. Большая часть этих пленных была продана (Thuc. I, 55, 5¹).

Фукидид (VI, 95, 1) называет сумму в 25 талантов, полученную аргосцами от продажи добычи, захваченной у лакедемонян. Агесилай нагнал в Азии не менее 100 талантов (см.: Xen. Hell. IV, 3, 21; Plut. Ages. 19). По сообщению Диодора (XV, 47, 7), Тимофей и Ификрат продали пленных с сиракузских кораблей за 60 талантов. По Ксенофону (Hell. VI, 2, 35—36), пленным-сиракузянам было разрешено выкупиться.

⁵⁸ Так, афинский стратег Пахет поместил захваченных им митиленян на Тенедосе, вплоть до того или иного решения афинян (Thuc. III, 28, 2). На союзных Афинам островах были размещены пленные, захваченные при взятии Фиреи, а также заложники, взятые Алкивиадом в Аргосе (см.: Thuc. IV, 57, 3; V, 84, 1). В Афины были доставлены пленные спартанцы (Thuc. IV, 38,

Судьба таких военнопленных, очевидно, определялась военной и политической обстановкой.

Так, спартанцев, захваченных во время пилосской операции, афиняне решили содержать под стражей в оковах впредь до какого-либо о них соглашения. Если же пелопоннесцы до этого времени вторгнутся в Аттику, то афиняне выведут пленных из заключения и перебьют их (Thuc. IV, 41, 1). По существу спартанцы были заложниками, и афиняне не остановились бы перед их уничтожением. Так, были перебиты аргосские заложники, захваченные Алкивиадом и размещенные на союзных Афинам островах, как только на Аргосе возникла угроза переворота (Thuc. V, 84, 1; VI, 61, 3). Характерно, что спартанский гарнизон был исключен из договора, заключенного афинянами с жителями осажденной ими Нисеи (гавани Мегар) (IV, 69, 3). Нисейцы получали свободу за определенную сумму денег 59 и при условии сдачи оружия. С лакедемонянами — начальником гарнизона и остальными — афиняне вольны были поступить по собственному усмотрению (οἷς δὲ Λακεδαιμονίοις . . . ἤρησθαι Ἀθηναίους οὐ τι ἀνβούλωνται). Вероятнее всего, эти пленные (во всяком случае, начальник гарнизона) были присоединены к спартанцам, захваченным на острове Сфактерия и содержавшимися в Афинах. Именно так афиняне поступили с лакедемонским военачальником Тантамом, который попал в плен раненым при взятии Фиреи (Thuc. IV, 57, 3).⁶⁰ Главным противником Афин была Спарта — и потому нисейцы, сумевшие собрать достаточную сумму для выкупа, были отпущены, но спартанцев имело смысл держать в качестве заложников и оказывать тем самым влияние на политику врага.

Как сообщает Фукидид (V, 15, 1), беспокойство за судьбу пленников с острова Сфактерия, среди которых было много знатных спартанцев, заставило лакедемонян начать переговоры о мире. Пленные, очевидно, играли немалую роль в решении целого ряда политических вопросов. Так, беотийцы отказались выдать содержавшихся у них афинян, если с Беотией не будет заключен сепаратный мир (Thuc. V, 39, 2; 42, 1). Во время мирных переговоров 421 г. до н. э. вопрос о пленных играл очень серьезную роль. Фукидид неоднократно упоминает об отпуске пленных, последовавшем после заключения мира (V, 18, 7; 21, 1; 24, 2; 35, 5; 42). Известно также, что сам Никий придавал проблеме

5; V, 18, 7), эгиняне (Thuc. IV, 57, 3; Plut. Nic. 6; впрочем, эти последние были затем по постановлению афинян перебиты за их давнюю и постоянную вражду к Афинам; Thuc. ibid.), защитники Тороны в количестве 700 человек (в их числе оставшиеся в живых торонцы, спартанцы и сколько-то халкидян; Thuc. V, 3, 4). Пленных афинян спартанцы держали в Беотии (Thuc. V, 35, 5).

⁵⁹ Буквально ῥήτον ἀργύριον. См. об этом термине подробнее дальше.

⁶⁰ См.: A. W. Gomme. A historical commentary on Thucydides, v. III. 1956, стр. 531.

пленных первостепенное значение. Источники сообщают о чрезвычайно гуманном отношении Никия к спартамцам, содержавшимся в Афинах (Thuc. VII, 86, 3). Его заботы о военнопленных спартамцах, среди которых было много влиятельных лиц, вне всякого сомнения были связаны со стремлением к миру, за который Никий так горячо ратовал (см.: Plut. Nic. 9).⁶¹ Во время длительной войны с тем или иным государством пленными нередко предпочитали не продавать, но держать у себя⁶² в качестве «обменного фонда» и для воздействия на противника, особенно в тех случаях, когда в плен попадали знатные и влиятельные люди. Фукидид (I, 55, 1—2) сообщает о том, что после победы в битве при Сиботских островах коринфяне продали в рабство восемьсот керкирян, служивших на кораблях. С собой они захватили 250 пленников, большая часть которых была по своему положению знатнейшими людьми в государстве (οἱ πλείους πρότερον οὐκ ἦν πόλεως). Этим пленников, по словам Фукидида, коринфяне содержали под стражей, но обходились с ними хорошо⁶³ ради того, чтобы те по возвращении на родину старались привлечь Керкиру на сторону коринфян. Мы узнаем далее у Фукидида (III, 70, 1), что эти керкириане были отпущены на свободу⁶⁴ и что их агитация за отпадение от Афин привела к кровопролитной гражданской войне на острове.

Показательно, что отпуск керкирян на волю объясняли также и тем, что их взяли на поруки (διγγυημένοι) коринфские проклены за восемьсот талантов (Thuc. III, 70, 1). За каждого керкирянина в таком случае следовало внести 192 мины — деньги по тем временам невероятно большие.⁶⁵ Фукидид, однако, считал эту версию ложным слухом, которому он противопоставил действительную причину (τῷ μὲν λόγῳ... ἐρῶ δέ). На наш взгляд, слухи о 800 талантах были порождены тем, что только такой гигантской суммой залога можно было объяснить столь странное действие, как отпуск на волю врага при длительном и остром конфликте до заключения перемирия. У Диодора (XII, 57, 1) в рассказе об интересующих нас событиях налицо уже обе причины — и обещание

⁶¹ Услуги спартанским пленникам оказывал и дальновидный Алкивиад (Thuc. V, 43, 2).

⁶² Пленных обычно держали в тюрьмах (Thür. V, 18, 7; 35, 4). Нередко тюрьмой служили каменоломни, как например в Афинах (Хел. I, 2, 14—каменоломни в Пирее) и в Сицилии (Thuc. VII, 86, 2; 87, 1).

⁶³ Буквально δῆσαντες ἐφύλασσον καὶ ἐν θεραπείᾳ εἶχον πολλή. Как отмечает Гомм, ата фраза свидетельствует о том, что слово δῆσαντες нужно переводить — «держат в цепях» — с большой осторожностью (см.: A. W. Gomme. A historical commentary on Thucydides, v. I, стр. 196).

⁶⁴ Гомм специально отмечает, что Фукидид в книге III (70, 1) говорит о тех же 250 пленниках, о которых он рассказывал прежде (I, 55, 1—2; см.: A. W. Gomme. A historical commentary on Thucydides, v. III, стр. 359).

⁶⁵ Средняя сумма выкупа в V—IV вв. до н. э. составляла 1—2 мины, самые крупные выкупные хуммы не превышали 30 мин. См. об этом подробнее далее.

керкирян действовать в пользу Коринфа и выкуп, внесенный при поручительстве коринфских прокленов. Сумму Диодор, однако, не называет — διγγυήθησαν ὑπὸ των προξένων ικανὸν τῶν τάλάντων. Не исключено, что отсутствие точных сведений в данном случае объясняется тем, что 800 талантов показались Диодору (или его источникам) неправдоподобно большой суммой. Отсюда уклончивое — ικανὸν τῶν τάλάντων. Для Фукидида, однако, единственная возможная причина для отпуска военнопленных во время военных действий между такими противниками, как Коринф и Керкира, — это стремление посеять смуту в тылу врага. Версия Фукидида заслуживает, на наш взгляд, полного доверия, так как, не имея серьезных политических причин для отпуска керкирян, коринфяне постарались бы по крайней мере обменять их на своих сограждан. В 435 г. до н. э. во время борьбы за Эпидамн, когда керкириане вынудили к сдаче коринфский флот, было поставлено условие, что коринфян будут содержать под стражей до последующего решения (формула нам уже знакомая), а остальные будут проданы в рабство (Thuc. I, 29, 5). Соглашение это было выполнено только в отношении коринфян (этим пленным керкириане сохраняли на случай обмена и из политических соображений).⁶⁶ Τοὺς ἄλλους керкириане перебили, стремясь запугать союзников Коринфа и добиться полной его изоляции. Впрочем, иногда с военнопленными, содержавшимися в тюрьмах, обращались так жестоко, что даже продажа в рабство могла бы считаться для них завидной участью. Самый яркий пример — судьба афинян во время сицилийской катастрофы. После разгрома афинского войска, когда афиняне сдавались на милость победителю, многих из них сицилийцы тайком увели и обратили в рабство (Thuc. VII, 85, 2). Гораздо печальнее была судьба воинов, захваченных в плен и посаженных в каменоломни. Фукидид очень красочно рисует мучения пленников, страдавших от солнечной жары и духоты, от голода и жажды (VII, 87, 1—2). По сообщению Плутарха, многие из них спаслись только благодаря тому, что были похищены и проданы в рабство (Nic. 29). В данном случае положение узников осложнялось, очевидно, тем, что Сицилия не была заинтересована в обмене пленными, так как ее жители еще не испытаны плена. Не могло быть расчета и на массовый выкуп: в тот период Афинам сложно было вести переговоры с отдаленной Сицилией. Суровое решение, вынесенное по поводу пленных, и жестокое обращение с ними было продиктовано также и тем раздражением, которое вызвало у сицилийцев вторжение афинян (см. Diod. XIII,

⁶⁶ Судьба этих коринфян неизвестна. Нам представляется ошибочным предположение Гомма, что эти коринфяне были выкуплены (см.: A. W. Gomme. A historical commentary on Thucydides, v. I, стр. 165). К тому же Гомм и сам подвергает свое предположение сомнению (там же, стр. 196) на том основании, что выкуп едва ли мог иметь место, поскольку Коринф снова готовился напасть на Керкиру.

19, 28 и сл.). Сицилийская катастрофа и судьба участников похода произвели, как известно, огромное впечатление на современников.⁶⁷ Недаром у Диодора мы находим определенное стремление переложить вину за расправу с пленными на спартанцев, по настоянию которых было, по его словам, принято порочащее сицилийцев решение (XIII, 33, 1). Режим узников был, очевидно, повсюду достаточно суров, но на смерть их все же обрекали редко. Злодеяние сицилийцев следует считать скорее исключением, чем правилом.

Опыт одного из самых смутных периодов греческой истории — периода Пелопоннесской войны — убеждает нас в том, что в большинстве случаев применение крайне жестоких мер вызывалось политическими соображениями. Бесцельное избиение пленных ради самого избиения, конечно, случалось — и достаточно часто. Но уничтожение пленных (даже по политическим мотивам) представлялось все же отвратительной жестокостью. Недобрая память долгие годы сохранялась о законе, предписывавшем отрубание руки военнопленным, о расправе со скионцами, торонцами, мелосцами, гестийцами и эгинянами, о гибели афинян в Сицилии (см.: Isocrat. IV, 100; XII, 63; Arrian. Anab. I, 9, 5; Aelian V. N. II, 9). Конечно, мы не можем не принимать в расчет политические соображения, в силу которых злодеяния афинян поминались чаще других и прочнее других укоренились в античной традиции. И все же частые ссылки на эти злодеяния свидетельствуют о том, что их не могли считать нормой даже в V—IV вв. до н. э.

Нам представляется, что формула *χρησθαι ο τι αν βοϋλῶνται* в классический период реально означала право распорядиться не жизнью, но свободой и имуществом побежденного противника. Это ограничение было закреплено уже знакомым нам неписаным законом (Thuc. III, 58, 3), запрещавшим убивать врага, умоляющего о пощаде, одним из тех *ἀνθρώπων*, нарушение которых считалось безнравственным и противоестественным. Иное дело — порабощение военнопленных. Здесь Пелопоннесская война полностью свела на нет достигнутое в период пентаконтэтии смягчение нравов. Тогда, как уже говорилось выше, возникновение крупных союзов греческих полисов ограничило число конфликтов; к поражению побежденного противника прибегали крайне редко; на судьбе военнопленных должно было сказаться и обилие варваров-рабов, захваченных во время греко-персидских войн. Теперь победа центробежных сил привела к распаду Афинской архэ. Вся Греция оказалась в состоянии длительной войны. Нарушены были нормальные торговые связи, что не могло не отразиться и на состоянии рынка рабов. Пелопоннесская война умножила число

рабов-греков. Войны, беспрестанно вспыхивавшие между греческими городами в первой половине IV в. до н. э., также принесли рабскую участь многим и многим грекам. Об этом недвусмысленно свидетельствует Аристотель (Polit. I, 1255a, 24—32).

Однако, если продажа в рабство и представлялась греческому миру нормой, то такой же нормой — и притом более нравственной — был и отпуск на волю за выкуп или посредством обмена.⁶⁸

У Диодора (XIV, 111, 4) мы встречаем интересное сообщение о том выборе, который был предоставлен Дионисием I пленникам из Регия — *τοὺς δόντας ἀφαιρῶν μὴν ἀπολυτροῦσθαι, τοὺς δ' εὐπορήσας μὴ δυνηθέντας ἐλαφροπόλῳσσε*.⁶⁹ Такую же альтернативу — выкуп или рабство — упоминает и Ксенофонт (Hell. VI, 2, 36).⁷⁰

Выкуп как фактор, ограничивавший число рабов-эллинов, заслуживает, по нашему мнению, самого серьезного внимания, тем более что литература по этому вопросу сводится к статье Ламмерта «Λῦτρον».⁷¹ Ламмерт приводит большой материал, отмечает отличие выкупов в гомеровской и классической Греции. Но в выкупной практике с VI по IV в. до н. э. он не усматривает никаких изменений. А между тем, как нам представляется, их следует ожидать.

По свидетельству Геродота (VI, 79; V, 77), с конца VI в. до н. э. многие греческие государства придерживались определенной выкупной таксы, появление которой, как уже говорилось, было вызвано частым обращением к выкупам, что в свою очередь свидетельствует о серьезных сдвигах в области международного права.⁷² Оставалось ли положение неизменным во время Пелопоннесской войны? На наш взгляд, весьма примечательно то обстоятельство, что у Фукидида мы почти не встречаем упоминаний о выкупе пленных. По существу, единственный случай — уже приведенный нами договор афинян с жителями осажденной Нисеи (Thuc. IV, 69, 3).⁷³ Конечно, мы вправе предположить, что Нисея не представляла собой исключения. Договоры о выкупах пленных могли заключаться и другими городами. Но при длительных конфликтах таких противников, как Афины и Спарта, Керкира и Ко-

⁶⁸ См.: G. F. Schoemann — J. H. Lipsius. Griechische Alterthümer, v. II, стр. 366.

⁶⁹ Ср.: Ps.-Aristot. Oecon. B, 1349b, 21, где сказано, что Дионисий потребовал внести 3 мины.

⁷⁰ Речь идет о военачальнике сиракузских кораблей, захваченном в плен Ификратом.

⁷¹ RE, Hbhd. XXVII, 1928, стлб. 72—76.

⁷² См. об этом стр. 57.

⁷³ См.: E. A. Betant. Lexicon Thucydideum. Genevae, 1843, s. v. λύτρα, λύειν, ἀπολύειν и т. д. Три других случая, где Фукидид также упоминает о выкупах, интереса для нас не представляют, поскольку в двух случаях (IV, 65, 1; VI, 5, 3) речь идет о борьбе в Сицилии, происходившей задолго до Пелопоннесской войны, а в третьем (III, 70, 1) упоминаются слухи о выпуске керкирян под залог, которые Фукидид опровергает как недостоверные. См. об этом выше.

⁶⁷ Так, у Арриана (Anab. I, 9, 1—5) сицилийская катастрофа упомянута среди наиболее памятных бедствий, испытанных греческими городами наряду с уничтожением Платеи, Мелоса, Скионы.

XX. В этом отрывке сообщается о том, что сиракузцы, заключенные в ка-
практикой, мениомне в Пирее, бежали ночью в Декелею, а некоторые и в Мегары.

стр. У сообщает цами. Так, Ксенофонт (I, 5, 19) сообщает, что при захвате двух фурийских
дипломата триер весь экипаж был заключен в тюрьму. Исключение было сделано для
военачальника Дориея, родосца по рождению, которого афиняне заодно до
того, приговорив к смерти, изгнали из Афин и Родоса. Сжалившись над До-
рием, афиняне отпустили его на волю, даже не взяв с него выкупа (сговоренной
оде χρηματα πραξαμενοι). Остальные пленные несомненно должны были внести
выкуп.

ринф, составлявших основное содержание Пелопоннесской войны, выку-
пы, очевидно, не практиковались. Недаром Фукидид опро-
вергает слухи об отпуске керкирян под залог и недаром лакеде-
моняне были исключены из договора Афин и Нисеи. О причинах
мы уже говорили: здесь выкуп мог бы привести к прямому и не-
посредственному усилению противника; в этих случаях судьба
пленных чаще всего решалась при заключении перемирия. Так,
пленные-спартанцы смогли вернуться на родину только после за-
ключения мира в 421 г. до н. э. По условиям Никиева мира каж-
дая сторона отпускала своих пленных, по-видимому, без всяких
условий (V, 18, 7— ἀποδόντων δέ και Αθηναίοι Λακεδαιμόνας ...
τους άνδρας ... και τους έν Σκιώνη πολιορκουμένους Πελοποννησίων ἀφείναι ...
ἀποδόντων δέ και Λακεδαιμόνιοι ...). Строго говоря, договор 421 г.
до н. э.⁷⁴ не содержал выкупной формулы ἀντήρ άντ' άνδρός. Однако в
Никиев мир по существу имел такую обмен пленными, так сказать,
самый отпуск без всяких условий был, очевидно, возможен только
потому, что пленные были и у той и у другой стороны, и, следо-
вательно, обе стороны были равно заинтересованы в освобожде-
нии своих сограждан.

Афиняне неоднократно прибегали к обмену пленными во время
Пелопоннесской войны (Thuc. II, 103, 1; V, 3, 4). В самом ее
конце в Афины доставляли всех военнопленных-сицилийцев (Xen.
Hell. I, 2, 12—14.⁷⁴). Возможно, их содержали под стражей
вплоть до получения выкупа.⁷⁵ Не исключено, однако, что этих
пленных предполагали со временем обменять на афинян, томив-
шихся в сицилийском плену.

В IV в. до н. э., когда войны носили чаще всего кратковремен-
ный и локальный характер, выкуп вновь становится наиболее упо-
требительной формой освобождения пленных (см.: Xen I, 5, 19;
VII, 2, 16; ср.: Paus. IX, 15, 4).⁷⁶ Во время военных действий по-
ручителями выступают чаще всего проксыны, которые и вносят
выкупную сумму (Xen. Hell. VI, 2, 36).⁷⁷ Вопрос о выкупе плен-
ных иногда является предметом специального посольства ([De-
mosth.] XII, 3; Aeschin. II, 15) или же его разрешают наряду
с другими задачами (Aeschin. II, 103; Demosth. XIX, 166 и сл.).

⁷⁴ В этом отрывке сообщается о том, что сиракузцы, заключенные в ка-
мениомне в Пирее, бежали ночью в Декелею, а некоторые и в Мегары.

⁷⁵ Так, Ксенофонт (I, 5, 19) сообщает, что при захвате двух фурийских
триер весь экипаж был заключен в тюрьму. Исключение было сделано для
военачальника Дориея, родосца по рождению, которого афиняне заодно до
того, приговорив к смерти, изгнали из Афин и Родоса. Сжалившись над До-
рием, афиняне отпустили его на волю, даже не взяв с него выкупа (сговоренной
оде χρηματα πραξαμενοι). Остальные пленные несомненно должны были внести
выкуп.

⁷⁶ Павсаний (IX, 15, 4), рассказывая о деятельности Эпаминонда, сооб-
щает о том, что у фиванцев было установление отпускать за выкуп всех плен-
ных,⁷⁷ за исключением беотийских беглецов, которых предавали казни.
Ср.: Thuc. III, 70, 1, где поручителями также выступают проксыны.

В VI - V вв. до н. э. о развитии выкупной практики свиде-
тельствовало появление определенной денежной таксы. Есть ли
у нас возможность говорить о том, что и в IV в. существовала
такая установленная норма выкупа?

В литературе этот вопрос рассматривается обычно в самой
общей форме. Так, Шеманн упоминает о существовании опреде-
ленных выкупных сумм, которые были установлены практикой или
договорными соглашениями (certa redemptionis praetia usu aut
pactis constituta erant). Эти выкупные суммы, указывает Шеманн,
назывались τακτόν или ρητόν ἀργύριον. Приводит он и перечень
источников, в которых есть соответствующие упоминания:
Herod. VI, 79; Thuc. IV, 69; Xen. Hell. VI, 2, 36; Ammon. s. v.
πρόβενος; Plut. Quaest. Graec. 17; Aristot. Eth. Nic. V, 10; Diod.
каких случаях сумма установлена
его не интересует.⁷⁹ А между
тем в отдельных случаях этот вопрос решается не так уж просто.

Наибольший интерес для нашей цели представляют указанные
отрывки сочинений Фукидида, Ксенофонта, Аристотеля.⁸⁰ Обра-
тимся к анализу приводимых ими сведений.

У Фукидида (IV, 69, 3) мы встречаем ρητόν ἀργύριον в уже
известном нам договоре Нисеи с афинянами — ξυνέβησαν τοις Ἀθη-
ναίοις ρητου μέν εκαστον αργυριου ἀπολυθηναί. 'Ρητόν ἀργύριον в значе-
нии «выкупная сумма» упоминается только у Фукидида. Можно
ли считать, что Фукидид имеет в виду установленную практикой
норму выкупа или же речь идет о сумме, оговоренной ad hoc?
Если обратиться к другим случаям употребления ρητον αργυριον
у Фукидида, то можно с уверенностью сказать, что ρη⁷⁰ указы-
вает лишь на то, что сумма не была произвольной, неопределен-
ной,⁸¹ что размер ее был точно оговорен для данного именно слу-
чая. Как нам представляется, ρητόν ἀργύριον Фукидида — сумма
выкупа, точно определенная договором.

Гораздо больший интерес представляет упомянутое Ксенофон-
том (Hell. VI, 2, 36) τακτόν ἀργύριον. Контекст у Ксенофонта сле-
дующий: при захвате сиракузских кораблей Ификрат разрешил

⁷⁸ G. F. Schoemann. Antiquitates iuris publici graecorum, 1838, стр.369
и прим. 11.

⁷⁹ Ламмерт также ограничивается теми сведениями, которые приведены
Шеманном (см.: RE, Hbhd. XXVII, стлб. 73).

⁸⁰ Геродот и Плутарх приводят данные, относящиеся к очень раннему
времени. Аммоний (Ammonius. De adfinium vocabulorum differentia. 1839,
существованию повторяет сведения Плутарха.
III в. до н. э., к тому же он
договором Полиоркета с родос-

⁸¹ См.: II, 7, 2 — лакедемоняне приказали городам в Италии и Сицилии,
принявшим их сторону, соорудить 200 кораблей и иметь наготове ἀργύριον
ρητόν; II, 70, 3 — потидеяне при сдаче выговорили себе право выйти из го-
рода. 'Αργύριον τι ρητόν έχοντας ἐφόδιον— «с небольшой определенной сум-
мой на дорогу» (в переводе Ф. Мищенко).

пленным выкупиться и отпустил их под поручительство Керкиры. Из общего договора был исключен архонт Кринипп, которого оставили под стражей, с тем чтобы взыскать с него крупный выкуп или продать в рабство.

Выкуп Криниппа — *πάντολλα χρήματα* противопоставлен выкупу, который должны были внести остальные члены экипажа — *τῶν δ' ἀνδρῶν συνέβη ἑκάστον τὰς τὸν ἀργύριον ἀποτίσαι*. Что означает здесь *τὰς τὸν ἀργύριον*? Можно понять это выражение аналогично *δύο μνῆαι τεταγμένα*, у Геродота (VI, 79) — как установленную норму выкупа. Но нельзя полностью исключить и другое толкование. *Τὰς τὸν ἀργύριον* может означать здесь и точно обозначенную, определенную *ad hoc* сумму. В таком случае *πάντολλα χρήματα* следует понимать подобно *ἀπείρησια ἀπονα* у Гомера.⁸² Кринипп должен был заплатить деньги огромные, необычные и, возможно, точно не оговоренные. В отличие от Криниппа остальным пленникам была назначена определенная, точно оговоренная сумма.

Таким образом, свидетельство Ксенофонта может быть истолковано двояко⁸⁴ и служить прочным доказательством существования выкупной таксы оно не может.⁸⁵ И все же выкупная такса в IV в. до н. э. существовала. В «Никомаховой этике» (V, 10, 1134b, 18—22) Аристотель устанавливает отличие политической

⁸² См. об этом на стр. 57.

⁸³ В значении — определенная, обозначенная сумма выкупа *τὰς τὸν ἀργύριον* встречается и у Фукидида (IV, 65, 1).

Совершенно неприемлемым представляется нам перевод *συνέβη ἑκάστον τὰς τὸν ἀργύριον ἀποτίσαι* у С. Я. Лурье (Ксенофонт. Греческая история. Л., 1935, стр. 145): «для каждого был установлен особый размер выкупа»: Во-первых, *τὰς τὸς* никак не может быть переведено как «особый». Это прежде всего — «определенный, предписанный» (см.: Liddell — Scott., s. v. *τακτός* — ordered, prescribed; *τὰς τὸν ἀργύριον* — a fixed or stated sum; ср.: Passow, s. v. *τακτός* — geordnet, festgesetzt). А во-вторых, перевод «для каждого» был бы возможен лишь при конструкции фразы с *Dat.*; ср.: Demosth. XIX, 169.

⁸⁵ Упоминания о событиях, изложенных у Ксенофонта, мы встречаем также у Диодора (XV, 47, 7). Однако Диодор сообщает о продаже всего захваченного экипажа девяти сицилийских триер, что составляет около 1800 человек (см.: G. Busolt Griechische Staatskunde, 3 Aufl.; I Hälfte. München, 1920, стр. 572, где указывается, что на борту триеры могло находиться не более 200 человек). При продаже, по словам Диодора, было выручено 60 талантов (3600 мин), т. е. по 2 мины за каждого пленника. Сумма очень высокая, особенно если учесть, что в военной обстановке на цене должны были сказываться и риск потери пленных от побегов, и трудности в связи с необходимостью кормить и охранять их. Предпочтение несомненно следует отдать версии Ксенофонта, согласно которой пленные были выкуплены. Однако, если предположить, что Диодор, допустив неточность в рассказе и неправильно заменив выкуп продажей, цифры указал правильные, то в этом случае сумма 2 мины вполне правомочна, так как мы получаем как раз норму выкупа, по Геродоту. Если это предположение правильно, то оно свидетельствует в пользу того, что *τὰς τὸν ἀργύριον* у Ксенофонта — установленная норма выкупа.

справедливости естественной и юридической. Иллюстрацией этой последней служит у него то *μνᾶς λυτροῦσθαι*, т. е. выкуп пленного за определенную сумму, размер которой — 1 мина. Пример, которым пользуется Аристотель, свидетельствует о привычности такого явления, как устойчивая выкупная норма. Сомнения вызывает названная Аристотелем сумма. Она чрезвычайно мала. Отметим, правда, что такой же размер выкупа (1 мина) был, по сообщению Диодора (XIV, 111, 4), установлен Дионисием I для жителей Регия. Свидетельство Диодора, правда, не имеет решающей силы, так как, с одной стороны, в источниках указывается и другая сумма выкупа для жителей Регия — 3 мины (см.: Ps.-Aristot. Oecon. B, 1349b, 21), а с другой — примером с Сицилией вряд ли можно с полной уверенностью подтверждать общегреческую практику.

При решении вопроса о правильности суммы, названной Аристотелем, особый интерес представляют цены, по которым продавали военнопленных, поскольку эти цены должны были находиться в определенном соответствии с нормой выкупа. К сожалению, наши сведения о таких ценах крайне несовершенны. В одних случаях названо число поступивших в продажу пленников, но опущена сумма, при этом вырученная. В других, наоборот, приведены сведения о полученных деньгах, но отсутствуют упоминания о количестве проданных пленных. При такой скудости данных необходимо использовать даже те цифры, в точности которых не может быть полной уверенности. Так, у Диодора (XVII, 14, 1, 4) мы находим упоминание о том, что при захвате Фив в руки Александра попало больше 30 000 пленных, от продажи которых было выручено 440 талантов (26400 мин). Если цифры Диодора верны, то за каждого фиванца было выручено приблизительно около мины (0.8), т. е. сумма, близкая выкупной норме, по Аристотелю.

Итак, норма выкупа в 1 мину, названная Аристотелем, находит себе хотя бы косвенное подтверждение в источниках. Сумма эта вдвое меньше указанной Геродотом. Как нам представляется, норма выкупа не была статичной, она изменялась в зависимости от целого ряда причин и в первую очередь от изменения цен на рабском рынке.

Сводка цен на рабов, составленная Вестерманном, свидетельствует о том, что за столетие — со времени Пелопоннесской войны до Александра — цена взрослого раба колеблется от 120 до 300 драхм (в среднем 2 мины).⁸⁶ С этим подсчетом, как нам представляется, совпадает и шкала цен, приведенная Ксенофонтом (Mem. II, 5, 2). В зависимости от качества и квалификации рабы могут стоить от 1/2 мины до 1 таланта.⁸⁷ Но отправная точка, от которой ведется отсчет как в ту, так и в другую сторону, — две мины (*τῶν*

⁸⁶ W. L. Westermann. The slave systems..., стр. 14—15.

⁸⁷ 1 талант — цена надсмотрщика на серебряных рудниках.

ἡσὺ οἰκιστῶν ὁ μὲν πού δύο μυᾶν ἄξιός ἐστιν, δὲ δὲ οὐδ' ἡμίμναίου, ὁ δὲ πέντε μύων и т. д.).

Эта отправная точка — 2 мины — соответствует, на наш взгляд, средней цене раба. Но в таком случае и норма выкупа не могла быть в данный период ниже этой суммы, поскольку она должна была определяться высшей рыночной ценой физически полноценного раба.⁸⁸ В этой связи немаловажный материал для наблюдений представляют собой цифры, приведенные Демосфеном (XIX, 169). Демосфен сообщает о том, что во время переговоров в Пелле некоторые афиняне пожелали выкупиться еще до того, как был решен вопрос о пленных. Для этой цели они брали у него взаймы кто три, кто пять мин — кому сколько требовалось для выкупа.⁸⁹ Поскольку речь идет о досрочном выкупе, то вносились, очевидно, суммы, превышающие выкупную норму. Такой средней нормой вполне могла быть как раз сумма в 2 мины, принятая еще во времена Геродота.

Менялись цены на рабском рынке, и вместе с ними изменялась выкупная такса. Однако колебания, насколько мы можем судить, не были значительны (скорее всего от 1 до 2 мин).

К выкупным таксам, однако, прибегали, очевидно, только при массовых выкупах военнопленных. При индивидуальных освобождениях из плена или из рабства цены были значительно выше. От 20 до 30 мин стоил выкуп Платона (Diog. Laert. III, 20). 26 мин уплатил проданный в рабство Никострат (Demosth. LIII, 7). Особенно большие суммы назначались в тех случаях, когда по тем или иным соображениям имелось в виду затруднить, а то и вовсе исключить выкуп на свободу. Так, Диопиф потребовал 9 талантов за освобождение посла ([Demosth.] XII, 3). Самый захват посла — акт, по греческим понятиям незаконный — был очевидной политической демонстрацией. Назначение огромного выкупа также, имело целью подчеркнуть отношение к миссии этого посла. Сицилийский архонт Кринипп должен был уплатить громадные деньги (πᾶσι τοῖς χρημάταις) или потерять свободу (Xen. Hell. VI, 2, 36). В данном случае размер суммы (возможно даже точно не установленный), вероятно, исключал заранее выход на свободу. Как мы узнаем, Кринипп в отчаянии покончил самоубийством. Можно предположить, что жестокость, проявленная Ификратом, была продиктована чувством мести за какой-нибудь неблагоприятный посту-

⁸⁸ W. L. Westermann. The slave systems. . . , стр. 14—15.

⁸⁹ Эсхин (II, 100), правда, упоминает о том, что стоимость выкупа человека среднего состояния составляла 1 талант. Однако, надо полагать, это не более как полемический прием, с помощью которого Эсхин ставит под сомнение утверждение Демосфена о том, что им было выкуплено большое число афинян. Талант обыгрывается Эхином, так как именно эту сумму Демосфен, как он сам сообщает, взял с собой (XIX, 40). По логике вещей, Демосфен не был заинтересован в том, чтобы преувеличивать размеры сумм, им одолженных, поскольку, располагая одним талантом (60 мин), он мог выкупить, даже исходя из цифр, им названных, всего 12—15 человек.

пок Криниппа, который тот мог совершить, например, в период сицилийской экспедиции афинян.

Как сообщает Демосфен (XIX, 170), даже сумма в 3—5 мин была тяжела для большинства граждан. Надо полагать, что выкуп в 9 талантов, непосильный для частного лица, был, очевидно, внесен государством. Во многих случаях уплата выкупных сумм была делом нелегким (Isaeus VII, 8) и нередко приводила к полному расстройству состояния выкупленного (Demosth. LIII). Для выкупа из плена очень часто прибегали к денежной помощи сограждан. Поручались за родственников (Isaeus VII, 8), предоставляли беспроцентные займы знакомым (Demosth. LIII, 8 и 11). Для Крита и Афин засвидетельствован даже закон, несомненно древний, регулировавший отношения выкупленного и выкупившего.⁹⁰ По этому закону выкупленный из плена принадлежал выкупившему, если он не вернет ему выкупной платы. Как уже было сказано, трудно представить себе действие такого закона в Афинах. Скорее всего, права тех, кто выкупал сограждан из плена, охранялись так же, как интересы обычных кредиторов в отношении неоплатных должников. Судя по речи Демосфена (LIII), афинские граждане опасались не своих сограждан. Реальную опасность для них представляли права поручителей из других городов. Такого рода поручительство было, очевидно, широко распространено в греческом мире. Определенные обязанности в этом плане имели проклены (см. стр. 74). Поручителями частных лиц выступают и просто чужеземцы — ξένοι (Demosth. LIII, 11; Aristot. Oecon. B, 1349b, 21). Конечно, денежные ссуды на выкуп эти ξένοι предоставляли только потому, что твердо были убеждены в том, что смогут вернуть их обратно.

Твердые обязательства по выкупу в отношении чужеземцев, как можно предположить, ведут свое начало из глубокой древности. Любопытные сведения по этому поводу можно почерпнуть у Плутарха (Quaest. Graec. 17, 295c).

Комментируя слово «δορίξενος», Плутарх сообщает о том, что в древности во время непрерывных войн коринфян и мегарян выкуп пленных происходил следующим образом: победители уводили пленников к себе и затем, дав им вкостить «хлеба и соли» (буквально: ὄλον καὶ τραπέζης), отпускали домой. Если пленник вносил определенную заранее сумму выкупа, он становился верным другом того, кто захватил его в плен (он-то и назывался «δορίξενος».)⁹¹ Тех же, кто нарушал свое обещание, — не только враги, но и сограждане считали нечестными и вероломными.

⁹⁰ Этот закон подробно рассматривается в главе II, стр. 36.

⁹¹ Этимология слова δορίξενος у Плутарха (ἐκ δορίαλωτου δορίξενος προσ-γορευόμενος) представляется несколько наивной (см.: Liddell-Scott, s. у δορίξενος). Однако едва ли можно считать весь этот рассказ выдумкой. Скорее всего предание об отпуске пленных под честное слово еще до вне

С нашей точки зрения, непереносимое выполнение обязательств по отношению к чужеземным поручителям — один из тех *ἀγράφα*,⁹² без которых вообще немислимо было существование «международного греческого права», и, в частности, невозможно было развитие выкупной практики.

В классический период благодаря развитию выкупной практики грек, даже проданный, мог все же надеяться на возвращение в родной город, где, несмотря на пребывание в рабстве, он вновь обретал всю полноту прав (см.: Demosth. LVII).⁹³ Мы узнаем у Плутарха, что Лисандр, изгнав из Скиона и Мелоса афинян, водворил туда прежних жителей (Lysandr. 14; ср.: Xen. Hell. II, 2, 9). Можно предположить, что в числе этих жителей были и мужчины, которые успели спастись бегством. Что же касается женщин и детей из Скионы, то какую-то часть их, очевидно, успел вывезти Брасид еще до начала осады (Thuc. IV, 123, 4; ср.: Diod. XII, 72, 7).⁹⁴ Других могли выкупить проксены (подобно тому как олинфяне, приняв участие в обмене пленных, помогли освободиться торонянам; см.: Thuc. V, 3, 4; о выкупе женщин, захваченных в Олинфе, см.: Demosth. XIX, 194 и сл.).

Таким образом, даже применение самых крайних мер (уничтожение мужчин, порабощение женщин и детей) еще не означало окончательной гибели города.⁹⁵

Для афинян ужасной катастрофой была сицилийская экспедиция, во время которой погибло и попало в плен много афинских граждан. Однако у Исея (VI, 1) упоминается участник похода в Сицилию, который был выкуплен и вернулся в Афины. Говорится об этом между делом, как о событии рядовом и мало примечательном. Но если возможным оказалось вернуться из далекой Сицилии, то в самой Греции вновь обрести свободу было, очевидно, много проще. У каждого грека, попавшего в плен и даже проданного в рабство, всегда оставалась надежда на выкуп.

В IV в. до н. э. о взаимной помощи греков свидетельствуют почетные декреты, в которых отмечалась деятельность по выкупу

пленных, как своих, так и чужих граждан.⁹⁶ Выкуп — это обязанность по отношению к соотечественникам и к гражданам дружественного государства (см.: Hyperid. fr. 76, ed. Blass, где обязательство по выкупу пленных названо наряду со священным долгом погребения павших). В речах ораторов IV в. до н. э. выкупы пленных — это аргумент для доказательства серьезных заслуг как государственных деятелей, так и частных лиц (см.: Demosth. VIII. 70; XVIII, 268; XIX, 166—170, 222, 229—230, 338; Lys. XII, 20; XIX, 59; Isaeus V, 44). О том, какое видное место выкупная практика занимает в общественной жизни греков, свидетельствует также Аристотель (см.: Eth. Nic. X, 2, 1164b, 34), у которого вопрос о возвращении денег, занятых для выплаты выкупа, используется для обсуждения этических проблем.

Развитию выкупной практики не могли не способствовать и те сдвиги, которые произошли к IV в. до н. э. в общественном сознании. У многих писателей этого времени можно встретить мысль, бегло высказанную еще Геродотом (I, 151; V, 49): недопустимо порабощать людей, родственных по крови. В IV в. до н. э. с призывом прекратить взаимные распри и взаимное порабощение выступают сторонники объединения греков против варваров.⁹⁷ Энергично осуждал эту позорную практику Платон, напоминая об угрозе варварского нашествия (Resp. V, 469c). В литературе IV в. до н. э. и у ораторов об отношении к военнопленным-грекам упоминается достаточно часто и с определенными политическими целями. Ксенофонт, верный своим лаконофильским убеждениям, доказывает с помощью этого приема благородную позицию Спарты. Великодушен по отношению к пленным (даже варварам) любимый герой Ксенофонта Агесилай (Hell. IV, 3, 20; ср.: Ages. 1, 21). Спартанский наварх Калликратид после захвата враждебной Лакедемону Мефимны на Лесбосе резко возражает союзникам, требующим продажи свободных жителей с молотка. Пока он у власти, заявляет Калликратид, никто из эллинов, насколько это зависит от него, не будет порабощен (Hell. I, 6, 14).

Столь же выпукло обрисованы Ксенофонтом преступления афинян против военнопленных в Пелопоннесской войне (Hell. II, 1, 30—32). Злодеяния афинян в отношении мелосцев, гистийцев, скионцев, торонцев, эгинцев и других эллинов (Hell. II, 2, 3) явно противопоставлены спартанскому благородству. Именно спартанцы категорически отказались стать виновниками порабощения жителей Афин — «города, совершившего много прекрасных дел в те дни, когда величайшие опасности угрожали Элладу» (Hell. II, 2, 20).

⁹⁶ См., например, декрет города Аркесины (остров Аморг) в честь афинянина Андриотона (357—356 гг. до н. э.); Syll.³, 193, 15; афинский декрет (336—335 гг. до н. э.) в честь Клеонида, тирана Мефимны; Syll.³, 263, 10. Подробнее см. об этом в I главе.

сения выкупной суммы натолкнуло Плутарха на подобное толкование термина *δωροῦμενος*.

⁹² Об *ἀγράφα* см. на стр. 53.

⁹³ Правда, спартанцы, взятые в плен на острове Сфактерия, после возвращения на родину были лишены возможности занимать государственные должности. Однако со временем они были восстановлены в гражданских правах (Thuc. V, 34, 2).

⁹⁴ См.: A. W. Gomme. A historical commentary on Thucydides, v. III, стр. 632.

⁹⁵ Кихле вообще считает, что сообщения древних об уничтожении мужчин и продаже женщин с детьми не следует принимать буквально (F. Kiechle. Zur Humanität..., стр. 140, прим. 1). Конечно, какому-то числу жителей удавалось спастись, но в тех случаях, когда в источниках сказано об уничтожении и продаже, это означает, что большая часть населения была все же уничтожена и продана (см.: M. I. Finley. Historie, Bd. VIII, стр. 163, прим. 61).

В тех случаях, когда Ксенофонт принужден упомянуть о жестокости лакедемонян в отношении к пленным, он ограничивается кратким сообщением о случившемся (Hell. IV, 5, 5; 6, 6) или же стремится оправдать жестокость спартанцев. Так, написав о судьбе кедрийцев, жителей союзного Афинам города, обращенных Лисандром в рабство, Ксенофонт тут же добавляет: «жители этого города были полуварвары» (Hell. II, 1, 15). Кедрийцы — полуварвары, а поэтому их, по мнению Ксенофонта, можно обращаться в рабство.

Вопрос об обращении с пленными использовался и в партийной борьбе. Великолепным козырем в руках македонской партии служил демагогический прием Филиппа, освободившего в 346 г. до н. э. всех афинян, а в 338 г. до н. э. — всех пленных греков без всякого выкупа (см.: Aeschin. II, 16, 100; ср.: Demosth. XIX, 169—170; Polyb. V, 10). Антимакедонская партия в свою очередь неоднократно напоминала о жестоких расправах Филиппа с греческими пленниками (Demosth. VII, 38), о судьбе олинфян, проданных македонским царем в рабство (Demosth. XIX, 306, 309). Участью олинфских пленных попрекали и сторонников Македонии. Так, Эсхин, по словам Демосфена (XIX, 305—306, 309), высказывал свое негодование по адресу некоего Атрестиды (по-видимому, начальника отряда наемников из Аркадии), получившего в подарок от Филиппа олинфских мальчиков и женщин. А сам Эсхин при этом действовал заодно с Филократом, который привел на бесчестие в Афины олинфских женщин, также, очевидно, подаренных ему македонским царем. Мы не знаем, насколько справедливы были эти обвинения, но действенными их можно считать в любом случае. Недаром Эсхин так стремится опровергнуть обвинение Демосфена в том, что на пиру в Македонии он в пьяном виде нанес оскорбление пленной олинфянке (Demosth. XIX, 196—198; ср.: Aeschin. II, 4, 153).⁹⁸ Отношение к пленным, без сомнения, было испытанным пробным камнем для характеристики любого политического деятеля. Бесчинству Эсхина Демосфен противопоставляет свое благородство. В то время как его противник пьянствовал и оскорблял пленников, он, Демосфен, разыскивал попавших в плен афинян и прилагал все усилия, чтобы их освободить (XIX, 39—40, 166—170).⁹⁹ Не были, очевидно, пустым звуком обвинения, предъявленные Гиперидом подопечному Демада—

98 Эсхин ссылается на свою репутацию и на то, что Демосфен во время речи был прерван шиканьем. Прав, по-видимому, С. И. Радциг, считая, что самого факта Эсхин отрицать не мог. Радциг ссылается также на схолиаста замечаящего, что свидетели Эсхина не выступили в его защиту (см.: Демосфен. Речи. Перевод с греческого, статья и примечания профессора С. И. Радцига. М., 1954, стр. 593, прим. 158).

99 Эсхин в свою очередь всячески стремится умалить заслуги Демосфена в отношении пленных (II, 100).

олинфянину Эвфикрату (Hyperid. fr. 76, ed. Blass).¹⁰⁰ Эвфикрат, будучи гиппархом, не только предал олинфских всадников Филиппу, но после падения Олинфа стал оценщиком пленных (τιμητής ἐγένετο τῶν αἰχμάλωτων). Это преступление Гиперид ставит в один ряд с предательством. Приведенные факты Гиперид подкрепляет еще одним: после битвы при Херонее Эвфикрат не предал погребению никого из павших и никого не выкупил из попавших в плен. В афинской аудитории такой довод должен был звучать особенно убедительно.

Перечисленные примеры свидетельствуют о том, что мысль о недопустимости жестокого обращения с пленными-греками уже внедрилась в общественное сознание. Прекратить раздоры среди эллинов, а следовательно, отказаться от взаимного порабощения — к этому должны были призывать все сторонники объединения эллинов против варваров (Plat. Resp. V, 469; ср.: Isocrat. V, 141; XII, 13, 158—159).

Призывы отказаться от владения рабами-эллинами раздавались. Но к чему они приводили на практике? Ответить на этот вопрос нелегко. И прежде всего потому, что об участии военнопленных наши источники сообщают очень глухо — ἡνδραπόδων, ἀλκιδόων, ἐξωγήθησαν. В лучшем случае указана сумма, вырученная при продаже. Кто были покупатели? Куда были проданы в рабство пленники? Дальнейшую их судьбу проследить трудно. Сведения о греках, ставших рабами, скудны и отрывочны. Тем больший интерес представляет каждый упомянутый в источниках случай. Так, по сообщению Плутарха (Alcib. 16), после разгрома Мелоса (когда мужчины были перебиты, а женщины проданы в рабство) Алкивиад выбрал себе из числа пленных одну мелосянку, сделал ее своей любовницей, прижил с ней сына и воспитал его. И это, пишет Плутарх, называли человеколюбивым поступком, хотя Алкивиад считали главным виновником убийства всех взрослых граждан Мелоса. Совсем иную — и значительно более интересную оценку поступка Алкивиада мы находим у одного из его современников. Андокид (III, 22) говорит следующее: «Предложив решение о том, чтобы обратить в рабство мелосцев, и купив женщину из числа пленных, он прижил с ней сына, который был еще более противозаконен, чем Эгисф, так как родился от родителей, враждебных друг другу. Из самых близких ему людей одни причинили, а другие претерпели от них самые крайние беды (τα ἑσχατά)». Далее следуют еще более пространные разъяснения: «Ведь он (т. е. Алкивиад, — И. Ш.) прижил ребенка от женщины, которую сам превратил из свободной в рабыню, у которой он убил отца и родственников, чей город он разорил. Как будто нарочно он породил врага себе и своему городу. Ведь сын неизбежно должен их ненавидеть».

100 Гиперид выступил против Демада с обвинением в противозаконном предложении сделать Эвфикрата прокшеном.

Покупка мелосянки явно вызвала оживленную полемику современников Алкивиада. Одни стремились изобразить ее как благородный поступок, другие — как безнравственный. Однако острый интерес к этому вопросу свидетельствует о примечательности самого факта. Конечно, сетования Андокида — прежде всего риторика. Однако как всякая риторика она должна быть вызвана какими-то реальными опасениями и надеждами. В словах Андокида сквозит страх перед всеобщим возмущением, которое вызвала расправа с Мелосом. Позор этого преступления многие афиняне переживали еще очень долго (см.: Isocrat. IV, 100; XII, 63). Но не только всеобщего осуждения страшится Андокид. Его пугает и самый факт появления в городе рабов, настроенных крайне враждебно к своим поработителям.

Известно, что Платон не рекомендовал держать рабов-единоплеменников. В «Законах» (VI, 777с), где говорится о том, что рабы должны как можно больше отличаться друг от друга по языку, Платон несомненно имеет в виду рабов-варваров. Однако это правило в еще большей степени относится к эллинам, обращенным в рабство во время войны. Надо полагать, что победители предпочитали не держать побежденных в качестве рабов у себя на родине (ср.: Isocrat. XII, 178). Их продавали на ближайшем рынке в другие города. Опасность пребывания в городе тех, кого они непосредственно лишили свободы, греки сознавали вполне ясно. Об этом свидетельствуют аргументы Андокида.

Итак, держать рабов-эллинов неприлично, а в тех случаях, когда речь идет о поработленном противнике, — и небезопасно. К этому следует добавить, что при регулярных торговых связях с периферией античного мира это было и нерентабельно. Военнопленные-эллины в большинстве своем не были обучены никакому ремеслу и, отделенные от своего дома всего лишь несколькими днями пути, только и помышляли о бегстве. Гораздо надежнее было пользоваться трудом чужеземных рабов. Для IV в. до н. э. рабы в Греции — это прежде всего варвары. Для Аристотеля понятия «варвар» и «раб» — синонимы (Arist. Polit. I, 1252b, 7—9).¹⁰¹ Ксенофонт называет βαρβάρους αἰχμαλωτοὺς основной рабочей силой афинских мастерских (Mem. II, 7, 6). Исократ пишет о том, что греки, как правило, используют варваров в качестве рабов (IV, 181 — τοῖς βαρβάροις οἰκέταις ἄξιον χρήσθαι).¹⁰²

Примечательно, что мы встречаем частые упоминания в источниках о продаже и поработлении греков, но о пребывании их в рабстве, как правило, стыдливо умалчивается.

У ораторов мы нередко встречаем упоминания о рабах. Многие из них занимают видное место в том или ином судебном процессе.

¹⁰¹ См. об этом в I главе, стр. 15.

¹⁰² Контекст при этом следующий: в частной жизни греки пользуются варварами как рабами, в общественной — позволяют варварам поработать своих союзников-эллинов.

Можно указать на рабов, которые носят греческие имена. Но нельзя найти подтверждений тому, что это действительно греки. Данных о происхождении рабов с греческим именем из греческого города у ораторов мы не находим. Даже о происхождении Пасиона, знаменитого банкира, занимавшего в Афинах весьма видное положение, мы не знаем ничего определенного. Известно, что он был рабом афинянина по имени Архестрат, но время и место его рождения у Демосфена не упомянуты. Среди рабов с греческими именами, разумеется, могли быть и греки. Но греческое имя носит доверенное лицо Пасиона — Формион, о котором известно, что он был рабом из «варваров» (Demosth. XLV, 73, 81).¹⁰³

Рабы из негреческих племен могли носить греческие имена и даже со временем выдавать себя за эллинов.¹⁰³

Интересный рассказ, свидетельствующий о том, как прочно терялся след происхождения раба из «варварских» стран, мы находим в «Анабазисе» Ксенофонта (Anab. IV, 8, 4). Во время перехода греческого войска по стране макронов к Ксенофону подошел пельтаст, некогда бывший, по его словам, рабом в Афинах, и объявил, что он знает язык этих людей. «Я думаю, — сказал пельтаст — что это моя родина, и я хотел бы с ними переговорить, если к тому нет препятствий».

Воин, служащий в греческом войске, носящий, вероятно, греческое имя, уже и сам забыл, откуда он родом. Только звуки родного языка навели пельтаста на мысль о том, что это его родина. Смутные представления о своем происхождении имели рабы, выращенные в доме хозяина.

У Платона (Menon 82B) мы встречаем любопытный диалог по адресу мальчика-слуги, призванного для того, чтобы в беседе с ним проверить тезис, подвергнутый обсуждению. Сократ спрашивает: Ἐλλήν μὲν ἐστὶ καὶ ἑλληνίζει; Менон отвечает: Πάνν γὰρ ὁμόρα, οἰκογενής. По существу вопрос о том, грек ли слуга, интересует Сократа лишь в одном отношении — говорит ли он по-гречески. И ответ касается только знания языка: «Да, вполне. Он

¹⁰³ Диллер полагает, что поскольку Формион был рабом из варваров, то и происхождение Пасиона должно быть таким же. Этот довод не представляется, однако, убедительным. Диллер также подкрепляет свои соображения о «варварском» происхождении Пасиона тесными связями последнего с финикийским деловым миром (см.: Aubrey Diller. Race Mixture among the Greeks before Alexander. Illinois Studies in Language and Literature, v. XX, № 1—2, 1937, стр. 107 и прим. 30).

¹⁰⁴ По мнению Диллера (там же), греческие имена рабов-варваров чаще всего представляют собой адекватный перевод варварского имени на греческий язык.

¹⁰⁵ Демосфен (LIX, 19) сообщает, что Никарета, промышленная воспитанница будущих гетер, выдавала их за своих дочерей, с тем чтобы их считали свободными. В этом случае они могли рассчитывать на большую плату. С этой целью Никарета могла дать девушкам греческие имена (Αντεία, Στρατολα, Ἀριστόχλεια, Μετάνεира и др.).

родился в доме». Был ли греком призванный раб-слуга, так и остается неясным. Однако сама постановка вопроса весьма симптоматична — греки-рабы, конечно, были, и среди них — значительное число рабов, выращенных в доме.

Много неясностей оставляет и свидетельство Плутарха (Lycurg. 16) о том, что лаконских женщин покупали в качестве кормилиц для детей. Речь может идти скорее всего о какой-нибудь зависимой группе лаконского населения.

Интересно отметить, что у Аристофана мы не встречаем рабов, о которых с уверенностью можно было бы утверждать, что они греки. Рабы у Аристофана носят имена, связанные с их этническим происхождением: Καρίων, Μίδαας, Φρύξ, Θραττα, Συρα, Λυδός. Встречаются нарочито варварские имена — Σχεβλύας и Παρθόλας. Широко употребляются имена-прозвища — Ξανθιάς (белокурый),¹⁰⁶ Πυρρίας (рыжий), Μασυντίας (жевака). Как правильно замечает С. И. Соболевский, такое имя, как Θραττα, далеко не всегда относилось к рабыне из Фракии. Имя Θραττα, подобно имени Καρίων, стало обычным рабским именем, безотносительно к национальности раба.¹⁰⁷ То же может быть сказано и о других именах этнического типа. Однако самое появление таких имен свидетельствует о том, что рабы из Фракии и Карики были обычным явлением. Среди этих типичных рабских имен мы не встречаем ни одного, указывающего на греческое происхождение. Рабов-греков в Афинах, конечно, держали,¹⁰⁸ но выводить на сцену раба-спартанца или беотийца было все-таки неприлично.

¹⁰⁶ Эренберг считает, что частое употребление рабского имени Ξανθιάς свидетельствует о существовании в Афинах большого числа фракийских и скифских рабов (см.: V. Ehrenberg. The people of Aristophanes. Cambridge, 1951, стр. 173). Эренберг подчеркивает также, что в комедиях Аристофана отражено явное преобладание рабов-негреков. Как отмечает Велков, число фракийских рабов в Афинах возрастает в V в. до н. э. (см.: В. И. Велков. Рабы-фракийцы в античных полисах Греции VI—II вв. до н. э. ВДИ 1967 № 4, стр. 71).

¹⁰⁷ С. И. Соболевский. Аристофан и его время, стр. 298.

¹⁰⁸ Соболевский отмечает, что все рабы у Аристофана говорят на чистейшем аттическом языке и обнаруживают прекрасную осведомленность в греческих обычаях. С его точки зрения, это свидетельствует о том, что рабы у Аристофана — эллинского происхождения или, если «варварского», — то в таком случае воспитаны с детства в эллинском доме. Он считает, что если бы иноплеменные рабы не говорили у Аристофана на ломаном языке, то это было бы пренебрежением к реализму, отличающему произведения Аристофана. Ломаным языком у Аристофана говорят беотиец и мегарец в «Ахарнянах», спартанец — в «Лисистрате», иониец — в «Мире», скиф, государственный раб в «Фесмофоризах», «варварский» бог Трибалл в «Птицах», Псевдартас — в «Ахарнянах» (см.: С. И. Соболевский. Аристофан и его время. . . , стр. 304 и сл.). Однако на это можно возразить, что рабы у Аристофана — даже те, которые говорят, — играют второстепенные роли. Это скорее резонеры — типа Кариона из комедии «Плутос». Самостоятельной смысловой нагрузки они не несут, в центре событий не стоят. Их ломаный язык скорее мог бы отвлечь от основной темы, снизить эффект осмеяния тех главных персонажей, которые находятся под огнем насмешек Аристофана.

Вместе с тем трудно представить себе в Афинах рабов-беотийцев или даже спартанцев, которые примирились бы со своей участью и не предпринимали бы постоянных попыток к бегству. Держать в качестве раба эллина, помышляющего только о бегстве, не связывающего свои надежды с выгодами хозяина, было экономически невыгодно.

Как только регулярные торговые отношения с периферией, нарушенные Пелопоннесской войной, были восстановлены, на рынках Греции можно было купить βαρβάρους ἀνδράποδους, о которых говорит Ксенофонт (Мем. II, 7, 6) как об основной рабочей силе в афинских мастерских. Рабы-варвары были, вероятно, гораздо более выгодны, чем военнопленные-эллины. Однако греков в конце V и в начале IV в. до н. э. все же порабощали, и достаточно интенсивно. В центральной Греции экономическая ценность раба-эллина могла быть невелика. Но в отдаленных уголках греческого мира, на его периферии, откуда бегство было затруднено, рабы-греки могли расцениваться достаточно высоко. В Сицилии, как мы знаем на примере сицилийской экспедиции, образованные люди из числа афинян, обращенных в рабство, очень высоко ценились (Plut. Nic. 29). Афинянин, пленник Декелейской войны, был продан на отдаленную Левкаду, откуда также нелегко было бежать (Demosth. LVII, 18). Продавали греков и на Восток.

В литературе нередко встречается утверждение, что греки, якобы, как правило, продавали эллинов только в самой Греции, но не варварам.¹⁰⁹ Однако в подтверждение ссылаются обычно на один и тот же очень поздний источник — «Жизнь Аполлония Тианского» греческого писателя II—III вв. н. э. Филострата (Phil. V. A. VIII, 7, p. 161). В этом отрывке из речи Аполлония Тианского приведены доказательства свободного происхождения юноши-аркадца и, в частности, говорится о том, что в Аркадии купить раба невозможно. В противоположность варварам, равнодушным к свободе, Ἕλληνες δὲ ἐλευθερίας ἐρασταί ἐτι καὶ οὐδέ δοῦλον ἀνὴρ Ἑλλήν πέρα ὅρων ἀποδύσεται. Поэтому ни охотникам на рабов, ни торговцам рабами нет доступа в Элладу и тем более в Аркадию, так как эллины и в особенности аркадцы нуждаются во множестве рабов, для того чтобы быть свободными.

Слова οὐδέ δοῦλον в этом фрагменте значат буквально «даже раба», но совсем не обязательно раба-эллина. Прав поэтому О. В. Кудрявцев, по мнению которого приведенный отрывок свидетельствует о нехватке рабов в Греции и особенно во внутренних областях, таких как Аркадия. Нуждаясь в рабах, для того

¹⁰⁹ G. F. Schoemann — J. H. Lipsius. Griechische Alterthümer, v. II, стр. 13; C. Phillipson. The international law..., v. I, стр. 251.

¹¹⁰ В том же отрывке мы находим упоминание о том, что основную массу рабов в Греции во времена Филострата по-прежнему составляли ἀνδράποδα. . . Ποντικά ή Λύδια ή ἐκ Φρυγῶν.

чтобы быть свободными, эллины никогда не продадут раба за пределы государства, так как рабов у них очень мало."¹¹¹

Продажа греков в «варварские» страны была и во времена Геродота (Herod. III, 134; VI, 32; IX, 76) и позднее. Во время Пелопоннесской войны спартанцы продают жителей острова Иаса Тиссаферну (см.: Thuc. VIII, 28). В Персию, вероятно, наварх спартанского флота Анаксибий продал не менее 400 греков-солдат из армии Кира, желая угодить Фарнабазу (см.: Xen. Anab. VII, 2, 6).

В IV в. до н. э., как и в V в., греческие города, расположенные на периферии, вели, вероятно, двойной обмен — поставляли «варваров» в Грецию и сбывали эллинов на окраины.

Итак, даже в период наиболее острых конфликтов между греческими государствами в конце V—начале IV в. до н. э., когда число рабов-греков возросло, мы можем отметить целый ряд факторов, которые ограничивали развитие «греческого» рабства. Среди них основной — невыгодность, а иногда и небезопасность держать в рабстве военнопленного-грека. Несравненно экономичнее было пользоваться трудом рабов-варваров, а также рабов, выращенных в доме.

С еще большими ограничениями «греческого» рабства мы сталкиваемся во второй половине IV в. до н. э.

Плутарх в биографии Ликурга (Vita Dec. Orat.-Moral. 842 A) сообщает о том, что в числе законов, принятых по предложению этого виднейшего деятеля антимакедонской партии, возглавившего Афинское государство после битвы при Херонее, был закон, предписывавший: μηδεν ἐξείναι Αθηναίων μηδέ τῶν οἰκούντων Ἀθήνησιν¹¹² ἐλεύθερον σῶμα πρίσθαι ἐπὶ δουλείᾳ ἐκ τῶν ἀλισχομένων <μηδέ δοῦλον> ἀνευ τῆς τοῦ προτέρου δεσπότης γνώμης.¹¹³

¹¹¹ О. В. Кудрявцев. Эллинические провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры. М., 1954, стр. 103.

¹¹² Ср.: Lycurg. c. Leocrat. 16: τῶν Αθηναίων χαί τῶν ἄλλων τῶν οἰκούντων Ἀθήνησι.

¹¹³ Большие затруднения вызвало у исследователей толкование слов ἀνευ τοῦ δεσπότης. В рукописи эти слова следуют непосредственно после слов ἐλεύθερον σῶμα ἐκ τῶν ἀλισχομένων. Майер (М. Н. Е. Meier. Commentario de vita Lycurgi. Halis, 1847, стр. 39 и сл.) справедливо поставил вопрос о том, кого же следует считать господином свободного человека. Он предположил, что писцом были выпущены слова μηδέ δοῦλον, следовавшие после ἐπὶ δουλείᾳ. По мнению Майера, закон Ликурга содержал два запрещения — одно касалось обращения в рабство свободных военнопленных, другое — рабов, которых нельзя было купить без согласия владельца. По мнению Вестерманна (W. Westermann. The slave systems. ..., стр. 26 и прим. 61), речь идет о правителе («ruler»), так как δεσπότης не может означать здесь собственника («owner»). Но и «правитель» не подходит в данном случае, поскольку речь идет о греческих городах времени Ликурга. Толкование Майера представляется более убедительным. Бласс (см.: Lycurgi Oratio in Leocratem, ed. F. Blass — post C. Scheibe, Leipzig, 1907) вводит слова <μηδέ δοῦλον> в текст после слов ἐκ τῶν ἀλισχομένων.

Свидетельство Плутарха вызвало серьезные разногласия среди исследователей. Так, по мнению Тарна, закон Ликурга следует понимать в самом общем и широком смысле. Тарн пишет: «Ликург... провел в Афинах гуманный закон, запрещавший афинянам покупать греческих пленников из числа свободных».¹¹⁴ Другие авторы полагают, что сфера действия этого закона была очень ограничена. Шлайфер, вслед за Майером, утверждает, что это постановление могло относиться только к беглецам определенного государства, дружественного Афинам, жители которого были обречены их противником на продажу.¹¹⁵ Вестерманн понимает закон Ликурга как политическую меру, относящуюся к практике выкупа пленных. Относя этот закон к конкретным событиям войны с Македонией, Вестерманн считает его явлением случайным, не связанным с общим улучшением статуса военнопленных.¹¹⁶

Мы слишком мало знаем об обстоятельствах, при которых был издан подобный закон, поскольку все наши сведения о нем ограничиваются кратким сообщением Плутарха. И все же точка зрения Тарна представляется нам более оправданной, поскольку в источниках можно найти подтверждение тому, что законодательство Афин в IV в. до н. э. запрещало афинским гражданам обращаться в рабство свободных граждан других греческих полисов. Так, Динарх (I, 23—24), обвиняя Демосфена в том, что по его вине были разрушены Фивы и проданы в рабство фиванские дети и женщины, требует для него смертной казни, ссылаясь на смертные приговоры, вынесенные афинянами за преступления менее серьезные. Обращаясь к афинскому народному собранию, Динарх говорит: «вы казнили мельника Менона за то, что он держал на мельнице свободного юношу из Пеллены. Фемистия из дема Афинны вы также наказали смертью за то, что он во время Элевсинских мистерий обесчестил кифаристку с Родоса. Вы казнили также Эвтимаха за то, что он поместил в публичный дом девушку из Олинфа». Динарх явно упоминает о фактах, широко известных афинской аудитории, и потому мы вправе считать эти факты подлинными. Постановления афинского народного собрания, о которых говорит Динарх, позволяют считать, что в IV в. до н. э. в Афинах осуждались всякие посягательства на свободу и неприкосновенность личности граждан самых различных греческих полисов.¹¹⁷ Следовательно, есть основания понимать закон Ликурга,

¹¹⁴ См.: В. Тарн. Эллинистическая цивилизация. М., 1949, стр. 91 и сл. Тарн связывает закон Ликурга с целым рядом других фактов, свидетельствующих об общем смягчении нравов в последующий период. Ср. его же статью: САН, т. VI, 1933, стр. 443.

¹¹⁵ R. Schleifer. Greek theories..., стр. 176 и прим. 3. Ср.: М. Н. Е. Meier. Commentario de vita Lycurgi, стр. 39 и сл.

¹¹⁶ W. L. Westermann. The slave systems. ..., стр. 26.

¹¹⁷ На наш взгляд, некоторые сомнения может вызвать только свободное происхождение кифаристки с Родоса.

отражающий ту же тенденцию, как общее запрещение покупать свободных военнопленных-греков. Такой закон мог быть принят в то время, когда в Греции наступила полоса относительного затишья. Кихле отмечает,¹¹⁸ что за весь период с 335¹ до 223 г. до н. э.¹²⁰ в Греции, насколько это известно, не был уничтожен ни один город, не было также случаев массового порабощения.

Кихле справедливо полагает, что это смягчение нравов во второй половине IV и в первой половине III в. до н. э.¹²¹ не было явлением случайным. Он прямо указывает на его связь с событиями предшествующего периода, в течение которого это смягчение нравов было подготовлено.

Однако причинные связи явлений Кихле устанавливает неверно. По его мнению, смягчение нравов было подготовлено публицистикой и общественным мнением греков, с которыми были вынуждены считаться воюющие партии.¹²² Однако сами эти сдвиги в общественном сознании были подготовлены вполне материальными причинами, остающимися вне поля зрения Кихле.

Ожесточение, с которым велись войны в первой половине IV в. до н. э., было следствием глубокого экономического кризиса, приводившего к острой конкуренции между греческими городами.¹²³

¹¹⁸ F. Kiechle. Zur Humanität. . . , стр. 149.

¹¹⁹ В 335 г. до н.э. Александр провел через Коринфский конгресс решение о расправе с Фивами. — Премакедонская партия стремилась изобразить разрушение Фив как заслуженную кару (см., например: Aeschin. III, 133, 156). Однако большинство эллинов было возмущено жестокостью Александра. Через 20 лет Фивы были отстроены на средства, собранные во многих греческих городах. Подробнее об этом см.: F. Kiechle. Zur Humanität. . . , стр. 148).

¹²⁰ К 223 г. до н. э. относится свирепая расправа ахейского союза с Мантиней (см.: Polyb. II, 56—61), которая вызвала бурю негодования во всей Греции. С 223 г. до н. э. вновь открывается период жестоких расправ с военнопленными, не прекращающийся уже до завоевания Греции Римом. Во времена римского владычества продажа греков в рабство становится настолько обычной, что всякие протесты против нее не могли уже иметь никакого смысла.

¹²¹ По мнению Рановича (см.: А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950, стр. 242), войны между греками в III в. до н. э. велись очень жестоко. Однако в качестве примера Ранович приводит расправу с Мантиней — судьба Мантинеи, ознаменовавшая в 223 г. до н. э. окончание затишья, не была, однако, характерна для предшествующего периода. Как отмечают Тарн и Ростовцев, войны диадохов в конце IV и начале III в. до н. э. велись с соблюдением определенных норм гуманности (см.: В. Тарн. САН, v. VII, 1928, стр. 211; М. Rostovtzeff. SEHWW, v. I, стр. 148). Тарн пишет (см.: Эллинистическая цивилизация, стр. 91): «Могло казаться, что старинное право уже умерло; и когда в 279 г. галлы вторглись в Грецию, греческие города горько жаловались на „жестокость“ варваров, вновь так напоминавшую о себе».

¹²² См.: F. Kiechle. Zur Humanität. . . , стр. 149—150.

¹²³ А. Б. Ранович. Эллинизм..., стр. 19: «Относительное и абсолютное сужение рынков приводит к ожесточенной конкуренции между греческими городами, по мере того как они втягиваются в торговый оборот; таким образом, падение торговли осложняется острыми противоречиями и военными

Именно поэтому на протяжении всего V в. до н. э. многие греческие писатели и ораторы призывали эллинов к объединенному походу на Восток. Они утверждали, что поход на Восток — это панацея, которая избавит Грецию от всех ее бед, в том числе и от взаимного порабощения греков.¹²⁴ Греко-македонская экспансия на Восток, начавшаяся в 336 г. до н. э., должна была смягчить хотя бы на короткий период все самые острые противоречия как во внутренней, так и во внешнеполитической жизни греческих городов.

Благодаря походу на Восток были затушеваны на время внутренние противоречия, поскольку значительная часть неимущих эллинов приняла участие в освоении новых земель.

Завоевания на Востоке ослабили торговую конкуренцию, открыв греческим купцам новые широкие рынки. Тем самым были временно сглажены острые противоречия между торговыми конкурентами. Были устранены причины целого ряда острейших конфликтов, приводивших к ожесточенным военным столкновениям между греческими государствами.

И, наконец, греческие рынки были заполнены рабами-варварами. В их числе было много военнопленных, захваченных во время похода Александра.¹²⁵ Немало рабов с Востока доставляла регулярная торговля, развитие которой было одним из наиболее заметных достижений эллинизма в социально-экономической области. Конечно, подъем, пережитый Грецией, был кратковременным. Греция оказалась в стороне от новых культурных и экономических центров. Подъем экономики, который может быть отмечен для целого ряда греческих городов, к концу III в. до н. э. сменился глубоким застоём. По замечанию А. Б. Рановича, относительно высокий уровень жизни, достигнутый в первый период эллинизма, сохранялся в среде богатых людей, но масса населения разорялась и беднела. Вновь усилились как внутренние, так и внешние столкновения, ожесточенность которых была обострена глубиной кризиса, вновь поразившего Элладу после кратковременного подъема.

Итак, большинство развитых рабовладельческих полисов Греции, в связи с тем что порабощение сограждан в них было запрещено или ограничено, остро нуждались в привозных рабах. Значительное число этих привозных рабов составляли варвары.

Наряду с варварами среди рабов в Греции нередко встречались и эллины. Приток рабов-эллинов особенно возрастал во время междоусобных войн, когда явный перевес получали центробежные тенденции. Тогда на рабские рынки поступали толпы военноплен-

столкновениями между греческими городами-государствами. Экономическая автаркия полиса превращается с течением времени в стеснительные оковы, в источник тревог, волнений, разорения, обнищания».

¹²⁴ См. об этом подробнее в главе I.

¹²⁵ Так, Александром было порабощено население городов Газы, Тира и Кирополя (см.: В. Тарн. Эллинистическая цивилизация, стр. 91).

ных-греков, нужда в которых увеличивалась в связи с тем, что правильная и регулярная работоторговля с городами, расположенными на периферии и снабжавшими Грецию иноплеменными рабами, нарушалась.

Наблюдения над многочисленными данными источников заставляют признать, что судьба военнопленных-греков не оставалась неизменной на всем протяжении многовековой истории Греции. С ростом связей между греческими полисами наблюдается тенденция к смягчению положения военнопленных. Во всяком случае представление о том, что порабощение соотечественников позорно, остается в силе даже в период ожесточенных войн конца V—начала IV в. до н. э.

Одной из причин этой тенденции к смягчению положения военнопленных является, возможно, меньшая эффективность использования труда порабощенного эллина сравнительно с использованием труда варваров. Даже в период Пелопоннесской войны порабощение военнопленных и гражданского населения преследовало нередко не столько экономические, сколько политические цели. Внешним выражением отмеченной выше тенденции к смягчению положения военнопленных является широкое развитие выкупной практики. Выкуп из плена был одной из обязанностей жителей греческого полиса по отношению к своим согражданам, так же как и к гражданам дружественных полисов. Насколько можно судить, взрослый свободный грек всегда мог рассчитывать на выкуп. Пребывание в плену и даже в рабстве не было позором и не умаляло прав вернувшегося на родину. В самой Греции в отношении рядовых военнопленных в V—IV вв. до н. э. применялся, по-видимому, установленный выкуп, сумма которого определялась в зависимости от цены на рабов, что значительно облегчало процедуру выкупа. Развитие выкупной практики способствовало сохранению граней между рабами и свободными в Греции, на отсутствие которых настаивает Вестерманн.

Порабощение эллинов, конечно, имело место, но предпочтение отдавалось иноплеменным рабам, в которых Эллада остро нуждалась. Особенно интенсивную торговлю иноплеменными рабами вели, по всей вероятности, города, расположенные на периферии греческого мира, в непосредственной близости к «варварским странам».

Глава IV

РАБСТВО В МАЛОАЗИЙСКИХ ТОРГОВЫХ ГРЕЧЕСКИХ ГОРОДАХ

Малая Азия — одна из тех областей, где в очень раннее время начала складываться система социальных отношений, сыгравшая важную роль в процессе формирования рабовладельческого строя малоазийских греческих городов. Эта территория уже в период образования древнейших рабовладельческих обществ стала ареной значительных экономических и политических событий. Именно здесь значительно раньше, чем в собственно Греции, создалась обстановка, насыщенная военными столкновениями, способствовавшая переходу общества к классовой рабовладельческой структуре. Области Малой Азии, населенные различными, разобщенными племенами, начиная с III тысячелетия до н. э. попали в сферу влияния государств Двуречья, где уже сложились определенные рабовладельческие отношения. Природные богатства малоазийского плато привлекали аккадских и шумерских правителей и купцов. Уже в начале III тысячелетия до н. э. в Каппадокии была основана торговая фактория аккадских купцов — Канес, который возглавил затем все торговые колонии Ассирии в Малой Азии (такие как Бурушханда, Дурхуллит, Вахшущанай и др.).² Изучение

¹ В надписях правителя Лагаша патеси Гудеа засвидетельствованы торговые отношения Шумера с областями Малой Азии: Гудеа доставлял строительный лес с гор Амана и диорит для статуй из Тавра (см.: Н. Янковская. Некоторые вопросы экономики Ассирийской державы. ВДИ, 1956, № 1, стр. 28). Ашшурские купцы вывозили серебро, свинец, медь, а также шерсть и кожу (см.: И. М. Дьяконов. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949, стр. 11). Свидетельством прочно налаженных торговых связей между Двуречьем и областями Малой Азии служат ассирийские «дорожники» — глиняные таблички с подробным указанием расстояний в днях пути между отдельными пунктами, через которые шел караванный путь (см.: В. Meissner, Babylonien und Assyrien, I. Heidelberg, 1920, стр. 339).

Клинописные таблички, найденные в Каппадокии, показывают непосредственную связь, существовавшую между Канесом и столицей ассирийского государства — Ашшуром. Определение характера ассирийских колоний в Ма-

документов, происходящих из Канеса, дало возможность восстановить картину общественных отношений в малоазийских колониях Ассирии.³ Это было сложившееся рабовладельческое общество, где господствовали те же законы, что и в государствах Двуречья. В текстах клинописных таблечек из Канеса (совр. Кюль-Тепе) прослеживается то же противопоставление свободных ассирийцев их рабам, что и в отрывках ассирийского кодекса законов. В таблечках из Кюль-Тепе рабы упоминаются чрезвычайно часто. Особый интерес представляют формы использования труда рабов. Установлено, что ассирийские купцы пользовались рабами как помощниками в ведении торговых дел. Рабов брали в аренду у владельцев на определенный срок, что специально оговаривалось в документе наряду с суммой платы за труд раба. О ростовщических операциях ассирийских купцов свидетельствует большое количество долговых расписок, где было предусмотрено обращение должников в рабство, если долг не будет погашен в срок. Среди этих документов встречаются и упоминания об отдаче всей семьи должника (включая детей) в рабство к кредитору.⁴ Очевидно, ассирийские колонисты широко использовали рабство-должничество для порабощения местного населения «мирным» путем.

Если в III тысячелетии до н. э. области Малой Азии являлись объектом колонизаторской деятельности и грабительских походов древневосточных государств, таких как Ассирия, Шумер, Ванское царство и другие, то во II тысячелетии до н. э. на самой малоазийской территории сложилось мощное рабовладельческое государство — Хеттское царство, распространившее свое влияние на все области Малой Азии вплоть до западного и северного побережья.⁵

Малой Азии было впервые дано Б. Ландсбергером (B. Landsberger. Assyrische Handelskolonien in Kleinasien. *Altorient*, вып. 4, 1925), точку зрения которого полностью разделяет акад. В. В. Струве (см.: Хеттское общество, как тип военного рабовладельческого общества, ИГАИМК, 97).

³ См.: B. Landsberger. *Assyrische Handelskolonien...*, стр. 16 и сл., 24 и сл., 31).

⁴ См.: В. В. Струве. Хеттское общество, стр. 4 и сл.

⁵ В хеттских документах засвидетельствованы связи с Тарувисой (Троей); на месте, где были впоследствии основаны такие крупные греческие города, как Смирна и Синопа, находились хеттские поселения. В анналах Рамзеса II, вырезанных на стенах Луксорского храма, перечислен ряд малоазийских областей, воины которых в качестве союзников хеттского царя принимали участие в знаменитой битве при Кадете. По сообщению пойманных хеттских лазутчиков, «побежденный князь страны хеттов расположился вместе с многочисленными странами, которые вместе с ним и которые он привел из всех областей, которые в границах страны хеттов... страны Маса (Мисия), страны Педаса (Кария), страны Каркаша и Рака (Киликия и Ликия)... и всей страны Кед (область в Киликии). Они снабжены пехотой и колесницами... Многочисленней они, чем песок на берегу. Смотри, стоят они, подготовившись к битве позади изменнического Кадета» (см.: Ch. Kuentz. *La bataille de Qadech*. Caire, 1928, стр. 34).

Находка царского архива в Богазкеое и дешифровка хеттских документов позволили судить о том, какова была организация первого рабовладельческого государства на территории Малой Азии и каким образом складывались в нем рабовладельческие отношения.⁶ Источники свидетельствуют о широком и повсеместном применении рабского труда — на царских и храмовых землях, на строительных работах. Большое количество рабов находилось в частном владении у свободного населения. Основными источниками пополнения контингента рабов были войны и рабство-должничество.⁷ Хеттское государство было типичным рабовладельческим обществом, в основе которого лежало примитивное древневосточное рабство, характерное для всех деспотий древнего Востока. Таким образом, с древнейших времен Малая Азия испытывала непрерывное давление со стороны различных древневосточных государств, которые, колонизуя или захватывая малоазийские области, насаждали там привычный им общественный уклад и присущие ему социальные отношения. Ионийские города, возникшие на западном побережье Малой Азии в очень раннее время,⁸ вступая в контакт с местным населением, неизбежно сталкивались с теми общественными отношениями, которые сложились здесь под влиянием древневосточных государств задолго до появления греческих колонистов.

Лидийское государство, которое к концу VII в. до н. э. расширило свою территорию вплоть до западного и северного побережья и подчинило себе ионийские города, явилось прямым наследником древневосточных деспотий и несомненно сохранило в своем укладе определенные черты, свойственные древневосточному рабовладению.⁹ Подпав под власть Лидии, ионийские города продолжали развиваться и богатеть, поскольку вся морская торговля продолжала оставаться в руках греческих купцов, так как сама Лидия не имела морского флота.

После разгрома Лидийской державы в VI в. до н. э. весь малоазийский полуостров вошел в состав монархии Ахеменидов. Восточная рабовладельческая деспотия надолго утвердилась на территории Малой Азии.¹⁰ Греческие города малоазийского побережья

⁶ См.: В. Hrozný. *Le code hittite*. Paris, 1922; В. В. Струве. О гуманности хеттских законов. ВДИ, 1947, № 4.

⁷ В двух уже цитированных работах, посвященных хеттскому рабовладельческому обществу, В. В. Струве дает достаточно полную картину положения рабов-военнопленных и рабов-должников в хеттском государстве.

⁸ Археологические материалы датируют время появления греческих поселений на малоазийском побережье XIV в. до н. э.

⁹ О том, что в Лидии наряду с различными богатствами было много рабов, сообщают многие античные авторы (Геродот, Страбон и др.).

¹⁰ Упоминания античных авторов о рабах у персов весьма многочисленны. Все рассказы о походах персидских царей сопровождаются сообщениями о захвате многочисленных рабов и продаже в рабство взятых в плен врагов. Однако, кроме общих сведений, в источниках встречаются и более конкретные

вошли в округ, первый, утвержденный Дарием и выплачивавший 400 талантов серебра в казну царя (Herod. III, 90).¹¹ Сложный узел политических и экономических противоречий, обостривших отношения между персидской державой и греческими полисами, привел к ионийскому восстанию, трагически закончившемуся для малоазийских греков. Персы жестоко расправились с городами — участниками восстания.¹² Они были почти все разрушены, захваченное в плен население обращено в рабство (Herod. VI, 96). Только некоторым городам Пропонтиды удалось избежать нашествия персидских войск. Так, после опустошения Византия Кизик, не дожидаясь появления персов, добровольно подчинился персидскому царю на условиях, заключенных с сатрапом Ойбаресом (Herod. VI, 33).¹⁴

Период процветания ионийских городов кончился. Они были разорены и сведены на роль бесправных данников персидского царя.¹⁵ На всем протяжении своего существования греческие го-

указания на использование рабского труда в малоазийском земледелии. Так, Геродот приводит рассказ о некоем жителе Фригии — Пифе, который принимал у себя Ксеркса. Он подарил царю много золота и серебра и сказал, что «много получает от своих земельных владений и рабов» (VII, 28). О сельских рабах в Малой Азии сообщает и Ксенофонт. Он упоминает о деревнях царя Парисатиды, в которых жили рабы (Anab. II, 4, 27), и рассказывает о рабах перса Асидата, работавших в окрестностях его усадьбы (Anab. VII, 8, 12).

¹¹ Известно, что лишь Милет, так счастливо выделявшийся среди остальных ионийских городов своим независимым от лидийского царя статусом, сумел сохранить его и после того, как сама Лидия стала сатрапией персидской державы. По сообщению Геродота, лишь с Милетом персы заключили союз как с равным государством (I, 141).

¹² Особенно пострадал, как известно, Милет, возглавивший восстание против персов. По рассказу Геродота, он был взят штурмом, большая часть мужчин была истреблена, уцелевшие милетяне, их жены и дети обращены в рабство, город опустошен, святилище в Дидимах сожжено и разграблено (VI, 18—19). Область же, принадлежавшая Милету, по сообщению Геродота, была распределена следующим образом: «окрестности города и равнину заняли персы, а горные местности были отданы карийцам педасейским» (IV, 20).

¹³ Геродот описывает настоящую охоту за рабами, которую устраивали персы на островах, проходя с сетями от одного конца острова до другого (VI, 31).

¹⁴ Условий этого договора Геродот не приводит.

¹⁵ Ярким примером в этом отношении может служить положение Милета. О том, сколь длительное время Милет находился в тяжелом экономическом упадке, можно судить по спискам союзников Афинской архэ, вносивших форо́с. В списках 446—444 гг. до н. э. Милет значится как союзник, платящий всего 5 талантов, в то время как Фасос и Эгина платят 30 талантов, а Парос — 16 талантов. (Ср.: Ю. Белох. История Греции, т. I. СПб., 1897, стр. 319 и сл.; J. P. Barron. Milesian Politics and athenian Propaganda. JHS, 82, 1962, стр. 11). Еще более показательна другая надпись — список 454—453 гг. до н. э., где вообще Милет не упоминается как союзный город. Перечисляются «милетяне из Техиуса» и «милетяне из Леры», уплатившие 3 таланта в союзную казну. (Ср.: J. P. Barron. Milesian Politics..., стр. 10). Очевидно, отдельные группы жителей Милета, спасшиеся от катастрофы, в течение длительного времени не имели возможности возвратиться на ро-

рода тесно соприкасались с внутренними областями Малой Азии и восточными государствами, находившимися на ее Территории. Эта непосредственная связь не могла не наложить отпечатка на различные стороны экономической и общественной жизни малоазийских греческих полисов и, в частности, на рабовладельческие отношения, существовавшие в областях, колонизованных греками. Кроме того, нельзя недооценивать и того обстоятельства, что в свою очередь на систему рабовладения в Малой Азии оказало огромное влияние древневосточное рабство с типичными для него более примитивными формами по сравнению с античной рабовладельческой системой.

Западное побережье Малой Азии было колонизовано греками в очень раннее время. Археологические материалы показывают, что еще в XVI в. до н. э. это побережье было тесно связано с Критом. Археологи, производившие раскопки Милета, установили следы критского поселения с керамикой, датируемой периодом времени от среднеминойского II до позднеминойского I.¹⁶ На территории самого Милета было также обнаружено поселение микенской эпохи с остатками крепостных стен, жилых домов, мощеных улиц, хозяйственных построек.¹⁷ Керамика позволяет отнести это поселение к XIV в. до н. э. Судя по археологическим данным, в XIV в. до н. э. был заселен и Колофон.¹⁸ Находки керамики протогеометрического и геометрического стиля в Милете и Смирне¹⁹ свидетельствуют о том, что греки селились здесь и в последующее время. Эта хронологически последовательная смена археологического материала²⁰ подтверждает непрерывность суще-

дину, в разоренный и обедневший город. Бэррон, однако, видит в «милетянах из Леры и Техиуса», уплативших форо́с, представителей проафинской партии, бежавших из Милета в Леру и Техиус. Сам же Милет не внес форо́са ни в 454—453, ни в 453—452 гг. до н. э. По мнению Бэррона, Милет, всячески пытаясь выйти из-под влияния Афин, в течение нескольких лет уклонялся от уплаты форо́са и лишь в списке 452—451 гг. до н. э. он снова появляется в числе городов, внесших налог в союзническую казну.

¹⁶ См.: C. Wiekert. Neue Ausgrabungen in Milet. Neue Deutsche Ausgrabungen in Mittelmeergebiet und im verderen Orient. Berlin, 1959.

¹⁷ Там же, стр. 186 и 194.

¹⁸ Раскопки Колофона систематически не проводились. Археологические исследования 1922 г. дали ранний материал, относящийся еще к микенскому времени (AJA, 1923, стр. 67 и сл.). Возле Колофона была открыта купольная гробница микенской эпохи. Павсаний упоминает о том, что у колофонян существует предание о переселении критян под водительством Ракия на земли, которые в то время были заняты карийцами (Paus. VII, 3, 1). По колофонской традиции критяне были первыми из эллинов, появившимися в области колофонян.

¹⁹ См.: J. M. Cook. The Greek in Ionia and the East. London, 1962, стр. 70 и сл. Новейшие раскопки Смирны дали яркие археологические свидетельства существования Смирны еще в качестве хеттского поселения около 2000 г. до н. э. Появление греческих поселенцев прослеживается в Смирне с XI в. до н. э.

²⁰ См.: C. Wiekert. Neue Ausgrabungen in Milet, стр. 195. В Милете строительные остатки, сопровождавшиеся керамикой геометрического стиля,

ствования греческих поселений на западном побережье Малой Азии.

Литературные источники отражают уже более поздний период исторической жизни греческих городов малоазийского побережья. В античной литературе сохранились двоякого рода сведения. С одной стороны, ряд авторов (Геродот, Фукидид, Аристотель, Поллукс, Плутарх, Страбон, Павсаний) сообщают о полуполюгендарных царских родах, стоявших у власти в ионийских полисах, с другой стороны — и о самом переселении греков на западное побережье Малой Азии. Эд. Мейер обратил внимание на существование двух традиций об основании ионийских городов.²¹ Одна традиция называла основателями Афины (потомки царя Кодра у Геродота — Herod. I, 147), другая — Пилос (выходец из Пилоса — Андромон, основатель Колофона у Страбона, передающего отрывок из элегии Мимнерма Колофонского, — Strab. XIV, 1, 3). Эд. Мейер считает вполне вероятным, что «эмигранты из западного Пелопоннеса» могли колонизовать Ионию. Еще до открытия и изучения пилосских надписей точка зрения Эд. Мейера была поддержана целым рядом ученых, таких как Тепфер, Д. Веллс, Т. Леншау, У. Вилламовиц.²² После прочтения таблесток пилосского архива С. Я. Лурье в своем труде, посвященном языку и культуре микенской Греции, вновь вернулся к вопросу о колонизации греками ионийского побережья. Рассматривая обе традиции об основании малоазийских городов, афинскую и пилосскую, С. Я. Лурье справедливо заключил, что пилосская традиция была несомненно более древней. В VI в. до н. э. для малоазийских городов считать своей метрополией Пилос не было особых оснований, да и сам Пилос вряд ли на это претендовал.²³ В это время на звание старейшего из ионийских городов — $\pi\rho\alpha\upsilon\tau\acute{\alpha}\tau\eta\tau\eta\iota\ \gamma\alpha\iota\alpha\upsilon\ \iota\alpha\omicron\nu\acute{\iota}\alpha\varsigma$ (Sol. у Aristot. Ath. Pol. IV, 5) претендовали Афины, которым нужно было исторически обосновать свое стремление к руководству ионийским объединением на Делосе.²⁴ Поэтому при Писистрате был создан вариант легенды, согласно которому афинские цари были потомками царей Пилоса, а основатель малоазийских городов Нелей — сыном афинского царя Кодра, выходца из Пилоса.²⁵ Таким образом, древнее предание, выводившее основателей ионийских городов из Пилоса, увязывалось с афинским царским родом, и

непосредственно перекрывали развалины крепостных сооружений позднемикенской эпохи.

²¹ См.: Ed. Meyer. Geschichte des Altertums, III. Stuttgart, 1934, стр. 398.

²² Состояние вопроса о колонизации Ионии микенскими греками к моменту открытия пилосских документов изложено в книге: С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции. М.—Л., 1957, стр. 205 и сл.

²³ Там же, стр. 205 и сл.

²⁴ См.: O. Gruppe. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. München, 1906, I, стр. 21, 24.

²⁵ См.: С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции, стр. 207.

Афины выступали в роли основателей процветающих городов Ионии. Тем не менее древнее предание, прочно укоренившееся в малоазийских колониях, выводило основателей ионийских городов непосредственно из Пилоса. Не случайно все царские роды в городах Ионии связывали свое происхождение с пилосским царем Нелеем.²⁶ У Страбона (XIV, I, 4) приводится отрывок из элегии Мимнерма «Нанно», где колофонский поэт прямо говорит о прибытии пилосских кораблей к берегам Малой Азии и о том, что Колофон, его родной город, был основан пилосцем Андремоном.

С. Я. Лурье удалось собрать целый ряд пилосских документальных данных, которые существенно дополняют древнюю традицию о пилосской колонизации малоазийского побережья Ионии. Некоторые из пилосских документов свидетельствуют о совпадении терминов, которыми обозначались высшие городские магистраты в Кносском и Пилосском государствах и в Милете (термин $\mu\omicron\lambda\lambda\omicron\iota$ или $\mu\omicron\lambda\lambda\omicron\iota$).²⁷ Например, высшие должностные лица в Пилосе назывались куретами ($koretore$ — $\kappa\omicron\upsilon\rho\epsilon\tau\eta\rho\epsilon\varsigma$), и коллегия куретов²⁸ возглавляла в Эфесе знаменитый храм Артемиды.²⁹ На основании этого совпадения С. Я. Лурье приходит к выводу о пилосском происхождении культа Артемиды Эфесской. Еще одно совпадение отмечает С. Я. Лурье: как в Пилосе, так и в Эфесе младшая категория магистратов обозначалась при помощи прибавления к названию их должности суффикса $\mu\epsilon\lambda\lambda\iota$ -, а старшая — $\pi\acute{\alpha}\rho\alpha$ - или $\lambda\omicron\rho\omicron$ -.³⁰ Таким образом, следы ранней колонизации малоазийского побережья микенскими греками запечатлелись в ряде данных и вряд ли существуют основания сомневаться в исторической достоверности этого процесса.

Самое раннее античное свидетельство, в котором упоминаются ионийские города, это «Гимн Аполлону Делосскому» (VIII в. до н. э.). В этом гимне Милет именуется «славным и знаменитым городом ионян».³¹ Больше упоминаний встречается о Колофоне. Колофонский поэт VII в. до н. э. Мимнерм в той же своей элегии «Нанно» говорит и о прибытии основателей Колофона из Пилоса, и о том, что колофоняне впоследствии захватили находившийся

²⁶ Геродот же, по-видимому, передает более позднюю традицию, связывавшую основание малоазийских городов с Атикой, упоминая о том, что все основатели были потомками Кодра (Herod. I, 147).

²⁷ С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции, стр. 210.

²⁸ Syll., № 353.

²⁹ С. Я. Лурье, на основании ряда античных свидетельств, убедительно показал, что культ Артемиды Эфесской также был перенесен в Малую Азию из Пилоса (стр. 208 и сл.).

³⁰ С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции, стр. 210.

³¹ См.: T. W. Allen, W. K. Halliday, E. E. Sines. The Homeric Hymns. 2 ed. Oxford, 1936, стр. 188 и сл.

³² См.: Я. А. Ленцман. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963, стр. 220 и сл., где в связи с вопросом возможности существования дворцов микенского типа в Ионии рассматриваются данные античной традиции по древнейшей истории ионийских городов.

поблизости город Смирну. По-видимому, этот же эпизод имеет в виду и Геродот, когда он рассказывает о бегстве части колофонян в Смирну, принявшую Колоφωνίους ἀνδρας στάσι ἐσσωθέντας καὶ ἐκπεσόντας ἐκ τῆς πατρίδος (Herod. I, 150).³³ Очевидно, захват Смирны колофонянами был связан с внутривнутриполитической борьбой в Колофоне. Основание колонии на Халкидике, по всей вероятности, также следует связать с политическими столкновениями в Колофоне (Thuc. V, 2, 2). По сведениям, приводимым Аристотелем, Колофон в древности имел недемократический строй: ὅτε ἀν οἱ πλοῦστοι διὰ τὸ κατὰ πλῆθος ὀπερέχειν, δῆμος, οἷον ἐν Κολοφῶνι τὸ παλαιόν (ἐκεῖ γὰρ ἐκέκτηντο μακρὰν οὐσίαν οἱ πλείους πρὶν γενέσθαι τὸν πόλεμον τὸν πρὸς Λυδοῦς). . . (Polit. IV, 1290b, 14—17). Страбон сообщает, что некогда Колофон располагал сильным флотом и мощной конницей, что делало его значительным городом среди прочих ионийских городов (XIV, 1, 28).

Основателем Эфеса и родоначальником царской династии Андроклидов, по свидетельству Страбона, был Андрокл, сын Кодра (XIV, 1, 3).³⁴ О государственном устройстве Магнесии на Меандре в ранний период ее существования сообщает Аристотель в «Политике», определяя его как олигархическое (Polit. IV, 1289b, 39).

Древнейшая история Милета, этого самого значительного из ионийских городов, связывалась также с установлением царской власти ойкистом Милета Нелеем,³⁶ который был родом из Пилоса (Strab. XIV, I, 3), однако Геродот называет его (согласно афинской традиции) сыном Кодра (Herod. I, 147; IX, 97).

рой ³³ У Геродота несколько раз встречаются упоминания о том, что Смирна была заселена жителями Колофона (I, 142—143), чьи хозяйственные усадьбы

³⁴ По преданию, дочь Андрокла, Климена, считалась основательницей богослужений в храме Артемиды Эфесской (см.: С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции, стр. 210).

³⁵ Перечень ионийских городов, основанных на малоазийском побережье, впервые дает Геродот там, где идет речь о Панионии — союзе ионийских городов, сложившемся к 700 г. до н. э. (I, 142—143). Тогда в этот союз вошли города, находившиеся в Карию, — Милет, Миунт, Приена. Из лидийских городов Геродот упоминает Эфес, Колофон, Лебедос, Теос, Клазомены и Фокею, также входившие в ионийское «двенадцатиградь». Кроме того, два союзнических города находились на островах — Самос и Хиос и еще «один только на суше — Эрифры» (Herod. I, 142). Впоследствии, по сообщению Страбона, в Панионий эфесцами была включена и Смирна. Панионий был политическим и военным объединением, необходимость которого была продиктована стремлением ионийских городов укрепиться на западном побережье Малой Азии.

³⁶ С. Я. Лурье поддерживает точку зрения, высказанную Эд. Мейером (Ed. Meyer. Geschichte des Altertums, III, стр. 398 и сл.), который считает, что единый когда-то образ царя Пилоса Нелея был впоследствии (с созданием афинской версии о колонизации Ионии) разделен на двух Нелеев — Пилосского и Аттического, для того чтобы связать основание малоазийских городов с Кодридами и вывести колонизацию не из Пилоса, а из Аттики (см.: С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции, стр. 207).

Таким образом, в рассказе об основании Милета также преобладает пилосская традиция. Известно, что в архаическую эпоху Милет был центром, который заметно превосходил своим удельным весом Афины в эллинском мире.³⁷ И вполне объяснимо стремление граждан Милета связать свое происхождение с Пилосом, древним славным городом, разрушенным дорийским нашествием, о былом могуществе которого сохранились лишь предания. Архаический Милет был слишком значителен, чтобы выводить своих основателей из среды незначительных в ту эпоху Афин. По-видимому, существуют все основания примкнуть к точке зрения, высказанной в свое время Эд. Мейером о древнейшей пилосской колонизации западного побережья Малой Азии, подкрепленной последними исследованиями С. Я. Лурье в области пилосских документов.³⁸

Следует сказать, что ранний расцвет Милета, равно как и других греческих городов малоазийского побережья, во многом зависел от исключительно выгодных природных условий.

Ионийские города на малоазийском побережье располагали полосой плодородной земли, где можно было выращивать хлеб, виноград, разнообразные фрукты и маслины.³⁹ Геродот отмечает, что «те ионяне, которым принадлежит Панионий, основали свои города под таким небом и в таком климате, лучше которых мы не знаем ни в какой другой стране» (I, 142). В широкой и плодородной долине Меандра условия для развития сельского хозяйства были особенно благоприятны. Поэтому Приена и Магнесия на Меандре имели в своем распоряжении достаточное количество сельскохозяйственных продуктов, которыми можно было прокормить городское население. Милету также принадлежала территория, на которой с полями и садами, о чем мы знаем от Геродота (I, 17). Однако с развитием городов и ростом населения земли, принадлежавшие полису, не в состоянии были обеспечить продовольствием как свободных граждан, так и рабов, составлявших значительную часть городского и сельского населения.⁴⁰ Нельзя при этом забывать, что территории, принадлежавшие прибрежным греческим городам, непосредственно граничили с землями, населенными многочисленными местными племенами. Вытесненные греками с принадлежавших им ранее земель, многие из этих племен относились к колонистам с нескрываемой враждебностью. Таким образом, дальнейшее расширение принадлежавших городам земель было крайне затруднено. В результате раз-

³⁷ Вилламовиц-Моллендорф считает, что греческие города Ионии являются моделью для развитого греческого полиса (см.: U. Wilamowitz-Möhlendorff. Nordichische Steine. Abhandlungen der Königl. Preuss. Akad. der Wissenschaften. Philos.-hist. Classe, Berlin, 1909, стр. 121).

³⁸ С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции.

³⁹ См.: G. Glotz. Histoire grecque, I. Paris, 1926, стр. 259. Ср.: М. М. Кобылина. Милет. М., 1965, стр. 28.

⁴⁰ Ср.: T. R. Brayton. Economic Survey of Rome. I. Oxford, 1926, стр. 360.

росшиеся греческие города стали ощущать недостаток в хлебе и продовольствии. Поскольку возможности расширения сельскохозяйственной территории были ограничены в силу приведенных выше обстоятельств,⁴¹ то ионийцам очень рано пришлось обратиться к занятиям торговлей и ремеслом. Для ионийских греков торговля являлась не только главным источником их благосостояния, но и существования.⁴² Раннему развитию торговых связей благоприятствовало расположение ионийских городов на путях, связывавших Запад и Восток, Египет и Понт, — основных торговых магистралей древнего мира.

В ранний период торговля, находившаяся в руках ионийских греков, носила главным образом транзитный характер. Недостаток хлеба вынуждал их интересоваться областями, богатыми зерном, в которых ионийцы пытались закрепиться, основывая торговые (рактории). Так, в поисках дешевого хлеба ионийские купцы очень рано проникли в Египет,⁴³ а несколько позже на побережье Черного моря.⁴⁴ На протяжении всего VII и первой половины VI в. до н. э. Египет оставался крупнейшим поставщиком зерна для всей Ионии и материковой Греции. Кроме того, Египет славился

⁴¹ Кроме того, естественные ограничения имели место благодаря географическим условиям — в гористой местности земледелие было возможно только по долинам рек (см.: Ch. Texier. *Asie Mineure. Description géographique, historique et archéologique des provinces et des villes de la Chersonnese d'Asie*. Paris, 1862; ср.: С. Н. Матвеев. *Турция. Физико-географическое описание*. М.—Л., 1946, стр. 31).

⁴² САН, III, стр. 291.

⁴³ Около 750 г. до н. э. милетцем Евсебием было построено укрепление в той местности, где впоследствии, уже в VII в. до н. э., был основан Навкратис (Herod. II, 178—179; Strab. XVII, 1, 18) — общий эмпорий греческих городов. Наиболее видную роль здесь играли Милет, Хиос, Эгина. По мнению К. М. Колобовой, роль Эгины была посреднической — через нее в Навкратис поступали товары материковой Греции, главным образом Коринфа, судя по археологическим материалам раннего времени (см.: К. М. Колобова. Греки в Египте. Уч. зап. ЛГУ, 1949, сер. истор. наук, вып. 14, № 112, стр. 249 и сл.). Проникновение греков на территорию Египта не ограничилось Навкратисом. Источники называют большое количество городов, основанных греческими поселениями в Египте, — Эфес, Лесбос, Кипр, Хиос, Самос (Necat. F. Gr. Hist. I, 310). то обстоятельство, что, вопреки обыкновению, колонии носят названия своих метрополий, позволило Фюстель де Куланжу выдвинуть предположение, что эти основанные в Египте города не были колониями обычного рода, а скорее являлись торговыми факториями, жители которых продолжали считать себя гражданами метрополий (см.: N. D. Fustel de Coulanges. *Memoires sur l'île de Chio*. Paris, 1856, стр. 520—521).

⁴⁴ Так, в связи с проникновением греческих купцов в Черное море в начале VII в. до н. э. был основан Византий (см.: В. П. Невская. Византий в классическую и эллинистическую эпоху. М., 1953). Первая волна колонизации, устремленная в Причерноморье, по замечанию Рэбака, ставила целью прочное обоснование греков в Пропонтиде и Геллеспонте для расширения торговли с сельскохозяйственными областями (см.: С. Roebuck. *Ionian trade and colonisation*. N. Y., 1959, стр. 111 и сл.). В свою очередь это устремление ионийцев на север Рэбак связывает с неудачными попытками расширить свои земельные владения на материке (см.: С. Roebuck, *Ionian trade*..., стр. 106).

своими льняными тонкими тканями, благовониями и поставлял на ионийский рынок слоновую кость, звериные шкуры, соль, алебастр, квасцы, драгоценные металлы и камни и большое количество рабов-негров, о чем свидетельствует появление изображений негров в греческой вазовой живописи.⁴⁷

Одним из главных источников процветания ионийских городов являлась торговля металлом. Свидетельства античных авторов дают возможность представить картину чрезвычайно разветвленных связей ионийских торговых центров с весьма отдаленными районами Средиземноморья, которые были богаты металлами. Получая их из глубинных областей Малой Азии, ионийские купцы держали в своих руках всю средиземноморскую торговлю металлом. Среди малоазийских греческих городов особо значительное место в этой торговле занял Милет, тесно связанный с Лидией, богатой золотом и электром (Herod. I, 25, 50—52, 69, 92). Не случайно древнейшей греческой монетной системой была милетская. Это были монеты лидийского электра, которые при тиране Фрасибуле получили устойчивую государственную эмблему — голову льва.⁴⁸ В течение всего VII в. до н. э. милетские электровые статоры преобладали в малоазийской торговле, и лишь в начале VI в. до н. э. Хиос выпустил свою собственную серебряную монету.

⁴⁵ См.: К. М. Колобова. Греки в Египте, стр. 266.

⁴⁶ См.: С. Roebuck. *Ionian trade*..., стр. 96 и сл.; A. B. Burn. The so-called «Trade—Leages» in early Greek history and Lelantine war. JHS, XLIX. 1929, стр. 14. Ионийские купцы проникали в самые отдаленные районы Средиземноморья и доходили даже до Массалии и Испании. По свидетельству Страбона (Strab. XIV, 2, 10), родосцы основали колонию в северо-восточной Испании уже в VIII в. до н. э. Известно, что из Испании вывозились серебро, олово и бронза. Главную роль в ионийской торговле с Испанией играла Фокея, хотя Рэбак отмечает, что фокейские купцы были скорее распространителями испанского металла, в котором остро нуждалась Иония, нежели его потребителями (см.: С. Roebuck. *Ionian trade*..., стр. 98). Традиция называет Хиос и Самос центрами ионийского металлического производства. Фокейские же купцы торговали чужими товарами в обмен на испанское серебро, олово и бронзу. Большая часть железа шла из северной Сирии, из некоторых областей Малой Азии (Каппадокии, Фригии, Киликии) и Кавказа. Особенно славилось железо из области халибов на юго-восточном побережье Понта. Источником золота и электрона были Лидия и Сирия. И уже в VII в. до н. э. самым обильным источником металлов, главным образом серебра, для Эгейского бассейна была Фракия. Но, хотя ионийская и коринфская керамика середины VII в. до н. э. обнаружена при раскопках в Кавалле, Рэбак допускает, что эмпорием мог быть здесь Фасос (см.: С. Roebuck, *Ionian trade*..., стр. 92—94), являвшийся основным рынком для обмена товаров на золото и серебро.

⁴⁷ Геродот свидетельствует, что первые монеты были вычеканены в Лидии, которая впервые ввела в употребление золотую и серебряную чеканную монету (I, 94).

⁴⁸ См.: K. Freeman. *Greek City-States*. London, 1950, стр. 137. До этого времени монеты, по всей вероятности, выпускались частными лицами, о чем свидетельствует нерегулярный характер выпуска монет и различные эмблемы, помещаемые на них.

⁴⁹ См. главу VI, стр. 152, прим. 12.

Кроме металлов, из глубинных районов Малой Азии в ионийские города поступали различные товары. Это были ткани и шерсть, уложенные в тюки для удобства перевозки, предметы роскоши, ценные металлы либо в слитках,⁵⁰ либо в виде ювелирных изделий, готовые металлические инструменты. Пути, по которым направлялись товары из глубинных областей малоазийского плато, были очень тяжелы — труднопроходимые горные дороги позволяли перевозить только портативные товары. В какой-то мере характер торговых путей в данном случае определял и характер товаров.⁵¹ Что касается живого товара — скота (главным образом лошадей, которыми славилась Малая Азия) и рабов, то они передвигались сами и доставляли себя к месту обмена, не требуя специальных средств для перевозки.

На основании отрывочных упоминаний у древних авторов и некоторых косвенных данных следует думать, что в торговой жизни ионийских городов работорговля занимала весьма значительное место. Так, например, Геродот сообщает, что ионийские купцы покупали фракийских рабов у самих туземцев (V, 6). Среди фракийских рабынь упоминается знаменитая Родопея, о которой мы знаем из целого ряда сочинений античных авторов (Herod. II, 134—135; Sappho 25; Strab. XVII, 1, 33). Есть основания предполагать, что Хиос,⁵² Фасос, Самос и города Пропонтиды также участвовали в торговле фракийскими рабами.⁵⁴ Для Кизика — одного из самых деятельных торговых центров Пропонтиды — существование работорговли засвидетельствовано ателией, в которой упомянут специальный налог на рабов, действовавший в Кизике в VI в. до н. э.⁵⁵ Лицо, получившее ателию, освобождалось (сверх обычных привилегий) и от налога на рабов, что было специально оговорено в тексте этого документа. Неизвестно, в каких случаях взимался этот налог и в чем он выражался, но поскольку освобождение от названного налога было включено в число особых привилегий, а не само собой разумеющихся, то налог на рабов составлял, по-видимому, значительную сумму.

В устремлениях ионийских городов в причерноморские области, заселенные варварами, немаловажную роль играло богатство этих

⁵⁰ Золотые и электроновые слитки из Лидии (см.: G. F. Hill. *Historical Greece Coins*. London, 1906, стр. 1—2, 12—18).

⁵¹ См.: C. Roebuck. *Ionian trade*. . . , стр. 18.

⁵² О работорговле на Хиосе см. главу VI, стр. 163.

⁵³ О самосской торговле рабами сообщает Дорид (Doris, F. Gr. Hist).

⁵⁴ О вывозе рабов-фракийцев в VI—IV вв. до н. э. основные данные собраны в статье: В. И. Велков. Рабы-фракийцы в античных полисах Греции VI—II вв. до н. э. ВДИ, 1967, № 4, стр. 70—80.

⁵⁵ Syll.³, № 4. Часть А стелы сильно повреждена. В части В текст сохранился полностью: Β ἐπὶ Μακρινό[υ]. πόλις Μεδίχων καὶ τοῖς Αἰσίπ[ου] παῖσιν καὶ τοῖς ἐγγύοις ἀτελεῖν καὶ πρυτανεῖον δέδοται, παρέξ ναύτου καὶ τοῦ τάλαντου καὶ ἱππώνης καὶ τῆς τετάρτης καὶ ἀνδραποδωνίης- τὸν δὲ ἄλλων πάντων ἀτελές χτλ.

районов не только хлебом, но и дешевой рабочей силой.⁵⁶ У Полибия есть прямое свидетельство, что рабы наряду с хлебом, скотом, рыбой,⁵⁷ воском и медом являлись одним из самых важных товаров, вывозимых из областей Понта (Polyb. IV, 38). Хотя сообщение Полибия относится к более позднему периоду, нет оснований считать, что состав товаров, которые греческие купцы вывозили из причерноморских областей, сильно менялся с течением времени. С развитием торговых отношений могла только усилиться интенсивность обмена. А спрос на причерноморских рабов всегда был велик на греческом рынке. Причерноморская торговля привлекала греков и тем, что хлеб из Понта обходился дешевле, чем египетское зерно. Египтяне обменивали хлеб на серебро,⁵⁸ а причерноморское зерно ионийцы получали за продукты своего ремесла — керамику, ткани, украшения, за оливковое масло и вино. Особенно прочные позиции в складывающейся причерноморской торговле заняли милетские купцы. Вообще Милету в общегреческой торговле принадлежало исключительно важное место. Уже в VIII в. до н. э. Милет именовался «славным и знаменитым городом ионян».⁵⁹ Милетские электроновые статыры на протяжении всего VII в. до н. э. преобладали в денежном обращении всей малоазийской торговли. Принимая активное участие в посреднической торговле, Милет завязывал также прямые торговые отношения с полисами центральной Греции.⁶⁰ Известно, что и в ранней

⁵⁶ См.: В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 19.

⁵⁷ Большое количество дешевой рыбы шло из Понта в Грецию с первых шагов проникновения ионийских купцов в причерноморские области. А сушеная рыба, как известно, была самой распространенной пищей беднейших слоев греческого населения (ср.: Theophr. *Charact.* IV, 15; VI, 6). Поскольку в ранний период причерноморской торговли между греками и местным населением не были налажены постоянные контакты, то проведение торговых операций в областях Понта не всегда было безопасным. Рэбак считает, что рыба являлась тем продуктом, который ионийские купцы могли вывозить, не вступая в контакт с враждебно настроенными местными племенами. Когда же постоянные взаимоотношения с туземным населением были греками налажены, то стала возможной и более выгодная торговля хлебом (ср.: C. Roebuck. *Ionian trade*. . . , стр. 128 и сл.).

⁵⁸ Хиосцы широко использовали серебро из фракийско-македонских рудников для обмена на египетское зерно, которое имело большой спрос во всех районах Эгейского бассейна (см. главу VI, стр. 153).

⁵⁹ См.: T. W. Allen, W. K. Halliday, E. E. Sines. *The Homeric Hymnes*, стр. 188 и сл.

⁶⁰ В литературе, посвященной вопросам развития ионийской торговли, в свое время было высказано предположение о существовании в VII в. до н. э. в Эгейском районе нескольких уже сложившихся торговых союзов, которые соперничали между собой. Один из союзов объединял Милет, Хиос, Эгину, Эретрию и, возможно, Мегары. Другой был представлен Самосом, Коринфом, Халкидой, Эфесом (см.: A. B. Burg. *The so-called «Trade-Leagues»*. . . , стр. 14—37). Однако другие исследователи (см.: C. Roebuck. *Ionian trade*. . . , стр. 85) справедливо выражают сомнение в том, что в столь раннее время могли существовать столь прочные союзы с торговыми целями. Скорее это было завязывание торговых отношений в течение VII в. до н. э. между будущими союзниками.

колонизации Северного Причерноморья руководящую роль сыграл Милет.⁶¹ Страбон, рассказывая о Милете в XIV книге, подчеркивает, то Милет славится многим, но прежде всего большим числом колоний, ибо весь Понт Евксинский, Пропонтида и многие другие места заселены милетянами (XIV, 1, 5). Плиний пишет об основании Милетом более 90 колоний (II, V, 112). Сенека сообщает, что «Милет распространил в разные стороны население 75 городов» (Consol. ad Helv; SC II, op. cit., 134). Конечно, эти свидетельства античных авторов не могут не вызвать сомнения у современных историков, ибо уж слишком велики цифры, упоминаемые источниками. Трудно предположить, чтобы Милет мог выделить такое большое количество людей для заселения того числа городов, какое указывают авторы. Вероятно, как это бывало и в других случаях, к группам милетских колонистов присоединялись переселенцы из других ионийских городов, покидавшие родину в поисках лучших условий для существования или изгнанные в результате политической борьбы.⁶² В этих случаях милетские ойкисы, очевидно, выступали только в роли организаторов переселенческого движения. В течение VII—VI вв. до н. э. Милет проявил исключительную активность в своей колонизаторской деятельности.⁶³ Именно на примере Милета можно проследить в наиболее яркой форме развитие торгово-ремесленного рабовладельческого полиса в ранний период. Бурный и широкий рост его торговых связей, кипучая колонизаторская деятельность — во всем этом в наиболее выпуклом виде сконцентрированы черты, характерные для ионийских торговых городов того времени.

Поскольку возможности Милета в сухопутной торговле на малоазийском материке были ограничены и находились под контролем сильного лидийского царства, находившегося у милетян в тылу, наличие торговых факторий и колоний на морском побережье открывало неограниченные перспективы развития морской торговли.

Продвижение милетян в сторону Понта Евксинского, где конечной целью было достижение северного побережья Понта, можно

проследить по указаниям хронографов.⁶⁴ Они относят заселение милетянами Кизика, Синопы и Трапезунта еще к середине VIII века до н. э. Однако под натиском киммерийских племен, вторгшихся на малоазийский полуостров (Herod. I, 6), поселенцы должны были покинуть основанные ими города (или, скорее, торговые фактории, которые еще не успели вырасти в города). Киммерийцы продвинулись далеко на юг, разорили Эфес с его знаменитым святилищем Артемиды, разграбили Магнезию на Меандре и Колофон. Однако сам Милет устоял перед угрозой киммерийского нашествия. Городом были воздвигнуты мощные укрепления, обнаруженные при раскопках на Калабак-Тепе.⁶⁵ Вернулись милетяне на южное побережье Понта уже в середине VII в. до н. э.

Хроника Евсевия, где даются точные даты основания милетских колоний, показывает последовательность продвижения милетян в сторону Черного моря.⁶⁶ Сначала были основаны колонии в Пропонтиде, а затем началось проникновение на побережье Понта Евксинского.

Политическая обстановка, сложившаяся в Милете на рубеже VII—VI вв. до н. э., т. е. в период его наиболее энергичных устремлений в Понт Евксинский, многое объясняет в развитии бурной колонизационной деятельности милетян. Геродот (V, 92) сообщает, что в конце VII в. до н. э. во главе Милета стоял тиран Фрасибул,⁶⁷ который для удержания власти в своих руках и для обуздания политических противников принимал самые жестокие меры.⁶⁸ После свержения тирании Фрасибула и попытки захвата власти Фоантом и Дамасенором (Plut. Quaest. gr., 12) в Милете началась острая борьба двух партий — *πλουτῖς* и *χειροπαῖα*, т. е. партий, «названия которых были слишком прозрачны, чтобы затрудняться понять смысл, в них содержащийся», по справедливому замечанию С. А. Жебелева.⁶⁹ Таким образом, борьба завязалась между *πλουτῖς* — зажиточной аристократией (торговой и землевладельческой) и *χειροπαῖα* — теми, кто

⁶¹ См.: F. Bilabel. Die Ionische Kolonisation. Leipzig, 1920, стр. 50; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 23 и сл.; М. М. Кобылина. Милет, стр. 24 и сл.

⁶² См.: G. Busolt. H. Swoboda. Griechische Staatskunde, т. II. München, 1920, стр. 266 и сл. Здесь собран основной материал по вопросу организации античных колоний.

⁶³ Эта особенность Милета справедливо отмечается целым рядом современных исследователей. См.: E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 438; F. Bilabel. Die Ionische Kolonisation, стр. 50; С. А. Жебелев. Северное Причерноморье. М.—Л., 1953, стр. 53 и сл.; А. А. Иесен. Греческая колонизация. Л., 1947, стр. 50 и сл.; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 23 и сл. Социальные и экономические причины колонизации, общие для всех развивающихся греческих полисов, обстоятельно рассмотрены в работе К. М. Колобовой, посвященной истории раннегреческого общества (см.: К. М. Колобова. Из истории раннегреческого общества. Л., 1951, стр. 155 и сл.).

⁶⁴ Ср.: G. Busolt. Griechische Geschichte, т. I². Gotha, 1897, стр. 164 и сл.; С. А. Жебелев. Северное Причерноморье, стр. 54. Некоторые исследователи, правда, отрицают выход милетян на южное побережье Понта в докиммерийский период (см.: В. Д. Блаватский. Архаический Боспор. МИА, 1954, № 33, стр. 14).

⁶⁵ См.: М. М. Кобылина. Милет, стр. 24.

⁶⁶ Ср.: G. Busolt. Griechische Geschichte, I², стр. 231 и сл.; Белое с сомнением относится к точным датам Евсевия, однако в основу своей хронологии кладет его сведения (см.: F. Bilabel. Ionische Kolonisation, стр. 64 и сл.) и приводит сопоставление датировок Евсевия с данными других античных авторов.

⁶⁷ Эд. Мейер (Ed. Meyer. Geschichte des Altertums, II, стр. 615) считает, что эпоха наивысшего процветания Милета связана со временем Фрасибула и именно к этому периоду и следует отнести выведение большей части понтийских колоний. К этому же времени относится и сближение Милета с Коринфом.

⁶⁸ См.: С. А. Жебелев. Северное Причерноморье, стр. 57.
же.

не только бьется врукопашную, но руками добывает себе средства к существованию, т. е. ремесленниками и земледельцами. Плутарх приводит и второе прозвище членов аристократической партии — ἀειναῖται (вечные мореходы), которое вскрывает экономическую основу милетской аристократии (Plut. Quaest. gr., 12). Несомненно, это была торговая родовая аристократия, захватившая ключевые позиции в посреднической торговле Милета, которая в своих интересах проводила колонизацию земель, выселяя своих политических противников за пределы государства.⁷⁰ Гераклид Понтийский и Николай Дамасский сообщают о жестокостях, сопровождавших борьбу между демосом и аристократией в Милете. Одновременно дается и яркая картина ожесточенной борьбы за власть среди правящей верхушки.⁷¹

В результате внутренних неурядиц Милет был вынужден прибегнуть к посредническому вмешательству Пароса, который был избран «примирителем». Геродот сообщает, что паросцы, пораженные и опечаленные даже внешним видом прежде столь цветущего города, разоренного междоусобицей, обошли весь Милет и его окрестности (V, 28—29). Вернувшись в город, они заявили в народном собрании, что власть должна быть доверена тем лицам, которые сохранили в такое тяжелое время свои земли в хорошо обработанном виде, ибо те, кто заботился о своей собственности, хорошо будут заботиться и об общественном благе.

Таким образом, по свидетельству Геродота, после бурных событий конца VII—начала VI в. до н. э. власть в Милете перешла в руки землевладельцев, которых Геродот называет μέσοι и которые, возможно, были ранее оттеснены торговой аристократией с господствующих позиций, поскольку у Геродота есть замечание, что в период господства μέσοι Милет процветал больше, чем когда-либо. Это свидетельство Геродота любопытно еще и тем, что оно указывает на большое значение сельского хозяйства в жизни такого исключительно торгово-ремесленного (как его обычно рассматривают исследователи) ионийского центра, как Милет. Судя по замечанию, брошенному Геродотом, в жизни Милета существовал период, когда решающую роль играли земледельческие интересы. Земли, принадлежавшие Милету, были расположены непосредственно вокруг самого города, по долине Меандра, и занимали прибрежную полосу, включая Дидимы.⁷² Кроме того, милетянам принадлежала горная область Гриона.⁷³ Район Милета был особенно благоприятен для развития не только земледель-

ческих культур, но и для животноводства.⁷³ О земельных владениях Милета упоминает Геродот (I, 18) в рассказе о неудачах, постигших милетян в начале войны с лидийским царем Садияттом. Лидийцы нанесли милетянам два жестоких поражения — одно в Лименее, другое — на равнине Меандра. Из рассказа Геродота видно, что на сельской территории, примыкавшей к Милету, разводились плодовые и оливковые деревья (IX, 97). Его же описание систематического (в течение одиннадцати лет) разорения области Милета лидийцами, уничтожения посевов и деревьев лидийскими воинами (Herod. I, 17) является ярким свидетельством существования цветущего и разнообразного сельского хозяйства на территории милетской хоры. Большая роль земледелия в жизни Милета убедительно показана в работе А. И. Доватура, посвященной рассмотрению аграрных сторон жизни Милета.

Как известно, в вопросе о характере греческих поселений в Ионии у исследователей нет единого мнения. Часть их отрицает полностью земледельческие цели колонизации в Ионии, видя лишь торговые,⁷⁵ другие настаивают на исключительно земледельческом характере ионийских городов.⁷⁶ Несомненно, что для некоторых ионийских полисов, таких как Приена, Колофон, Миунт, в течение всего времени их существования земледелие играло основную роль.⁷⁷ Для Милета, нам кажется, аграрная сторона его экономики в какой-то ранний момент его жизни играла значительную роль, что и привело к власти μέσοι, вытесненных затем ἀειναῖται. Приход к власти μέσοι, при которых некогда Милет достиг наивысшего расцвета, А. И. Доватур правильно толкует в рассказе Геродота как реакцию, как попытку возвращения к прошлому.⁷⁸ Конечно, эта попытка не разрешала главного вопроса. Дело в том, что в основе экономики и политических устремлений Милета уже лежали исключительно торгово-ремесленные интересы. Землевладельцы были оттеснены в сторону, земледельческие интересы стояли уже на втором плане, ибо к Милету VII—VI вв. до н. э., который был хозяином Эгейского бассейна и Понтийского побережья, можно было применить слова автора Псевдо-Ксенофоновой «Политии» (Athen. Pol. II), сказанные им по поводу Афин на полтора столе-

⁷³ Милетские тонкорунные овцы высоко ценились, и, по свидетельству античных авторов, Поликрат положил начало своему богатству и удаче, вывозя на Самос милетских овец (Plin. N. H. VII, 190). Милетская шерсть была одним из основных предметов экспорта милетян, славившимся на весь греческий мир. См.: Hiller von Gärtingen. Miletos. RE, Bd. XV.

⁷⁴ А. И. Доватур. Аграрный Милет. ВДИ, 1955, № 1, стр. 27 и сл. В статье приведена основная литература по вопросу о характере греческих колоний в Ионии.

⁷⁵ A. Jarde. La formation du peuple grec. Paris, 1923, стр. 232 и сл.

⁷⁶ J. Hasebroek. Griechische Wirtschafts und Gesellschafts Geschichte zur Perserzeit. Tübingen, 1936, стр. 76, 120 и сл.

⁷⁷ Cp.: Th. Lenschau. Zur Geschichte Ioniens. Klio, 13, IV13, стр. 173.

⁷⁸ Cp.: А. И. Доватур. Аграрный Милет, стр. 30.

⁷⁰ С. А. Жебелев отмечает, что в Халкиде, которая так же деятельно участвовала в колонизационной политике, найдена архаическая надпись где упоминаются ἀειναῖται (IG, XII, 9, 923). О халкидском термине κοῖνον τῶν ἀειναῖτων упоминает А. Вильгельм (A. Wilhelm. Beiträge zur griechische Inschriftenkunde. Wien, 1909, 123 стр.).

⁷¹ См.: С. А. Жебелев. Северное Причерноморье, стр. 58 и сл.

⁷² См.: J. M. Cook. Some Sites of Milesian Territory. BSA, 1961, № 56, стр. 91.

тия позже: «...обладать богатством греков и варваров могут лишь одни афиняне».

Милет VII—VI вв. до н. э. не являлся ни в какой мере аграрным государством. Земледелие играло в его жизни подсобную роль и, конечно, не обеспечивало полностью все потребности Милета и его хоры в продуктах. Судя по свидетельству Геродота (I, 17), в его рассказе о лидийских войнах с Милетом, на полях милетцев находились постройки (οἰκήματα)—жилища и хозяйственные сооружения, принадлежавшие милетским крестьянам и землевладельцам.

К сожалению, сведения об этих земледельцах слишком скудны, для того чтобы можно было судить об их социальном составе в интересующий нас период. Еще более скудны и отрывочны сведения о рабах. Те данные, которыми мы располагаем, не позволяют судить с достоверностью ни о масштабах использования труда рабов, ни о степени применения рабского труда как в ремесле, так и в сельском хозяйстве, ни о соотношении между трудом рабов и зависимого населения, занятого в сельском хозяйстве. Что касается милетских ремесел, то вряд ли можно сомневаться, что в эргастериях Милета широко применялся труд рабов. Милет экспортировал знаменитые шерстяные ткани, керамику и т. д., и этот мощный экспорт требовал большого количества рабочих рук. В прядильном ремесле и в ткачестве использовался труд женщин-рабынь. Источником для пополнения контингента рабов были соседние области. Так, Гиппонакт упоминает о фригийских рабах в Милете во второй половине VI в. до н. э. (Нурропаст. fr. 46).

Все же имеющиеся сведения дают возможность предполагать, что и в сельском хозяйстве милетской хоры использовался труд рабов и зависимых земледельцев.

Особый интерес в этом отношении представляют гергифы, упоминание о которых мы находим у Афиней со ссылкой на Гераклида Понтийского:

Ηρακλείδης ο' ὁ Ποντικός ἐν δευτέρῳ περὶ Δικαιοσύνης φησὶν ἡ Μιλησίῳ πόλιν περιέπτωκεν ἀτυχίαις διό τρυφήν Βίου καὶ πολιτικά; Ἰνθράς' οἱ τὰ ἐπιεικὲς οὐκ ἀγαπῶντες ἐκ ριζῶν ἀνεῖλον τοὺς ἐχθρούς, στασιάζόντων γάρ τῳ τὰς οὐσίας ἐχόντων καὶ τῶν δημοτῶν, οἷς ἐκεῖνοι Γέργιθας ἐκάλουν, πρῶτον μὲν κρατήσας ὁ δῆμος καὶ τοὺς πλουσίους ἐκβαλὼν καὶ συναγαγὼν τὰ τέκνα τῶν (συγόντων εἰς ἀλωνίας Βοδς εἰσαγαγόντες συνηλοήσαν καὶ παρ' αὐτοῖς θανάτῳ διέφθειραν (Athen. XII, 523f—524a). Судя по всему, это было исконное население, жившее на побережье, частично вытесненное и покоренное колонистами, находившееся в зависимом состоянии.⁷⁹ Их попытка восстать против милетян окончилась, по сообщению Гераклида Понтийского, трагически. Однако рассказ Гераклида Понтийского не вносит ясности в воп-

⁷⁹ Ср.: G. Busolt. Griechische Geschichte, II², стр. 472, прим. 3.

рос о происхождении гергифов и их положении. По существу противопоставление гергифов τῶν τὰς οὐσίας ἐχόντων мало что дает для выяснения их положения по отношению к милетским колонистам. Во всяком случае само название гергифы носит несомненно этнический характер и является названием племени, земли которого были захвачены милетскими колонистами.

По всей вероятности, к зависимой категории земледельческого населения можно отнести племена мигронов и долионов, живших на землях Кизика, о чем сообщает Страбон (XII, 8, 10), а также и лелегов, которые жили на землях карийцев и были им подчинены. Об этом сообщает Афиней, ссылаясь на Филиппа из Феангелы, который говорит, что карийцы используют лелегов как рабов в настоящее время, как и раньше.⁸¹ Кроме того, он сравнивает лелегов со спартанскими илотами и фессалийскими пенестами (Athen. VI, 271b). Однако более подробных сведений о положении этих несомненно земледельческих групп зависимого населения древние авторы не дают. Отдельные группы сравниваются чаще всего со спартанскими илотами (Athen. VI), критскими мноитами или фессалийскими пенестами (Strab. XII, 3, 4; Poll. III, 83). В свою очередь об этих категориях источники сообщают лишь самые общие сведения. Авторы ограничиваются сравнением этих групп с илотией и указанием, что они занимают положение, отличное от рабов. Так, Аристотель перечисляет «...τὰς... εἰλιότηας τε καὶ λεγεστέας καὶ δουλείας» (Polit. II, 1264a, 35—36), называя каждую категорию отдельно и не смешивая их с рабами.

Если обратиться к материалу, выходящему за хронологические рамки настоящей работы, то здесь можно найти более конкретные данные о подобных зависимых группах населения. Впрочем, данные эти также немногочисленны и отрывочны. Так, в нескольких надписях, происходящих из Приены и относящихся уже

⁸⁰ Ср.: A. Laumonier. Les cultes indigenes en Carie. Paris, 1958, стр. 538, где автор высказывает предположение, что гергифы являются потомками лелегов.

Однако исследователи Галикарнасского полуострова Г. Вин и Д. Кук полагают, что подобное представление у Филиппа из Феангелы создалось в результате обращения в рабство той части лелегов, которые сопротивлялись их насильственному переселению на территорию Галикарнасса (см.: G.E. Bean and J. M. Cook. The Halicarnassus Peninsula. BSA, 1955, 50, стр. 166 и сл.; ср.: И. С. Свенцицкая. Положение зависимого населения в Малой Азии V—IV вв. до н. э. ВДИ, 1967, № 4, стр. 83).

⁸² Материалы, характеризующие положение малоазийской земледельческой общины в эллинистическое и римское время, приведены в статьях И. С. Свенцицкой «Зависимое население городов Малой Азии в период эллинизма» (ВДИ, 1957, № 3) и «Сельская община Малой Азии в I—III вв. н. э.» (ВДИ, 1961, № 3). Формы зависимости сельского населения в эллинистической Малой Азии рассматривает Е. С. Голубцова в статье того же названия (ВДИ, 1967, № 3, стр. 25 и сл.).

к концу IV—началу III в. до н. э., есть упоминание о педиеях — зависимом сельском населении, проживавшем на землях, принадлежащих городу.⁸³ Одна из надписей датируется 334 г. до н. э. В ней даруется проксения гражданину Эфеса.⁸⁴ В числе прочих привилегий ему предоставляется право владения землей на территории приенской хоры, однако с определенными оговорками, которые показывают, что земля, на которой жили и которую обрабатывали педиеи, не подлежала передаче во владение другим лицам.

К концу IV в. до н. э. относится надпись из города Зелей, где упоминаются фригийцы, платившие за пользование землями, принадлежавшими городу, определенный форос.⁸⁶ По-видимому, местные племена, жившие на территории хоры полиса, обрабатывали определенные земли, предоставленные им во владение полисом, с которых их нельзя было согнать. Но, судя по тому, что они платили за них форос полису, эти земли не являлись их собственностью. Вполне допустимо, что интересующие нас милетские гергифы относились к этой же категории зависимого населения, проживавшего на территории милетской хоры. Со второй половины IV в. до н. э. в положении зависимого населения замечаются изменения. По наблюдениям И. С. Свенцицкой,⁸⁷ именно с этого времени обнаруживается тенденция со стороны граждан полиса к захвату общественных земель, на которых работало зависимое население. Эту тенденцию И. С. Свенцицкая подтверждает текстом зелейской надписи, состоящей из целого ряда постановлений о даровании различных привилегий и в том числе права владения землей.⁸⁸ Интерпретируя эту надпись, И. С. Свенцицкая считает, что в одном случае идет речь о даровании городом частному лицу земли с обрабатывающими ее земледельцами. Очевидно, с течением времени те права на землю, какими пользовалось зависимое население, постепенно были сведены на нет. В этом отношении весьма характерно изменение в положении педиеев, отразившееся в надписях Приены.

Дело в том, что в начале III в. до н. э. упоминание о педиеях исчезает из текстов городских постановлений. Когда же речь идет о зависимом населении, проживающем на землях города, теперь

употребляется стандартная для эллинистических надписей формула κατοικοῦντες τὴν χώραν.⁸⁹ Таким образом, на примере приенских педиеев можно зафиксировать определенное явление — процесс растворения в общей массе бесправного сельского населения особых социально-этнических групп, занимавших прежде промежуточное положение между свободными и рабами.¹⁰ Конечно, нельзя поручиться, что милетских гергифов постигла историческая судьба земледельческого зависимого населения Приены. Однако эта параллель с другим ионийским городом, может быть, способна в какой-то мере дополнить то краткое свидетельство Афиней, которое приводилось выше (XII, 521a). Хотя мы и не можем с желательной полнотой определить место гергифов в хозяйственной жизни Милета, но весьма возможно, что положение их было сходно с положением приенских педиеев, о которых мы знаем несколько больше. И в этом случае не исключается предположение, что под влиянием тех же общих причин и тенденций в положении зависимого земледельческого населения милетской хоры также произошли изменения в сторону уменьшения тех прав, какими оно пользовалось раньше.

Сведения о рабах, содержащиеся в источниках, еще более бедны и случайны по сравнению с данными о зависимом населении на территории ионийских городов. По большей части это беглые упоминания, встречающиеся у античных авторов: о захвате рабов в результате удачных военных действий; о богатстве того или иного лица, которое исчисляется количеством рабов; иногда отдельные замечания о том, что рабы обрабатывают землю или используются на строительных работах. Столь же случайны и немногочисленные эпиграфические свидетельства, где можно найти упоминание о рабах.⁹¹

⁸⁹ Inschr. von Priene, №№ 104, 111, 118.

⁹⁰ μετὰ ξύ ελευθέρων καὶ δοῦλων древних авторов.

⁹¹ Здесь бедность материала можно объяснить отсутствием систематических раскопок ионийских городов, о чем уже было сказано ранее (стр. 97, прим. 18). В этом отношении очень показательна Приена. Именно ее археологические раскопки дали значительный эпиграфический материал, который и позволяет судить о положении зависимого населения. Очень большой интерес представляет также надпись, происходящая из Теоса (SEG, II, 2, 579), где названы ἀνδράποδα, занимающиеся торговлей и ремеслом. Хотя эта надпись относится к концу IV в. до н. э., т. е. находится за пределами хронологических рамок настоящей работы, нельзя не остановиться на чрезвычайно любопытных данных этой надписи, свидетельствующих о широком круге возможностей ἀνδράποδα в конце IV века до н. э. в малоазийских греческих городах. Если для классического рабства ἀνδράποδα это «говорящее орудие» («термин ἀνδράποδα обозначал только вид имущества»; Я. А. Ленцман. О древнегреческих терминах, обозначающих рабов. ВДИ, 1951, № 2, стр. 59), то, судя по теосской надписи, ἀνδράποδα здесь одна из категорий населения, которая наряду со свободными и полноправными гражданами занималась торговлей и ремеслом и получила ателию сроком на 10 лет на продукты своего ремесла (ткачество и изготовление одежды).

⁸³ Inschr. von Priene, №№ 3, 14, 15, 16.

⁸⁴ Там же, № 3.

⁸⁵ В тексте проксении, даруемой Мегабису из Эфеса, существенным представляется оговариваемое полисом условие владения землей: τὸν δὲ χτημάτων ὄν [οἱ τε] διέτεῖς χέκτηνται μὴ εἶναι αὐτῷ. χτ[ή]αααθαи, где подчеркивается право педиеев на владение землей. В этом документе, по-видимому, еще сохранило силу положение, которое не разрешало отрывать педиея от земли, им обрабатываемой. О существовании подобных же отношений между гражданами Гераклеи Понтийской и мариандинами мы знаем из источников (см. главу V, стр. 138 сл.).

⁸⁶ SGD I, № 5532.

⁸⁷ И. С. Свенцицкая. Зависимое население. . . , стр. 98.

⁸⁸ SGD I, № 5533.

Используя эти скудные данные для воссоздания общей картины социальных взаимоотношений в интересующий нас период, необходимо не упустить из виду те особенности, какие были характерны для исторического прошлого Малой Азии, учесть те тесные связи, которые продолжали существовать между греческими городами и внутренними областями этой страны и в более позднее время. Сложившиеся в древневосточных деспотиях рабовладельческие отношения были более примитивны по сравнению с формами античного рабовладения. Как известно, для древневосточного рабства чрезвычайно характерным явлением было рабство-должничество,⁹² повсеместно приводившее к сокращению численности свободного населения и в конечном итоге к ослаблению и деградации древневосточных государств.

Древние греки, как известно, пошли по иному пути, и уже со времени Солона долговое рабство во всех наиболее развитых эллинских полисах было отменено и сохранилось лишь в более отсталых по своему развитию областях Греции.⁹³ Такие ионийские города, как Милет, Эфес, Кизик и другие, на заре классического периода безусловно должны быть отнесены к числу наиболее передовых греческих центров. Следовательно, и для них вопрос об отмене рабства-должничества, тормозившего их развитие, не мог не оказаться одним из наиболее актуальных. Однако, судя по некоторым данным, ионийским городам на побережье Малой Азии нелегко было преодолеть живучие в их укладе реминисценции примитивного дальневосточного рабовладения.

В этом отношении большой интерес представляют две надписи, происходящие из Галикарнасса.

Одна из них датируется V в. до н. э.⁹⁴ Это так называемая галикарнасская надпись Лигдамида. Из текста этой надписи явствует, что за нарушение определенных постановлений, принятых государством (в настоящем случае за внесение изменений в уже утвержденное народным собранием решение), нарушитель закона наказывается изгнанием из города и конфискацией всего

92 Ряд исследователей древневосточных форм зависимости считает рабство-должничество одним из основных источников для пополнения рабов (ср.: I. Mendels son. *Slavery in the Ancient Near East*. Oxford, 1949).

⁹³ Ср.: Л. Н. Казамазова. Очерки социально-экономической истории Крита V—IV вв. до н. э. М., 1964, стр. 122 и сл. В законах Гортины есть статья о рабах-должниках (χαταχέμενος), которые становятся рабами, проиграв судебный процесс.

⁹⁴ Syll., 45.

29 τὸν δὲ ὄρυ:IV εἰ[ν]αι παρεόντος τὸ ἐνεσιχτός. χ/αρτερός δ' εἶναι γῆς καὶ οὐχίων, οἵτινες /τότ' εἶχον ὅτε Ἀπ'Αλωνίδης καὶ Πανα/μύης ἐμνημόνευσον, εἰ μὴ ὑπερο/ν ἀπεπέρασαν. τὸν νόμον τοῦτον / ἦν τις θέλῃ συγχέαι ἢ προθήτα[ι] ψήφον, ὥστε μὴ εἶναι τὸν νόμο/ν τοῦτον, τὰ ἔοντα αὐτὸ πεπρήσθω / καὶ τῶπόλλωνος εἶναι ἱερά καὶ α/ὐτὸν φεύγεν αἰεῖ. ἦν δὲ μὴ ἢ αὐτ/ὼ ἄξια δέχα αταπήρων, αὐτὸν [π]επρήσθαι ἐτ-· ἐξωγῆ καὶ μη[δ]αμά χάθοδον εἶναι ἐς Ἀλιχαρν/ησόν χτλ.

имущества в пользу Аполлона. В случае же, если имущество обвиняемого при продаже давало сумму менее 10 статов, то самого нарушителя продавали в рабство, но не на месте, а за пределы Галикарнасса.⁹⁵ Закон этот имеет две стороны, представляющие интерес для исследователей античного рабовладения. Не подлежит сомнению его ярко выраженная антидемократическая направленность, поскольку он своей самой суровой мерой был обращен против бедных слоев галикарнассских граждан, тех, чье имущество не достигало после его реализации 10 статов. Таким образом, если имущий гражданин действием этого декрета изгонялся за пределы родины, то малоимущий терял все — и состояние, и родину, и личную свободу уже без всякой надежды на возвращение. Состоятельный гражданин мог жить в любом другом полисе и получать помощь от родных и друзей. Для богатых ионийских купцов, связанных деловыми и дружескими отношениями с большим количеством греческих торговых центров, изгнание не было тем наказанием, с которым могло кончиться известное благосостояние и нормальное человеческое существование. Теряя родину, состоятельный гражданин Галикарнасса не терял личной свободы. Для неимущего гражданина продажа за пределы Галикарнасса в качестве раба знаменовала конец его человеческого существования.

Вторая сторона декрета любопытна самим способом обращения политического противника в несостоятельного по отношению к государству должника.⁹⁶ Если таким политическим противником оказывался неимущий гражданин, которому не под силу было заплатить штраф в 10 статов, то он тем самым становился должником государства. И уже как несостоятельный должник подлежал продаже в рабство за пределы родины.

В этой суровой мере наказания, налагаемой галикарнассским декретом 457 года до н. э. на нарушителя государственных постановлений, можно усмотреть своего рода реминисценцию той формы рабства, которая бытовала в малоазиатском рабовладельческом укладе со времени появления на этой территории первых рабовладельческих государств, тесно связанных с древневосточными деспотиями. Это была известная и привычная форма зависимости — рабство-должничество. Однако в том же декрете нельзя не усмотреть и еще одно, характерное для послесолоновского времени явление: должник, обращенный в рабство, навечно продавался за пределы государства, а не оставался среди своих сограждан в новом качестве раба. Шлайфер совершенно справедливо замечает, что сам факт продажи бывшего гражданина города за пределы Галикарнасса должен был предотвратить не-

95 αὐτὸν πεπρήσθαι ἐπ' ἐξαγωγή (1, 38).

⁹⁶ Эта сторона галикарнассского декрета обстоятельно рассмотрена в главе II, стр. 42.

избежный в противном случае разлад между гражданами. Таким образом, древняя жестокость самого акта продажи свободного человека в рабство усугублялась требованием времени — продажей за пределы страны. Это было необходимо как для укрепления государства, так и для того, чтобы держать в узде политических противников.

При этом следует помнить, что Галикарнасс, находившийся в Кари, был в какой-то мере еще и окраинным ионийским полисом на малоазийском побережье, и он всегда испытывал более сильные влияния со стороны местных элементов, где был очень силен дух древневосточного рабовладельческого уклада.

Сохранение исконных черт, характерных для форм рабовладения на малоазийской территории, с одной стороны, и безусловное восприятие изменений в рабовладельческом статусе, отвечающее требованиям, необходимым для дальнейшего развития рабовладельческого полиса, с другой стороны, делает галикарнасский декрет весьма типичным документом для характеристики рабовладельческих отношений в греческих полисах Малой Азии.

Вторая галикарнасская надпись важна тем, что дает еще одно подтверждение существования рабства-должничества. Она датируется V—IV вв. до н. э.⁹⁸ Надпись представляет собой несколько списков, размещенных на обеих сторонах плиты и на ее ребрах. В первом из них перечисляются лица, купившие у галикарнасских храмов Аполлона, Афины и богини Девы продаваемое ими имущество граждан, не погасивших в срок свою задолженность. *суть* храмы предоставляли денежные ссуды под залог недвижимости — дома, земельного участка или сада. При получении ссуды под залог предусматривалась определенная отсрочка, по истечении которой заложенное имущество, не выкупленное в срок, поступало в продажу от имени богов, выступавших в качестве займодавцев. Именем богов новым владельцам гарантировалось владение купленным имуществом на вечные времена.¹⁰⁰ Для этого списка характерна чрезвычайная обстоятельность и строгая последовательность в изложении всех сведений о продаваемом имуществе и о новых и старых владельцах его.¹⁰¹

97 R. Schleifer. Greek theories of slavery from Homer to Aristotle. Harvard Studie; in Classical Philology, 47, 1936, стр. 107.

⁹⁸ Syll., № 46; ср.: В. Haussoullier. Inscriptions d'Halicarnasse. BCH, 4, 1880, стр. 295 и сл.; Б. Кейль относит надпись к 430 г. до н. э. (B. Keil. Eine Halikarnassische Inschrift. Hermes, 29, стр. 259, прим. 1). Осылье на основании особенностей шрифта датирует надпись первой половиной IV в. до н. э. (BCH, 4, стр. 309).

99 Οἱδε ἐπρίαντο παρά τῳ Ἀπόλλωνος ἱα\ της Ἀθηναίης καὶ Ἡραοῆνου γέας καὶ οὐχίας [τὸν οφειλόντων τοῖς θεοῖς; ΤΟΟΙΟῖς βεβαίου τοῖς θεοῖς τὸν αἰδίων χρόνον ν, συμβεβαίου δέ τοῖς νεωτοῖας τὸν δεῶν τοὺς αἰεῖ ὄντας καὶ ἐς ὅριξε[α]ι κατὰ τάστα χτλ.

¹⁰⁰ βεβαίου τοῖς θεοῖς τὸν αἰδίων χρόνον (Α, 4—5).

¹⁰¹ Сначала названо имя покупателя, затем имя его отца, затем сам предмет купли — дом, земля и сад, и точное указание области, города или

Как обычно для долгового права, за долг отвечал не только глава семьи, но и его родственники. Об этом свидетельствуют строки 31—36 левого столбца — Διότιμο[ς] Σαρυσώλλο Κάκραν Υἱο[ε]λδῶμο πλὴν Ἑκαταίης | [*]αῖ ὦν ἡ ἀδελφή ἐκράτη[σ]εν ἐν Τερμέ-ροις κτλ. В этом отрывке надписи речь идет о том, что сестра некоего Какра, сына Гюссельдома, Гекатея, ни своей свободой, ни имуществом не отвечает за долг брата. Исключение в данном случае подтверждает правило. Родственники остальных должников, упомянутых в надписи, очевидно, должны были разделить судьбу главы семьи.

В данном списке любопытны также сведения о стоимости домов и участков Галикарнассе в V—IV вв. до н. э. Правда, эти сведения случайны, но все же дают некоторое представление о существовавших тогда ценах¹⁰² на земельные участки и об их использовании.

Второй список, где дается перечень лиц, купивших на распродаже самих должников бога,¹⁰³ особенно интересен тем, что здесь речь идет не о государственных должниках, а о людях, задолжавших частному кредитору — в данном случае храму. Так как текст столбца В сильно фрагментирован, то остается неясным, каковы были права владельца на личность должника. Несомненно, должник, проданный храмом, не подвергался наказанию, равному той каре, которую нес нарушитель галикарнасских законов в случае, если он становился несостоятельным должником государства, и ему не грозила продажа в рабство на чужбину. Вероятно, должник, проданный в рабство частным лицом (в данном случае храмом), имел возможность со временем выкупиться у своего владельца с помощью друзей или родственников. Во всяком случае лицо, купившее несостоятельного должника в качестве раба, не обязывалось при покупке вывезти его за пределы государства, как это предписывалось декретом 457 г. до н. э. Представляется вполне обоснованной точка зрения, согласно которой такая продажа в рабство гражданина Галикарнасса его соотечественникам обуславливалась в какой-то мере вре-

района, где находится проданная недвижимость. Кроме того, для уточнения ее местонахождения приводятся и имена лиц, которые соседствуют с проданным участком земли или домом. В случае, если сам владелец проданного имущества не жил в доме, а сдавал его в аренду, то приводилось также имя съемщика — временного владельца, и непременно было указание имени должника — прежнего владельца проданного участка. По-видимому, такая скрупулезность должна была предотвратить всякую возможность каких-либо недоразумений и юридических уверток со стороны должника.

¹⁰² Дом одного из должников, находившийся на Галикарнассе, был продан за 1540 драхм, дом другого — за 2000 драхм, а цена дома с участком достигала 1 таланта 189 драхм. В Салмакиде, которая была, по-видимому, карийским кварталом Галикарнасса (см.: В. Haussoullier, BCH, 4, стр. 319), дома стоили дешевле: 250—350 драхм (Α, 24—25, 41).

¹⁰³ Οἱδε ἐπρίαντο τοὺς οφειλόντας τοῖς θεοῖς (Β, 1), т. е. здесь речь идет не только о продаже всего имущества должников, но и их самих.

менный (или даже условный) характер его пребывания в состоянии рабской зависимости.¹⁰⁴ В этом отношении очень любопытен случай продажи одного и того же должника четырем разным владельцам за просроченные им четыре долговых обязательства.¹⁰⁵ Неясно, каким образом покупатели могли осуществлять свое господство над рабом, у которого было четыре полноправных владельца одновременно.¹⁰⁶ Оссулье¹⁰⁷ высказывает предположение, что речь может идти не о продаже самой личности раба, а о продаже его долговых обязательств, всю сумму которых он обязан отработать каждому из своих хозяев. Таким образом, по мнению Оссулье, продажа в рабство частного должника не носила характера того категорического лишения свободы на всю жизнь, как условия продажи в рабство государственного несостоятельного должника.¹⁰⁸ Возможно, частный должник (в данном случае должник храма Силен) так до конца своих дней не мог расплатиться по своим обязательствам и находился в состоянии рабской зависимости, но у него все же оставалась надежда на то, что он может расплатиться с займодавцем и снова стать свободным. Любопытно отметить, что среди покупателей упомянутого четырехкратного должника встречается лицо, носящее карийское имя.¹⁰⁹ Вообще в этом списке как среди покупателей, так и среди должников встречается большое количество негреческих имен — персидских, лидийских и главным образом карийских.¹¹⁰ Это обстоятельство вполне закономерно, поскольку Галикарнасс находился в Кари и был сделан ее столицей вместо Миласы, как сообщает Страбон, ссылаясь на Каллисфена (Strab. XIII, 1, 59). Сама же Кария являлась областью, где были широко распростра-

нены храмовые общины, уклад которых восходил еще к хеттским временам.¹¹¹ Известно из ранней (Herod. I, 171) и более поздней (Strab. XII, 36—37) античной традиции, что значительная часть земледельческого населения Малой Азии группировалась вокруг местных храмов.¹¹² Надписи, происходящие из Кари, изданные В. Юдейхом,¹¹³ В. Баклером¹¹⁴ и Л. Робером,¹¹⁵ датируются в основном IV—I вв. до н. э. Однако по ним можно судить и о более раннем периоде, поскольку храмовые объединения сами по себе представляют древний и весьма консервативный институт. Малоазийское земледелие носило оазисный характер в силу географических особенностей малоазийского нагорья, где сочетание каменистой неплодородной полупустыни с небольшими земледельческими «оазисами» по долинам рек — само по себе определяло возможности использования земли. А поскольку система искусственного орошения являлась главным условием для развития земледелия в этих «оазисах», то отсюда и особенность, характерная для земледельческих районов Малой Азии — сельская община, поддерживающая оросительную систему и ^следящая за распределением воды на полях. Замкнутая, устойчивая земледельческая община, характерная для древнего Востока, благодаря природным условиям Малой Азии существовала в течение всего античного периода. Потому-то и римляне сохранили полностью всю систему, бытовавшую до их появления в Малой Азии,¹¹⁶ поскольку в основе лежала древняя земледельческая община, разрушить которую было нельзя, не разрушив сельского хозяйства провинции.

Эпиграфические памятники, происходящие из Кари, наиболее полно отражают картину экономической и социальной жизни

111 ¹⁰⁴ Эта точка зрения подробно аргументирована выше, на стр. 43.
¹⁰⁵ См. список на первом ребре плиты М-строки 34—42. Вилек, 1959, в Афинодора, был продан четыре раза за различную цену четырем разным покупателям. Что касается цен на рабов-должников, то они полностью не ясны, поскольку часть суммы дается условными значками, цифровое значение которых неизвестно (ср.: V. Haussoullier, BCH, 4, стр. 314).

¹⁰⁶ Трудно предположить, чтобы речь шла о понобретении этими четырьмя лицами одного раба в полную собственность. Такое положение трудно себе представить. Покупка такого раба могла принести бесконечные судебные тяжбы (ср.: Lys. IV, где речь идет о тяжбе из-за рабыни, принадлежавшей одновременно двум владельцам).

¹⁰⁷ V. Haussoullier, BCH, 4, стр. 313 и сл. Поскольку, по мнению Оссулье, речь идет не только о праве покупателя на то имущество, которым располагает должник, но и на то, каким он будет располагать (ὡν τυχέοντα) то Оссулье полагает, что здесь подразумевается все то, что должник может приобрести, работая на своего господина и таким образом погашая долговое обязательство.

¹⁰⁸ Вайс считает, что отсутствие условия αὐτὸν περὶ ἑαυτοῦ ἐπ' ἐξαγωγῇ связано с тем, что дело касается должников бога и, таким образом, не связано с политическими интересами граждан (E. Weiss. Griechisches Privatrecht, стр. 504, прим. 22).

¹⁰⁹ Ὑσσώλλος — список на правом ребре камня, строка 36.

¹¹⁰ Ср.: V. Haussoullier, BCH, 4, стр. 315 и сл.

Законы Вавилонии, Ассирии, Хеттского царства. ВДИ, 1952, № 4, стр. 286, 292.

¹¹² Спорадичность эпиграфического и археологического ^материала, про исходящего из областей Малой Азии, не может дать полной и достоверной картины структуры храмовых хозяйств и интересующего нас вопроса о рабовладении. На территории, где находились древние храмовые центры, никаких планомерных раскопок не производится. Есть только случайные находки. Впрочем, Кари в этом отношении посчастливилось больше, поскольку она подвергалась археологическому изучению. Именно на основании изучения материалов храмовых объединений Кари можно судить о внутренней структуре малоазийских храмовых общин, которые являются характерной особенностью Малой Азии (см.: А. Г. Периханян. Храмовые объединения Малой Азии и Армении. Л., 1959. В работе дана сводка всего имеющегося материала по малоазийским храмовым объединениям).

¹¹³ W. Judeich. Inschriften aus Karien. Athen. Mitt., Bd. 15, 1890.

¹¹⁴ W. H. Buckler. Documents from Mylasa. BSA, 22, 1916—1918.

¹¹⁵ L. Robert. Le sanctuaire de Sinuri pres de Mylasa, I. Paris, 1945.
L. et J. Robert. La Carie, II. Paris, 1954.

¹¹⁶ См.: D. Magie. Roman Rule in Asia Minor. Princeton, 1950 стр. 171 и сл. Автор приводит ряд документов, из которых явствует, что римские завоеватели сохранили в малоазийских провинциях все территориальные объединения, сделав полисы центрами налоговых и судебных органов.

храмовых объединений на территории Малой Азии. Храмовые объединения Миласы, Олима и святилища в Синури имели совершенно определенную структуру. Исследователи карийских надписей совершенно справедливо полагают, что чисто карийские (негреческие) названия фил и сингений, их тесная связь с храмами показывают, что здесь издавна существовали определенные местные образования, сложившиеся вокруг древнейших святилищ, бытовавших на территории Карики еще в хеттские времена (а, возможно, и в дохеттские). По наблюдению А. Г. Периханян, здесь мы встречаемся не с искусственным заимствованием греческих полисных форм местным карийским населением, а с определенными, издавна сложившимися на данной территории храмовыми организациями.¹¹⁷ Известно, что Миласа уже в VI в. до н. э. выступает как единое целое — объединение самоуправляющихся территориальных храмовых общин — *συγγενεῖαι*.¹¹⁸ у Страбона (XIV, 2, 23) есть упоминание о том, что в V—IV вв. до н. э. Миласское объединение возглавлялось местными карийскими династами из рода Гекатомнидов, а далее он сообщает, что сын Гекатомна Мавсол сделал столицей Карики Галикарнасс (XIII, 1, 59). В первой книге своего труда Геродот упоминает миласское святилище Зевса Карииского, в котором участвовали также лидийцы и мисийцы как братья карийцев, т. е. свидетельствует о какой-то общекарийской конфедерации. В нее входили лидийцы и мисийцы, земли которых, по-видимому, принадлежали сатрапии Карики, образованной персами.

Для более позднего времени мы располагаем сведениями о значительном количестве храмово-гражданских объединений на территории Малой Азии.¹¹⁹

Представляется возможным, отправляясь от известных нам документов эллинистического и римского времени, сделать несколько ретроспективных наблюдений, приняв во внимание, что земельная община — явление очень устойчивое и консервативное именно благодаря тому, что ее существование вызвано неизменными на всем протяжении истории малоазиатских областей природными особенностями малоазиатского плато.¹²⁰ Все исследователи отмечают как наиболее характерную черту малоазиатских храмовых объединений обладание значительной земельной территорией. Хотя размеры этих земель и форма их эксплуатации

еще до конца не ясны из-за отрывочности и случайности сведений, тем не менее можно полагать, что называемая античными авторами *γη ἱερα* занимала большую часть плодородных земель Малой Азии.

В основе любого значительного храмового объединения в Малой Азии всегда лежала сельская община, сконцентрированная вокруг того или иного местного святилища.¹²¹ Из поздних материалов Миласско-Олимской синойкии мы знаем, что собственником земель фил и сингений считалось божество.¹²² Каждый из членов сингении имел свой участок земли и, кроме того, пользовался общинной землей, которая принадлежала тому или иному богу. Несомненно, что лучшей (и большей) частью общинной земли пользовался привилегированный слой общины (представители древних родов, из которых главным образом и формировалось жречество). Участки сингенетов, в частности, в Карики (как это явствует из миласских декретов IV в. до н. э.), стали частнособственническими владениями,¹²³ за которые, впрочем, ежегодно уплачивался сингенетом налог в священную казну.¹²⁴ Таким образом, принадлежность к храмовой общине давала право на владение земельным участком и пользование общинной «священной» землей бога. Как известно, эти храмовые земли расширялись путем приобретения их храмами у отдельных лиц или других общин.¹²⁵ По свидетельствам ряда документов, относящихся, правда, к позднему времени, мы можем проследить черту, очень характерную для малоазиатского землевладения — разбросанность и разобщенность земельных участков, принадлежащих одному лицу.¹²⁶ Это, конечно, объясняется именно тем, что природный рельеф малоазиатского нагорья не оставлял возможности

¹²¹ Ср.: А. Г. Периханян. Храмовые объединения Малой Азии..., стр. 83 и 171.

¹²² Ср.: W. H. Buckler. Documents from Mylasa. BSA, XXII, 1916—1918, стр. 212 и сл., где приведена псефизма оторкондейской филы (I в. до н. э.). В ней указано, что земля филы принадлежит Зевсу Оторкондию.

¹²³ Ср.: Ph. Le Bas, W. H. Waddington. Les inscriptions grecques et latines recueillies en Grece et en Asie Mineure. Paris, 1870, №№ 377, 378, 379, где у обвиненных в государственной измене членов Миласского объединения конфискуются их земли (*χτῆματα*) и после продажи их деньги поступают в *πολιτικὴν* Миласской *χοινὸν*.

¹²⁴ Там же, № 404 (ср.: А. Г. Периханян. Храмовые объединения Малой Азии..., стр. 85). Эта подать собиралась специальными лицами — храмовыми казначеями.

¹²⁵ Ср.: А. Г. Периханян. Храмовые объединения Малой Азии..., стр. 89 и сл.

¹²⁶ В этом отношении очень показательна известная надпись Мнесимаха, датированная около 300 г. до н. э. (см.: W. H. Buckler, D. M. Robinson. Greek inscriptions from Sardes. AJA, XVI, 1912, стр. 35 и сл.). В ней перечислены все земли, заложенные Мнесимахом храму Артемиды в обеспечение полученной им крупной ссуды — 1325 золотых статеров. Владения Мнесимаха состояли из восьми земельных участков с деревнями и усадьбами, которые были различны по своим размерам и, соответственно, приносили различные доходы.

¹¹⁷ А. Г. Периханян. Храмовые объединения Малой Азии..., стр. 11.
¹¹⁸ У Геродота есть свидетельство, что в Миласе около 500 г. до н. э. правил тиран Олиат, а затем через 3 года (т. е. в 497 г. до н. э.) греки под водительством Гераклида, мужа миласского, уничтожили отряд персов (Herod. V, 37). Мы знаем, что Миласа приняла участие в ионийском восстании, после подавления которого Гераклид бежал к грекам.

¹¹⁹ См.: А. Г. Периханян. Храмовые объединения Малой Азии..., стр. 30 и сл.

¹²⁰ Ср.: И. С. Свенцицкая. Сельская община Малой Азии, стр. 50.

2, 3)
3, 34).

для создания крупных сплошных земельных владений.¹²⁷ Что касается самого важного для нас вопроса — о непосредственных производителях, обрабатывавших эти земли, то он также очень сложен и еще недостаточно исследован.¹²⁸ Во всяком случае несомненно, что на храмовых землях трудились как общинные храмовые рабы, так и частные.¹²⁹ У Страбона имеются неоднократные упоминания о больших количествах храмовых рабов (ἱεροδοῦλοι) в Америке и Зеле (XII, 3, 31, 37). Он же сообщает о том, что в Комане Каппадокийской было более 6 тысяч иеродулов (XII, 3, 34).¹³⁰ и в Комане Понтийской примерно то же количество (XII, 3, 34). О трех тысячах рабов в храме Зевса в Моримене говорит тот же Страбон (XII, 2, 5). Как известно, храмовое рабство являлось одним из древнейших институтов рабовладельческой системы. Оно существовало и в древней Вавилонии и засвидетельствовано в пилосских документах.¹³⁰

Таким образом, представляется возможным предположить, что существование в непосредственной близости храмовых объединений, сохранявших в своем укладе древнейшие черты древне-восточного рабовладения в течение всего античного периода, не могло не оказывать влияния на социально-экономические отношения внутри самих ионийских полисов. Примером этому может служить Галикарнасс, в уложениях которого имеет место рабство-должничество, одно из проявлений, характерных для примитивных черт рабовладения.¹³¹ Можно думать, что сочетание высо-

кого экономического и культурного расцвета ионийских полисов, делавшего их передовыми греческими государствами в течение рассматриваемого времени (VII—V вв. до н. э.) и до разгрома их персами, обогнавшими в своем развитии ведущие государства материковой Греции, с весьма живучими косными и тормозящими это развитие реминисценциями древнейших форм рабовладения, сохраняющимися в государственных уложениях, было одной из характерных черт рабовладельческого статуса малоазийских греческих полисов.

¹²⁷ По мнению М. И. Ростовцева, именно в силу природных условий Малая Азия не могла стать земледельческой и сельскохозяйственной страной. Она славилась лишь великолепными садами и отдельными видами скотоводства — овцами и свиньями (ср.: SEHNW, стр. 563).

¹²⁸ Состояние вопроса по изучению формы зависимости земледельческого населения в Малой Азии с достаточной обстоятельностью изложено в уже приводившейся статье Е. С. Голубцовой (ВДИ, 1967, № 3, стр. 27 и сл.).

¹²⁹ Ср.: А. Г. Периханян. Храмовые объединения Малой Азии..., стр. 105 и сл.

¹³⁰ См.: С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции, стр. 277; Я. А. Ленцман. Рабство в микенской и гомеровской Греции, стр. 178, 185.

¹³¹ О живучести этих явлений в ионийских полисах свидетельствует эфесский закон, относящийся уже к 85 г. до н. э., принятый в то время, когда эфесцы, отпав от Митридата Евпатора, решили вернуться под владычество Рима и оказать сопротивление царю. Этим законом, состоящим из двух статей, объявляются недействительными все взыскания, наложенные на несостоятельных должников (см.: J. H. Oliver. On the Ephesian debtor law of 85 b. c. Am. Journ. Ph., LX, 1939, стр. 468 и сл.). Первая статья касается тех лиц, у которых уже было конфисковано имущество и сумма, вырученная за него, оказалась меньше суммы долга (строки 28—31). Они были подвергнуты атимии и вычеркнуты из числа граждан, проживающих на территории города. Вторая статья касается тех, у кого имущество еще не было конфисковано и не было доказано, что оно оценено в меньшую сумму, чем необходимо для покрытия долга (строки 31—34). После принятия этого закона все должники были восстановлены в списках граждан Эфеса и было вынесено постановление о том, что «те, против чьих имен храмовые или гражданские судебные решения, священные или гражданские штрафы или другие долги были записаны, все они освобождаются от своих обязательств».

РАБСТВО В ГРЕЧЕСКИХ ГОРОДАХ ЮЖНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ПОНТА

Жизнь городов южного Причерноморья — Гераклеи, Синопы, Амиса, Трапезунта, игравших значительную роль в истории античного общества, изучена еще весьма недостаточно, хотя этот район Понта Евксинского всегда привлекал внимание исследователей. В первую очередь этот пробел объясняется скудостью источников, относящихся непосредственно к перечисленным выше городам.

Литературные источники представляют собой отдельные упоминания, встречающиеся у многих античных авторов, которые по большей части касаются этих городов вскользь, в связи с описываемыми событиями,¹ или привлекают эпизоды из жизни этих городов в качестве иллюстрации к излагаемой концепции.²

Археологический материал, который мог бы значительно восполнить лакуны, имеющиеся в литературных источниках, также весьма недостаточен. Никаких систематических раскопок на южном побережье Понта не производилось.³ Археологический материал, происходящий из этих областей, не представляет большой научной ценности, так как получен либо путем случайных находок, либо в результате хищнических раскопок, которым все время подвергались городища и некрополи южнопонтских городов.

1 Наиболее полные сведения по истории Синопы, Амиса, Трапезунта содержатся в Анабазисе Ксенофонта. Кроме того, в XII книге Географии Страбона находятся главы, посвященные описанию этих областей Понта. Для Гераклеи Понтийской мы располагаем хроникой Мемнона *Περὶ Ἡρακλείας*, сохранившейся частично (книги IX—XVI).

2 Аристотель в «Политике» неоднократно приводит примеры из истории Гераклеи Понтийской, когда хочет проиллюстрировать борьбу олигархической и демократической партий (Aristot. Polit. V, 4, 5).

3 Раскопки, производившиеся на территории Синопы и Амиса в 1951—1953 гг. немецкими и турецкими археологами, дали интересные, но разрозненные материалы, поскольку проводились эпизодически и без последовательности и системы (краткие сообщения о ходе работ и результаты раскопок частично были опубликованы в: Fasci Archeologici, VI, 1953; VII, 1954; Jahrb. Deutsch Arch. Inst., 69, 1954, N. 1—2; AYA, 1955, № 3, стр. 236).

Эпиграфические источники, которыми мы располагаем, также незначительны по количеству.⁴ В большинстве своем они относятся к римскому времени. Существенным дополнением к памятникам лапидарным служит керамическая эпиграфика. Амфорные и черепичные клейма, происходящие из Синопы и Гераклеи, являются весьма важным источником для изучения торговых связей этих городов, их экономической и политической жизни.⁵

Наиболее полно представлен для южнопонтских городов нумизматический материал, опубликованный в большом своде монет малоазийских греческих городов В. Ваддингтоном, Э. Бабелом и Т. Рейнаком.⁶ Однако нумизматические данные, характеризующие экономическую и политическую историю того или иного города, могут играть лишь вспомогательную роль для истории рабства.

Вообще следует сразу же отметить, что мы располагаем весьма незначительными материалами, содержащими прямые указания о непосредственных производителях, о зависимом населении и о рабах. Скудость и фрагментарность сведений чрезвычайно затрудняет исследование вопросов, связанных с рабовладением в греческих городах южного Понта. Такая возможность существует только для Синопы и Гераклеи, поскольку для них мы располагаем некоторыми данными. Что касается Амиса и Трапезунта, то для них какие-либо материалы, связанные с вопросами о рабстве, пока что отсутствуют полностью.

Выдающаяся роль Синопы как главного торгового центра на южном побережье Понта засвидетельствована большим количеством литературных источников. Этот город, основанный милетцами (Xenoph. Anab., VI, 1, 15; Strab. XII, 3, 11) во второй половине VII в. до н. э., занял особое положение среди большого числа колоний, выведенных Милетом.⁷ Известно, что судьба многочисленных милетских колоний была различной, различным было и внутреннее государственно-политическое устройство этих городов,

⁴ Сводка надписей, происходящих из Синопы, сделана Д. Робинзоном в Prosopographia Sinopensis (приложение к книге: D. Robinson. Ancient Sinope. Baltimore, 1906). Эта сводка дополнена Т. Рейнаком в Revue archéologique, 3, 1916, стр. 329 и сл. Надписи из Гераклеи опубликованы Л. Робером (L. Robert. Etudes anatoliennes. Paris, 1937). Надписи, происходящие из Амиса, изданы в Studia Pontica Ф. Кюмоном (J. G. Anderson, F. Cumont, H. Gregoire. Studia Pontica, III. Bruxelles, 1910).

⁵ Принадлежность клейм Синопе и Геракlee доказана Б. Н. Граковым в двух его работах: Б. Н. Граков. 1) Эллинистические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор. М., 1924; 2) Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929.

W. Waddington, E. Babelon, Th. Reinach. Recueil general des monnaies grecques de l'Asie Mineure. Paris, 1925.

⁷ Вопросы, связанные с основанием Синопы, и история ее экономического и политического развития, а также литература вопроса подробно изложены в книге: М. И. Максимова. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.—Л., 1956.

отделенных морем от своей метрополии. Ряд колоний сохранил полисное устройство с демократическим или олигархическим правлением. Часть северопричерноморских городов, основанных Милетом, была объединена под деспотической властью царя и образовала Боспорское царство.

Синопа, по-видимому, подобно ионийским городам, находившимся под властью персидского царя, управлялась тиранами.⁸ Во всяком случае Плутарх, рассказывая об экспедиции Перикла в Понт (Plut. Pericl. 20), сообщает, что афинянам, добровольно переселившимся в Синопу, были предоставлены дома и земли, принадлежавшие прежде тиранам. Таким образом, Плутарх свидетельствует о том, что в результате демократического переворота, который, по-видимому, произошел в Синопе под влиянием Афин, не только был изгнан тиран Тимесилай, но и был уничтожен тиранический образ правления, который господствовал в Синопе на протяжении долгого времени.⁹

По всей вероятности, тирания сохранялась в Синопе и во время ионийского восстания, когда ионийцы повсеместно изгоняли тиранов, бывших ставленниками Ахеменидов. Судя по уже приведенному ранее свидетельству Диодора о поставке греками, живущими на Геллеспонте и Понте,¹⁰ снаряженных кораблей для флота Ксеркса (Diod. XI, 3, 8), города южного Понта не при-

⁸ М. И. Максимова. Античные города юго-восточного Причерноморья, стр. 98–99.

Для более раннего периода политической жизни Синопы источники отсутствуют. О том, что Синопа еще в древности представляла собой важный пункт, свидетельствует наличие двух дорог, существовавших в хеттском государстве, которые вели из Хаттуша в Синопу. Следовательно, уже хетты использовали выгодное географическое положение Синопы (см.: Garstang, AJA, II, 1943, стр. 38). Неясны взаимоотношения Синопы с Лидией в период расцвета Лидийского царства, когда ионийские города попали под власть лидийских царей. Как известно, Ахемениды, распространив свою власть на греческие города малоазийского побережья, насаждали в них тиранию. По всей вероятности, и синопские тираны были ставленниками персидского царя. Неясной остается и форма зависимости, в которой находились южно-понтские города. По-видимому, эти города, подобно остальным греческим полисам, находившимся под властью Ахеменидов, уплачивали ежегодную дань и поставляли военную силу персам. Подтверждение этому можно найти в сообщении Диодора о том, что «τὼν δὲ Ἑλλήνων ἐπεψάν ὧριεῖς μὲν οἱ πρὸς τῇ Καρίᾳ χατοῖχοῦντες μετὰ Ῥοδίων καὶ Κῶων τετταράχοντα. . . Ἑλλησπόντιοι δὲ ὀδοῖχοντα σὺν τοῖς περὶ τὸν Πόντον χατοῖχοις, νησιῶται δὲ πεντήχοντα» Никаких более прямых свидетельств о форме подчинения персам городов южного Понта мы не имеем (ср.: М. И. Максимова. Античные города юго-восточного Причерноморья, стр. 96).

¹⁰ Понтом, находившимся в то время под властью Ахеменидов, могло быть только южное побережье Понта Евксинского (см.: Т. В. Блаватская. Западнопонтские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952, стр. 46 и сл.), и, следовательно, Диодор мог иметь в виду отряды кораблей, поставленные Гераклеей, Синопой и Амисом, которые были самыми значительными центрами на побережье (ср. М. И. Максимова. Античные города юго-восточного Причерноморья, стр. 97).

нимали участия в ионийском восстании. Поэтому жестокие репрессии, предпринятые персами после подавления восстания по отношению к мятежным городам, не коснулись городов южного Понта. Сам факт оказания военной помощи персидскому царю Синопой, колонией Милета, столь тяжело пострадавшего от персов, представляется весьма знаменательным. По-видимому, Синопа являла собой пример колонии, не связанной тесными узами с метрополией. Она быстро выросла и развилась в самостоятельный торгово-ремесленный центр. Торговые интересы Синопы были направлены в области Северного Причерноморья, богатые хлебом, сырьем и рабами. Милет, обосновавшийся в тех же самых областях значительно раньше, представлял серьезную помеху. Пока Милет был силен, Синопа не могла конкурировать со своей метрополией. Разгром и опустошение Милета и остальных мятежных ионийских городов освободили пути в Северное Причерноморье для южно-понтских городов. На какой-то период времени сильные конкуренты были уничтожены благодаря катастрофе, произошедшей с восставшими против персов городами Ионии. После падения Милета Синопа, этот самый сильный и могущественный полис на южном побережье Понта, получил широкие возможности для укрепления своих позиций в северочерноморской торговле. Результатом укрепления северочерноморских связей явился широкий торговый обмен между Синопой и городами северного Причерноморья, достигший высокого подъема в первой половине IV в. до н. э. Из описаний местоположения Синопы, приведенных у Полибия (IV, 56) и Страбона (XII, 3, 11), известно, что Синопа располагала двумя прекрасно устроенными гаванями по обе стороны перешейка, на котором был расположен сам город. Страбон же сообщает о том, что выше, над городом (по обе стороны перешейка местность была гористой), почва плодородная и густо покрыта садами, особенно в предместьях Синопы, где особое место занимали оливковые рощи (Strab. II, 1, 15). Разведение масличных деревьев играло огромную роль для Синопы, поскольку это был единственный район на южном побережье Понта, где произрастала маслина. Известно, что оливковое масло было одним из основных продуктов питания древних греков. Поэтому культивирование оливы занимало большое место в хозяйстве и торговле Синопы. Как крупный центр морской торговли Синопа для близлежащих районов Малой Азии играла ту же роль, что и Пантикапей для городов Боспорского царства — она была как бы «перевалочным пунктом для товаров» (Strab. XI, 2, 10), свозимых в нее. Нельзя забывать,¹¹ что эта часть побережья, богатая рудными месторождениями, была совершенно отрезана от внутренних областей Малой Азии труднопроходимыми горами. Поэтому Синопа

¹¹ См.: М. И. Максимова. Античные города юго-восточного Причерноморья, стр. 24 и сл.

фактически являлась единственной гаванью, куда стекались добываемые в этих районах руды и откуда они могли быть вывезены в другие страны, остро нуждавшиеся в металлах. Таким образом, Синопа стала центром транзитной торговли. Через нее шло, по-видимому, и знаменитое железо халибов, которое упоминается у многих античных писателей.¹² Ксенофонт, упоминая в Анабазисе о халибах и сообщая о том, что это племя занимается добычей и обработкой металлов, замечает, что халибы находились в подчинении у моссинойков, которые были многочисленным и могущественным народом (Xenoph. Anab. V, 51). Там же Ксенофонт упоминает об оживленных сношениях моссинойков с гражданами Трапезунта, который являлся, по свидетельству античных авторов, колонией, основанной самой Синопой.¹³ На основании этих данных и сведений о том, что одной из главных статей торговли Синопы, Амиса и Трапезунта был вывоз металлов и изделий из них, вполне закономерным представляется вывод М. И. Максимовой о том, что моссинойки эксплуатировали труд подвластного им племени халибов и продавали металл, добытый халибами, в греческие порты. Отсюда знаменитое халибское железо расходилось по всему античному миру.¹⁴ У Стефана Византийского есть свидетельство, что высокосортное халибское железо обрабатывалось в самой Синопе и из него изготавливались плотничьи инструменты (St. Byz., s. v. Λαξεδαίμων). Поскольку сама Синопа была расположена в стороне от наиболее богатых рудными ископаемыми районов, то именно этим обстоятельством можно объяснить основание Синопой в непосредственной близости от рудных месторождений ее собственных колоний, таких как Котиора, Керасунт и Трапезунт. Таким образом, Синопа, колония Милета, сама стала метрополией нескольких колоний, распространив свое влияние на все юго-восточное побережье Понта Евксинского. По справедливому замечанию М. И. Максимовой,¹⁵ Синопа являла собой тот случай, когда рабовладельческий полис создал целую политико-экономическую систему городов, являвшихся центрами эксплуатации прибрежных и глубинных районов южного побережья Понта при ее полной гегемонии. Используя созданную ею систему, Синопа быстро выросла в крупнейший торговый порт всего Понта Евксинского. Ее влияние на северном побережье Черного моря особенно возросло после упадка Милета, когда в результате персидского разгрома ионийские города стали опускаться «до провинциального положения», по меткому определению Рэбака.¹⁶

¹² См.: W. Rüge. Chalybes, RE, III, стлб. 2099 и сл.

¹³ Против этого возражает только Павсаний (Paus. VIII, 27, 4—6). Подробное изложение его точки зрения см.: М. И. Максимова. Античные города юго-восточного Причерноморья, стр. 70, прим. 2.

¹⁴ Там же, стр. 70 и сл.

¹⁵ Там же.

¹⁶ «... into a provincial Status» (см.: C. Roebuck. Ionian Trade and Colonization. N. Y., 1959, стр. 136).

Огромная роль Синопы как крупнейшего транзитного порта была отмечена еще в статье В. Лифа, посвященной торговле Синопы.¹⁷ Однако этот исследователь ограничивает значение Синопы, отводя ей роль лишь транзитного пункта. Между тем Лиф не учитывает те, пусть незначительные, но прямые данные, которыми мы располагаем, о собственном производстве Синопы, продукты которого также являлись предметом торговли: это уже упоминавшееся производство инструментов из высокосортного железа (St. Byz., s. v. Λαξεδαίμων), выделка оливкового масла и вывоз маслин, о чем мы знаем от Страбона (Strab. II, 1, 15). Рыбный промысел, которым славилась Синопа, также не только удовлетворял потребности населения самого города, но и работал на экспорт. О заготовке рыбы впрок и о вывозе дорогих пород, таких как кефаль, скумбрия и осетры, сообщают Страбон (Strab. VII, 2, 6) и Афиней (Athen. III, 118с; VII, 307в). С вывозом маслин, оливкового масла и соленой рыбы было связано и развитие керамического производства, поскольку вывозимые продукты нуждались в большом количестве тары. Этой тарой служили глиняные амфоры, изготавливавшиеся в специальных эргастериях, которые, по-видимому, в Синопе были весьма многочисленными, поскольку размах синопского экспорта был очень велик.¹⁸ Еще одной важной статьей производства и экспорта Синопы была торговля корабельным и строительным лесом. В синопской области все горные склоны, по сообщению Страбона (Strab. XII, 3, 12), в изобилии были покрыты прекрасным корабельным лесом, в котором нуждалась не только Синопа, но и многие морские торговые полисы античного мира. Этот корабельный лес был прославленным предметом синопской торговли наряду со знаменитой синопидой, о которых упоминают Теофраст (Theophr. De lapid. 51), Страбон (Strab. XII, 2, 10) и Плиний (Plin. NH, 35, 13), и изделиями из халибского железа. Из рассказа Ксенофонта (Xenoph. Anab. V, 5) известно, что Синопа обладала мощным морским флотом, поскольку она смогла предоставить греческому войску такое количество кораблей, на которое можно было посадить около 3600 воинов (Xenoph. Anab. V, 3), и, по предположению М. И. Максимовой,¹⁹ примерно такое же число людей нестроевых.

Еще одно подтверждение того, что Синопа имела флот и славилась своими кораблестроителями, искусными и быстрыми в работе, мы находим в рассказе Полиэна (Polyaen. Strateg. VII, 21, 2) об осаде Синопы Датамом в IV в. до н. э. Полиэн сообщает, что синопские мастера — плотники и столяры в короткий срок построили для Датама, прикинувшегося союзником Синопы, не

¹⁷ W. Leaf. The Commerce of Sinope. JHS, 36, 1916, стр. 1 и сл.

¹⁸ О керамической таре Синопы см.: Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма.

¹⁹ М. И. Максимова. Античные города юго-восточного Причерноморья, стр. 84, прим. 7.

только корабли, но и осадные машины, которые Датам обратил затем против Синопы.²⁰

Таким образом, можно с уверенностью считать, что Синопа располагала мощным торговым и военным флотом с прекрасно построенными крепкими судами. Корабли Синопы и ее колоний на юго-восточном побережье Понта Евксинского, во главе которых она стояла, бороздили Черное море во всех направлениях.

Синопа и города, входившие в орбиту ее влияния (Трапезунт, Керасунт, Котиора), особенно стремились к налаживанию и укреплению тесных торговых связей с областями Северного Причерноморья. Подобно многим греческим городам, Синопа не имела достаточного количества зерна и была заинтересована в получении дешевого хлеба с северного побережья Понта. Этот хлеб, по справедливому замечанию Рэбака,²¹ был для греческих купцов дешевле египетского, так как обменивался не на серебро, а поступал в обмен на продукты греческого ремесла — вино, керамику, украшения, оливковое масло.

Сведения о товарах, которые производила и вывозила Синопа, по большей части содержатся в источниках, датированных не ранее середины IV в. до н. э. Однако можно предположить, что на протяжении всей торговой и экономической жизни Синопы вряд ли резко менялся ассортимент вывозимых ею товаров. Скорее всего разница могла быть в объеме экспорта, интенсивность которого зависела от экономической или политической ситуации.²²

Большой размах синопского экспорта, в котором, помимо транзитных товаров, значительное место занимали продукты собственного производства, позволяет предполагать значительное развитие городского хозяйства и ремесла в самой Синопе. К сожалению, никаких сведений о непосредственных производителях, об эксплуатируемой части населения и о рабах в источниках не содержится. Исключением может служить только рассказ Ксенофонта (Xenoph. Anab. V, 5, 10) о речи Гекатонима, главы синопского посольства, прибывшего для защиты Котиоры от греческих воинов Ксенофонта, где упоминается метод, которым синопейцы насаждали свои колонии по южному побережью Понта. Гекатоним прямо говорит о том, что Синопа дала область жителям Котиоры, «отняв ее у варваров». По-видимому, местные племена были насильственно согнаны с земли, на которой находилась Котиора и прилегающая к ней территория. Вполне допустимой представляется мысль, что местное население, подобно мариандинам

²⁰ Там же, стр. 93.

²¹ C. Roebuck. *Ionian trade*. . . , стр. 130.

²² О высоком подъеме экономики Синопы в конце VI — середине III в. до н. э. свидетельствуют данные нумизматики. Установлено, что ранее приписывавшиеся Сидону золотые статыры с буквами ΣΙ выпускала Синопа.

Гераклеи Понтийской,²³ частично попало в зависимость от синопских колонистов.²⁴

Плодовые сады, огороды и обширные масличные и лесные плантации, о которых сообщает Страбон (Strab. II, 1, 15; XII, 3, 11), требовали большого количества рабочих рук. Можно предположить, что в сельскохозяйственных и лесозаготовительных работах, а также рыбных промыслах применялся и рабский труд. Не подлежит сомнению то, что рабов использовали широко и в кораблестроительных работах на верфях Синопы и что в большом торговом и военном флоте синопейцев гребцами были рабы. Нужно полагать, что потребность в рабской силе для такого крупного торгово-ремесленного центра, каким являлась Синопа, была велика. Поэтому северопричерноморские области, бывшие для греческих городов не только поставщиком зерна, но и рабов, также привлекали синопейцев в качестве торгового контрагента. По всей вероятности, в Синопе имели место не только покупка рабов, но и их перепродажа.²⁵ Через руки работорговцев Синопы проходили рабы-пафлагонцы, о которых столь часто говорится в комедиях Аристофана; известна из дельфийских манумиссий более позднего времени рабыня из племени тибаренов по имени Сафо.²⁶ Там же упоминаются раб-пафлагонец²⁷ и рабы-каппадокийцы.²⁸ В манумиссиях более позднего времени встречаются рабыни-колхидянки.²⁹ Из Аттики происходит надгробие рабыни-халкидянки Евфросины.³⁰ Известен раб-макрон, о котором рассказывает Ксенофонт в Анабазисе (Anab. IV, 8, 4).³¹

Если литературные и эпиграфические источники позволяют сделать выводы лишь о наличии рабов и торговле рабами, в которой принимала участие и Синопа, то для самой Синопы мы располагаем прямым свидетельством о применении рабского труда в керамических эргастериях. Эти данные заключены в амфорных клеймах Синопы.³²

Вывоз товаров, производимых в самой Синопе, вызвал потребность в создании широкого производства керамической тары, слу-

²³ См. стр. 137 и сл. настоящей работы.
тибаренов, живших на территории Пафлагонии (Xenoph. Anab. V, 5, 3).

²⁴ Исследователи прямо указывают на большое участие Синопы и других ее колоний в поставке живого товара на греческие рынки рабов (см.: М. И. Максимова. Античные города юго-восточного Причерноморья, стр. 84).

²⁵ C. Wecher et P. Foucart. *Inscriptions recueillies à Delphes* Paris. 1863, № 131).

²⁷ Там же, № 229.

²⁸ Там же, № № 131, 134, 186.

²⁹ SGDI, № 2218.

³⁰ IG, III, 2, № 2519.

³¹ Подробнее об этом рассказе Ксенофонта см. стр. 85.

³² Атрибуция этих клейм была доказана Б. Н. Граковым в упоминавшейся уже работе о клеймах с именами астиномов.

жившей вместилищем соленой рыбы, вина, оливок и оливкового масла. Характерные для Синопы остроногие амфоры, снабженные штемпелем магистрата, который удостоверял точность емкости тары, свидетельствуют о широком круге торговых контрагентов Синопы. Особенно велико количество клеймённой синопской тары, находимой при раскопках греческих городов Северного Причерноморья.³³ Совершенно очевидно, что в Синопе было широко развито производство керамической тары, способной обеспечить потребности синопского рынка. Вполне правомерно предположение, что в Синопе в период ее расцвета были крупные эргастерии с большим числом занятых там рабов, которые, как нам известно, существовали в Афинах.³⁴ Во всяком случае, судя по амфорным клеймам, можно говорить о большом количестве эргастериев, производивших в Синопе керамическую тару. Известно, что штемпель с именем астинома (чиновника, ответственного за правильную емкость глиняной тары) и именем фабриканта — хозяина мастерской, выпускавшей амфоры, ставились на ручках синопских амфор. Можно считать установленным, что клеймение амфор в Синопе производилось частными лицами и контролировалось государственными чиновниками. Что касается имен магистратов и фабрикантов, то по ним можно проследить очень характерный для понтийских греческих колоний процесс, который усиливается в эллинистический период. Это процесс проникновения местных элементов в магистратуру греческого полиса — появление местных малоазийских имен в списке астиномов, ставивших свое имя на керамической таре. Это такие имена, как Ἀτταλος, Βορυς, Ἰ ὕριτος, Μιθραδάτης, Κύρος, Κάρολος, Ὑλλος. Среди ранних штемпелей, относящихся к концу V — первой половине IV в. до н. э., мы ничего подобного не находим. В них встречаются только чисто греческие имена. Еще ярче и любопытнее картина, которую дает изучение имен фабрикантов, стоящих либо в клейме вместе с именем астинома, либо в отдельном штемпеле, ставящемся на другой ручке амфоры. Здесь мы, особенно к концу IV в. до н. э., видим явное преобладание имен малоазийских, местных, над чисто греческими, а затем попадают и имена, которые характерны для рабов малоазийского происхождения и вообще рабские этнические имена, как

³³ См.: В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 87 и сл.; М. И. Максимова. Античные города юго-восточного Причерноморья, стр. 220.

³⁴ В одной из речей Демосфена, где говорится о наследстве, оставленном его отцом, упомянуты две мастерские, унаследованные Демосфеном. Одна — оружейная, где работали 33 раба-мастера по выделке оружия, и мастерская по изготовлению кроватей — там работало 20 рабов-мебельщиков (Demosth. XXVII, 9, 24, 27). Этот отрывок речи Демосфена ценен еще и тем, что здесь же приводится стоимость каждого раба-специалиста, который обошелся своему хозяину в пять-шесть мин каждый, а ежегодно приносил чистого дохода по тридцать мин. У Лисия в одной из речей фигурирует оружейная мастерская, где было занято 120 рабов (Lys. XII, 19).

"Ἀττεῖς, Πάλης, Μίδας, Μάνης, Ἰδᾶς даже Ἀραψ и Γώτος. Широкое распространение местных малоазийских имен в керамическом производстве вполне понятно, если учесть пестрое этническое окружение Синопы. Можно считать установленным, что липа местного происхождения проникали во все отрасли городского хозяйства, а особенно в такое выгодное и значительное производство, как изготовление керамической тары. Что же касается чисто рабских имен, список которых можно увеличить,³⁵ то следует отметить, что в синопском керамическом производстве во все периоды его существования наблюдается это сочетание греческих, местных и явно рабских³⁶ имен в астиномных клеймах. Видимо, эта особенность, характерная для синопских клейм, может быть объяснена тем, что производство керамической тары могло возглавляться в одних случаях вольноотпущенниками, в других случаях рабами-доверенными лицами владельца эргастерия. Основанием для такого предположения может служить параллель с Афинами.

В интересном исследовании об афинских рабах-агентах Э. Л. Казакевич убедительно показала значительную роль этой категории рабов в торгово-ремесленной жизни Афин IV в. до н. э.³⁸ Исследование это основано главным образом на данных, содержащихся в речах афинских ораторов этого времени. Однако, несмотря на определенную специфику самого материала, выводы, сделанные Э. Л. Казакевич, представляется возможным распространить не только на Аттику, но и на другие, подобные Афинам, крупные торгово-ремесленные центры.

В результате постоянного экономического общения греческих городов друг с другом к IV в. до н. э. успели уже сложиться такие организации, которые можно назвать общими для всего греческого мира. Так, например, если в Афинах существовали объединения навклеров,³⁹ то сходные объединения появляются даже на далеком Боспоре.

Привилегии, даруемые декретами о проксениях, однородны по содержанию для всех тех полисов, в которых они издавались вплоть до перечня отдельных привилегий, который фактически превращается в стандартную формулу.

³⁵ Список астиномов доказывает, что лица туземного происхождения занимали даже должности государственных чиновников.

³⁶ См.: Корпус керамических клейм (рукопись в архиве МГУ), где встречаются имена Λυδός, Μάνης, Μετάμβριος, Πωττικός, Βόστρυχος, Κοφακίδης, Συλίας, Ταυρίσχος.

³⁷ Особенно ярким свидетельством чрезвычайно тесных торговых связей Синопы с Северным Причерноморьем служит появление в амфорных клеймах специфических северочерноморских рабских имен, таких как Κερχίνας, Συνδός, Σχυός, т. е. этниконов рабов, происходящих из Северного Причерноморья.

³⁸ Э. Л. Казакевич. О рабах-агентах в Афинах. ВДИ, 1961, № 3, стр. 39—21.

³⁹ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 92.

Все это дает основание для предположения, что и упоминавшиеся выше сочетания греческих, местных и рабских имен в синопских керамических клеймах далеко не случайны. Видимо, здесь также было в ходу широкое использование вольноотпущенников⁴⁰ и рабов⁴¹ для ведения дел, связанных с производством керамической тары. Эта форма использования рабов была наиболее удобной и оправдываемой интересами торгового оборота, а потому и могла найти повсеместное распространение. Тенденция рабовладельцев к расширению предпринимательской деятельности с целью получения возможно большей прибыли убедительно прослежена Э. Л. Казакевич в том же исследовании о рабах-агентах.⁴²

Видимо, такая тенденция существовала и в Синопе. Крупные рабовладельцы Синопы, самого значительного торгово-ремесленного центра на южном побережье Понта, вряд ли основывали свое благосостояние на земельной собственности. Отсутствие сколь-нибудь значительного землевладения обуславливалось природными данными Синопы.⁴³ Скорее всего крупные синопские рабовладельцы были торговой аристократией, подобно милетским ἀειναῖται. Это были купцы, ведущие широкую морскую торговлю, навклеры и владельцы больших эргастериев. Собственники мелких земельных участков, мелкие торговцы, ремесленники, которые имели одного-двух рабов в качестве помощников, составляли средние и низшие слои свободного населения. По всей вероятности, крупные и средние рабовладельцы Синопы, подобно афинским, не довольствовались одним видом деятельности и сочетали наиболее выгодные отрасли, такие как морская торговля, рыбный промысел или производство керамической тары. И здесь, конечно, неизбежным было использование рабов, уполномоченных вести дела своего господина в различных областях его торговой или предпринимательской деятельности. Не исключено, что истоки появления типичных

⁴⁰ Как известно, вольноотпущенники должны были выполнять определенные обязанности в отношении бывшего господина (Ναγοσγ., s. v. ἀλτοστασίου), т. е., несмотря на свое освобождение, сохраняли с ним определенную связь. В случае, если эти обязательства не соблюдались, вольноотпущенник мог быть снова возвращен в рабское состояние. Такая зависимость служила для рабовладельца гарантией надежности раба в соблюдении интересов его господина, и, по-видимому, соображения этого рода играли значительную роль в рабовладельческой экономике. Так, известный афинский трапедзит Пасион, отпустивший на волю своего бывшего раба Формиона, который унаследовал от него трапедзу, сам был рабом у трапедзита (Demosth. XXXVI, 43 и сл.).

⁴¹ Возможно, это были рабы τῶν ἀποφορῶν, т. е. рабы, которые имели собственное предприятие при условии уплаты рабовладельцу определенного взноса. Кроме того, это могли быть рабы — доверенные лица, которые имели широкие полномочия и пользовались полным доверием владельца. Они имели право выступать от имени хозяина и от своего собственного имени (подобно Лампиду из XXXIV речи Демосфена; этот случай подвергнут тщательному анализу Э. Л. Казакевич в упоминавшейся статье).

⁴² Э. Л. Казакевич. О рабах-агентах в Афинах, стр. 21.

⁴³ См.: М. И. Максимова. Античные города юго-восточного Причерноморья, стр. 110.

рабских имен в амфорных штемпелях Синопы следует искать именно в этих новых, экономически оправданных явлениях, характерных для рабовладения IV в. до н. э.

Гераклея Понтийская была вторым по значению торговым и ремесленным центром среди греческих городов южного побережья Понта.

В отношении источников, освещающих историю города, Гераклею посчастливилось больше, чем Синопе. Правда, как археологические, так и эпиграфические памятники представлены весьма недостаточно.

Никаких археологических исследований на территории Гераклеи систематически не велось и находки носят случайный характер. Эпиграфический материал в большей своей части представляет надписи римского времени⁴⁴ и эпитафии гераклеотов, найденные главным образом на территории Аттики⁴⁵ и тех городов греческого мира, с которыми Гераклея Понтийская была связана торговыми отношениями.

Особенно интересны эпиграфические находки, обнаруженные в городах Северного Причерноморья.⁴⁶ Связи Гераклеи Понтийской с причерноморскими центрами укрепились еще больше к

⁴⁴ См.: L. Robert. Etudes anatoliennes, стр. 245—259. Среди приведенных Робером надписей, представляющих фрагменты посвящений, поздних надгробий трафаретного типа и обломков с неясным содержанием, имеется лишь одна надпись государственного значения (стр. 257 и сл., № 13). Это, по-видимому, список (сильно фрагментированный) эпонимов, жрецов или агораномов, где каждое имя сопровождается упоминанием ἐτ.Ι τοῦτοῦ ὑγεία, πλοῦτος, εἰράνη, εὐετηρία. Эта формула, по наблюдению Робера, характерна для островных надписей, происходящих с Делоса, Теноса, из Линда, Камира (стр. 258), и ее употребление в гераклейских надписях весьма любопытно. Во всяком случае эта надпись при всей ее фрагментарности представляет большой интерес, поскольку прямое упоминание о существовании в Гераклее коллегии магистратов удостоверяет полисную структуру этого города.

⁴⁵ Известно несколько городов, которые носили название Гераклеи, и поэтому эпитафии гераклеотов трудно связать с полной достоверностью именно с Гераклеей Понтийской (среди эпитафий гераклеотов, найденных в Аттике, самая ранняя эпитафия Сотима (CIG, № 65), датируемая V в. до н. э.). Однако, когда речь идет о гераклеотах, доставивших зерно в Пирей (CIG, II, № 498), или о захвате гераклеотами корабля кипрского купца Гераклида, который вез зерно из Понта в Пирей, то можно с большей уверенностью считать, что речь идет именно о гражданах Гераклеи Понтийской. Расположенная в области, славившейся плодородными землями, Гераклея принимала участие в торговле зерном. Поэтому свидетельства, касающиеся гераклеотов, так или иначе причастных к хлебной торговле, правильнее всего связывать с Гераклеей Понтийской.

⁴⁶ На территории городов Боспорского царства найдено несколько надгробий IV и III вв. до н. э., где упоминаются жители Гераклеи (см.: CIRB, №№ 246, 923, 925, 1193). Из Пантикапея происходят две почетные надписи римского времени, поставленные гераклеотами (CIRB, №№ 58, 59), причем в одной из них говорится об уроженце «храмоблестительной Гераклеи на Понте» (№ 59). Эти надписи и надгробия свидетельствуют о развитых, существовавших на протяжении долгого времени взаимоотношениях между Гераклеей и боспорскими городами.

IV в. до н. э. после того как Гераклеей были основаны две колонии — Херсонес Таврический на северном побережье Понта и Каллатис — на западном. Существенным дополнением к материалам, которые дает лапидарная эпиграфика, служат, как и в Синопе, амфорные клейма, распространение которых позволяет судить о торговых связях с тем или иным центром и о развитии гераклеийской торговли.⁴⁷ Что касается нумизматического материала, представленного большим количеством монет,⁴⁸ то при всей своей ценности источники этого рода прямого отношения к истории рабства не имеют. Данные нумизматики, отражающие экономическую и политическую жизнь Гераклеи, а также фиксирующие ее связи с другими городами античного мира, в лучшем случае могут сыграть лишь вспомогательную роль в освещении вопросов, связанных с рабовладением. В отношении литературных источников Гераклея также богаче Синопы. В извлечениях Фотия до нас дошло восемь книг хроники Мемнона Περὶ Ηράκλειας, уроженца Гераклеи, который, по-видимому, широко использовал в своем труде не сохранившуюся до нашего времени книгу Нимфида, гераклеийского политического деятеля и историка, жившего в IV—III вв. до н. э.⁴⁹ Отдельные сведения о Гераклее разбросаны по сочинениям многих античных авторов — Страбона (XI и XII), Ксенофонта (Anab. VI), Аристотеля (Polit. V и VII), Афиней (Deipnosoph. VI), Юстина (XVI), Поллукса (III) и др.

Античные авторы называют Гераклею Понтийскую большим торговым городом, основанным в области мариандинов (Xenoph. Anab. VI, 2, 1; Strab. XII, 3, 4 и 6; Memn. L, 2) мегарянами.⁵⁰

⁴⁷ Атрибуция гераклеийских клейм сделана Б. Н. Граковым в работе «Эпиграфические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор».

⁴⁸ Судя по свидетельству Ксенофонта (Anab. VI, 2, 4), Гераклея в V в. до н. э. пользовалась кизикинами. Монеты IV в. до н. э. и более поздние, выпущенные самой Гераклеей Понтийской, опубликованы у: W. Waddington, E. Babelon, Th. Reinach. Recueil general des monnaies grecques de l'Asie Mineure. Paris, 1925.

⁴⁹ См.: Laqueur, RE, XIII, 1926, стлб. 1099 и сл.; ср.: В. П. Дзагурова. Мемнон «О Гераклее» (перевод и комментарий). ВДИ, 1951, № 1, стр. 285. Монографических работ, посвященных истории Гераклеи Понтийской, немного. Среди них можно назвать: Н. L. Polsew. De rebus Heracleae Ponti. Brandenburg!, 1833; O. Kümmel. Heracleotica. Leipzig, 1869; J. H. Schneiderwirth. Das pontische Heracleia. Heiligenstadt, 1882. Кроме того, Гераклее посвящены две диссертации: Е. И. Леви. Гераклея Понтийская; В. П. Дзагурова. Гераклея Понтийская в эпоху ее расцвета (V—III вв. до н. э.). К сожалению, эти диссертации до сих пор не опубликованы.

⁵⁰ Античная традиция называет Мегары метрополией Гераклеи Понтийской (Xenoph. Anab. VI, 2, 1; Eph. fr. 83; Paus. V, 26, 7). Один лишь Страбон утверждает, что милетяне были первыми основателями Гераклеи, силой занявшими область мариандинов (Strab. XII, 3, 4). Вполне возможно, что Страбон имеет в виду приоритет Милета в освоении области мариандинов, где милетяне могли организовать торговую факторию. А затем на это, уже ранее освоенное место пришли мегаряне, возможно, в результате политического переворота, когда побежденная партия была изгнана из города.

Область мариандинов славилась своими природными богатствами, что, конечно, не могло не привлечь внимания греческих колонистов. Богатая растительность, леса и пастбища на склонах гор, широкая прибрежная полоса плодородной земли — такой была *χώρα* Гераклеи, судя по описаниям античного времени. У Мемнона можно найти несколько упоминаний о величине гераклеийских полей. Так, рассказывая об осаде Гераклеи Коттой, Мемнон сообщает, что Котта, потерпев в очередной раз неудачу при попытке взять город штурмом, «отправился с остальным войском на равнину, называемую Ликейской, так как это место изобиловало всем необходимым. Отсюда он опустошал всю местность вокруг Гераклеи» (Memn. XLIX, 3). В другой главе своей хроники Мемнон упоминает о том, как гераклеоты успешно справились с нападшими на них галатами, захватив лагерь, оставленный врагами, которые разбрелись по полям в поисках продовольствия (Memn. XXVIII, 2). О протяженности полей в области мариандинов говорится и в местном сказании о прекрасном юноше Бормоне, который во время жатвы ушел в поля на поиски воды и не вернулся.

На плодородных землях области мариандинов, по свидетельству Ксенофонта, прошедшего по этим землям, произрастали ячмень, пшеница, просо, кунжут, всевозможные овощи, винные ягоды, много винограда, дающего хорошее вино, «словом, все, кроме маслины» (Anab. VI, 4, 6).

Местное население, которое античные авторы называют мариандинами, очевидно, занималось земледелием и скотоводством и до появления греков в их области. Вопрос об этнической принадлежности мариандинов был спорен уже в древности. Как пишет Страбон, «о мариандинах и кавконах не все сообщают одинаковые сведения. . . однако же ничего не говорится о том, кто они были и откуда пришли; ничего не говорится об их языке или о каком-нибудь другом этническом различии, но они похожи на вифинцев; кажется, и это племя было фракийским».⁵¹ По-видимому, мариандины были вытеснены колонистами с занимаемых ими земель

⁵¹ Эта равнина, названная по имени реки Лик, протекающей по ней, упоминается Ксенофонтом при описании Ахерусийского полуострова, на котором расположена Гераклея (Anab. VI, 2, 1).

⁵² Уже в V в. до н. э. встречается упоминание о мариандинах у ряда авторов. Так, несколько раз о них пишет Геродот, называя среди народов «обитающих по сю сторону реки Галиса», и покоренных Крезом (I, 28). Перечисляя племена, платившие дань Дарию, входящие в третий податный округ, Геродот называет мариандинов (III, 90). Описывая персидское войско, Геродот рассказывает о вооружении мариандинов, находившихся в войске персидского царя (VII, 72). Мариандины были известны настолько, что у Эсхила в трагедии «Персы» упоминаются мариандинские плакальщики, славившиеся наряду с мисийскими своим искусством.

⁵³ „τοὺς δὲ Μαρῶνδινους καὶ τοὺς Καύκωνας οὐχ ὁμοίως ἀπαντες λέγουσι... τίνες δὲ καὶ πόθεν οὐδὲν εἴρηται οὐδὲ διάλεχος οὐδ' ἄλλη διαφορά ἐθνικὴ περὶ τοὺς ἀνθρώπους φαίνεται, παραπλήσιοι δ' εἰσὶ τοῖς Βιθυνοῖς. . . (XII, 3, 4),

после длительной борьбы, Об этом говорит ряд свидетельств, встречающихся у античных авторов.⁵⁴ Вполне вероятно, что греческие колонисты так поздно появились в этой явно привлекательной для них своим плодородием области именно потому, что мариандины оказывали им упорное сопротивление — Гераклея была основана лишь в середине VI в. до н. э., т. е. значительно позже других греческих колоний.

По всей вероятности, колонистам удалось подчинить себе племя мариандинов или, во всяком случае, большую его часть только после длительного и упорного сопротивления. Это сопротивление имело место, по-видимому, еще долгое время после укрепления греков в Гераклее. Мемнон, излагая историю правления тирана Тимофея, сообщает, что тот увлекался военными делами «как подобает мужу» (Memn. III, 2) и был страшен для врагов. В. П. Дзагурова, комментируя это свидетельство Мемнона, высказывает вполне правдоподобное предположение, что под врагами здесь скорее всего подразумеваются мариандины, проживавшие за пределами гераклеийской хоры.

В годы правления тиранов Тимофея и Дионисия Гераклея расширяла свою территорию (Memn. IV, 7) как на запад, так и на восток. Как сообщает Псевдо-Скилак, она подчинила остров Тиниду (Ps-Scyl. 92), а по нафлагонскому побережью распространила свою власть до города Тиоса, который также подчинился Гераклее.

Таким образом, борьба за расширение территории Гераклеи продолжалась и в период, последовавший за основанием города.

Из Ксенофонта известно, что в V в. до н. э. на территории гераклеийской области были расположены многочисленные деревни, в которых жило сельское население (Xenoph. Anab. VI, 4, 6). Это были мариандины, оставшиеся в своих прежних поселениях. Теперь они обрабатывали земли, принадлежавшие греческим колонистам.

Взаимоотношения гераклеотов и мариандинов, зависимое состояние последних, привлекали внимание многих античных авторов. Отмечая своеобразие в положении мариандинов, которых нельзя было продавать за пределы их страны как обычных рабов (Strab. XII, 3, 4; Athen. VI, 263d), древние авторы по-разному объясняют причины этой зависимости.

⁵⁴ В своем сообщении об основании Гераклеи в стране мариандинов Страбон употребляет по отношению к местному населению выражение *εἰλωτεύειν ἡνάγκασαν*, (... εἰρήται δὲ καὶ τοῦτο ὅτι πρῶτοι τὴν Ἡράκλειαν χτίσαντες Μιλήσιοι τοὺς Μαριανδυνούς εἰλωτεύειν ἡνάγκασαν τοὺς προχάτεχοντες τὸν τόπον... — XII, 3, 4). Это выражение передает оттенок насилия, подчеркивает вынужденность действия. Что эта борьба продолжалась и после укрепления греческих колонистов в области мариандинов, мы знаем из Павсания. Описывая богатый дар гераклеотов олимпийскому храму, он упоминает, что этот дар был сделан в честь победы, одержанной над мариандинами (Paus. V, 26, 7).

По мнению Посидония, приводимому у Афиней, «многие, не будучи в состоянии по слабости рассудка выдвинуться, отдают себя в услужение более разумным, чтобы, передав последним заботу обо всем для них необходимом, со своей стороны отдавать им все то, чем они в состоянии услужить. Таким-то образом мариандины подчинились гераклеотам. Обещав служить у них постоянными поденщиками, они доставляют гераклеотам все необходимое при условии, что никто из них не будет продан за пределы Гераклеи, но останется в пределах собственной страны».⁵⁵

Страбон иначе определяет эти отношения. На его взгляд, мариандины были «принуждены илотствовать» (*εἰλωτεύειν ἡνάγκασαν*) в результате насилия, т. е. ни о каком добровольном подчинении эллинам как существам «более разумным» речи здесь быть не может.

Страбон хорошо знал и постоянно пользовался Посидонием, хотя иногда относился к нему критически (Strab. X, 3, 5). В данном случае мы сталкиваемся как раз с критическим отношением Страбона к высказанной Посидонием мысли. Видимо, Страбона не удовлетворила столь неубедительная причина зависимости мариандинов от гераклеотов, и он по-иному ее объяснил, исходя из более реальных предположений. Здесь же Страбон подчеркивает сходство положения мариандинов с фессалийскими пенестами и критскими мноитами (*καθάπερ Κρήσι μὲν ἐθήτευεν ἡ Μνώα καλούμενη σύνδοξ, θετταλοῖς δὲ οἱ Πενέσται; XII, 3, 4*). На это сходство неоднократно обращали внимание все античные писатели, касавшиеся вопроса о зависимости мариандинов.

Афиней приводит высказывание Каллистрата, ученика Аристофана, о том, «что мариандинов именуют приносящими дары, с тем чтобы лишить горечи наименования рабов, так же как это делают спартанцы в отношении илотов, фессалийцы в отношении пенестов и критяне в отношении кларотов».⁵⁶

Весьма любопытно также упоминание Платона в «Законах» о рабском положении мариандинов, поработанных гераклеотами, и о племени пенестов, поработанном фессалийцами (*ἐλαττω δὲ ἡ τε Ἡρακλεωτῶν δουλεία τῆς τῶν Μαριανδυνῶν καταδουλώσεως ἐρὶν ἂν εἶχοι, τὸ θετταλὸν τ' αὐ πενεστικὸν ἔθνος...; Leg., VI, 776 cd*). Это свидетельство Платона о поработании мариандинов гераклеотами представ-

⁵⁵ „πολλοὺς τινας εαυτὸν οὐ δυνάμενους προϊστασθαι διὰ τὴν διανοίαν ἀσθενὲς ἐπιδοῦναι εαυτοὺς εἰς τὴν τῶν συνετωτέρων ὑπηρεσίαν, ὥπως παρ' ἐχέινων τυγχάνοντες τῆς εἰς τὰ ἀναγκαῖα ἐπιμελείας αὐτοὶ πάλιν ἀποδιδόναι ἐχέينوις δι' αὐτῶν ὥστε ἂν ὥσιν ὑπηρετεῖν δυνατοί, καὶ τοῦτο τῷ τρόπῳ Μαριανδυνοὶ μὲν Ἡρακλεώταις ὑπετάγησαν, διὰ τέλους υποσχόμενοι θητεύειν παρέχουσιν αὐτοῖς τὰ δεόντα προσδιαστελλόμενοι μηδενὸς αὐτῶν ἐσεσθαι πράσιν ἔξω τῆς Ἡρακλεωτῶν χοῦρας, ἀλλ' ἐν αὐτῇ μόνον τῇ ἰδίᾳ χώρᾳ" (VI, 263 cd).

⁵⁶ ὅτι τοὺς Μαριανδυνούς ὀνόμαζον μὲν δωροφόρους ἀφαίρουντες τὸ πικρὸν τῆς [ἀπὸ] τῶν οἰκετῶν προσηγορίας, καθάπερ Σπαρτιάται μὲν ἐποίησαν ἐπὶ τῶν εἰλωτῶν, Θετταλοὶ δ' ἐπὶ τῶν πενεστικῶν, Κρήτες δ' ἐπὶ τῶν χλαρωτῶν (Athen. VI, 263e).

ляется особенно значительным еще и потому, что Платон был современником тех социально-экономических явлений, о которых он писал, в отличие от более поздних авторов, для которых спартанская илотия, равно как и фессалийская пенестия, были категориями, уже не существовавшими. Эллинистические монархии и римское владычество не могли не изменить статус зависимого населения на подвластных им землях.

Таким образом, мы видим, что Платон ставит в один ряд спартанских илотов, фессалийских пенестов и гераклейских мариандинов. Однако ни у Платона, ни у Каллистрата и речи нет о подчинении местных племен эллинам по доброй воле.

Впрочем, следует отметить, что в отношении фессалийских пенестов также существует версия о «добровольности» их подчинения фессалийским землевладельцам.

Эта тенденция также сохранена Афинеем в изложении Архемаха, который сообщает, что «те из беотийцев, поселившихся в области Арны, которые не ушли в Беотию, но охотно остались на месте, отдали себя в рабство фессалийцам по договору, согласно которому их нельзя было ни вывозить из области Арны, ни убивать; за обрабатываемые для фессалийцев земли они должны были платить оброк. Итак, оставшиеся по договору и отдавшие себя в рабство тогда были названы менестами, теперь же они называются пенестами».⁵⁷

Весьма примечательно, что обе тенденции о принуждении или о добровольном подчинении местного зависимого населения эллинам выделяют мариандинов, пенестов, мноитов и илотов в особую категорию.

Аристотель в «Политике» также называет отдельно илотов и пенестов, не смешивая их с рабами, о которых говорит тут же (Aristot. Polit. II, 2, 13). Четкое определение положения этих групп зависимого населения мы находим у Поллукса: «между рабами и свободными среднее положение занимают лакедемонские илоты, фессалийские пенесты, критские клароты и мноиты, дорофоры мариандинов, аргосские гимнеты, сикионские коринефоры».⁵⁸

Выделение категорий зависимых групп из общей массы рабов не могло быть случайным. Авторы, затрагивавшие в своих произведениях этот вопрос, имели возможность непосредственно наблюдать различия в формах эксплуатации зависимого населения.

⁵⁷ „Βοιωτῶν, φησὶν, τὸν τὴν Ἀρναίαν χῆτοιχησάντων οἱ μὴ ἀπάραντες εἰς τὴν Βοιωτίαν, ἀλλ' ἐμφιλοχωρήσαντες παρέδωκαν εαυτοὺς τοῖς θεσσαλοῖς δουλεῦν κατ' ὁμολογίας, ἐφ' ᾧ οὔτε ἐξάξουσιν αὐτοὺς ἐκ τῆς χώρας οὔτε ἀποχτενοῦσιν, αὐτοὶ δὲ τὴν χώραν αὐτοῖς ἐργαζόμενοι τὰς συντάξεις ἀποδώσουσιν· οὗτοι οὖν οἱ κατὰ τὰς ὁμολογίας χатаμείναντες καὶ παραδόντες εαυτοὺς ἐκλήθησαν τότε μὲν μενέσται νῦν δὲ πενέσται. . . (VI, 264ab).

⁵⁸ Μεταξὺ δὲ ἐλευθέρων καὶ δοῦλων οἱ Λαχεδαίμωνιων εἰλωτες, καὶ Θετταλῶν πενέσται, καὶ Κρητῶν κλαρώται καὶ μνωῖται, καὶ Μαριανδυνῶν δοροφ ὅροι, καὶ Ἀργείων γυμνήτες, καὶ Σιχυωνίων χορυνηφόροι (III, 83).

Очевидно, общим признаком для отнесения той или иной группы к перечисленным категориям, а не к рабам, была их связь с землей, на которой они жили. Ни мариандинов, ни пенестов нельзя было ни вывозить за пределы их области, ни убивать по произволу владельца.

В Фессалии пенесты должны были обрабатывать землю и платить оброк (ἄς συντάξεις — у Архемаха), а на землях Гераклеи мариандины «доставляли все необходимое гераклеотам» (διὰ τέλους υποσχομένοι θετεύσειν παρέχουσιν αὐτοῖς τὰ δεόντα — у Посидония).

Не ограничиваясь этим общим признаком определения характера зависимости, некоторые из авторов, упоминая о мариандинах или пенестах, ссылаются на договор, который якобы заключался между победителями и побежденными, оставшимися на ранее принадлежавшей им земле. Этот договор также является общим признаком для определения групп зависимого населения.

Однако вряд ли можно всерьез говорить о заключении какого-либо двухстороннего договора между гераклеотами и мариандинами или фессалийцами и пенестами.⁶⁰ Нарочитая тенденциозность этой традиции особенно ясна в изложении Посидония, противопоставляющего разумных эллинских колонистов слабым и неспособным варварам. В этой версии, видимо, наиболее ярко проявилась типичная для рабовладельческой эпохи идеология, объявлявшая варваров прирожденными рабами, самой природой предназначенными для эксплуатации их свободными эллинами.

В современной литературе вопрос о существовании подобного договора неоднократно обсуждался. Одной из последних работ, в которой уделяется внимание этой проблеме, является статья И. С. Свенцицкой о положении зависимого населения в Малой Азии V—IV вв. до н. э.⁶¹ Автор работы справедливо отмечает, что теория договора была разработана софистами и, появившись в произведениях Эфора, которыми широко пользовались более поздние авторы, особое распространение получила в эллинистический период, когда большие массы населения оказывались в состоянии зависимости.⁶²

Рассматривая мариандинов в числе тех групп зависимого населения, которые античные авторы включали в категорию зависимых по договору, И. С. Свенцицкая категорически возражает не только против возможности существования подобного договора, но

⁵⁹ Так Свида сообщает, что пенесты отдали себя под власть фессалийцев на основании взаимной клятвы. Эта клятва гарантировала пенестам полную безопасность и проживание в родной стране (Suida, s. v. κενεσταφ).

⁶⁰ Иной точки зрения придерживается Е. И. Леви, допускающая возможность существования такого рода договора. К сожалению, аргументация этого положения содержится в неопубликованной части ее работы о Геракле Понтийской, что исключает возможность разбора этой аргументации по существу.

⁶¹ И. С. Свенцицкая. Положение зависимого населения в Малой Азии V—IV вв. до н. э. ВДИ, 1967, № 4, стр. 80—86.

⁶² Там же, стр. 80.

и против сближения формы зависимости мариандинов с илотией. Аргументируя свои возражения, И. С. Свенцицкая ссылается на то обстоятельство, что античные авторы, современные мариандинам, в частности Ксенофонт, который сам побывал в Геракле, городе, «находящемся в стране мариандинов» (Anab. VI, 2, 1), не отмечает никаких особенностей в положении мариандинов по сравнению с положением остальных местных племен, на землях которых находились греческие города. Известно, что Ксенофонт в «Анабазисе» уделяет внимание очень многому — войску, военному делу, обычаям персидского двора, природе и климату пройденных им стран, нравам, религиозным верованиям, образу жизни, вооружению местных племен, их легендам и обычаям. Со всеми описываемыми им явлениями он сталкивался на протяжении всего похода, поскольку греков больше всего волновали вопросы о том, где можно достать продовольствие, через какие области лежит более безопасный и легкий путь, в каких греческих городах можно получить помощь деньгами, продовольствием, транспортом. Вопросы взаимоотношения греков с местными племенами интересуют его только в плане того, добрососедские они или враждебные. Ни в какие детали и тонкости Ксенофонт не углубляется. Обо всех греческих городах, находящихся на землях малоазийских племен, он сообщает в стереотипных выражениях. Это отмечает и И. С. Свенцицкая. Поэтому отсутствие у Ксенофонта данных о форме зависимости мариандинов от гераклеотов никак нельзя считать аргументом в пользу тезиса И. С. Свенцицкой. Обращаясь к Платону, которого она справедливо считает наиболее надежным источником, поскольку он является современником описываемых им явлений, И. С. Свенцицкая привлекает отрывок из сочинения «Законы» (Leg. VI, 776cd). По ее мнению, Платон в данном случае, подчеркивая, что форма порабощения мариандинов гераклеотами вызывает меньше раздоров, чем порабощение илотов, указывает скорее на различие, чем на сходство между илотами и мариандинами. Следует, однако, заметить, что, ссылаясь на Платона, И. С. Свенцицкая вырывает отдельную фразу из контекста и тем самым искажает весь ход рассуждений Платона. В тексте же спартанская илотия, гераклеийские мариандины и фессалийские пенесты Платоном рассматриваются как одна категория, внутри которой он намечает какие-то различия. И. С. Свенцицкая эти внутренние различия воспринимает как противопоставление одной формы зависимости (в данном случае мариандинов) другой (илотии), причем пенестов она вообще исключает, поскольку никаких возражений по второй части фразы, взятой отдельно из текста Платона, она не приводит.

Судя по всему, мариандины и пенесты, подобно илотам, представляли собой коренное местное население, занимавшееся земледелием до появления колонистов — в первом случае и завоевателей — во втором. По-видимому, порабощение местных жителей

пришельцами не было полным в том смысле, что ни мариандины, ни пенесты не превратились в совершенно бесправную группу населения. Это подтверждается тем обстоятельством, что ни гераклеийские, ни фессалийские землевладельцы не могли ни убивать зависимых от них мариандинов и пенестов, ни продавать их за пределы страны как рабов, военнопленных или покупных.

Не случайным поэтому представляется и выделение этих групп античными писателями в категорию зависимого населения, близкого к спартанским илотам. Эта форма коллективного рабовладения сложилась не только в результате «коллективного характера завоевания», как утверждает Д. Лотце,⁶³ но возникла на почве коллективной формы собственности на землю, принесенной завоевателями.⁶⁴

Как известно, Гераклея Понтийская была основана дорийцами, дорийцы же, по наблюдению А. Гольма, во все свои колонии приносили характерную для них систему эксплуатации зависимого местного населения — илотию.⁶⁵ Конечно, нельзя на этом основании ставить знак равенства между мариандинами Гераклеи Понтийской и илотами Спарты. Кроме всего прочего, здесь следует учитывать и различие в местных условиях, и в положении гераклеотов, и в соотношении сил (часть мариандинов была, по-видимому, независима от Гераклеи). Однако даже сама спартанская илотия, бывшая наиболее последовательной формой такого рода зависимости, не представляла собой нечто единообразное. Некоторые исследователи усматривают в среде самих илотов отдельные группы, различавшиеся по своему положению, функциям и правам.⁶⁶

Таким образом, включение античными авторами мариандинов в ту категорию зависимого населения, которая по форме родственна илотии, представляется нам вполне правомерным.

Что же касается пресловутой традиции о договоре, то и здесь, нам кажется, может быть, не следует полностью игнорировать эти сообщения, а попытаться обнаружить ту реальную основу, на которой могла зародиться сама мысль о договоре, впоследствии обер-

⁶³ D. Lotze. Μεταξύ ελευθέρων ὕψι δοῦλον. Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum 4. Jahrhundert, v. Chr. Berlin, 1959, стр. 77. Д. Лотце развивает точку зрения на возникновение формы илотии в результате завоевания, в первую очередь дорийского, высказанную ранее у Бузольта Свободы (G. Busolt, H. Swoboda. Griechische Staatskunde, II. München, 1926, стр. 163); Р. В. Шмидт (Из истории Фессалии Сб. «Из истории античного общества», М.—Л., 1934, стр. 79 и сл.); Л. Н. Казамазовой (Рабовладение на Крите в VI—IV вв. до н. э. ВДИ, 1952, № 3, стр. 34 и сл.).

⁶⁴ См.: Л. Н. Казамазова. Очерки социально-экономической истории Крита V—IV вв. до н. э. М., 1964, стр. 21.

⁶⁵ A. Holm. Geschichte Siciliens in Altertum, I, 1870, стр. 148 и сл.
⁶⁶ См.: К. М. Chrimes. Ancient Sparta. Manchester, 1949, стр. 301; U. Kahrstedt. Griechisches Staatsrecht, I. Sparta und seine Symmachie. Göttingen, 1922, стр. 59; D. Lotze. Μεταξύ ελευθέρων καὶ δοῦλον, стр. 36 и сл.

нувшаяся тенденциозной идеей о неполноценности и врожденном рабстве варваров. Вряд ли в источниках, которыми мы располагаем, можно найти прямой ответ на этот вопрос. Остается искать объяснения лишь в косвенных данных. Попробуем обратиться к мариандинам.

В античной традиции сохранились упоминания о том периоде в истории мариандинов, который предшествовал греческой колонизации. Страбон сообщает, что мариандины вели борьбу с соседними племенами, населявшими Пафлагонию, которая была «подчинена многим правителям» (ἀρξάντα ὑπὸ πολλῶν δυναστῶμενης; XII, 3, 4). Мариандин, вождь племени, давший ему свое имя, покорил страну бебриков, но затем покинул ее. Очевидно, племя бебриков продолжало борьбу за свою независимость, и Мариандин потерпел неудачу.

Со слов Страбона вырисовывается в достаточной мере типичная картина хронических военных столкновений между местными племенами, что являлось обычным состоянием в условиях разложения первобытнообщинного строя и перехода к более развитой системе социальных отношений. Подоплекой этих постоянных столкновений и в данном случае явился процесс развития имущественного неравенства.

Эллины, появившиеся в VI в. до н. э. в области мариандинов, должны были застать местное общество в состоянии уже глубоко зашедшего социально-имущественного расслоения.

Подтверждением этому может служить местное сказание о мариандине Бормоне, дошедшее до нас через Афиней в изложении Нимфида.⁶⁷ Сын знатного и богатого человека, прекрасный и юный Бормон находился во время жатвы на полях. Жнецы изнемогали от жажды, и он пошел на поиски воды и исчез. Здесь любопытно упоминание о том, что юный Бормон был «υἷον γενέσθαι ἀνδρός ἐπιφανούς καὶ πλουσίου», т. е. сразу акцентировано его отличие от остальных земледельцев, которые трудились на полях. Сам он, по-видимому, в полевых работах участия не принимал, а решил облегчить долю работающих.

Если легенда в какой-то мере отражает реальную действительность, то создается впечатление, что значительные группы зави-

67 „ἀδόντες ἀναγκαλοῦνται τινα τῶν ἀρχαίων, προαγορεύοντες Βόρμον. τοῦτον δὲ λέγουσιν υἷον γενίαιαι ἀνδρός ἐπιφανούς καὶ πλουσίου, τῷ δὲ κάλλει καὶ τῇ κατὰ τὴν ἀκμὴν ὥρα πολὺ τῶν ἄλλων διενεγκεῖν δυνεστώτα ἔργοις ἰδίοις καὶ ζουλόμενον τοῖς ὑερίζουσιν δοῦναι πλεῖν βαδίζοντα ἐρ' ὕδαρ Ἰφάνισθῆναι. ζητεῖν οὖν αὐτὸν τὸς ἀπὸ τῆς χώρας, μετὰ τίνος μεμελωδμένου θρήνου [καὶ ἀναγκλήσεως], ὃ καὶ νῦν ἐτι πίντες χρόμενοι διατελοῦσι" (Athen. XIV, 619f.—520a). Кюммель (O. Kummel. Heracleotica. Leipzig. 1869), анализ фуги предание о прекрасном юноше, который отправился в сильную жару за водой и не нашел ее, видит в этой легенде подтверждение того, что мариандины были фригийским племенем. Сходные сказания, связанные с внезапным исчезновением рек и ручьев, пересыхающих в сильную жару и таким образом исчезающих, очень распро-

симого от местной племенной знати населения существовали и до греческой колонизации. Подобные же взаимоотношения, по-видимому, можно было наблюдать и в жизни земледельческих скифских племен Северного Причерноморья, выплачивавших дань скифской родовой знати.

При всех этих условиях скорее всего греки могли использовать уже сложившиеся ранее формы порабощения местного населения, закрепив их своей, привычной им и более высоко развитой системой рабовладения. Может быть, именно эти обстоятельства и породили представления о существовании некоего «договора» между прежними и новыми владельцами области мариандинов.

Во всяком случае не может не обратить на себя внимание то обстоятельство, что как до колонизации, так и после нее экономическая жизнь этой территории базировалась на земледелии. Для Гераклеи Понтийской на протяжении всей античной эпохи земледелие оставалось основным источником ее благосостояния, хотя город к концу VI в. до н. э. располагал «хорошими гаванями» (Strab. II, 3, 6) и вырос в крупный торгово-ремесленный центр. Сведения, которые приводит Ксенофонт (Anab. VI, 2, 1) о количестве предоставленных ему Гераклеей судов и о богатых дарах, сделанных городом греческим воинам (3000 медимнов зерна, 2000 амфор вина, 20 волов и 100 овец), позволяют судить об экономических ресурсах города. Однако воины Ксенофонта потребовали у гераклеотов и денег — сначала 3000 кизикинов, а затем и 10 000 (Anab. VI, 2, 4—5) и не сочли такую сумму несоразмерной. Правда, гераклеоты не выдали грекам этих денег, закрыли ворота города, свезя все продовольствие с полей, и поставили на стенах вооруженную охрану (Anab. VI, 2, 8). Тем не менее части греческих воинов Гераклея предоставила необходимое им количество кораблей, на которых отплыли аркадяне (Anab. VI, 2, 17). Все эти данные рисуют Гераклею как богатый, обеспеченный продовольствием город, располагающий значительным флотом, часть которого она смогла предоставить греческому войску.

О том, что Гераклея имела большой флот, можно судить по свидетельствам Мемнона. Он рассказывает об участии гераклейских гексер и пентер в морском бою между Птолемеем Керавном и Антигоном (XIII, 2) и о сорока триерах, посланных Гераклеей в поддержку Византия против Антиоха (XXIII, 7). Тинних, цитируемый Полиэном, упоминает о гераклейских кораблях, посланных на помощь Феодосии, отстаивавшей свою независимость от боспорских царей (Polyaen. Strateg. VI, 9, 4).

При помощи своего военного и торгового флота Гераклея Понтийская широко распространила влияние как на южное побережье

68 Herod. IV, 20; ср.: Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, 1954, № 36, стр. 14.

Понта,⁶⁹ так и на остальные припонтские области (северную и западную).

Завязывая оживленные торговые отношения с прибрежными городами Понта Евксинского, Гераклея особенно тесно сблизилась с центрами Северного Причерноморья. Боспорские города были главными потребителями хорошего и дешевого гераклеяского вина. Это подтверждается многочисленными находками клейменных гераклеяских амфор, повсеместно обнаруживаемых при раскопках на территории Боспорского царства. Развитие виноделия, работавшего на экспорт, создало потребность в широком изготовлении глиняной тары для перевозки вина. Можно не сомневаться в том, что в Гераклею было значительное количество эргастериев, выпускавших амфоры, на горлах которых ставился штампель с именами чиновника, отвечающего за правильность тары, и владельца эргастерия.

В отличие от Синопы в списке астиномов встречаются только чисто греческие имена. Среди имен владельцев мастерских попадаются имена туземного происхождения (такие как Μολοσσός, Ἀλχέτας), но из чисто рабских этниконов пока что встречен только один — Σχῦθας.

Можно предполагать, что в эргастериях Гераклеи, как и в эргастериях Синопы, трудились рабы и что рабский труд применялся на гераклеяских верфях, в порту, на кораблях. Во всяком случае Аристотель, рассматривая вопрос о том, необходимы ли в морском деле только люди, обладающие гражданскими правами, в качестве примера ссылается на Гераклею Понтийскую, во флоте которой служат периеки и γεωργοῦντες (Polit. VII, 5, 7). Таким образом, судя по словам Аристотеля, во флоте Гераклеи служила неполноправная часть населения, рекрутировавшаяся из слоев, связанных с земледелием, что явствует из самого их названия.⁷⁰ Такими γεωργοῦντες на территории Гераклеи могли быть мариандины.⁷¹ О том, что Аристотель отличает группу, названную им γεωργοῦντες

⁶⁹ В работе О. Кюммеля, изданной еще в прошлом столетии (O. Kümmel. Heralcleotica), дана ценная сводка свидетельств о владениях Гераклеи на южном побережье Понта. Хотя обоснованного определения причин расширения границ Гераклеи эта сводка не дает, можно предположить, что уже в VI в. до н. э. Гераклея владела целым рядом городов и эмпориев на южном побережье Понта, подобно Синопе.

⁷⁰ Термин γεωργοῦντες мы находим в родосских надписях, где речь идет о неполноправном зависимом населении, несомненно связанном с сельским хозяйством (см.: И. С. Свенцицкая. Зависимое население городов Малой Азии. ВДИ, 1957, № 3). Здесь дан анализ термина γεωργοῦντες и прослежена эволюция слова γεωργός от свободного землевладельца классической эпохи до зависимого земледельца в период эллинизма, что может служить показателем изменения положения сельского населения.

⁷¹ Нам кажется, что мысль о возможности использования мариандинов в морском деле находит свое подтверждение в сообщении Ксенофонта о том, что в Фессалии существовал план развития морского флота, где значительная роль отводилась пенестам (Hell. VII, 5, 8).

от рабов и периеков, свидетельствует особый термин, который он для нее употребил. Прямых сведений о рабах в Гераклею мы почти не имеем. Исключение составляет только рассказ Юстина, который в XVI книге своего труда довольно подробно излагает события, связанные с тиранией Клеарха (Just. XVI, 3—17), захватившего власть в Гераклею в 363 г. до н. э.⁷² Изгнав олигархов, призвавших его для подавления демократов, Клеарх освободил рабов, принадлежавших олигархам (Just. XVI, 4—5), и наделил их землей. Кроме того, под страхом смерти он приказал женам и дочерям изгнанных аристократов вступить в брак с их бывшими рабами (такую же меру провел тиран Дионисий в Сиракузах; Diod. XIV, 81, 4). Юстин, рассказывая о восстании, в результате которого Клеарх установил тиранию, упоминает среди требований восставших отмену долгов и передел земельных участков (Just. XVI, 2, 3). Это требование довольно обычное в истории греческих полисов, но в Гераклею вопрос о землевладении был значительно обострен отношениями с мариандинами, всячески стремившимися освободиться от своей зависимости. Источники по истории Гераклеи ничего не сообщают об участии мариандинов в восстании, в результате которого Клеарх пришел к власти. Не исключено, однако, что мариандины во время восстания сделали попытки использовать сложную обстановку для освобождения или облегчения своего положения. Упомянув о пенестах в «Политике», Аристотель сообщает, что они неоднократно бунтовали против фессалийцев . . . πολλὰκις ἐπέθετο τοῖς θετταλοῖς; Aristot. Polit. II, 1269a, 37). Ксенофонт рассказывает о том, что Критий, бежавший из Афин в Фессалию, желая произвести там демократический переворот, τοὺς πενέστας ὤπλιζεν ἐπὶ τοὺς δέσποτας (Xenoph. Hell. II, 3, 36). Из надписей Приены мы знаем о выступлениях педиев (зависимого населения, находившегося на положении мариандинов) против приенских граждан (Inscr. von Priene, №№ 14, 15, 16). Вполне вероятно, что среди восставших народных низов Гераклеи были и мариандины. Однако Клеарх, заинтересованный в устранении своих политических противников — гераклеяских олигархов, освободил лишь принадлежавших им рабов, «желая сделать их (рабов) еще более верными по отношению к себе и еще более враждебными по отношению к своим господам» (Just. XVI, 9). Подобный демагогический прием был проведен и Дионисием Сиракуз-

⁷² По сведениям, содержащимся в «Политике» Аристотеля, власть в Гераклею сначала находилась в руках демократов, а затем произошел олигархический переворот (Aristot. Polit. V, 4, 2). Олигархи оставались у власти значительное время, поскольку Гераклея продемонстрировала враждебное отношение к появлению афинского флота в Понте, и попытка Ламаха высадиться в Гераклею для взыскания фороса потерпела неудачу (Just. XVI, 3; Thuc. XV, 3, 5). Правда, помощь, которая была оказана Ламаху гераклеотами, свидетельствует, что в Гераклею была демократическая партия, стоявшая на стороне Афин.

ским. Гераклеяскому демосу Клеарх даровал обещанную отмену долговых обязательств, а передел земельных участков произвел, по-видимому, за счет владений, конфискованных у изгнанных олигархов. Но изменить всю систему землевладения, лежавшую в основе экономического благосостояния Гераклеи, которая не только не нуждалась в привозном зерне, но и сама часто оказывала помощь хлебом жителям других городов (Мемн. XXIV), Клеарх, конечно, и не собирался. Цель его участия в восстании Юстин указал с достаточной определенностью: «он хотел таким путем добиться тирании и устранить своих политических соперников» (Just. XVI, 3). Некоторые исследователи считают, что Юстин неправ, обвиняя Клеарха в желании любой ценой удержать власть. Так, по мнению Е. И. Леви, тирания Клеарха была тиранией необычного типа, при которой низшие слои населения играли более активную роль, и поэтому она сравнивает эту тиранию с тиранией Набиса в Спарте.⁷³ Однако подобное сравнение представляется нам необоснованным, поскольку в основе политики Набиса лежало полное равенство его сторонников. Распределяя конфискованные богатства и земли, Набис не делал разницы между рабами и свободными и, таким образом, подрывал самые основы рабовладельческого общества. Что касается тирании Клеарха, то для нее характерна была ярко выраженная антиаристократическая направленность. Поскольку социальной базой тирании был демос, то естественной была забота Клеарха о его интересах в ущерб враждебным Клеарху аристократам. По-видимому, Клеарх ограничился лишь двумя крупными мероприятиями в пользу народа — отменой долгов и переделом конфискованных земельных участков. У него был хороший пример в лице все того же Дионисия Сиракузского. Но и этих мер, как известно, было достаточно, для того чтобы вызвать бешеную ненависть олигархов. Политический противник Клеарха, гераклеяский историк Нимфид, трудом которого пользовался Мемнон, не пожалел красок, для того чтобы расписать жестокость и преступность тирана, бывшего в свое время учеником Платона и Исократа (Мемн. I, 1). В течение двенадцатилетней тирании Клеарха олигархи всеми путями пытались его уничтожить. Последний из заговоров, также возглавленный гераклеяскими аристократами, увенчался успехом — Клеарх был убит (Мемн. I, 3, 4; Just. XVI, 4). История тирании Клеарха представляет собой историю тирании обычного типа. Для нас в ней важен сам факт упоминания рабов в рассказе о восстании городских и сельскохозяиственных низов против гераклеяских олигархов. Он свидетельствует о том, что эксплуатируемая и несвободная часть населения Гераклеи представляла собой значительную силу, от участия которой зависели результаты переворота.

Глава VI

РАБСТВО НА ХИОСЕ

Рабство на Хиосе — одном из крупнейших островов Эгейского моря — не часто привлекало к себе внимание исследователей.

Обстоятельный очерк по истории Хиоса был написан Фюстелем де Куланжем¹ около ста лет назад. Однако этот очерк до сих пор не утратил своего значения, хотя материал его отдельных разделов несколько устарел. О рабах Фюстель де Куланж, к сожалению, пишет очень бегло. Но общий вывод его о том, что хиосское рабство составляло фундамент благосостояния жителей острова, бесспорно обоснован. Большой материал по экономике и истории Хиоса собран Бюрхнером в статье «Хиос».² Целый ряд вопросов внутренней истории Хиоса рассматривается в отдельных статьях, написанных на основе новых археологических и эпиграфических данных и опубликованных в различных журналах.³

Для исследователей хиосского рабства особый интерес представляет статья Робера «Надписи Самоса и Хиоса»,⁴ в которой мы находим подборку всех новейших материалов о хиосских рабах.

Вопрос о хиосских рабах рассматривается и в работе К. М. Колобовой «Термин *οἰκέτης* у Фукидида».⁵ Хотя перед автором стояла задача выяснить значение одного термина, однако К. М. Колобова широко привлекает самые разнообразные материалы, характеризующие состояние рабства на острове Керкире, в Платее, в Аргосе и, что особенно важно, на Хиосе.

¹ N. D. Fustel de Coulanges. Mémoires sur l'île de Chio. Archives des Missions Scientifiques et Littéraires, v. V. Paris, 1856, стр. 481 и сл.

² RE. III, 1899, s. v. Chios, столб. 2286 и сл.

³ BSA, BCH, JHS и др. См. ссылки в тексте статьи.

⁴ L. Robert. 1) Etudes épigraphiques et philologiques. Paris, 1938, стр. 118—126; 2) Sur des inscriptions de Chios. BCH, 59, 1935, стр. 453—459.

⁵ Проблемы социально-экономической истории древнего мира. Сборник памяти академика Александра Ильича Тюменева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1963, стр. 187 и сл.

⁷³ См.: Е. И. Леви. К вопросу о датировке Херсонесской присяги. СА, IX, 1947, стр. 90.

Таким кратким перечнем исчерпывается по существу литература по истории и экономике Хиоса и по проблеме хиосского рабства.⁶

Изучение рабства на Хиосе затруднено обычной для большинства греческих городов скудостью источников. Мы встречаем беглые замечания о хиосском государстве у Геродота, Фукидида и у других авторов V—IV вв. до н. э. Ценные сведения доставляют отрывки из исторического сочинения уроженца Хиоса Феопомпа, приведенные Афинеем. У Афиней можно найти также отрывки из сочинений Нимфодора, Посидония и нескольких других авторов, сообщающих отдельные данные о Хиосе. Немаловажны комментарии логографов, относящиеся к Хиосу. Некоторый материал дают немногочисленные надписи, по большей части сильно поврежденные. Восстановить историю Хиоса по таким скудным отрывкам можно лишь очень и очень приблизительно.

Благосостояние Хиосского государства

Как бы ни были скудны наши сведения о внутренней жизни Хиоса, мы все же ясно можем представить себе, что хозяйственная жизнь хиосцев достигла высокого развития. Источники, рисуя положение Хиоса, настойчиво упоминают о богатстве острова, выделяющем его из числа других греческих государств. Уже в «Гимне Аполлону Делосскому»⁷ упомянут Хиос, названный самым обильным из островов (Χίος ἡ νῆσος λίπαρστάτη).

В очень ранний период жители Хиоса, так же как и других ионийских городов, обратились к занятиям ремеслом и торговлей. Хиос находился на скрещении самых оживленных торговых путей древности.⁸ Прочные торговые связи с древнейших времен соединяли его с азиатским материком. В непосредственной близости от Хиоса на материке начинались две важнейшие трассы, по которым торговцы проникали в Малую Азию и дальше — в глубь огромной персидской державы.

В VIII—VII вв. до н. э. хиосцы начали вывозить на Восток свое знаменитое вино.⁹ В торговле с Малой Азией Хиос занимал

⁶ Исключение составляет литература, касающаяся традиции о восстании Дримакса. Однако в большинстве работ, рассматривающих этот вопрос, общие проблемы развития рабства на Хиосе не ставятся. Подробнее литературу о Дримаксе см. на стр. 184 сл.

⁷ Εἰς Ἀπόλλωνα, 38 (Homerische Hymnen, griechisch und deutsch, herausgegeben von Anton Weiher. 2 Aufl., München, 1961).

⁸ Хиос владел целым рядом соседних островов, служивших опорными пунктами хиосских торговцев. Таким опорным пунктом был, вероятно, остров Псира, расположенный к западу от Хиоса. Хиосцы владели также группой островов, находившихся к северо-востоку от Хиоса, у берегов Малой Азии. Эти острова носили общее название Энуссы (см.: RE, III, s. v. Chios, стлб. 2296). О торговом значении Энусс сообщает Геродот (I, 165).

⁹ См.: C. Roebuck. Ionian trade and colonization. N. J., 1959, стр. 16—18, 41.

среди ионийских городов одно из ведущих мест. Для Хиоса восточная и, в частности, малоазийская торговля имела огромное значение. Об этом свидетельствует прочность ориентации хиосского государства на Восток. Фюстель де Куланж¹⁰ отмечает, что хиосцы не вмешивались в борьбу с Крезом, исключая помощь Милету (Herod. I, 18). Новую власть — персов, Хиос принял без сопротивления (Herod. I, 160). Отношения с персами поначалу складывались вполне благоприятно. Объединенная персидская держава предоставляла греческим и, в частности, хиосским купцам широкие торговые возможности. Поскольку общий налог в 400 талантов, которым персы обложили прибрежные города, выплачивался в соответствии с размерами территории, для хиосцев часть их общего взноса, по мнению Фюстеля де Куланжа, не могла быть слишком обременительна. Лойальность хиосцев в отношении персов приносила им и дополнительные выгоды. Так, в награду за выдачу Пактии, вождя лидийцев, восставших против персов, хиосцы получили Атарней — местность в Мисии, напротив острова Лесбос (Herod. I, 160). В период персидского господства Хиос достиг значительного процветания.¹¹ Однако со временем персидский гнет становился все более тяжелым. Захват персами Геллеспонта и Босфора нанес большой ущерб торговле ионийских городов с Причерноморьем. С включением в состав персидской державы финикийских торговых городов персы стали оказывать явное покровительство финикийским купцам, в руки которых перешла значительная часть посреднической торговли на Эгейском море. Наряду с ущемлением торговых интересов персы повели энергичное наступление и на политическую независимость ионийских городов, установив повсюду тиранию персидских ставленников. На Хиосе персы установили тиранию Страттиса, доказавшего верность персам во время скифского похода Дария. Он был одним из тех, кто вместе с Гестиеем настоял на охране моста через Дунай (Herod. IV, 138—139). Таким образом, к участию в ионийском восстании хиосцы были вынуждены целым рядом самых серьезных причин — экономических и политических. Однако в греко-персидских войнах хиосцы участвовали уже на стороне персов (Herod. VIII, 10). Прочность восточных связей оказывала серьезное влияние на политическую позицию Хиоса и в более позднее время.

Во всех районах Средиземноморья, где ионийские купцы находили сбыт своим товарам, удельный вес хиосской торговли был очень высок. Хиос с очень раннего времени участвовал в посреднической торговле между Востоком и Западом и даже, по-видимому, подобно Милету, установил уже в VII в. до н. э. прямые связи с городами центральной Греции, главным образом с Эги-

¹⁰ N. D. Fustel de Coulanges. Memoires. ... сто. 534 и сл.

¹¹ См.: P. N. Ure. The northern Ionian cities. САН, IV, 1930, стр. 96.

ной.¹² Хиосские купцы энергично осваивали крупнейшие хлебные рынки. В числе других городов Хиос принял участие в основании общегреческого эмпория в Навкратисе. Наряду с Милетом и Эгиной Хиос играл в греческом двенадцатиградье наиболее видную роль.¹³ Археологические находки свидетельствуют об особой роли хиосской керамической продукции в Навкратисе.¹⁴ Прочные позиции заняли хиосские купцы и в торговле на Черном море. В причерноморских районах их привлекали среди прочих товаров прежде всего зерно, рыба¹⁵ и, конечно, рабы.¹⁶ Однако в освоении черноморских рынков Хиос значительно уступал Милету.¹⁷

В северной части Эгейского бассейна, особенно во Фракии, Хиос, напротив, добился решительного преобладания. Здесь опорным пунктом хиосцам служила их единственная колония Маронея, основанная Хиосом в самом начале VII в. до н. э. Хотя сама Маронея не имела даже хорошей гавани, но зато она предоставляла

хиосцам прекрасные возможности для торговли с внутренними районами Фракии. К северу от Маронеи находились пути в богатую страну фракийского племени одриссов. Маронея, по-видимому, служила портом для хиосских и других ионийских кораблей, приплывавших для торговли с фракийцами и островом Фасос. Первоначально Маронея была основана как земледельческое поселение.¹⁸ Только к VI в. до н. э., как об этом свидетельствует археологический материал, установились регулярные торговые отношения ионийцев с фракийцами.¹⁹ Есть все основания полагать, что в VI в. до н. э. основную часть фракийского вывоза (строевой лес, лошади, дешевое вино и рабы) благодаря контролю над Маронеей хиосцы сосредоточили в своих руках. За счет фракийских виноградников Исмара они значительно расширили собственный экспорт вина. Серебро из фракийско-македонских рудников хиосцы употребили для обмена на зерно — основной продукт Египта, пользовавшийся спросом во всех уголках Эгейского района.²⁰ Можно полагать также, что хиосцы приняли самое деятельное участие и в экспорте фракийских рабов.

Итак, уже в период расцвета ионийских городов Хиос играл заметную роль в Эгейском бассейне. О богатстве Хиоса в этот период свидетельствует число кораблей, выставленных хиосцами в битве при Ладе. Они снарядили 100 кораблей из 353 (Herod. VI, 8) — больше всех других городов, участвовавших в восстании против персов.²¹

После поражения восставших благосостояние ионийских городов было подорвано. Процветание Ионии кончилось. Ее крупнейшие торговые и ремесленные центры были разорены и пришли в упадок.²² Однако Хиосу и в V в. до н. э. удалось сохранить свое значение и вес, свои торговые связи и свое богатство. Но в этот период Хиос ориентируется уже не на Милет и не на Эгину. Хиосцы были в числе первых союзников Афин — государства, которому победа греков над персами принесла наибольшие выгоды (Plut. Aristid. 23). Союзом с хиосцами афиняне очень дорожили. Хиос относился к числу независимых (αὐτόνομοι) афинских союзни-

¹² Торговые связи Хиоса и Эгины с конца VII в. до н. э. подтверждает археологический материал. В Эгине найдено много хиосской керамики в виде храмовых посвящений. Самый ранний обломок — 650 г. до н. э. Значительное число обломков хиосской керамики фиксируется лишь началом VI в. до н. э. (см.: R. M. Cook and A. G. Woodhead. Painted inscriptions on Chiot pottery. BSA, 47, 1952, стр. 159—170; R. M. Cook. The distribution of Chiot pottery. BSA, 44, 1949, стр. 154—161). Хиосские амфоры VI в. до н. э. были найдены также в Коринфе (см.: Hesperia, 7, 1938, стр. 608, № 219). В других районах Греции хиосская керамика VII—VI вв. до н. э. представлена слабо. Керамический материал дает основания полагать, что в Греции хиосские купцы были связаны главным образом с Эгиной (см.: C. Roebuck. Ionian trade..., стр. 84). О связях Хиоса и Эгины свидетельствуют и данные нумизматики. В начале VI в. до н. э. наряду с электровыми статерами милетской системы хиосцы первые в Азии начали чеканить серебряную монету. Если милетские статеры преобладали в Азии, то в самой Греции главным средством обмена служило серебро. Поскольку Эгина была основным контрагентом хиосцев в Греции, серебряная монета Хиоса чеканилась по эгинскому стандарту (см.: P. Gardner. The financial history of ancient Chios. JHS, 39-40, 1919—1920, стр. 161—163).

¹³ См.: К. М. Колобова. Греки в Египте. Уч. зап. ЛГУ СИН. вып. 14. 1949, № 112, стр. 249—250.

¹⁴ Тесная связь хиосской керамики с так называемой «навкратийской продукцией» конца VII—VI вв. до н. э. дает основание предполагать, что навкратийская керамика или доставлялась с острова Хиос, или изготовлялась в Навкратисе хиосскими гончарами. Бордман, однако, отмечает, что наличие хиосских гончарных мастерских в Навкратисе еще нуждается в доказательствах. Так, спорным является вопрос о том, как объяснить тот факт, что для сосудов, найденных на Хиосе и в Навкратисе, материалом служила одинаковая глина. По предположению Бордмана, глину в Навкратисе могли доставлять с Хиоса в качестве балласта на судах, прибывших за зерном (см.: J. Boardman. Chian and Naucratis. BSA, 51. 1956, стр. 56; Ср.: К. М. Колобова. Греки в Египте, стр. 250—251). По мнению Рэбака, греческая и, в частности, хиосская керамика находила сбыт и служила важной статьей обмена главным образом в самих греческих колониях в Египте (см.: C. Roebuck. Ionian trade..., стр. 133).

¹⁵ См.: C. Roebuck. Ionian trade..., стр. 128—129.

¹⁶ См.: В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 19.

¹⁷ См. об этом подробнее в главе IV.

¹⁸ Рэбак связывает продвижение ионийцев на Север в область Фракии и Пропонтиды с теми неудачами, которые потерпели их попытки расширить свои земельные владения на материке (C. Roebuck. Ionian trade..., стр. 105).

¹⁹ На территории Маронеи до самого последнего времени раскопки не велись. Но материалы раскопок в Кавалле свидетельствуют о том, что керамика восточных полисов Греции появляется не ранее VII в. до н. э., аттическая керамика — не ранее середины VI в. до н. э. (см.: R. M. Cook. Ionia and Greece in 8-th and 7-th centuries BC. JHS, 66, 1946, стр. 82, 133).

²⁰ См.: C. Roebuck. Ionian trade..., стр. 136.

²¹ См.: САН, IV, стр. 96.

²² Весь остров Хиос был опустошен, многие жители погибли. Даже те из хиосских воинов, которые после разгрома при Ладе спаслись на материк, были перебиты эфесцами (Herod., VI, 16). Многие хиосцы были захвачены персами и обращены в рабство (Herod. VI, 31).

ков. Такие союзники не платили Афинам форос, а поставляли корабли.²³ Хиосу, вероятно, пришлось потесниться в пользу Афин в тех районах, где прежде он господствовал безраздельно, например, во Фракии.²⁴ Но в целом вступление в Афинский морской союз принесло Хиосу значительные преимущества.

В V в. до н. э. Хиос становится одним из самых богатых греческих государств. Важнейшим источником благосостояния хиосцев была, как и прежде, торговля, которую хиосские купцы вели во всех уголках обширной Афинской архэ. Ко времени Пелопоннесской войны хиосцы, по словам Фукидида (VIII, 45, 4), стали «богатейшими из эллинов» (πλουσιώτατοι οντες τῶν Ἑλλήνων).

23 Фукидид (Thuc. I, 19) сообщает о том, что афиняне отобрали у союзных с ними городов, исключая Хиос и Лесбос, корабли и обложили всех союзников денежной данью (ср.: Thuc. II, 9, 5; III, 10, 5). Во время переговоров с лакедемонянами лесбосские послы объявили, что все союзники Афин, кроме лесбосцев и хиосцев, были порабощены (ἐδουλώθησαν). О том значении, которое хиосцы имели в Афинском морском союзе, свидетельствует также число кораблей, выставляемых хиосцами во время совместных с афинянами походов. Так, во время подавления самосского восстания хиосцы и лесбосцы послали вначале 25, а затем 30 кораблей (Thuc. I, 116, 2; 117, 2), во время похода на Эпидавр — 50 кораблей (Thuc. II, 56, 2). Во флоте, выступившем против Менды и Скионы, из 50 кораблей 10 принадлежало хиосцам (Thuc. IV, 129, 2). В поход против Мелоса выступили 30 афинских кораблей, 6 хиосских и 2 лесбосских (Thuc. V, 84, 1). Во время похода на Сицилию из 134 триер 100 было выставлено афинянами, то δέ ἄλλο ναυτικὸν Χίων καὶ τῶν ἄλλων ξυστάχων, т.е. очевидно, мефимний и керкирян (Thuc. VI, 43, 2). Демосфен, отправленный в Сицилию с подкреплением, получил 60 афинских кораблей и пять хиосских (Thuc. VII, 20, 2). Интересно отметить, что с ходом войны число кораблей, которые выставляют хиосцы для совместных действий с афинянами, постепенно уменьшается.

24 Так, в V в. до н. э. хиосцы уже не владели Маронеей — их важнейшим опорным пунктом во Фракии. Мароней вошла в состав Первого Афинского морского союза (см.: RE Hbhd. XXVIII, 1930, s. v. Maroneia, стлб. 1913). В V в. Мароней служила, очевидно, проводником афинского влияния. К середине V в. до н. э., когда хиосцы, так же как и остальные афинские союзники, начали тяготиться стеснительными рамками афинской державы, они усилили свою активность в северных районах Эгейского моря в ущерб интересам Афин. Об этом ярко свидетельствует нумизматический материал (см.: P. Gardner. The financial history of ancient Chios, стр. 167 и сл.). Гарднер отмечает, что с 431 г. до н. э., когда чекан хиосского серебра изменяется, можно отметить постепенную «агрессию» хиосской монетной системы на севере Эгейского моря. По мнению Гарднера, эта «агрессия» прошла три основных этапа: 1) 431—424 гг. до н. э. — во многих городах Пропонтиды в качестве мелкой монеты была принята хиосская драхма; 2) 424—412 гг. до н. э. афинская монетная система, прежде широко распространенная в этом районе, заметно уступает хиосской; хиосский стандарт принят Халкидским союзом; хиосский статер становится образцом для чекана монет большинства городов на южном побережье Фракии; 3) 412—400 гг. до н. э. — период открыто враждебных отношений между Хиосом и Афинами — хиосский серебряный стандарт получает широкое распространение среди городов запада и юга Малой Азии.

События Пелопоннесской войны особенно ярко свидетельствуют о том, каким весом и влиянием пользовалось хиосское государство в общегреческих делах. Для Афин отпадение хиосцев было очень тяжелым ударом. Фукидид (VIII, 15, 1) сообщает, что при известии о восстании Хиоса (τῆς μεγίστης πόλεως μετεσθηνίας) афиняне приняли решение использовать неприкосновенный денежный запас (тысячу талантов), который они сохраняли всю войну. В союзе с богатым и могущественным Хиосом были заинтересованы как Афины, так и Спарта. Известно, что хиосские деньги были большим подспорьем для спартанских военачальников. Спартанцы еще в первые годы войны предпринимали шаги, направленные к тому, чтобы оторвать Хиос от союза с Афинами. Так, в 427 г. до н. э. спартанский военачальник Алкид отпустил на свободу граждан Хиоса и некоторых других городов, а остальных пленных умертвил (см.: Thuc. III, 32, 1—3). В конце войны, когда хиосцы отложились от Афин и попросили у Спарты помощи, спартанцы заключили с ними союз, потому что у хиосцев оказалось не менее 60 кораблей, и их силы вполне соответствовали «ходячей молве» (Thuc. VIII, 6, 4). Отпадение Хиоса от Афин значительно изменило соотношение сил воюющих стран.²⁵

В IV в. до н. э. Хиос сохранял свое богатство и значение. Договор Афин и Хиоса заложил основу Второго Афинского морского союза.²⁶ К возобновлению союза с Афинами хиосцев побудило стремление освободиться от тягостной для них спартанской гегемонии, гнет которой становился все тяжелее (Plut. Lysandr. 13). Вместе с тем союзные отношения со Спартой, вероятно, давали Хиосу очень мало экономических выгод. Однако и связи с Афинами в IV в. до н. э. были менее тесными и сравнительно кратковременными. В этот период Хиос принадлежал к числу влиятельнейших греческих государств.²⁷ Хиосские купцы в IV в. до н. э. удачно конкурировали с афинскими. Хиосский денежный стандарт с конца V в. получает широкое распространение на фракийском побережье, в городах Пропонтиды, на западном и южном берегах Малой Азии. Родос, после основания в 408—407 гг. до н. э., вначале пользовался аттическим стандартом, но затем перешел

²⁵ При вступлении Хиоса в союз со Спартой хиосцы вместе с Родосом и другими союзниками предоставили спартанскому наварху Калликратиду 50 кораблей (Xen. Hell I, 6, 3). О снабжении хиосцами спартанских войск съестными припасами и деньгами см.: Xen. Hell. I, 6, 12 ср.: II, 1, 5.

²⁶ См.: M. N. Tod. A selection of greek historical inscriptions, v. II, Oxford, 1948, № 118.

²⁷ Так, Демосфен (XVIII, 234) объяснял неудачу битвы при Херонее тем, что союзниками Афин к 338 г. до н. э. были жители самых слабых островов, а наиболее сильные государства — Хиос, Родос и Керкира — не оказали афинянам поддержки (ср.: Demosth., IX, 71).

к хиосскому чекану.²⁸ О развитии хиосской торговли в IV в. до н. э. свидетельствует также Аристотель.²⁹

Соперником Хиоса во второй половине IV в. до н. э. становятся уже не Афины, а Родос.³⁰ Однако Хиос и позднее продолжал удерживать свои позиции на средиземноморских рынках.³¹ Папирус III в. до н. э. сообщает об экспорте хиосского вина.³² На прочность и устойчивость торговых связей Хиоса — поставщика лучшего в Греции вина — указывает, по мнению исследователей, и неизменный тип хиосских монет с изображением сфинкса и амфоры.³³

В III в. до н. э. Хиос принимал активное участие в посреднической торговле между Понтом и Египтом.³⁴ О торговых связях Хиоса в III в. до н. э. свидетельствует также список проксенов, среди которых жители важнейших торговых городов.³⁵ В списке названы жители Амфиополя, Самофракия, Византия. Особенно

²⁸ См.: P. Gardner. The financial history of ancient Chios, стр. 169—170. Косвенным свидетельством торгового соперничества хиосцев и афинян в 50-х годах IV в. до н. э. может служить также бегство на Хиос купца, которому угрожала конфискация имущества в Афинах (см.: Demosth., XXXV, 52). Речь, по Блассу, датируется примерно 351 г. до н. э. — это время когда хиосцы уже не входили в число афинских союзников.

²⁹ См.: Aristot. Polit. IV, 1291b, 16—25. В указанной главе Аристотель рассматривает различные сословия. Он называет класс земледельцев, ремесленников, торговцев и моряков, чей труд связан с морем. Среди этих последних Аристотель выделяет моряков, которые служат в военном флоте и в купеческом (το χρηματιστικόν), занимаются транспортом (το πορθμευτικόν) и рыболовством. Аристотель указывает также, что каждая из этих разновидностей особенно многочисленна в некоторых городах — рыболовы в Таренте и Византии, военные матросы — в Афинах, перевозчики в Тенедосе. Моряков, которые служат в торговом флоте, больше всего в Эгине и на Хиосе (ἐμπόριον δὲ ἐν Αἰγίνῃ καὶ Χίῳ).

³⁰ Так, Гарднер отмечает, что в IV в. до н. э. хиосская монетная система одержала верх над афинской в северо-восточных районах Эгейского бассейна. Однако со временем это господство хиосского стандарта стало выражением торгового превосходства Родоса, чеканившего свою монету по хиосскому образцу (см.: P. Gardner. The financial history of ancient Chios, стр. 172).

³¹ В надписях II—I вв. до н. э. мы встречаемся с целым рядом „союзов“ моряков и торговцев, выражающих благодарность магистратам, надзирающим за хиосским рынком (τὸν ἀρχοντα τὸν κατὰ τὴν ἀγορὰν τὸν ναυαρχὸν, ξενοφύλαχος). Упомянуты ναύκληροι, πορθμεῖς и πορθμεύοντες εἰς Εὐρυθράς οἱ ἐπὶ τοῦ λιμένος ἐργασταί. По мнению Робера, ἐργασταί — это commercants, etablis Sur le port. Все эти надписи свидетельствуют о том, что во II—I вв. до н. э. в хиосском порту по-прежнему царил оживление (см.: L. Robert. Trois inscriptions de l'archipel. REG, 42, 1929, стр. 32—38).

³² См.: J. Vanseveren. Inscriptions d'Amorgos et de Chios. Revue de Philologie, XI, 1937, стр. 331, прим. 1 (со ссылкой на Papyri creci e latini Societa Italiana, V, 1918 535).

³³ Там же (ср.: САН, IV, стр. 95).

³⁴ См.: В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 88.

³⁵ См.: J. Vanseveren. Inscriptions d'Amorgos et de Chios, стр. 325 и сл. Вансеверен приводит подробный разбор трех публикуемых надписей. По его мнению, в пользу того, что данные надписи — списки проксенов, а не наемников, свидетельствует торговое значение перечисленных в списке городов. Вансеверен ссылается на списки проксенов из Астипалеи и других городов, подтверждающие правильность его толкования.

широко представлены города Малой Азии. Перечень проксенов свидетельствует о тесных связях Хиоса не только с прибрежными городами (Синопа, Гераклея, Кизик, Лампсак, Антандр, Элея, Фокеея, Эрифры, Теос, Галикарнасс) и островными (Митилена, Астипалея) центрами, но также и с городами, расположенными во внутренних областях полуострова (Сарды, Лаодикия, Тиатир, Алабанды, Ниса, Кабира). В эллинистический период торговля Хиоса с Малой Азией носила, вероятно, устойчивый характер.³⁶ Однако многие из перечисленных проксений могли существовать с очень давних времен, и потому приведенный список, как нам кажется, может характеризовать не только поздние деловые связи Хиоса, но и его торговую деятельность более раннего периода.

Своими торговыми связями с Востоком Хиос, как уже было сказано, очень дорожил и охранял их особенно упорно. Фюстель де Куланж в известной мере прав, утверждая, что Хиос по своим интересам принадлежал более к восточному миру, чем к греческому.³⁷ Так, во время греко-македонского похода на Восток хиосцы открыли ворота Мемнону и оказали сопротивление Александру (Diod., XVII, 29). По сообщению Арриана (II, 1, 1; ср.: 13,5; III, 2, 3—5), Хиос был настроен наиболее персифильски из всех греческих островов. Эти персифильские настроения диктовались прежде всего огромными экономическими выгодами, которые приносили Хиосу его связи с Востоком и его роль посредника в торговле между Востоком и Западом.

Можно с уверенностью утверждать, таким образом, что в течение VI—V и первой половины IV вв. до н. э. Хиос играл заметную роль среди крупнейших торговых городов Эгейского бассейна. Широкий экспорт вина и интенсивная посредническая торговля приносили ему огромные доходы. Экономическое процветание города в указанный период не вызывает ни малейших сомнений.

Хиос, однако, прославился в древности не только своим богатством. Этот остров был также крупнейшим культурным центром уже с очень раннего времени. Автор «Гимна Аполлону Делосскому» называет его своей родиной.³⁸ Хиосцем был знаменитый Главк, изобретатель нового способа обработки железа (см.: Herod. 1, 25; ср.: Athen. V, 210b).

В классический период хиосцы также дали греческой культуре немало прославленных имен. Самыми знаменитыми хиосцами Страбон называет трагического поэта Иона, историка Феопомпа и фи-

³⁶ О наличии тесных, регулярных связей свидетельствует существование объединения «перевозчиков в Эрифры» — πορθμεύοντες εἰς Εὐρυθράς (См.: L. Robert. Trois inscriptions. ..., стр. 38).

³⁷ N. D. Fustel de Coulange. Memoires. ..., стр. 551.

³⁸ Εἰς Ἀπόλλ. 172. Τύφλος ἀνὴρ, οἰκεῖ βι Χίῳ ἐνι παλαιόεσσιν) зоο πασα μετόπισθεν ἀριστεύουσιν αἰδοῖναι — так говорит о себе автор гимна. В древности считали, что слепой муж, создатель гимна в честь Аполлона — Гомер (см. Thuc. III, 104, 4-5).

лософа-софиста Феокрита (см.: Strab. XIV, 1, 35).³⁹ Раскопки показали, что на Хиосе уже в VI в. до н. э. получил развитие своеобразный архитектурный стиль, для которого, в частности, было характерно использование восточных элементов в греческих

39 числу знаменитых хиосцев принадлежали также поэт Кинаит, историк Ксеномед, географ Скимн, ритор Кавкал, брат историка Феопомпа (Athen X, 412B). Хиос был родиной многих известных философов. Хиосцем был Метродор, ученик Демокрита, философ-скептик и врач. Ученик Метродора хиосец Гиппократ был знаменит как знаток астрономии и математики. Уроженцу Хиоса философу Энопиду приписывали создание карты звездного неба (Diod. I, 98). К числу знаменитых хиосцев можно отнести также стоиков Несса, Аристона и Феодора. Подробнее см. об этом: N. D. Fustel de Coulanges. Mémoires..., стр. 565 и сл.; ср.: RE, III, стлб. 2295 и сл.
40 J. Boardman. Chian and early Ionic architecture. The Antiquaries Journal, v. XXXIX, 1959, №№ 3, 4, стр. 196—199, 218.

41 В VI в. до н.э. на Хиосе работали по мрамору скульптор Миккиад, его сын Архерм и внуки Бупал и Атенис. Об этой знаменитой семье сообщает Плиний (N. H. XXXVI, 11—12). По его словам, на постаменте одной из статуй, созданных скульпторами из прославленного семейства, был помещен дистих, в котором говорилось о том, что Хиос знаменит не только вином, но и работами сыновей Архерма, ср.: P. Gardner. The financial history of ancient Chios, стр. 160, прим. 2, где дана следующая попытка восстановления упомянутого у Плиния дистиха:

οὐκ μόνον ἀταγύλλαι Χίος μεγαλύνεται οἴνῃ
ἀλλὰ καὶ Ἀρχέρμου παῖσιν ἐπ' εὐπολάμοις.

Среди потомков Архерма особой известностью пользовался Бупал. Он первый создал статую Тюхе для жителей города Смирны. Сообщая об этом, Павсаний называет Бупала художником искусным как в сооружении храмов, так и в изображении живых существ (см.: Paus. IV, 30, 6; ср.: IX, 35, 6 и 7). Позднее славу Хиоса умножили скульпторы Сострат и его сын Пантий (см.: Paus. VI, 9, 3).

42 На одной из этих stel, относящейся к эллинистическому времени, приведено краткое изложение отрывка из второй книги Илиады (см.: M. N. Tod.

The progress of greek epigraphy, 1952—1953. JHS, 75, 1955, стр. 142). Другая стела представляет собой сборник эпиграмм самого различного содержания. Одна из эпиграмм, в частности, содержит перечень самых больших островов Греции. Трипанис, по мнению которого сборник эпиграмм скорее всего школьное пособие, датирует надписи III—II вв. до н. э. (см.: C. A. Trypanis. A new collection of epigramms from Chios. Hermes, 88, 1960 стр. 69 и сл.).

ней Греции.⁴³ Выражение «vita Chia» — «хиосская жизнь» в значении «роскошная, изобильная жизнь» вошло в поговорку даже у римлян (Petron. Sat. 63).

Итак, при самом беглом знакомстве с источниками, отражающими различные стороны жизни хиосцев, в глаза бросается исключительное благосостояние жителей острова, послужившее базой культурного и политического расцвета хиосского государства. Хиос как в период расцвета Ионии, так и в более позднее время представлял собой один из наиболее развитых полисов Греции.

Античная традиция о хиосском рабстве

«Цветущий остров», «богатейшие из эллинов» — так характеризуют источники благосостояние хиосцев. В источниках мы можем найти также интересный материал, представляющий большую ценность и для исследователей античного рабства. Древние авторы подчеркивают значительное развитие рабовладения на Хиосе. Традиция даже приписывает Хиосу роль пионера в использовании труда покупных рабов-чужеземцев.

Уроженец Хиоса Феопомп сообщает о хиосском рабовладении следующее:⁴⁴ «Хиосцы первые из эллинов после фессалийцев и лакедемонян стали пользоваться рабами. Однако способ приобретения рабов был у них отличным и от фессалийцев, и от лакедемонян». Далее Феопомп разъясняет, в чем собственно состоит своеобразие способа приобретения рабов у хиосцев: «Лакедемоняне и фессалийцы обратили в рабство эллинов, ранее населявших страну, которой они теперь обладают, лакедемоняне ахейцев, фессалийцы перребов и магнетов — и называли порабощенных: первые илотами, вторые пенестами. Хиосцы же приобретали себе рабов-варваров за плату».

Представление о том, что хиосцы первые среди греков стали пользоваться покупными рабами, мы находим также и в бо-

43 По сообщению Гесихия, в Греции особый род мужской обуви назывался χιαί (см.: Hesych., s. v. χιαί). В источниках мы встречаем также глагол χιάζειν — в значении «подражать хиосцам, играть на музыкальных инструментах, как хиосцы» (см.: Aristoph. fr. 912; ср.: Poll. IV, 65). В Греции подражали не только одежде хиосцев и их игре на музыкальных инструментах. Славилась также кухня хиосцев. Об искусстве хиосских кулинаров сообщает Афиней (Athen. I, 25f). Особой известностью пользовалось хиосское вино.

44 Athen. VI, 265bc = F.gr. Hist., 2 T., B, № 115, fr. 122, стр. 564. „Χῖοι "–ῥῳτοὶ τῶν Ἑλλήνων μετὰ θετταλοῦς καὶ Αἰαχεδαμῖονίους ἐχρησάντο δούλοις, τὴν μὲντοι χτήσιν αὐτῶν οὐ τὸν αὐτὸν τρόπον ἐχέινους <ἐποιήσαντο>. Λαχεδαμόνιοι μὲν γὰρ καὶ θετταλοὶ φανήσονται χατασχευασάμενοι τὴν δουλείαν ἐκ τῶν Ἑλλήνων τῶν οἰχόντων πρότερον τὴν χώραν ἣν ἐχέινου νῦν ἔχουσιν, οἱ μὲν Αἰαχίων, θετταλοὶ δὲ Περραιβῶν καὶ Μαγνητῶν, καὶ προσήγορευσαν τοὺς χαταδουλωθέντας οἱ μὲν εἰλωτας, οἱ δὲ πενέστας. Χῖοι δὲ βαρβάρους χέχτηνται τοὺς οἰγέτας καὶ τιμὴν αὐτῶν χαταβάλλοντες”.

лее поздней традиции — у Посидония⁴⁵ и Стефана Византийского.⁴⁶

Раннее развитие Ионии дает основание предположить, что и в области применения рабского труда ионийские города намного опередили материковую Грецию.⁴⁷ Однако, насколько правильна традиция, выделяющая Хиос как пионера новых форм рабовладения, судить трудно.

Попробуем все же проследить корни этой традиции у Феопомпа. Древнейший период развития Хиоса известен нам лишь очень приблизительно. Раннее население острова, как и всей Ионии, составляли лелеги и пеласги.⁴⁸ Легенда, которую Павсаний (VII, 4, 8—9) заимствовал у хиосского трагического поэта Иона, так объясняла происхождение названия острова: в давние времена на этот остров, бывший тогда безлюдным, прибыл Посейдон с одной из нимф. Здесь нимфа родила сына, и Посейдон назвал его Хиосом, потому что во время его появления на свет на землю выпал снег (ср.: St. Byz., s. v. Χίος). Раннюю колонизацию Хиоса та же легенда приписывала критянину Энопиону с сыновьями.⁴⁹ В царствование Энопиона, сообщает Ион, на остров прибыли карийцы и абанты из Эвбеи.⁵⁰

В хиосском диалекте, как отмечает Бузольт, эта легенда о доионийской колонизации острова находит себе подтверждение: в языке хиосцев явственно проступают эолийские формы. По-видимому,

⁴⁵ См. Athen. VI, 266f οὕτως αὐτοῖς (т. е. на хиосцев) ἀληθῶς τὸ δαμόνιον ἐμήνισε πρῶτοις χρόνοις ἀνηγόρευσε ἀνδραπόδοις τῶν πολλῶν αὐτοῦργων ὄντων κατὰ τὰς διαχρονίας. О тенденции Афиней, для которой он использует в своем сочинении отрывки из Феопомпа и Посидония, см. стр. 190.

⁴⁶ См.: St. Byz., s. v. Χίος — οὗτοι δὲ πρῶτοι ἐχρήσαντο θεράπουσιν, ὡς Λαχεδαίμονιοι τοῖς Εἰλώσι καὶ Ἀργεῖοι τοῖς Γυμναίοις καὶ Σικυώνιοι τοῖς Κορυνθίοις καὶ Ἰταλιῶται τοῖς Πελαγοῖς καὶ Κρήτες. Μνωῖταις.

⁴⁷ О раннем периоде истории Ионии см. главу IV.

⁴⁸ По сообщению Страбона, хиосцы считали колонизаторами острова (οἰκιστὰς αὐτῶν) пеласгов из Фессалии (Strab. XIII, 3, 3). См. также об этом: RE, III, стлб. 2295. О лелегах—раннем населении Хиоса и Самоса, см.: G. Busolt. Griechische Geschichte, Bd. I, Gotha, 1893, стр. 183, прим. 3; ср.: Дж. Томсон. Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958, стр. 164.

⁴⁹ Легенда о прибытии Энопиона на Хиос приведена и в надписи II—I вв. до н. э. (см.: N. M. Condoleon. Inscriptions de Chios. Revue de Philologie, XXIII, fasc. 1, 1949, стр. 6 и сл.). В надписи, однако, у сыновей Энопиона не традиционные имена. Кондолеон отмечает, что как в имени самого Энопиона, так и в именах его сыновей (Тал, Эванф, Мелан и др.) явственно проступает связь с культурой винограда и виноделием; по одному из вариантов мифа Энопион — сын Ариадны и Радаманта, по другому — Ариадны и Диониса, от которого он научился искусству виноделия.

⁵⁰ Диодор (V, 84), у которого приведены различные варианты легенды, относит воцарение Энопиона на Хиосе ко времени, предшествующему Троянской войне (πρὸ τῶν Τροϊκῶν). Распространение и усиление карийцев, по его мнению, произошло после взятия Трои. О колонизации Ионии абантами с острова Эвбеи см.: Herod. I, 146.

эолийцы, к которым и принадлежат абанты, владели островом до того, как он был освоен ионийцами.⁵¹

У Иона Павсаний заимствовал также сообщение о том, что после Энопиона с сыновьями власть над хиосцами принял Амфикл, прибывший из Гестиеи на Эвбее в соответствии с пророчеством дельфийского оракула. При одном из потомков Амфикла — Гекторе, вспыхнула война с абантами и карийцами — доионийским населением Хиоса. Наши известия об этой войне ограничиваются лишь теми сведениями, которые Павсаний извлек у Иона. Мы узнаем, что Гектор перебил часть своих противников, остальные покинули остров по «договору с царем». После окончания войны Гектор принес жертвы в панионийском святилище.⁵² С этого времени Хиос, по-видимому, становится членом Ионийского союза городов.

Трудно сказать, насколько достоверна история борьбы Гектора с абантами и карийцами. Доионийская колонизация острова, как уже было отмечено, оставила свои следы в языке хиосцев. Прослеживается она и в религиозных культах Хиоса.⁵³ В исторические времена население Хиоса уже не сохраняло, по-видимому, каких-либо этнических различий. Отсутствовали также категории (и даже следы) зависимого населения, подобного пенестам и илотам. Однако хиосские предания сохранили, очевидно, память о борьбе с ранними обитателями Хиоса, с которыми ионийские поселенцы, как о том свидетельствует язык хиосских надписей, составили в дальнейшем единое этническое целое.

Нам представляется, что легенда об уничтожении раннего доионийского населения могла быть использована хиосской исторической традицией для объяснения особенностей хиосского рабовладения. Как уже говорилось выше, в сохранившемся отрывке из сочинения Феопомпа указывается, что хиосцы первыми из эллинов стали использовать покупных рабов, так же как спартанцы и фессалийцы использовали уже прежде труд илотов и пенестов.

Как кажется, эти отрывки хиосской исторической традиции, сохранившиеся от Иона и Феопомпа, имеют внутреннюю логическую связь. В историческом сочинении Феопомп вполне естественно должен был рассматривать вопрос о причинах, приведших к интенсивному развитию рабства. В этой связи хиосский историк мог использовать и те легенды, которые дошли до нашего времени в передаче Иона. Именно потому, что на Хиосе отсутствовало автохтонное население, хиосцы стали приобретать покупных рабов.

⁵¹ G. Busolt. Griechische Geschichte, Bd. I, стр. 313—314; ср.: N. M. Condoleon. Inscriptions de Chios, стр. 6 и сл.

⁵² Павсаний (VII, 4, 9—10) так заключает по поводу заимствованных им у трагического поэта сведений: «Вот что я нашел у Иона относительно Хиоса. Однако по какой причине хиосцы причисляются к иониянам, он не говорит». Геродот (I, 142) тем не менее безоговорочно относит Хиос к числу ионийских городов (Ἴάοις πόλεις).

⁵³ См.: G. Busolt. Griechische Geschichte, Bd. I, стр. 314.

Так, вполне возможно, хиосская историческая традиция могла трактовать вопрос о причинах, вызвавших раннее развитие привозного рабства на Хиосе.

Вполне очевидно, что это стремление выяснить причину появления большого числа рабов возникло уже в тот период, когда рабовладение на Хиосе достигло высокого уровня развития.

По-видимому, уже в VI в. до н. э. рабство играло значительную роль в жизни острова. В одной из хиосских надписей, датируемой, по шрифту, последней третью VI в. до н. э., мы встречаем некоего Фила, вольноотпущенника⁵⁴ —

Φίλης ἀνέθηκεν δεκάτην τῶν
Ἀρίστωνος ἐξελεύθερος.⁵⁵

Как отмечает издатель надписи Форрест, интерпретация текста затруднена необычной конструкцией фразы. Можно связать τῶν Ἀρίστωνος и с δεκάτης, и с ἐξελεύθερος: «Фил вольноотпущенник, посвятил десятую часть имущества Аристона», или, что представляется нам более вероятным, «Фил, вольноотпущенник, из числа вольноотпущенников Аристона».⁵⁶ В любом случае упоминание о вольноотпущеннике в столь ранней надписи представляет большой интерес. Появление вольноотпущенничества, конечно, свидетельствует о том, что к концу VI в. до н. э. на Хиосе уже существовали развитые формы рабовладения.⁵⁷

В V в. до н. э. хиосское рабство привлекало к себе пристальное внимание современников. Мы располагаем в этой связи вполне определенным свидетельством Фукидида. По его словам, «У хиосцев было множество рабов, больше, нежели в каком бы то ни было другом государстве» (Thuc. VIII, 40, 2). На основании свидетельства Фукидида (к более обстоятельному разбору этого свидетельства мы еще вернемся) можно предположить, что к V в. до н. э. Хиос выделялся среди других греческих государств как один из крупнейших рабовладельческих центров.

Итак, можно отметить раннее развитие рабовладения на Хиосе. Нельзя упускать из вида, что античная историография выделяла

⁵⁴ См.: W. G. Forrest. The inscriptions of south-east Chios. BSA, 58, 1963, № 3, стр. 54.

⁵⁵ По определению Гесихия: ἐξελεύθεροι οἱ τῶν ἐλευθερουμένων υἱοί. У Гарпократиона (Нагроск., s. v.) ἐξελεύθερος — свободный человек, обращенный в рабство и затем отпущенный. Гарпократион указывает на отличие терминов ἐξελεύθερος и ἀπελεύθερος. Ἀπελεύθερος — раб, отпущенный на волю. Впрочем, установив отличие, Гарпократион замечает: ἐστὶ δ' ὅτε καὶ οὐ διαφέρουσιν (см.: Liddel — Scott, s. v. ἐξελεύθερος).

⁵⁶ Форрест не исключает и еще одну возможность толкования Φίλης τῶν Ἀρίστωνος ἐξελεύθερος — „Фил, член союза οἱ Ἀρίστωνος, вольноотпущенник“. Однако эта последняя конструкция представляется искусственной, а параллель с δεκάς Παριένοντος (L. Robert. BCH, 59, 1935, стр. 453 и сл.) — неубедительной.

⁵⁷ В поэмах Гомера упоминания о вольноотпущенниках отсутствуют (см.: RE, VII, 1912, Freiglassene, стлб. 95).

Хиос из числа других рабовладельческих государств древности, подчеркивала особую роль Хиоса в развитии греческого рабовладения. В какой мере свидетельства античных авторов заслуживают доверия — это один из основных вопросов при изучении проблемы рабства на Хиосе. Однако, прежде чем приступить к нему, скажем несколько слов об источниках хиосского рабства.

Хиосская торговля как источник рабства

За всю историю Хиоса жители его почти не вели войн для захвата чужих территорий. Безрезультатная война с Эрифрами (о ней см. ниже), захват Маронеи — этим по существу ограничиваются завоевательные походы хиосцев. Главным источником, пополнявшим резервы хиосских рабов, была торговля. Можно полагать, что хиосцы не только закупали рабов для собственных нужд. Они вели также широкую посредническую торговлю, поставляя невольников в различные греческие государства. Наряду с Коринфом и Эгиной Хиос был крупнейшим рынком рабов Греции.⁵⁸ При всей скудости наших сведений можно с уверенностью сказать, что среди различных товаров, в поисках которых хиосские купцы осваивали Средиземное море, значительное место занимали рабы.

В Греции, в частности в Афинах, в V—IV вв. до н. э. основную массу иноплеменных рабов составляли невольники с Востока — из Пафлагонии, Сирии, Лидии и Фригии, а также рабы из Иллирии, Фракии и Скифии.⁵⁹ Рабы из всех этих стран были в Греции настолько привычным явлением, что этнические наименования — Λυδός, Καρίων, Φρύξ, Σύρος, Παφλάγων — стали обычными рабскими именами.⁶⁰ Среди купцов, поставлявших карийцев, лидийцев, фригийцев, пафлагонцев, фракийцев и скифов на рабские рынки Греции, видное место, несомненно, занимали хиосские работоторговцы. Хиосский купец, промышляющий торговлей «живым товаром», был, очевидно, знакомой фигурой в греческих торговых городах. С одним из них нас знакомит Геродот (VIII, 105). По его словам, Πανιώνιος ἀνὴρ Χίος добывал себе средства к жизни ἀπ' ἐργῶν ἀνοσιωτῶν — он скупал красивых мальчиков, оскотливлял их и продавал в Эфес и Сарды за большие деньги. Этот промысел Паниония приносил ему огромную прибыль, так как «у варваров, — сообщает Геродот, — евнухи были в большой цене».

Пример Паниония свидетельствует о том, что посреднические

⁵⁸ См., например: G. F. Schoemann. Griechische Alterthümer, neu bearbeitet von J. H. Lipsius, v. I. Berlin, 1897, стр. 366.

⁵⁹ См.: W. L. Westermann. The slave systems of greek and roman antiquity. Philadelphia, 1955, стр. 7.

⁶⁰ См.: С. И. Соболевский. Аристофан и его время. М., 1957, стр. 297 и сл. На Восток, вероятно, пробирались беглые афинские рабы из Пирея, которых хиосец Ксенократ возвратил их владельцу. Об этом сообщает почетный декрет III в. до н. э., изданный афинянами в честь Ксенократа (SEG, III, 92).

операции хиосских купцов не ограничивались сбытом рабов-варваров с Востока в греческие города. Хиос, подобно другим торговым центрам, расположенным в непосредственной близости от «варварской» периферии, занимался также перепродажей греков в восточные страны.

По свидетельству античных авторов, хиосцы первыми из всех греков начали использовать труд покупных рабов-варваров. Эти сообщения вне всякого сомнения свидетельствуют о ввозе на Хиос покупных рабов из «варварских» стран.⁶¹

Среди «варваров», составлявших основной контингент хиосских невольников, большую часть, вполне естественно, составляли жители соседних восточных стран.⁶² Об этом свидетельствуют имена рабов, перечисленных в хиосской надписи, датированной концом V—началом IV в. до н. э.⁶³ Здесь уже знакомые нам Φρόδ, Σύρος, Παφλάγωνίδης (от Παφλάγων), Κιλίκας. Эти имена прямо указывают на этническую принадлежность рабов. Все они — с Востока. Часть других имен также доказывает восточное происхождение невольников. Из Персии прибыли Οιβάρης и Ἀρτύρης, из Фригии—Μίδας, Μάνιπλος, Τιβεῖος.

Разногласия вызывает упомянутое в надписи имя Τύργαστος. Плассар и Пикар считают его персидским. По мнению Робера, раб с таким именем был доставлен на Хиос с южного побережья Черного моря; Бенвенист, мнение которого приводит Робер, напротив, полагает, что Τύργαστος — имя фракийско-фригийское. Трудно отдать предпочтение какому-нибудь из этих районов — ведь и Персия, и Понт, и Фракия снабжали Хиос рабами. На фракийское происхождение одного из рабов, упомянутых в той же надписи, указывает имя Γηρύς. Этническую принадлежность остальных рабов определить невозможно. Греческие имена, среди них специфические рабские — Εδδρόμος, Παριένων, Ἀρτέμων, могли носить рабы, привезенные из самых различных областей Средиземноморья. Особый интерес вызывает имя "Εφεσος, точно указывающее на происхождение раба.⁶⁴ Но этническая принадлежность

⁶¹ βαρβάρους κέκτηνται τοὺς οἰκέτας — по сообщению Феопомпа (Athen. VI, 265c).

⁶² Жители соседних «варварских» стран составляли основную массу рабов во всех ионийских городах (см.; В. Büchschütz. Besitz und Erwerb im griechischen Alterthume. Halle, 1869, стр. 116).

⁶³ Надпись впервые была опубликована Золотасом (Ἀθηνά, 1908, стр. 219). Исправленный текст надписи с комментариями был напечатан Плассаром и Пикаром (A. Plassart et Ch. Picard. Inscriptions d'Ionie. BCH, 37, 1913, стр. 221, № 30). Эти издатели высказали предположение, что надпись представляет собой список имен рабов, а также определили этническую принадлежность имен негреческого происхождения. Исчерпывающий анализ надписи был дан Робером (см.: L. Robert. 1) Sur des inscriptions de Chios, стр. 453—495; 2) Etudes epigraphiques..., стр. 118—126, где комментарий к надписи был расширен).

⁶⁴ Ср.: L. Robert. Etudes epigraphiques..., стр. 119, прим. 1, где приведены примеры, свидетельствующие о том, что имя "Εφεσος могли носить

этого эфесца также неясна — он мог быть не только греком, но и лидийцем. В любом случае эфесец был куплен хиосскими купцами на Востоке, откуда были родом тысячи других хиосских рабов.

В результате энергичной деятельности хиосских работорговцев на Хиосе в течение VI—V вв. до н. э. скопилось множество невольников, находивших широкое применение в хозяйственной жизни острова.

Численность хиосских рабов

Развитое рабовладение, упоминаемое нашими источниками, было той базой, на которой покоилось благосостояние острова. По выражению Фюстеля де Куланжа, хиосское рабовладение является подтверждением тезиса — всяким процветанием города древности обязаны рабству.⁶⁵ К сожалению, все наши прямые сведения о рабстве на Хиосе ограничиваются или почти ограничиваются приведенными выше отрывками. И все же данные источников, при всей их скудости, дают возможность сделать целый ряд наблюдений. Бесспорно то обстоятельство, что развитие рабства на Хиосе в V—IV вв. до н. э. представлялось современникам явлением настолько исключительным, что, по мнению одних (Феопомп), хиосцы первые ввели пользование покупными рабами, по мнению других (Фукидид), обладали огромным количеством рабов, уступая в этом отношении только Лакедемону.

Рассмотрим подробнее это любопытное свидетельство Фукидида. Оно непосредственно связано с рассказом о событиях, последовавших за вторжением афинян на Хиос в ответ на отпадение хиосцев от Афинского морского союза (VIII, 40, 1—2). Фукидид сообщает о том, что «хиосцы и Педарит» (глава хиосских олигархов) обратились за помощью к спартанцам. Хиосские олигархи жаловались на то, что величайший из союзных спартанцам городов заперт с моря и подвергается разбойничьим набегам с суши. Далее следует комментарий Фукидида: «Дело в том, что у хиосцев было множество рабов, больше, чем в каком бы то ни было другом государстве кроме Лакедемона, которые именно вследствие их многочисленности подвергались за всякие проступки слишком жестоким наказаниям. Поэтому лишь только оказалось, что афиняне прочно утвердились за своими укреплениями, многие рабы тотчас же перебежали к ним и благодаря знанию местности причиняли стране величайшие бедствия».⁶⁶

и свободные. Робер приводит также наблюдение Варрона об именах рабов: Varron. De lingua lat., VIII, 21 — sic tres cum emerunt Ephesi singulos servos, nonnunquam alius declinat nomen — a regione quid ibi emit, ab Ionia Ionam, alius quod Ephesi Ephesium. По мнению Робера, имя "Εφεσος дано в хиосской надписи как Ephesios (эфесец).

⁶⁵ N. D. Fustel de Coulange. Memoires..., стр. 525.

⁶⁶ οἱ γὰρ οἰχέται τοῖς Χίοις πολλοὶ ὄντες καὶ μὴ γε πόλει πλὴν Λακεδαιμονίων πλείστοι γενόμενοι καὶ ἀμαρτία το πλῆθος χαλεπωτέρως ἐν ταῖς ἀδιχαίαις χολαζόμενοι κτλ.,

Отметим, что весь этот отрывок свидетельствует о необычном для Фукидида пристальном внимании к рабам. Они не только выступают участниками интересующих его событий. Фукидид, что ему совсем не свойственно, уделяет внимание и причинам активности хиосских рабов, подчеркивая чрезмерную суровость обращения хиосцев с их многочисленными невольниками. Но особенный интерес представляет утверждение Фукидида, что рабов на Хиосе было больше, чем в каком-либо другом государстве.

В современной литературе это свидетельство Фукидида обычно подвергается сомнению. Так, Финли полагает, что Фукидид имеет в виду лишь значительное преобладание числа рабов на Хиосе над числом свободных.⁶⁷ По подсчетам Андреадиса, Хиос не смог бы одновременно прокормить более ста тысяч рабов.⁶⁸ Большинство исследователей придерживается цифр, установленных Белохом: 100 тысяч рабов на 30 тысяч свободных.⁶⁹

Примерно то же число рабов (от 73 до 150 тысяч) устанавливают и для Афин — крупнейшего рабовладельческого центра в классический период.⁷⁰ Даже если принять подсчеты Белоха, число хиосских рабов оказывается ничуть не большим, чем число рабов в Афинах. Нам, однако, представляется, что общая цифра хиосского населения — 130 тысяч — несколько завышена. Современный остров Хиос насчитывает всего 75 680 жителей. При этом

⁶⁷ M. I. Finley. Was greek civilization based on slave labour? Historia, Bd. VIII, 1959, стр. 151; ср.: W. L. Westerman. The slave systems. ..., стр. 9.

⁶⁸ A. M. Andreades. A History of Greek public finance. Cambridge, 1933, стр. 289, прим. 7.

⁶⁹ J. Beloch. Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt. Leipzig. 1886, стр. 234; ср.: К. М. Колобова. Термин οὐχέτης, стр. 192, прим. 14. В противоположность Белоху Валлон считал, что число рабов на Хиосе могло достигать до 200 тысяч (см.: Н. Wallon. Histoire de l'esclavage, I, стр. 232—233). Некоторые исследователи пытаются использовать при определении численности хиосского населения данные Геродота (VI, 8) о составе участников битвы при Ладе (см.: N. D. Fustel de Coulange. Memoires..., стр. 537; C. Roebuck. Ionian trade..., стр. 22 и сл.). По мнению Фюстеля де Куланжа, флот из 100 кораблей должен был насчитывать 20 тысяч матросов и 4 тысячи солдат. По этому поводу Фюстель де Куланж замечает: «Если все это были граждане, то каково должно было быть население острова? Если все гребцы были рабами, каково должно было быть богатство острова?» Сообщение Геродота о 100 кораблях, выставленных хиосцами, конечно, может служить подтверждением благосостояния острова. Но на основании этого свидетельства трудно делать какие-либо выводы о численности свободного или рабского населения Хиоса. Хиосцы, подобно всем грекам, предпочитали, вероятно, набирать команды кораблей из числа свободных людей. Набор рабов в армию и флот производился лишь в крайних случаях и сопровождался освобождением (или обещанием освобождения) от рабства. Возможно, что какая-то часть наиболее надежных рабов могла быть посажена на весла. По данным Геродота, однако, нельзя определить ни число рабов, ни число свободных граждан: греки нередко нанимали свободных гребцов за плату в других городах (см.: Thuc. I, 31, 1).

⁷⁰ См.: Я. А. Ленцман. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963, стр. 29—38, где приведена сводка различных точек зрения по этому вопросу.

22 122 — это население города Хиоса.⁷¹ Конечно, современный Хиос в отличие от античного — это отсталый и заброшенный район. Однако цифра 75 680 все же может послужить хотя бы примерным ориентиром.⁷² Она свидетельствует скорее о том, что 130 тысяч населения античного Хиоса — число завышенное.

В любом случае самые общие подсчеты как будто бы уличают Фукидида в неточности. По нашему мнению, это явное преувеличение, не свойственное спокойному перу Фукидида, нуждается в объяснении. В самом деле, можно ли считать, что Фукидид, писатель трезвый и рассудительный, переоценил число хиосских рабов случайно. Более вероятно, что «заблуждение» Фукидида было вызвано какими-либо специфическими чертами хиосского рабовладения. Определить эти специфические черты мы сможем, лишь рассмотрев внимательно все отрасли хозяйственной жизни Хиоса, в которых труд рабов мог получить широкое применение.

Труд рабов в ремесле и горном деле

Торгово-ремесленный профиль Хиоса определился к VII в. до н. э. В этот период получили развитие различные ремесла. Изделия изготовлялись как для внутренних нужд острова, так и на вывоз. Уже в очень раннее время высокое развитие металлургии дало возможность хиосцам сказать новое слово в развитии техники обработки железа. Хиосец Главк, как об этом свидетельствует Геродот (I, 25), открыл новый способ обработки — спаивания — железа (σπῆρου κόλλησις). Серебряный кратер с железной спаянной подставкой работы Главка Алиатт, царь Лидии, посвятил в Дельфы.⁷³

К VII в. до н. э. на Хиосе большого расцвета достигло керамическое производство. При раскопках храма Аполлона Фанейского была обнаружена керамика геометрического стиля с белым ангобом.⁷⁴ Такие же сосуды уже и прежде находили в Навкратисе. Сходство находок дало возможность говорить о том, что Хиос к VI в. до н. э. был уже поставщиком керамики в Навкратис. Предполагают также, что эта навкратийская керамика могла быть произведена обосновавшимися в Египте хиосскими гончарами.⁷⁵ Среди хиосской керамики славились большие со-

⁷¹ См.: Encyclopaedia Britannica, 5, 1957, стр. 592; ср.: The Encyclopedia Americana, 6, 1963, стр. 561, где приведены цифры 72 777 и 26 617.

⁷² Цифрой населения современного Хиоса в качестве ориентира пользуется и Рэбак при оценке данных Геродота (VI, 8) о числе хиосских моряков, участвовавших в битве при Ладе (см.: C. Roebuck. Ionian trade..., стр. 22 и сл.).

⁷³ Имя Главка пользовалось в древности большой известностью. Его творение было увековечено Гегесандром из Дельф, составившим описание лучших дельфийских посвящений (см.: Athen. V, 210b).

⁷⁴ См.: W. Lamb. Excavations at Kato Phana in Chios. BSA, 35, 1934, стр. 138 и сл.

⁷⁵ См.: К. М. Колобова. Греки в Египте, стр. 250 и сл.

суды — *καδοί* (Plin. N. H. XXXVI, 59; Luc. Ver. Hist. II, 40)⁷⁶ и *οταχνά* (Hesych., s. v.), а также килики, описание которых оставил комический поэт Гермипп (V в. до н. э.) (Athen. XL 480e). Славилась также и хиосская мебель. Поэт Критий (Athen. XI, 486e) называет в числе лучших *κλίνη Χιουρής* и воспекает красоту милетского и хиосского ложа (Athen. I, 28b). Среди других изделий хиосского ремесла, пользовавшихся большим спросом во всех греческих городах, можно назвать хиосскую обувь. Особый вид мужской обуви, изготовленной в хиосских мастерских, так и назывался *χιαί* (Hesych. s. v.).

Гордостью хиосцев был знаменитый хиосский пурпур. Известно, что Александр обратился с требованием прислать ему пурпур ко всем ионийским городам и в первую очередь к Хиосу (Athen XII. 539f).

Широкая известность, которую снискали себе многочисленные изделия хиосских ремесленников, без сомнения, свидетельствует о высоком уровне развития хиосского ремесла. Можно думать, что в многочисленных ремесленных мастерских Хиоса, изготавливавших обувь и пурпур, мебель, изделия из глины и из металла, труд рабов находил себе достаточно широкое применение.⁷⁷ Трудно, однако, представить себе, чтобы число рабов, занятых в ремесле, было значительным. В этой отрасли использования рабского труда Хиос несомненно уступал Афинам времени Фукидида.

В Афинах одной из самых многочисленных была категория рабов, использовавшихся в рудниках и каменоломнях.⁷⁸ На Хиосе известны богатые месторождения мрамора очень высокого качества (Plin. N. H. XXXVI, 46, 132). Прекрасные свойства хиосского мрамора, который с трудом можно отличить от знаменитого паросского,⁷⁹ уже в VI в. до н. э. прославила знаменитая семья скульпторов с острова Хиос, о которой уже упоминалось выше. Мрамор составляет одну из главных пород невысоких хиосских гор, протянувшихся во всю длину острова. На Хиосе были найдены старые каменоломни, часть которых несомненно относится к античному периоду.⁸⁰ Мы с полным правом можем утверждать, что добыча мрамора в хиосских каменоломнях была делом рабов. Но в хозяйственной жизни Хиоса мраморные каменоломни не играли такой важной роли, как Лаврийские рудники в Аттике, а следовательно, и число рабов, занятых в каменоломнях, вряд ли могло быть чрезмерно большим.

⁷⁶ RE, III, стлб. 2294.

⁷⁷ См.: W. L. Westermann. The slave systems. . . , стр. 4.

⁷⁸ См.: S. Lauffer. Die Bergwerkssklaven von Laureion, v. II, Wiesbaden, 1956, стр. 161. Число рабов в лаврийских рудниках могло достигать до 35 тысяч человек.

⁷⁹ См.: P. Gardiner. The financial history of ancient Chios, сто. 160.

⁸⁰ О каменоломнях на Хиосе сообщают многие авторы, см.: Theophr. De lapid. I, 6; Strab. XIV, I, 35; Plin. N. H. XXXVI, 46.

Итак, уровень ремесла на Хиосе, так же как и наличие античных каменоломен, свидетельствует о применении труда рабов в ремесленных мастерских и в горном деле. Но нет никаких оснований усматривать в этих видах использования труда рабов какие-либо специфические особенности Хиоса, вследствие которых Фукидид мог столь явно переоценивать численность хиосских рабов.

Сельское хозяйство Хиоса

В хозяйственной жизни Хиоса значительное место занимало земледелие. Фукидид называет страну хиосцев *καλώς κατασκευασμένη* (VIII, 24, 3). О плодородии Хиоса говорит и Ксенофонт (Hell. II, 1, 1). По его словам, лакедемонское войско, находившееся на острове после битвы при Аргинусах, пока было лето, *αλο τε της ωρας έτρέφοντο*. С. Я. Лурье переводит это выражение: «кормились плодами земли, в изобилии произрастающими в это время года».

Природные условия острова способствовали занятиям земледелием. Климат острова ровный и мягкий. Зимой здесь редко наступают морозы. Летом, в течение июля и августа резкие северные ветры, которые доходят до Хиоса как легкий бриз, смягчают жару. Известковая почва Хиоса вполне пригодна для разведения специализированных культур.

Зерновых культур на острове сеяли мало. Хиосу, как и многим другим греческим городам, своего хлеба не хватало.⁸¹ Главную роль в сельском хозяйстве Хиоса играли специализированные культуры. Разводили оливки,⁸² но главным образом для собственного употребления: среди предметов хиосского вывоза оливковое масло занимало скромное место.⁸³ Из плодовых деревьев, которые выращивали хиосцы, преобладали фиги (Plin. N. H. XV, 69) и груши (Plin. N. H. XVII, 237). Большой доход приносила также ароматическая смола мастикового дерева (особый сорт хвойных), отличавшаяся замечательными целебными свойствами (Plin. N. H. XII, 72).⁸⁴

⁸¹ См.: Ксенофонт. Греческая история. Перевод, вступительная статья и комментарий С. Лурье. Л., 1935, стр. 24; ср.: Liddell-Scott, 8. v. *ωρα*, В, III (-*ωραῖα*). The produce of season, fruits of the year, со ссылкой на употребление этого слова у Ксенофонта в интересующем нас отрывке.

⁸² См.: С. Roebuck. Ionian trade. . . , стр. 23.

⁸³ Рассказ о Фалесе Милетском, который заключил контракт на все маслосеяние Милета и Хиоса, предвидя большой урожай, свидетельствует о развитии оливководства в этих государствах (см.: Aristot. Polit. I, 1259a, 6 сл.).

⁸⁴ См.: Fustel de Coulange. Memoires. . . , стр. 484.

⁸⁵ Афиней сообщает о том, что один из лучших сортов фиговых деревьев, разводившихся в Риме, назывался хиосским (*Χία* (см.: Athen. III, 75f)).

⁸⁶ Лакруа отмечает (L. Lacroix. lies de la Grece, Paris, 1853, стр. 261), что среди хиосских достопримечательностей XIX в. особенно выделяется вино и ароматическая смола. Мастиковые деревья растут также на Самосе и Лесбосе, но хиосская смола гораздо выше по качеству. Ср.: N. D. Fustel de Coulange. Memoires. . . , стр. 486.

Сельскохозяйственные продукты с очень раннего времени были предметом вывоза хиосцев.⁸⁷ Особое место в экспорте хиосцев занимало знаменитое хиосское вино. Виноградарство и виноделие было широко распространено по всей Греции. Большой известностью пользовались вина Родоса, Книда, Минда, Коса и Лесбоса. Однако самым лучшим считалось вино, изготавливаемое хиосцами. Особенно славилось вино из области Ариуса, расположенной в северо-западной части острова.⁸⁸ Виноделие было гордостью Хиоса. Феопомп приписывал хиосцам приоритет в изготовлении высоко-сортного темно-красного вина (Athen I, 26bc).⁸⁹

Хиосцы сделали виноделие своей эмблемой. На монетах Хиоса рядом с фигурой сфинкса красовалась как реклама известная всему греческому миру амфора, в которой хиосцы перевозили свое вино. Эта эмблема, рекламирующая хиосское вино, стойко держалась на хиосских монетах, что свидетельствует как о прочности торговых связей Хиоса, так и о том, что главным продуктом хиосского экспорта было и оставалось вино.⁹⁰

На соседний, восточный материк хиосцы начали вывозить свое вино уже в VIII в. до н. э.; тогда же их хозяйство начинает приобретать специализированный характер.⁹¹ Хиос был крупнейшим поставщиком вина в Греции не только в классический период, но и в более позднее время. О широком экспорте хиосского вина в III в. до н. э. мы узнаем из египетских папирусов. Во все времена хиосское вино ценилось очень высоко. В Афинах амфора этого вина стоила около 1 мины.⁹² В эпоху римского господства хиосское вино пользовалось славой лучшего напитка (Strabo XIV, I, 35; Plaut. Curculio 78—79). Наидейные на Хиосе винные меры свидетельствуют о том, что торговля вином носила регулярный характер и, возможно, контролировалась государством.⁹³ Среди специализированных культур, выращиваемых хиосцами на рынок, виноград занимал главное место.

Земледелие Хиоса было высокоразвитой отраслью хозяйственной жизни острова. В античную эпоху хиосцы добились больших успехов в возделывании своей земли. Скалистый остров, каким он предстает перед нами в поэмах Гомера (Od. III, 170), был превращен в цветущий сад. Современники называли Хиос

⁸⁷ См.: К. М. Колобова. Термин «ικέτης...», стр. 192.

⁸⁸ См.: Athen. I, 32 c—f, где говорится о достоинствах различных вин — миндосского, косского, родосского, кинидского, лесбосского. О хиосском вине сказано — *χαριέστατος δ' ἐστὶν ὁ Χίος καὶ τοῦ Χίου ὁ καλούμενος Ἀριούσιος*.

⁸⁹ Афиней (I, 32c) называет три сорта вин — *ὅν ὄνων δ' μὲν λευκός, δ' δὲ κίρρος, δ' δὲ μέλος*.

⁹⁰ См.: C. Roebuck. *Ionian trade...*, стр. 17—18, 41.

⁹¹ J. Vanseverem. *Inscriptions d'Amorgos et de Chios*, стр. 331.

⁹² RE, III, стлб. 2294 и сл.

⁹³ См.: W. G. Forrest. *A Chian wine-measure*, BSA, 51, 1956, стр. 63 и сл. Такие же винные меры были найдены на острове Фасос. Этот остров также считался крупнейшим поставщиком вина в Греции.

прекрасно возделанной (*καλῶς κατὰσκευασμένη*) страной (Thuc. VIII, 24, 3). А между тем на Хиосе очень мало естественно полезной площади. Удобны для земледелия лишь три равнины, из которых одна расположена вокруг главного города острова, вторая — на юге, третья — на севере.

В ранний период своей истории хиосцы сделали попытку расширить земельные владения и распространиться на материк, подчинив себе Эрифры. Но война с Эрифрами, в которой Хиос получил поддержку Милета (Herod. I, 18), была безрезультатна. Среди чужеземных владений Хиоса, которые могли быть использованы как земледельческие колонии, можно назвать Атарней. Он был получен хиосцами от персов в награду за проявленную ими лояльность (Herod. I, 160). Атарней, находившийся во владении хиосцев до 397 г. до н. э., располагался на берегу Эолиды, напротив острова Лесбос, в местности, очень богатой хлебом.⁹⁴ Для хиосцев, остро нуждавшихся в привозном хлебе, обладание Атарнеем имело очень большое значение. Хиос владел также группой островов, носивших общее название Энуссы (*Οἰνοῦσσα*). Острова эти располагались к северо-востоку от Хиоса, у берегов Малой Азии. Как об этом свидетельствует само название, Энуссы были тесно связаны с виноделием. Территория этих островов могла быть отведена под виноградники.⁹⁵ Много дешевого вина хиосцы вывозили из своих фракийских владений с виноградников Исмара.⁹⁶

Однако основные усилия в развитии земледелия на экспорт хиосцы прилагали, возделывая свой «скалистый остров». По общему выражению Фюстеля де Куланжа, прежде чем заниматься земледелием, хиосцы должны были создать себе почву.⁹⁷ И хиосцы, действительно, проделали гигантскую работу, создавая почву для земледелия. Горы современного Хиоса представляют собой лестницы, на уступах которых располагаются террасы, отведенные под различные сельскохозяйственные культуры. Эти террасы были созданы трудом многих поколений, и немалая заслуга в их возведении принадлежит населению острова в античную эпоху.

Не менее трудоемкой и упорной была работа по созданию системы оросительных сооружений. Для обработки земли на Хиосе искусственное орошение необходимо. Хиосцы отводили к террасам и на поля чистую и свежую воду из многочисленных горных источников. В середине XIX в. Лакруа, совершивший

⁹⁴ См.: RE, II, 1896, s. v. Atarneus, стлб. 1896—1897.

⁹⁵ См.: RE, Hbhd. XXXIV, 1937, s. v. Oinussai, стлб. 2283. Иоганна Шмидт — автор статьи об Энуссах — пишет об этих островах. *Sie waren F'flanzstätten der westlich gelegenen Insel Chios*. Эти острова использовались и как опорные пункты хиосской торговли (см. об этом прим. 8).

⁹⁶ См.: C. Roebuck. *Ionian trade...*, стр. 106.

⁹⁷ N. D. Fustel de Coulange. *Memoires...*, стр. 483.

поездку по греческим островам, писал, что современный ему Хиос представлял собой сплошной сад с искусственным орошением.⁹⁸ Основы искусственного орошения были заложены также в античную эпоху.

Потребность сельского хозяйства Хиоса в рабочих руках

Создание цветущего сада, каким Хиос представлялся уже в античную эпоху, было процессом сложным, длительным и, что важнее всего, трудоемким: работы по созданию террас на склонах, по созданию искусственного орошения требовали огромного числа рабочих рук. Определить это число, хотя бы приблизительно, невозможно, поскольку мы не располагаем необходимыми данными. Попробуем, однако, подсчитать потребность в рабочей силе крупнейшей отрасли хиосского сельского хозяйства — виноградарства. Воспользуемся для этого теми цифрами, которые известны нам по римским источникам для сельского хозяйства Средней Италии.⁹⁹ В Италии, в тех областях, где виноградарство являлось ведущей хозяйственной статьей, под виноград отводилась примерно половина всей возделываемой земли.¹⁰⁰ Если принять такие же соотношения и для Хиоса, то это позволит сделать следующие примерные расчеты. Общая площадь Хиоса — 858 кв. км.¹⁰¹ Площадь, полезная для земледелия, составляла около 1/3 всей территории острова¹⁰² — приблизительно 280 кв. км.¹⁰³ Исходя из этих данных, можно предположить, что из 280 кв. км 130—140 кв. км (13—14 тыс. га) было отведено под виноградники. Попробуем теперь определить количество рабочих рук, необходимых для обработки винограда. Обратимся к тем цифрам, которые дает Катон (*De agri cultura* 11) для Средней Италии. По данным Катона, на 100 югерах (25 га) виноградника было занято от 16 до 20 человек.¹⁰⁴ Если считать

⁹⁸ L. Lacroix. *lies de la Grece*, стр. 262.

⁹⁹ Средняя Италия принадлежит к тому же умеренно-теплому климатическому поясу, что и остров Хиос, а культура винограда требует примерно одинаковых природных условий и примерно одинакового числа рабочих рук. Именно поэтому мы вправе использовать цифровые данные, которыми располагаем для Средней Италии римского времени, для хиосского виноградарства более раннего времени.

¹⁰⁰ См.: М. Е. Сергеев. Очерки по сельскому хозяйству Древней Италии. М.—Л., 1958, стр. 177—179, 198.

¹⁰¹ См.: Der Kleine Pauly. *Lexicon der Antike*, I, 1954, s. v Chios стлб. 1148.

¹⁰² RE, III, s. v. Chios, стлб. 2291.

¹⁰³ 280 кв. км — цифра, очевидно, заниженная, так как при определении полезной площади учтена, очевидно, главным образом естественная полезная площадь (без учета территорий, «созданных» самими хиосцами).

¹⁰⁴ Катон говорит о том, что для виноградника в 100 югеров необходимы 16 работников (ср.: Columella. *De re rustica* III, 3, 8). По расчетам М. Е. Сергеев (см.: М. Е. Сергеев. Очерки..., стр. 13—14), число

по нормам, которые мы находим у Катона, то потребность Хиоса в рабочих руках для возделывания винограда может быть определена примерно от 9 до 11 тыс. человек. Однако это число, вероятно, должно быть увеличено, так как террасное земледелие Хиоса было значительно более трудоемким, нежели земледелие Средней Италии. Кроме того, норма Катона (от 16 до 20 человек) дана без учета рабочей силы, необходимой во время уборки урожая. К тому же под виноградарство, как мы предположили, была отведена половина всей полезной площади. Возделывание зерновых, разведение оливок, фруктовых деревьев, наконец, уход за стадами овец и других домашних животных также требовали большого числа рабочих рук. Следовательно, общая потребность сельского хозяйства Хиоса в рабочей силе может быть определена приблизительно в 20 тысяч человек. Эти подсчеты, конечно, очень условны. Однако они представляются нам необходимыми.

Своеобразие рабовладения на Хиосе

Определив, хотя бы и очень приблизительно, примерное число рабочих рук, необходимых для сельского хозяйства Хиоса, следует поставить вопрос о характере рабочей силы в хиосском земледелии и прежде всего о том, в какой мере здесь использовался труд рабов.

В источниках, содержащих упоминания о хиосских рабах, они чаще всего названы *οικῆται*. Словарь Лидделл—Скотта дает основное значение слова *οἰκῆτης* — «домашний раб» (*Household slave*). Составители словаря указывают вместе с тем на тесную связь слова *οἰκῆτης* со словом *δοῦλος*.¹⁰⁵ Приведены примеры, где *οικῆται* противопоставлены *δοῦλοι* (орр. *δουλοι*). Отмечены также случаи, когда *οικῆται* однозначно *δουλοι* (*frequent synon. with δουλος*). Параллельное употребление терминов *οικῆται* и *δουλοι* встречается также и в «хиосских» источниках.¹⁰⁶

Было бы очень важно установить более четкую границу между этими двумя терминами. Такую цель поставил перед собой Я. А. Ленцман, исследовавший термины, обозначающие рабов в древнегреческом языке.¹⁰⁷ Если термин *δοῦλος*, по мнению Я. А. Ленцмана, является общим определением всех групп лично

рабов на винограднике должно быть увеличено за счет женского населения, занятого приготовлением пищи и одежды для виноградарей.

¹⁰⁵ См.: Liddell — Scott, s. v. *οἰκῆται*.

¹⁰⁶ См. у Афиней отрывок из сочинения Феопомпа (*Athen. VI, 265bc*) и рассказ Нимфодора о восстании Дримак (*Athen. VI, 265c—266e*).

¹⁰⁷ Я. А. Ленцман. Термины, обозначающие рабов в древнегреческом языке ВДИ, 1951, № 2, стр. 52—56. Ср.: F. Gschnitzer *Studien zur griechischen Terminologie der Sklaverei. Akademie der Wissenschaften und der Literatur Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse*, 1963, № 13, стр. 1283—1310.

несвободного населения, то ойкеты (частное понятие, входящее в состав более широкого «δούλοι»), с его точки зрения, — «домашние рабы», «рабы-слуги», однозначные латинским *famuli*. Неправомочность такого ограничительного понимания термина οἰκέτης уже отмечалась в нашей литературе.¹⁰⁸ Тексты, привлеченные Я. А. Ленцманом, свидетельствуют лишь о том, что в тех случаях, когда термин οἰκέται употребляется одновременно с δούλοι, он служит для уточнения более широкого и общего понятия.

Для анализа термина οἰκέτης Я. А. Ленцман приводит ряд отрывков из сочинений древних авторов, цитируемых Афинеем. У этого автора он находит «постоянное применение слова „ойкет“ только по отношению к домашним рабам, к рабам-слугам». Сочинение Афиней — один из основных источников наших сведений о хиосских рабах. Именно поэтому аргументация Я. А. Ленцмана в данном случае представляет особый интерес. Обратимся к тем текстам Афиней, в которых ойкет, по мнению автора статьи, несомненно «домашний раб». Я. А. Ленцман ссылается прежде всего на рассказ Диевкида о приключениях Форбанта (VI, 262e—263a), в котором, как он пишет, «постоянно употребляется слово „ойкет“ там, где речь идет об обслуживании гостей». Указанный текст вызывает, однако, сомнения. Во-первых, термин οἰκέτης упоминается во всем отрывке только один раз. Во-вторых, об этом единственном ойкете известно лишь то, что он послан оповестить жену хозяина дома о прибытии гостей. Такое поручение мог выполнить и кто-нибудь из свободных домоладцев. Следовательно, ойкет в данном случае совсем не обязательно означает слугу и тем более раба-слугу. Когда же в этом отрывке речь идет о рабах-слугах, они названы не οἰκέται, а δοῦλοι.¹⁰⁹ Таким образом, рассказ о странствиях Форбанта не может служить примером постоянного употребления слова οἰκέτης; в значении «домашний раб», «раб-слуга».

Неубедителен и следующий пример — отрывок из Тимея (VI, 264c), где сообщается об отсутствии у локров и фокейцев закона, позволяющего пользоваться трудом «θεραλαίνας или ойкетов» (в тексте οὔτε θεραλαίνας οὔτε οἰκέτας). В этом сочетании слов Я. А. Ленцман находит подтверждение тому, что ойкеты —

108 См.: Э. Д. Фролов, Экономические взгляды Ксенофонта Уч зап ЛГУ (СИН, в. 21), 1956, № 192, стр. 77, прим. 1; ср.: К. М. Колобова. Термин οἰκέτης..., стр. 189, прим. 5.

109 В словаре Папе основное значение слова οἰκέτης — der Hausbewohner-Hausgenosse. Гшницер, однако, отмечает, что термин οἰκέτης, означавший первоначально всех домоладцев, как свободных, так и несвободных, со временем начинает применяться в основном к несвободным (см.: F. Gschnitzer. Studien zur griechischen Terminologie der Sklaverei стр. 1297—1298).

110 Athen., VI, 263a: ἐλεύθεροι γάρ εἰσιν οἱ διαχονοῦντες δοῦλῳ δὲ προσελεῖν οἷ ἐστὶν οἷον.

домашние рабы. Однако далее следует рассказ о приобретении 1000 ойкетов, которых — это отмечает и сам Я. А. Ленцман — трудно считать домашними рабами, так как цифра слишком велика. Но ведь оба эти сообщения (о законе и о приобретении 1000 рабов) тесно связаны друг с другом. Если в одном из них ойкеты не могут быть домашними рабами, то и в другом такое понимание слова οἰκέται сомнительно.

Вызывает возражения и толкование текста Афиней, в котором определяются различные категории рабов у критян. У Афиней (VI, 263ef) мы читаем: καλοῦσι δὲ οἱ Κρήτες τοὺς μὲν κατὰ πόλιν οἰκέτας χρυσωνήτους, ἀμφαμῖοτας δὲ τοὺς κατ' ἀγρόν ἐγχώριους μὲν οὐτάς, δουλιοθέντας δὲ κατὰ πόλεμον. Я. А. Ленцман переводит этот отрывок следующим образом: «критяне называют хризонетами городских рабов (κατὰ πόλιν οἰκέτας), а живущих в сельских местностях называют афамиотами, так как те были порабощены военным путем». При таком понимании текста получается, что термин οἰκέτης применяется у Афиней только к городским рабам (кстати, непонятно, почему все κατὰ πόλιν οἰκέται должны быть непременно домашними слугами). Но употребление частицы μὲν — τοὺς μὲν κατὰ πόλιν οἰκέτας — предполагает повторение всего периода — ἀμφαμῖοτας οὐ τοὺς κατ' ἀγρόν (οἰκέτας), т. е. «критяне называют хризонетами городских ойкетов, а афамиотами — ойкетов, живущих в деревнях, — местных, но порабощенных военным путем».

Устанавливаются, следовательно, два вида ойкетов — одни (хризонеты) обменены на деньги, другие (афамиоты) порабощены военным путем. Однако и те и другие — ойкеты.

Этот отрывок свидетельствует о том, что применение термина οἰκέτης у Афиней выходит за рамки раба-слуги. Можно привести еще примеры подобного употребления интересующего нас слова, не отмеченные в статье Я. А. Ленцмана. Так, в рассказе Нимфодора о восстании Дримака рабы — участники восстания — названы и δοῦλοι и οἰκέται. Как и в других случаях, когда эти термины употребляются одновременно, δοῦλοι — общее понятие, разъясняемое более конкретным οἰκέται. Но и в этом рассказе нет ни малейшего намека на то, что ойкеты — городские рабы-слуги. События самого восстания тесно связаны с сельской местностью. Нимфодор упоминает поместья (οἱ ἀγροικίαι), на которые восставшие совершали набеги. Ойкеты — участники восстания — очевидно, рабы, бежавшие из поместий от своих господ.¹¹² Столь же ясно связь ойкетов Афиней с зем-

¹¹¹ Термин δοῦλοι употреблен Нимфодором дважды — в самом начале рассказа (VI, 265d) и в сообщении об условиях, поставленных Дримаком рабовладельцам (VI, 265f); в обоих случаях слово δούλοι употреблено в самом общем, собирательном значении.

¹¹² Ср.: К. М. Колобова. Термин οἰκέτης . . . , стр. 195.

леделием выступает в том определении, которое лексикограф Аме-рий дает геркитам.¹¹³

Таким образом, диапазон применения термина οἰκίτης у Афи-нея достаточно широк — от домашнего слуги (может быть, даже свободного домочадца) до раба, труд которого использовался на полях. Нет поэтому оснований утверждать, что ойкеты Афиней непременно домашние рабы, рабы-слуги.

Основной признак ойкета, на который указывают древние ав-торы, это принадлежность ойкета к κτήσις и οἶκος.¹¹⁴ И то и дру-гое следует понимать достаточно широко. Это и собственность, и хозяйство отдельной семьи, предполагающее самые различные виды труда — от собственно домашнего до земледельческого и ремесленного.¹¹⁵

Ойкетами названы хиосские рабы и у Фукидида, сведения ко-торого представляют значительный интерес. Подробно исследовав термин οἰκέτης у Фукидида, К. М. Колобова убедительно показала, что ойкеты Хиоса, Керкиры и Аргоса были связаны с сельскохо-зяйственными работами на полях, в поместьях, в садах.¹¹⁶

Анализируя текст Феопомпа, из которого явствует, что хиос-ский историк видит отличие между илотами Лакедемона, пене-стами Фессалии и покупными рабами-варварами Хиоса только в способе приобретения, К. М. Колобова подчеркивает, что основ-ным занятием таких групп зависимого населения, как илоты и пенесты, были земледельческие работы. Сравнение с илотами и пе-нестами, которое «красной нитью проходит у всех лексикографов», свидетельствует, по мнению К. М. Колобовой, в пользу того, что ойкеты составляли основную рабочую силу в земледелии.¹¹⁷ Однако К. М. Колобова никак не оговаривает, что сравнение с зависимыми группами населения у лексикографов (и не у них одних) мы встречаем только для ойкетов Хиоса. В самом деле, хиосских рабов (οἰκέται) с илотами и пенестами сравнивает Феопомп. Стефан Византийский развивает ту же мысль более подробно:

¹¹³ Athen. VI, 267c: Ἀρ-ῖρίας *βι* ἐρίτας φη'ι καὶ *Xüibal* τοὺς κατὰ τοὺς ἀγροὺς οἰκέτας.

¹¹⁴ См.: Хрисипп у Афиней (VI, 267 b): ὁ γάρ οἰκέτης, *III* 31, δοῦλος ἐστὶ κτήσι κατατεταγμένος. Hesych. s. v. οἰκέται—οἱ κατὰ τὸν οἶκον πάντες; s. v. οἰκέτης—δοῦλος, *υποῦργος*.

¹¹⁵ Э. Д. Фролов, исследовавший термины рабства в трактате Ксенофонта «Об управлении хозяйством», отметил, что ойкеты у Ксенофонта — рабы, ис-пользуемые в домашнем хозяйстве, независимо от места работы — в доме или на полях (см.: Э. Д. Фролов. Экономические взгляды Ксенофонта, стр. 77 и сл.). Э. Л. Казакевич также указывает на ойкетов-ремесленников (Термин δοῦλος и понятие «раб» в Афинах IV в до н. э. ВДИ, 1956, № 3, стр. 135) и на ойкетов-земледельцев (Рабы как форма богатства в Афинах IV в. до н. э. ВДИ, 1958, № 2, стр. 104 и сл.). Ср.: F. Gschnitzer. Studien zu: griechischen Terminologie der Sklaverei, стр. 1296: «οἰκέτης» gehört .. οἶκος, «Haus, Hausstand».

¹¹⁶ К. М. Колобова. Термин οἰκέτης. ., Стр. 202.

¹¹⁷ Там же, стр. 192, прим. 14, а также стр. 202.

«Они (хиосцы) первые стали пользоваться рабами,¹¹⁸ как лакедемо-няне илотами, аргосцы гимнесиями, сикионцы коринефорами, ита-лики пеласгами, а критяне мноитами». И у Феопомпа, и у Сте-фана Византийского налицо две особые группы. С одной сто-роны — покупные хиосские рабы, с другой — зависимые группы населения: илоты, пенесты, гимнесии, коринефоры, пеласги, мноиты. Для ойкетов других государств мы таких сравнений не находим.

О Хиосе недостаточно сказать только, что рабы применялись там в земледелии. В той или иной мере это практиковалось во всей Греции. Очевидно, на Хиосе труд покупных рабов использо-вался в сельском хозяйстве больше и шире, чем в остальной Гре-ции, ибо только хиосских покупных рабов античные авторы срав-нивают с категориями зависимого населения, основным занятием которого было земледелие. О том же, по нашему мнению, свиде-тельствует и Фукидид (VIII, 40, 2). В интересующем нас отрывке сказано буквально следующее: «У хиосцев было множество рабов, больше, нежели в каком бы то ни было другом государстве, кроме Лакедемона». Как уже говорилось, это утверждение грешит явным преувеличением. У Афиней мы находим любопытную подборку из свидетельств самых различных авторов о хиосских рабах. Если бы Хиос действительно выделялся численностью своих рабов, можно было бы ожидать, что данные об их количестве привлекли бы вни-мание Афиней. А между тем среди тех государств, которые отли-чались огромным числом рабов, Афиней называет Аттику — 400 тыс. рабов, Эгину — 470 тыс. рабов и Коринф — 460 тыс. ра-бов (VI, 272 b—d).

Пусть эти цифры явно завышены. Самый подбор их не слу-чаен. Он свидетельствует о том, что наиболее высокий расцвет рабства античные авторы видели в тех городах, где было развито ремесло и торговля.¹¹⁹ Как бы ни были высоки успехи Хиоса в области развития ремесла, какие бы богатства не доставляла острову его широко разветвленная торговля, в сравнении с Афи-нами, Коринфом и Эгиной Хиос был всего лишь второстепенным государством. По-видимому, и число рабов на Хиосе значительно уступало числу рабов в этих трех ведущих центрах античного оабоовладения.¹²⁰ Но что же означают в таком случае слова Фу-кидида — простое преувеличение, оговорку? Нам представляется, что и Фукидид не случайно сравнивает Хиос с Лакедемоном. Здесь мы имеем дело с тем же сопоставлением, которое мы встре-чаем у Феопомпа и Стефана Византийского. Общее число хиос-ских рабов не было так значительно, чтобы фигурировать в ряду

¹¹⁸ У Стефана Византийского — ἐχρήσαντο θεράπουσιν. Ср.: Hesych. s. v. θεράψ' θεράπων, οἰκέτης, δοῦλος, ἀκόλουθος.

¹¹⁹ См.: Я. А. Ленцман. Рабство в микенской и гомеровской Греции, стр. 27.

¹²⁰ Об общем числе рабов на Хиосе см. стр. 166.

с Афинами и Коринфом. Но число рабов, которых применяли в сельском хозяйстве, уступало только Лакедемону.

Выше мы привели расчеты, по которым можно хотя бы приблизительно представить себе потребность сельского хозяйства Хиоса в рабочей силе. По этим подсчетам можно заключить, что хиосское землевладение требовало не меньше 20 тыс. человек. Число это, возможно, следует даже увеличить за счет резерва, необходимого во время уборки урожая. При определении общего числа рабочих рук в хиосском землевладении нужно учитывать и трудоемкие работы по возведению террас и устройству системы искусственного орошения.

Конечно, не следует сбрасывать со счета и труд свободных хиосских крестьян, которые сами обрабатывали свои поля. Но есть, как кажется, основания предположить, что основную рабочую силу в земледелии Хиоса составляли покупные рабы, подобно тому как в Спарте это были илоты, а в Фессалии — пенесты. Особенно широкие возможности для применения рабского труда представляли, конечно, крупные земельные хозяйства богатых рабовладельцев.¹²¹ В хозяйствах крупных собственников труд рабов мог применяться, очевидно, в больших масштабах, чем это предписывалось нормами Катона.

Наши сведения о землевладении на Хиосе более чем скудны. Однако есть все же косвенные данные, свидетельствующие о том, что землевладельческая, аристократия на Хиосе сохранила свои крупные владения, по-видимому, до самого позднего времени.¹²² О том, каких размеров могли достигать земельные владения богатых хиосцев, мы можем судить по одной из хиосских надписей, в которой, как предполагают, сообщается о конфискации земельных владений детей некоего Анникея. Оссулье относит эту надпись, на основании шрифта, к V в. до н. э. В надписи указано, что земельные владения, которые находились в собственности детей Анникея, поступили в продажу. Приведен и список покупателей, которые приобретают земли и дома.¹²³ Конфискованное

¹²¹ См.: Колобова. Термин οἰκέτης. . ., стр. 202. «В богатых семьях, связанных и в позднее время с землевладением, ойкеты, кроме службы в доме на разных работах, вне сомнения, составляли и основную рабочую силу в земледелии».

¹²² А. И. Доватур отмечает, что в городах чисто торговых в ранний период господствовали крупные землевладельцы. На Хиосе и в Эрифрах это Басилиды. Он указывает также, что социальные слои, опиравшиеся на землевладение, даже в VI в. до н. э. не были в Милете «невесомой величиной» (см.: А. И. Доватур. Аграрный Милет. ВДИ, 1955, № 1, стр. 27 и сл.).

¹²³ В. Haussoullier. Inscriptions de Chios, BCH, 3, 1879, стр. 230—242. Предположение о конфискации имущества детей Анникея Оссулье высказывает в связи с тем, что город гарантирует покупателям неприкосновенность их покупки. Он ссылается при этом на подобные гарантии при конфискации имущества в декретах г. Миласы первой половины IV в. до н. э. (см.: Ph. Le Bas et W. H. Waddington. Inscriptions d'Asie Mineure, Paris, 1870, №№ 377—379).

имущество очень велико. Специально выделенные городом ороша поставили на земле детей Анникея 75 орош,¹²⁴ Такие крупные земельные владения принадлежали, очевидно, наследникам старого и богатого аристократического рода.

Данные археологии также подтверждают существование значительных земельных владений на Хиосе. Так, в Дельфиний ¹²⁵ была найдена крупная усадьба, на месте которой сейчас находится небольшая деревня. По мнению Бордмана, эта усадьба могла принадлежать одному из членов богатого рода.¹²⁶ Такие же усадьбы на месте современных деревень найдены на юге вблизи Эмпория и Пирки, а также на севере в местности Вики. Земля, которая в настоящее время обрабатывается жителями всей деревни, в древности принадлежала, очевидно, одному владельцу и возделывалась руками его рабов.

Самая ранняя усадьба (V в. до н. э.) в районе Эмпория была обнаружена в 1954 г. Бордман считает, что хозяева усадьбы владели обширными землями в плодородных долинах на юге ост-

Насколько можно судить по отрывочным известиям о внутренней жизни хиосского государства, землевладельческая аристократия острова только к концу V—началу IV в. до н. э. принуждена была поступиться целым рядом своих привилегий.¹²⁸ На Хиосе и в более позднее время могли существовать крупные хозяйства богатых хиосских землевладельцев, где рабский труд находил себе самое широкое применение.

Земледельческих рабов на Хиосе было, по-видимому, значительно больше, чем в других греческих государствах, пользовавшихся трудом покупных рабов. Нам представляется, что своеобразие хиосского рабовладения, привлекавшее особое внимание античных авторов, и состоит в том, что на Хиосе труд покупных рабов применялся в земледелии столь же широко, как труд различных категорий зависимого населения в таких странах, как например Фессалия и Спарта.

¹²⁴ См.: А. 6—7 — σύμπαντες ὅροι ἐβδομήχοντα πέντε.

¹²⁵ Дельфиний — хорошо укрепленная местность к северу от главного города Хиоса. В 411 г. до н. э., когда Хиос был захвачен афинянами, Дельфиний служил им опорным пунктом в борьбе с отпавшими от союза хиосцами (Thuc. VIII, 38, 2). Подробнее см.: J. Boardman. Delphinion in Chios. BSA, 51, 1956, стр. 41 и сл.

¹²⁶ В Дельфинии, где наряду с удобными гаванями находились и плодородные земли, располагались земельные владения фратрии Клитидов. В договорах об аренде земли Клитидов упомянута ἡ γῆ ἢ ἐν Δελφίνῳ ἢ τ[ε]ῖως Κ[λι]ταίωνος τοῦ Βασιλείδου. См.: В. Haussoullier. Inscriptions de Chios, стр. 244, строки 8—9.

¹²⁷ J. Boardman. Excavations at Pindakas in Chios. BSA, 53—54, 1958—1959, стр. 301—302.

¹²⁸ См.: W. G. Forrest. The tribal organization of Chios. BSA, 55, 1960, стр. 172 сл.

Особенности положения хиосских рабов

В тесной связи с отмеченными выше особенностями применения труда рабов на Хиосе находится также вопрос об особенностях положения хиосских рабов. Как ни скудны сведения Фукидида о рабстве в различных греческих государствах, о хиосских рабах он говорит достаточно подробно. Фукидид сообщает, что рабы на Хиосе подвергались чрезвычайно жестокому обращению вследствие их многочисленности.

В специализированных земледельческих хозяйствах Хиоса, работавших на рынок, норма эксплуатации рабов была, очевидно, очень высока. В чем же, однако, могла проявляться исключительная жестокость хиосских рабовладельцев, которая привлекла к себе внимание Фукидида? Для того чтобы ответить на этот вопрос, следует, по-видимому, обратиться к сочинениям тех римских писателей, которые позволяют представить положение рабов, трудившихся на италийских виноградниках.¹²⁹

Известно, что в италийских усадьбах часть рабов — и нередко большая часть — работала закованными. Так, Колумелла (*De re rustica* I, 6, 3) пишет: «Помещения для рабов, которые ходят на свободе, лучше всего делать на равноденственный юг; для закованных, если их много, устраивается вполне здоровый подвал: он освещается узкими окошечками, настолько поднятыми от земли, что и дотянуться до них рукой невозможно» (ср.: *Plin. N. H.*, XVIII, 36).¹³⁰

Заковывали, конечно, самых беспокойных и строптивых рабов. Особенно часто эта участь постигала тех, кто работал на виноградниках. У Колумеллы (*De re rustica* I, 9, 4) мы читаем: «Виноградники требуют не столько высоких, сколько коренастых и мускулистых людей: такой склад людей более всего пригоден для таких работ в винограднике, как вскапывание, обрезка и т. п. Эти обязанности не требуют такой честности, как остальные сельскохозяйственные отрасли: ¹³¹ виноградари должны работать толпой и под надзором, а плуты обычно сообразительнее: качество, необходимое в этих работах. Здесь нужно работника не только сильного, но и умного; поэтому виноградники обычно и возделывают люди закованные».

¹²⁹ Мысль воспользоваться римскими источниками для решения вопроса о «формах жестокости» хиосских рабовладельцев была подсказана мне М. Е. Сергеевко. (Прим. автора).

¹³⁰ Отрывки из сочинения Колумеллы приведены в переводе М. Е. Сергеевко. См.: Катон, Варрон, Колумелла, Плиний. О сельском хозяйстве. М., Л., 1937, стр. 137—184.

¹³¹ Ср.: *Columella. De re rustica* III, 3, 8. «Обычно считается, что его (т. е. виноградаря, — *И. Ш.*) можно приобрести за гроши, купив на публичных торгах любого негодяя. Я расхожусь с мнением большинства и считаю, что прежде всего должен быть превосходный виноградарь».

Возможно, что и хиосцы прибегали к той же мере в отношении своих рабов. На Хиосе, располагавшем большим числом невольников-виноградарей, «самых беспокойных и строптивых» также могли держать в цепях.

Всем, кто посетил Хиос, очевидно, бросалось в глаза обилие рабов на хиосских полях, становились известны рассказы о жестоком обращении хиосцев со своими рабами. Эти впечатления очевидцев и могли побудить Фукидида, (VIII, 40, 2) написать: «у хиосцев было множество рабов, больше, нежели в каком бы то ни было другом государстве, кроме Лакедемона, которые вследствие своей многочисленности подвергались за всякую вину слишком жестоким наказаниям».

Усиленная эксплуатация многочисленных хиосских невольников была основой благополучия жителей Хиоса. Рабы создали богатства острова, выдвинувшие его в число наиболее влиятельных греческих государств. Но в то же время постоянный страх перед многочисленными рабами должен был во многом определять черты внутренней жизни острова. По сообщению Фукидида (VIII, 24, 3), на Хиосе вплоть до Пелопоннесской войны не было никаких серьезных потрясений.

Можно предположить, что в хиосском государстве, достигшем к началу VI в. до н. э. высокого уровня развития, были проведены реформы, аналогичные реформам Солона, обеспечившие относительное единство гражданского коллектива.¹³² Эти реформы, очевидно, предполагали и отмену долгового рабства. Лишь при таких условиях хиосское государство могло сохранять до самой Пелопоннесской войны отмеченное Фукидидом устойчивое благосостояние. Только относительное единство гражданского коллектива могло позволить хиосцам держать в подчинении огромную армию невольников, подвергавшихся жестокому обращению.¹³³ Это равновесие сил было нарушено во время Пелопоннесской войны. О затруднениях во внутренних делах хиосцев после отпадения от

¹³² См.: M. N. Tod. A selection of greek historical inscriptions, v. I², № 1; ср.: U. Wilamowitz-Moellendorff, von. Nordionische Steine, Abhandlungen der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Classe. Berlin, 1909, стр. 64 и сл. Более подробно демократические реформы на Хиосе рассматриваются в главе II. Там же приведена литература вопроса.

¹³³ К III в. до н. э. относится фрагментированная надпись, содержащая почетный афинский декрет в честь хиосца Ксенократа (*SEG*, III, 92). В числе других заслуг Ксенократа перед афинянами — безвозмездное возвращение хозяевам сбежавших рабов (см.: строки 9—11—χα[?]ι θεο[?]ν[?]3του] σωμάτων ἀ-οδράντων [τρ[?]ων? ἐχ Πειραι[?] ἕως? ἀνευ[?]ρών ἐν Χ(ωι ἀλ[?]εστείεν τῷ χυρίωι [ἐχχ τον [ιδω[?]ν ἀνα[?]ω[?]σάμενος εἰς ταῦτα). Конечно, и в других городах рабов ловили лица, так или иначе связанные с городом, который этих рабов разыскивал (см. об этом: О. О. Крюгер Движения античных рабов в доэллинистическую эпоху. Сб. «Из истории античного общества», ИГАИМК, вып. 11, 1934, стр. 135). Характерно, однако, что именно гражданин Хиоса, государства, особенно сильно заинтересованного в повиновении невольников, принимал деятельное участие в поимке беглых рабов.

афинян сообщает Фукидид (VIII, 38, 3). Положение еще более осложнилось, когда афиняне в 412 г. до н. э. высадились на остров, с тем чтобы покарать хиосцев за выход из Союза. «Как только оказалось, — пишет Фукидид (VIII, 40, 2), — что афиняне утвердились здесь прочно, большинство рабов тотчас перебежало к ним и благодаря знанию местности причиняло стране величайшие бедствия».¹³⁴ Об остроте положения, в котором оказался Хиос во время высадки афинян в Дельфинии, можно судить по одной из хиосских надписей, подробно комментированных Робером.¹³⁵ Надпись представляет собой списки имен. Начало надписи утрачено. Однако восстановленные Робером строки 4—5 — $\tau\alpha\varsigma \gamma\rho\alpha\psi\alpha[\]$ или $\gamma\rho\alpha\psi[\alpha\nu\tau\alpha\varsigma] [\acute{\epsilon}\varsigma \sigma\tau\acute{\eta}\lambda\eta\nu?] [\omicron\upsilon\varsigma \eta] \pi\acute{o}\lambda\iota\varsigma \eta\lambda\epsilon[\theta\acute{\epsilon}\rho\omega\sigma\alpha\nu]$ — подкрепили предположение о том, что надпись содержала списки имен освобожденных рабов.¹³⁶ Имена в надписи разделены на декады, что, по мнению Робера, свидетельствует о включении освобожденных рабов во вспомогательные войска хиосцев. К освобождению рабов прибегали во время войн многие греческие государства. Но эта мера всегда свидетельствовала о крайне бедственном положении государства. Робер полагает, что таким наиболее острым периодом был для Хиоса второй период Пелопоннесской войны.¹³⁷ Возможно, что к освобождению рабов хиосцы прибегли еще и для того, чтобы прекратить их побег в лагерь афинян.¹³⁸

О том напряжении, в котором угроза движений рабов постоянно держала хиосское государство, достаточно свидетельствует пословица, приведенная Афинеем (VI, 266f): $\chi\iota\omicron\varsigma \delta\epsilon\alpha\lambda\acute{o}\tau\eta \nu \acute{o}\nu\eta\sigma\alpha\tau\omicron$ — «Хиосец купил себе господина». Эта оборотная сторона хиосского рабовладения особенно ярко проявилась в активных выступлениях хиосских рабов.

Восстание Дримак

Среди немногочисленных известий о выступлениях греческих рабов особое место занимает рассказ сицилийца Нимфодора о восстании на Хиосе, приведенный в VI книге Афиней. Примыкает он

¹³⁴ Это сообщение Фукидида также подтверждает многочисленность хиосских рабов — их побег, как и побег афинских рабов во время Декелийской войны, нанесли серьезный урон экономике и обороноспособности государства и потому попали в поле зрения Фукидида.

¹³⁵ L. Robert. *Etudes epigraphiques...*, стр. 118 и сл.

¹³⁶ Об именах рабов в этой надписи см. стр. 164.

¹³⁷ L. Robert. *Etudes epigraphiques...*, стр. 124. В самом конце V в. до н. э. на острове развернулась ожесточенная борьба демократов и аристократов (Diod. XIII, 65). Эта борьба не прекращалась в течение IV—III вв. до н. э. (см. об этом: W. G. Forrest. *The tribal organization of Chios*, стр. 172 сл.)

¹³⁸ Отпуск на волю рабов с хиосских кораблей, захваченных афинянами при известии об отпадении Хиоса (Thuc. VIII, 15, 2), преследовал, видимо, чисто пропагандистские цели. Вероятно, афиняне также рассчитывали на массовые побег хиосских рабов при вторжении на остров, как спартанцы во время Декелийской войны — на побег афинских невольников.

непосредственно к цитированному выше фрагменту из Феопомпа, в котором говорится о том, что хиосцы первыми стали пользоваться покупными рабами. Выдержку из Феопомпа Афиней сопровождает заключением, чрезвычайно характерным для его общей тенденции: «Я же считаю, что из-за этого¹³⁹ на хиосцев разгневалось божество, ибо позднее им пришлось вести войну с рабами».¹⁴⁰ Рассказ Нимфодора о восстании Дримак и служит Афинейю наглядной иллюстрацией гнева божества против хиосцев. «Нимфодор Сиракузский, — говорится далее у Афиней (VI, 265c—266e),¹⁴¹ — в своем „Описании малоазийского побережья“ рассказывает следующее: „Рабы хиосцев убегают от них в горы и, собравшись в большом числе, опустошают сельские местности, ведь остров гористый и покрыт деревьями. Незадолго до нашего времени, по преданиям самих хиосцев, один раб убежал в горы и скрылся там. Так как этот раб был храбрый человек и в военных делах ему покровительствовало счастье, он стал предводительствовать беглыми рабами, как царь своим войском. Так как хиосцы часто выступали против него в поход и ничего не могли достигнуть, несмотря на большие потери, Дримак — таково было имя беглеца — видя, что они напрасно губят себя, сказал им следующее: «То, что случилось с вами благодаря рабам, хиосцы и господа, никогда не прекратится, ибо все это происходит согласно божественному предсказанию. Если же вы заключите со мной договор и оставите нас в покое, я буду для вас виновником больших благ». Хиосцы заключили с ним договор и перемирие, он же в течение некоторого времени изготовил свои собственные, меры, весы и печать. Показав их хиосцам, Дримак сказал: «Все, что я возьму у кого-нибудь из вас, я буду брать по этим мерам и весам. Взяв то, что будет для меня достаточно, я оставлю ваши кладовые, запечатав их этой печатью. Когда от вас сбегут рабы, я расследую дело, и если окажется, что они бежали от невыносимых условий жизни, я оставлю их у себя; если же их жалобы будут признаны неосновательными, я отошлю их обратно к господину». Когда прочие рабы увидели, что хиосцы с удовольствием приняли это условие, они стали убегать гораздо меньше, боясь расследования Дримак. Беглые же рабы, бывшие с ним, боялись его гораздо больше, чем раньше боялись своих господ, и делали все, что

¹³⁹ Т. е. из-за того, что хиосцы первыми стали пользоваться покупными рабами.

¹⁴⁰ См.: Athen. VI, 265c. Ту же мысль — хиосцы навлекли на себя гнев богов тем, что первые стали пользоваться покупными рабами, — Афиней подкрепляет отрывком из сочинения Посидония (Athen. VI, 266e-f). У Посидония Афиней заимствует и другие примеры, которыми он иллюстрирует свою общую мысль — пользование рабами и жестокое с ними обращение неизбежно повлечет за собой возмездие. О корнях этой тенденции Афиней и Посидоний см.: Е. М. Штаерман. Положение рабов в период поздней республики. ВДИ, 1963, № 2, стр. 88.

Перевод дан по: АСПИ, стр. 384—385, № 609.

ему было угодно, повинаясь Дримаку как начальнику. Ибо он наказывал нарушающих дисциплину и никому не позволял без своего разрешения грабить поля или причинять какой-нибудь другой вред. Приходя во время празднеств, он брал из имений вино, прекрасных жертвенных животных и все вообще, что ему могли доставить владельцы. Если же он замечал, что кто-нибудь злоумышляет против него или пытается устроить ему ловушку, того он наказывал. Состарившись, Дримак — государство назначило, большую сумму денег тому, кто его возьмет живым или доставить его голову, — позвал своего любимца и сказал ему: «Я полюбил тебя больше всех людей; ты мое дитя, сын, ты заменяешь мне все прочее. Я пожил достаточно, ты же молод, и вся жизнь у тебя впереди. Тебе нужно быть прекрасным и добрым человеком. Так как Хиос дает много денег тому, кто меня убьет, и обещает ему свободу, тебе следует отрубить мне голову, отнести ее в Хиос и, взяв деньги с города, жить счастливо». И хотя юноша протестовал, Дримак все-таки убедил его это сделать. Отрубив Дримаку голову, он получил с хиосцев обещанные деньги и, похоронив тело беглого раба, отправился на родину. Хиосцы же снова начали терпеть много вреда от грабежей своих рабов. Тогда они вспомнили о гуманности покойного и воздвигли ему у себя святилище, назвав его памятником благосклонного героя. И теперь еще беглые рабы приносят Дримаку начатки от всего, что они заберут. Говорят, что Дримак является во сне многим хиосцам и предупреждает их о замыслах рабов. И те, кому он явится, приносят ему жертву там, где находится его святилище».

Использование этого отрывка чрезвычайно затруднительно. Много в рассказе Нимфодора представляется явной легендой. Трудно поверить в возможность договора восставших с рабовладельцами, положившего начало идиллическим отношениям рабов и их хозяев. Налицо и чисто сказочный сюжет — Дримак после смерти является во сне хиосским рабовладельцам и предупреждает их о замыслах рабов. В сообщении Нимфодора много внутренних противоречий. Культ Дримака несовместим с его ролью предводителя восстания. Рассказ о назначении награды за голову Дримака не увязывается с идиллическими отношениями рабовладельцев и восставших рабов. Еще меньше логики в легенде, согласно которой Дримак после смерти помогает хиосцам, виновным в его гибели..

Итак, единственный источник, сообщающий о восстании хиосских рабов под руководством Дримака, — не слишком надежен. В литературе восстание Дримака особого интереса у исследователей не вызвало. В специальной статье о Дримаке в Реальной энциклопедии Паули-Виссова мы находим лишь пересказ сообщения Нимфодора. Автор статьи не делает даже попытки хотя бы приблизительно определить время восстания.¹⁴² В статье Фюстеля де

Куланжа указано на ненадежность сведений, приведенных Нимфодором, и на трудность определения времени восстания.¹⁴³

С простым пересказом Нимфодора, без какой бы то ни было попытки критически осмыслить этот сомнительный источник, мы сталкиваемся и в известной работе Вестерманна о рабстве.¹⁴⁴ Вопросом о времени выступления Дримака Вестерманн также специально не занимается. Но само восстание хиосских рабов он рассматривает в разделе «Восточный бассейн от Александра до Августа» в непосредственной связи с движениями на Делосе и в Аттике. К. М. Колобова также указывает на то, что установить дату восстания очень сложно.¹⁴⁵

Большая работа по изучению отрывков из сочинений Нимфодора была проделана Лакером¹⁴⁶ и вслед за ним Якоби.¹⁴⁷ По мнению Лакера, в сообщении Нимфодора о восстании хиосских рабов объединены два различных предания о выступлениях рабов, связанных с одной и той же могилой-святилищем. Одно предание — о Дримаке, другое — о безымянном «благосклонном герое» («Нριος Εὐμηνής»). Как полагает Лакер, одновременность этих напластований подтверждается, в частности, тем, что водном случае вождь восставших уподобляется царю (ἀφῆγεῖσθαι ὡς ἄν βασιλέα στρατεύματος; 265d — das ist hellenistisch, по замечанию Лакера), в другом случае — стратегу (πεῖθαρχοῦντες ὡς ἄν στρατηγῷ; 266a).

Исследование текста, проделанное Лакером, сдвинуло с мертвой точки изучение этого сложного и противоречивого источника. Однако Лакера не интересует, какие реальные события могли послужить основой для интересующих нас хиосских преданий. Оставляет в стороне этот вопрос и Якоби, подробно комментировавший текст Нимфодора. Отрывки из сочинений сицилийского автора интересуют Якоби прежде всего как литературное произведение.¹⁴⁸

Повествование Нимфодора представляет собой такое тесное переплетение вымысла и действительности, что отделить одно от другого чрезвычайно сложно. И все же мы располагаем слишком скудными известиями о рабах, для того чтобы оставить в стороне даже такой ненадежный источник.

Какие же сведения, приведенные в интересующем нас отрывке, мы можем считать относительно достоверными? Нам представляется, что самое начало рассказа о Дримаке не вызывает особых

¹⁴³ N. D. Fustel de Coulanges. *Memoires...*, стр. 526—527.

¹⁴⁴ W. L. Westermann. *The slave systems...*, стр. 40—42.

¹⁴⁵ К. М. Колобова. Термин οἰχέτης..., стр. 194, прим. 19.

¹⁴⁶ R. Laquer. *RE*. XVII, 1937, s. v. Nymphodoros, стлб. 1625—1627.

¹⁴⁷ F. Gr. Hist., 3 T., b (Text), № 572, стр. 604; 3 T., b (Noten), № 572, стр. 350—351.

¹⁴⁸ По мнению Якоби, рассказ Нимфодора напоминает «разбойничью романтику» Риана (Риан из Крита — конец III в. до н. э.). Наивность рассказа также свидетельствует о его принадлежности к эллинистическому времени (см.: F. Gr. Hist., 3 T., b (Text), № 572, стр. 604).

142 См.: *RE*, V, 1905, a. v. Drimakos, стлб. 1708.

сомнений. Мы узнаем, что рабы хиосцев часто¹⁴⁹ убегают от своих хозяев в горы, укрываются там и, собравшись в большом числе, опустошают имения своих хозяев. Организованное выступление рабов под руководством Дримакса можно, по-видимому, считать вполне реальным событием, но подробности этого восстания ускользают. Трудно определить, что может быть отнесено к выступлению

Дримакса и что заимствовано Нимфодором из более ранней легенды.¹⁵⁰

Не менее сложно определить и время восстания. Правда, Нимфодор сообщает, что восстание произошло *μικρόν δὲ πρό ἤμων*. Но уже Фюстель де Куланж указывал на то, что это утверждение Нимфодора вызывает сомнение. В самом деле, по словам самого Нимфодора, в его время уже существовал культ Дримакса, о котором вспомнили, когда снова началось движение рабов. Для становления культа, распространенного не только среди рабов, но и среди хозяев, требуется значительное время и, следовательно, *μικρόν δὲ πρό ἤμων* — это ошибка Нимфодора, Афиней или переписчика.¹⁵¹

Якоби также считает наш единственный «временной» ориентир неточным и предлагает дополнить — с полным на то основанием — <οὐ> *μικρόν*.¹⁵²

Положение осложняется еще и тем, что время жизни самого Нимфодора точно не установлено. До появления статьи Лакера

¹⁴⁹ И контекст, и употребление *Praes.* (ἀποδιδράσκουσιν) настолько явно указывают на частые побеги рабов, что Якоби ввел в текст слово *πολλάκις*. См.: F. Gr. Hist., 3 T., b (Text), № 572, стр. 602.

¹⁵⁰ Лакер делает попытку выделить в описании Нимфодора ранние и поздние слои. По справедливому замечанию Якоби, это разделение текста произведено Лакером слишком грубо (zu grob), без учета особенностей стиля. Якоби вместе с тем принимает предположение Лакера о том, что Нимфодор объединил в своем повествовании два различных рассказа, связанных с одной и той же могилой (святилищем): более древний — о благосклонном герое, и более поздний (Jüngere)—о Дримаксе. См.: F. Gr. Hist., 3 T., b. (Text), № 572, стр. 604. В противоположность Якоби Фогт (см.: J. Vogt. Zur Struktur der antiken Sklavenkriege. Historia, Einzelschriften. N. 8, 1965. стр. 51—52, прим. 3) отвергает это предположение Лакера. По мнению Фогта, противоречия в рассказе Нимфодора — их он, впрочем, считает незначительными — объясняются тем, что мы имеем дело с сокращенным текстом. Как возражения Лакеру, так и собственные предположения Фогта не кажутся обоснованными. Рассказ Нимфодора Фогт почти полностью принимает на веру и вместе с тем он даже не ставит вопооса о времени выступления Доимакса.

¹⁵¹ См.: N. D. Fustel de Coulanges. Meropioires. . стр. 526—527. Фюстель де Куланж указывает также, что *μικρόν δὲ πρό ἤμων* противоречит употребленному далее глаголу *μυθολογέω* — *μυθολογοῦσιν... of Χῆροι*. Действительно, основное значение глагола (см.: Liddell—Scott, s. v.) — tell mythic tales. В словаре, однако, приведено еще одно возможное значение глагола — relate generally with a notion of exaggeration — и в качестве примера такого рассказа с преувеличениями приведен наш фрагмент Нимфодора.

¹⁵² Одним из доводов в пользу такого дополнения Якоби считает противоречие между словами «незадолго до» и *ἐτι χαί νυν* (см.: F. Gr. Hist., 3 T., B, № 572, стр. 350). В самый текст, однако, *οὐ* Якоби не ввел.

Нимфодора считали писателем IV в. до н. э. Лакер привел целый ряд данных, свидетельствующих о том, что Нимфодор из Сиракуз принадлежит эллинистической эпохе. По мнению Лакера, более точный период можно установить с помощью Делосской надписи 180 г. до н. э., где упомянут Тимон, сын Нимфодора из Сиракуз. Отец Тимона, как предполагает Лакер, вполне может быть интересующим нас писателем. Стало быть, время жизни Нимфодора — конец III в. до н. э. Но это предположение Лакера построено на очень зыбкой почве. Как отмечает Якоби, имя Нимфодор слишком часто встречается и в Сицилии, и в других районах. Для доказательства тождества двух носителей этого имени нужны дополнительные аргументы, которые в данном случае отсутствуют.

По мнению самого Якоби, вся совокупность данных свидетельствует о том, что Нимфодор из Сиракуз — писатель эллинистического времени.¹⁵³ Более точно время его жизни, как убедительно показал Якоби, с полной уверенностью установить нельзя.¹⁵⁴ Для определения даты восстания Дримакса мы располагаем, следовательно, такими данными: автор рассказа жил, по всей вероятности, не раньше конца III в. до н. э., события, им излагаемые, имели место скорее всего задолго (<οὐ> *μικρόν*) до времени его жизни.

В литературе, как уже говорилось, не существует единого мнения о том, к какому времени следует относить выступление хиосских рабов. Встречаются самые разнообразные датировки с общим диапазоном от VI до II в. до н. э.¹⁵⁵

Посмотрим, в какой мере можно согласиться хотя бы с одной из предложенных датировок. Обратимся прежде всего к верхней границе приведенного нами диапазона — II в. до н. э. На первый взгляд эта датировка вызывает больше всего возражений, поскольку она не согласуется с временем жизни писателя, сообщаемого нам о Дримаксе. Приглядимся, однако, к ней более внимательно. II в. до н. э. дает возможность исследователям, придерживающимся этой датировки, связать хиосское выступление рабов с общим подъемом движения рабов в Средиземно-

¹⁵³ О принадлежности Нимфодора эллинистическому времени Якоби судит на основании стилистических особенностей. Этому же времени больше всего подходит и множественное число *Περὶ τῶν* в названии труда Нимфодора (см.: F. Gr. Hist., 3 T., b, № 572, стр. 602 и сл.).

¹⁵⁴ Якоби не возражает против датировки Лакера — конец III в. до н. э. (или последняя треть), но подчеркивает, что с полной уверенностью можно установить лишь то, что Нимфодор жил в эллинистическое время.

¹⁵⁵ Все варианты датировок восстания Дримакса сведены в цитированной статье К. М. Колобовой, где сказано: дата «определяется по-разному, начиная приблизительно с 600 г. до н. э. (Burchner, P-W, RE, III, s. v. Chios, стлб. 2296), затем 412 год и, наконец, II в. до н. э.» (см.: К. М. Колобова. Термин *οὐκ ἐτι* . . . , стр. 194, прим. 19).

море.¹⁵⁶ Как известно, самым ярким проявлением этого общего подъема явилось знаменитое сицилийское восстание, вызвавшее отклик во многих районах Средиземноморского бассейна.

Какими данными мы располагаем, для того чтобы сопоставлять движение хиосских рабов с сицилийским восстанием? Сравним отрывок из «Описания Малоазийского побережья» с известным рассказом Диодора Сицилийского (XXXIV—XXXV, 2, 27—30), заимствованным у Посидония.¹⁵⁷ Первый этап движения на Хиосе и в Сицилии — это неорганизованные побег и грабежи. Взрывчатым материалом в сицилийском восстании послужили рабы, которых крупные земельные собственники покупали для обработки земли. «Одних заковывали, других изнуляли тяжестью работ и на всех накладывали заметные всем клейма». Диодор сообщает также, что о пропитании рабов хозяева не заботились, и потому многие невольники стали промышлять грабежом. Особенно большую угрозу представляли пастухи — «проводящие жизнь в поле и вооруженные, они все были исполнены высокомерия и дерзости». Вначале рабы убивали одиночных путников, затем, «собираясь толпами, начали нападать на незащищенные поместья, уничтожали их, имущество грабили, а пытавшихся сопротивляться убивали». «Весь остров, — сказано у Диодора, — был полон насилия и грабежей». Так описывает Диодор подготовительный этап сицилийского восстания.

Примечательно, что у Нимфодора речь идет также о рабах, по видимому, связанных с земледелием. Рабы, сбежавшие от своих хозяев, собравшись в большом числе, грабят поместья (οἱ ἄρτοις). Дримак запрещал после заключения договора «грабить поля» (οὐλὰν ἄρτον). Во время празднеств он «получал с полей вино, жертвенных животных — сколько ему могли доставить владельцы» (ἐκ τῶν ἄρτων οἶνον καὶ κτλ.). Во всем отрывке нет даже намека на города, на особенности городской жизни. Массы восставших на Хиосе составляют рабы, занятые сельскохозяйственным трудом.

Само восстание на Хиосе и в Сицилии начинается с появлением организатора, которому восставшие подчиняются как царю. У Диодора Евн, готовивший восстание сицилийских рабов, был избран царем «не за его храбрость или военные таланты, но исключительно за его шарлатанство, а также потому, что он являлся зачинщиком восстания». У Нимфодора Дримак (как «сочиняют» — Ἀνθολόγοι — хиосцы) — «храбрый человек, которому в военных делах покровительствовало счастье, предводительствовал беглыми хиосскими рабами как царь своим войском». Отметим, что, называя вождя восставших царем, Диодор и Нимфодор упоминают одни и те же качества: храбрость и военный талант.

¹⁵⁶ См.: W. L. Westermann. The slave systems..., стр. 41—42; ср.: АСПИ, стр. 384—385, № 608, где восстание хиосских рабов отнесено к середине II в. до н. э.

¹⁵⁷ Подробнее о движении рабов в Сицилии см. главу VIII.

Диодор отказывает в них Евну, а Нимфодор, возможно, ставит их под сомнение. Слова μὴθολογοῦσι οἱ Χίοι свидетельствуют о том, что Нимфодор вообще относится к рассказам хиосцев с недоверием.

Итак, первые шаги хиосских рабов — неорганизованный грабеж и затем выступление под властью предводителя, который руководит восставшими как царь, — напоминают начальный этап сицилийского восстания.

Говоря о характерных особенностях сицилийского восстания, Диодор сообщает о том, что рабы проявили заботу о будущем — «не сжигали мелких поместий, не уничтожали в них ни имущества, ни запасов плодов, и не трогали тех, кто продолжал заниматься земледелием». Нечто подобное проглядывает и в рассказе Нимфодора: хиосские рабы по приказу Дримака также воздерживались «грабить поля и причинять какой-нибудь другой вред».

«Сицилийские» черты можно уловить и в наиболее сомнительной части повествования Нимфодора — о договоре между восставшими рабами и их хозяевами и о святилище «благоклонного героя». По договору Дримак оставлял у себя только тех рабов, которые бежали от невыносимых условий; рабов, жалобы которых признавались недействительными, Дримак отсылал обратно к господам. После смерти Дримака в его святилище хиосские рабы приносили жертвы из того, что им удалось захватить у господ; господа одаривали святилище, когда Дримак предупреждал их во сне о замыслах рабов.

В Сицилии, по сообщению Диодора (XI, 89), существовало место древнего культа братьев Паликов, сыновей сицилийского божества Адрана. На этом священном участке скрывались рабы, бежавшие от неразумия господ. Отсюда их нельзя было увести силой, и они оставались здесь безнаказанными до тех пор, пока господа не вступали с ними в переговоры и, принеся им клятвы в соблюдении условий, о которых они договорились, не примирялись с ними. Соблюдение этих клятв гарантировал страх перед богами. Месту культа братьев Паликов, как и святилищу Дримака, приписывалась, таким образом, важная роль в урегулировании отношений рабов и их хозяев.¹⁵⁸

В описании двух событий можно проследить, таким образом, некоторые черты сходства. Есть, стало быть, известная логика в том, чтобы рассматривать выступление хиосских рабов в связи с крупнейшим рабским восстанием II в. до н. э. И вместе с тем изображение сицилийского восстания у Диодора не покидает реальной почвы. Повествование о Дримаке — прежде всего легенда, в которой нелегко определить границы вымысла и правды.

¹⁵⁸ Такие убежища для рабов были обычным явлением в древнем мире. В Греции правом асии, как правило, пользовались храмы. О. О. Крюгер усматривает роль таких убежищ в том, чтобы удержать рабов от бегства за пределы государства (см.: О. О. Крюгер. Движения античных рабов в доэллинистическую эпоху, стр. 133 и сл.).

К тому же, относя восстание Дримака ко II в. до н. э., мы вынуждены переместить годы жизни самого Нимфодора на еще более позднее время. При этом необходимо одновременно оставить годы жизни писателя в пределах эллинистического периода и резервировать между временем его жизни и датой восстания промежуток, достаточный, чтобы упоминаемое Нимфодором событие успело бы плотно обрести легендой.

Нам представляется, что путь к объяснению черт сходства должен быть иным. Не восстание Дримака следует помещать во II в. до н. э., а скорее годы жизни самого Нимфодора нужно связать с этим тревожным для всего Средиземноморья временем. В самом деле, Нимфодор — автор рассказа о Дримаке — родом из Сиракуз. Предположим, что он был современником знаменитого сицилийского восстания, и мы получим ключ к объяснению многих неизвестных.

Ранних авторов — классического периода — рабы интересуют очень мало. Вспомним Фукидида. Его описание движений рабов чрезвычайно лапидарно. Он не стремится привлечь к ним внимание читателей. Фукидид упоминает о выступлениях рабов лишь бегло, мимоходом, в самых крайних случаях (см.: VIII, 40, 2; ср.: VII, 27,5; 75, 5).

Как ни фрагментарны источники эллинистического периода, общее впечатление все же сводится к тому, что подлинный интерес к «рабскому вопросу» породил именно II в. до н. э.

В «подборке» Афиней, где отрывки из сочинений различных авторов должны подкрепить основную мысль: «жестокое обращение с рабами неизбежно влечет за собой возмездие», центральное место занимает Посидоний. Именно у этого автора II—I вв. до н. э. черпает Афиней большую часть примеров для иллюстрации своей основной мысли.¹⁵⁹ Особое внимание Посидония, как известно, привлекли сицилийские восстания рабов. Именно эти грозные события заставили многих писателей и философов обратить самое серьезное внимание на «рабский вопрос».

Нимфодор из Сиракуз мог быть не только современником, но и очевидцем выступления сицилийских рабов. В этом случае его интерес к движению и личности Дримака особенно понятен. Есть основания полагать, что Нимфодор, составивший «Описание Малоазийского побережья», лично побывал на Хиосе. По-видимому, он сам слышал рассказы хиосцев и осматривал святилище «благоклонного героя». Хиос, широко известный многочисленностью своих рабов и жестокой их эксплуатацией, должен был привлечь внимание жителя Сицилии. Для его родной страны «рабский вопрос» был таким же большим, как и для Хиоса.

Обстановка, которую Нимфодор застал на Хиосе, живо должна была напомнить ему о Сицилии и о недавно пережитых волнениях.

¹⁵⁹ См.: Е. М. Штаерман. Положение рабов в период поздней республики, стр. 88. См. об этом также прим. 140.

Обилие сельскохозяйственных рабов, которые на Хиосе, как и в Сицилии, представляли собой готовый материал для восстания. Частые побеги рабов и грабежи, которым они подвергали поместья окрестных землевладельцев. Наконец, постоянная угроза восстаний. О ней свидетельствует оракул, на который в рассказе Нимфодора ссылается Дримак: борьба хиосских рабов никогда не прекратится, так как она угодна божеству. Нимфодор наблюдал на Хиосе поклонение святилищу «благоклонного героя», в котором приносили жертвы как беглые рабы, так и их хозяева (ἐτι καὶ νῦν οἱ δραπέται ἀποφέρουσι). Он записал легенды, связанные с этой святыней хиосцев. Он собрал рассказы жителей Хиоса о восстании рабов под водительством Дримака, хотя и воспринял их не без сомнения (μυθολογοῦσι οἱ Χῖοι). Весь этот разношерстный и разновременный материал Нимфодор осмыслил и скомпоновал по-своему. Образцом ему послужило памятное для него восстание сицилийских рабов. Отсюда — стремление Нимфодора выделить и усилить те черты в рассказах хиосцев, которые ярче всего напоминают Сицилию. Может быть, сравнение Дримака с царем было продиктовано тем, что царем называл себя вождь сицилийского восстания. (Привкус ранних легенд, записанных Нимфодором, проступает в употреблении титула «стратег» в применении к тому же Дримаку). Свой рассказ о культе Дримака Нимфодор, возможно, конструирует по аналогии с сицилийским образцом, выделяя черты, роднящие легенды о «благоклонном герое» с культом Паликов.

Итак, рассказ Нимфодора из Сиракуз — писателя, жившего, как можно предположить, во II в. до н. э., — это, по всей вероятности, переработка местных легенд, рассказов и преданий по сицилийскому образцу.

Но вернемся к вопросу о том, как же все-таки следует датировать восстание Дримака, послужившее основой для рассказа Нимфодора. Судя по фантастическим наслоениям, оно должно отстоять от жизни писателя не меньше чем на 2—3 столетия. Может быть, следует согласиться с Бюрхнером,¹⁶¹ по мнению которого восстание следует отнести к VI в. до н. э.¹⁶¹ Якоби, однако, считает такую датировку слишком произвольной.¹⁶² И действительно, события VI в. до н. э. слишком далеки, чтобы автор II в. до н. э. мог сказать о них — οὐ μὴρόν. Для него это было бы скорее λάλα.

Некоторую помощь при определении времени восстания хиосских рабов могут оказать сведения, приведенные Фукидидом (VIII, 24, 3). По его словам, страна хиосцев не испытывала никаких невзгод от Персидских войн до осады Хиоса во время Пелопоннесской войны. Трудно представить себе, чтобы Фукидид, при всем его невнимании к рабским движениям, мог бы так легко

¹⁶⁰ См.: N. D. Fustel de Coulanges. Memoires... стр. 527, прим. 1.

¹⁶¹ RE, III, стлб. 2296.

¹⁶² F. Gr. Hist., 3 T., B (Noten), № 572, стр. 351, прим. 24.

опустить столь серьезное для Хиоса потрясение. Трудно также согласиться с такой датой восстания, как 412 г. до н. э.¹⁶³ Побег рабов, пусть даже массовые, в лагерь афинян нельзя связывать с активной борьбой рабов. Время Фукидида было еще временем пассивного сопротивления. Бегство рабов 412 г. до н. э. скорее напоминает аналогичные события Декелейской войны.

С нашей точки зрения, наиболее подходящий период для организованного выступления хиосских рабов — это IV (может быть, III) в. до н. э. Именно в IV—II вв. до н. э. на Хиосе развернулась острая политическая борьба демократов и аристократов, ослабившая единый фронт рабовладельцев.¹⁶⁴ Вместе с тем время с IV по II в. до н. э. — достаточный срок, для того чтобы памятные для хиосцев события могли приобрести ту явно легендарную окраску, в которой они выступают в рассказе Нимфодора.

Рассказ этот интересен не только тем, что он сообщает нам об организованном выступлении рабов. Главная его ценность в том, что он свидетельствует о непрерывных волнениях и побегах хиосских рабов, подвергавшихся жестокой эксплуатации на полях хиосских землевладельцев, о постоянной угрозе рабских восстаний, державшей хиосских рабовладельцев в напряжении и страхе. Этот страх и породил легенду о добром и храбром рабе, установившем на Хиосе мир и порядок.¹⁶⁵

Итак, сведения, которыми мы располагаем о рабстве на Хиосе, дают возможность сделать следующие выводы.

Хиосцы, по-видимому, в числе первых пришли к широкому использованию труда покупных рабов-чужеземцев. На Хиосе, очевидно, шире, чем где-либо в других высокоразвитых районах Греции, использовался в сельском хозяйстве труд рабов. Широкое использование труда рабов в сельском хозяйстве вызвало, вероятно, известное преувеличение численности хиосских невольников в античной историографии и неоднократные сравнения хиосских рабов с зависимым земледельческим населением Спарты, Фессалии и Аргоса. В хиосских формах использования труда рабов в сельском хозяйстве в эллинистический период древние авторы, по всей вероятности, усматривали некоторые черты сходства с практикой греко-римской Сицилии. Этим и объясняется реконструкция восстания Дримакса по сицилийскому образцу.

¹⁶³ См.: К. М. Колобова. Термин οἰκέτης..., стр. 194, прим. 19.
¹⁶⁴ См. прим. 137.

¹⁶⁵ Е. М. Штаерман отмечает, что в римской литературе еще в период республики появляются рассказы о преданных рабах, получившие большую популярность у позднейших авторов (см.: Е. М. Штаерман. Положение рабов в период поздней республики, стр. 93). Тот же мотив благородного и доброго раба можно проследить у Диодора в рассказе о сострадании к дочери Дамофила, которой восставшие за ее доброту не причинили никакого вреда (см.: Diод. XXXIV—XXXV, 2, 23).

Глава VII

РАБСТВО В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

V—III вв. до н. э.

В современной, теперь уже достаточно большой научной литературе, посвященной античному рабству,¹ вопрос об удельном весе несвободного труда в хозяйственной и общественной жизни античной эпохи и численном соотношении между рабами и свободными в отдельных античных государствах, пожалуй, занимает одно из центральных мест. Действительно, это один из важнейших вопросов в научной разработке истории рабства в античную эпоху. Однако для изучения этой проблемы в целом не менее существен и вопрос о различных формах эксплуатации не только несвободного труда, но и труда зависимых от господствующего класса групп населения.

Так называемая классическая форма античного рабства, при которой раб безоговорочно признавался собственностью своего хозяина и начисто был лишен каких бы то ни было прав, безусловно не исчерпывает всего многообразия трудовых отношений и форм эксплуатации, существовавших в античном мире в различные периоды его истории. Наряду с индивидуальной собственностью рабовладельцев на рабов существовала, как известно, собственность коллективная, государственная и храмовая. В ряде случаев несвободным группам населения предоставлялась известного рода хозяйственная самостоятельность и прибавочный продукт труда не целиком присваивался господствующим классом, а частично оставался в руках непосредственных производителей. Наконец, наряду с эксплуатацией непосредственной и прямой существовали и формы эксплуатации косвенной. Грани между состоянием собственно рабским и состоянием зависимости при всех этих условиях не всегда выступают с достаточной четкостью. Между тем для понимания типа господствующих в античном обществе взаимоотношений между различными составляющими его социальными слоями очень важно установить, в какой мере рабовладель-

¹ Обзор этой литературы см. в I главе настоящей работы.

ческий строй влиял на все другие формы общественных отношений, ибо только в этом случае определится историческая роль рабства. Рабство безусловно представляло собою ту основу, на которой зиждилась в античную эпоху экономическая, социальная, политическая и культурная жизнь общества. И тем не менее даже в пору наибольшего своего развития рабство не поглотило и не растворило в себе все другие формы трудовых отношений. На протяжении всех веков, составляющих античную эпоху, эти не чисто рабовладельческие формы эксплуатации труда существуют в различных модификациях, то приближаясь к типу классического рабства, то, напротив, от него отдаляясь и порождая особые категории полусвободных и зависимых людей.

Особенно интересна в этом отношении историческая жизнь населения тех обширных территорий, которые со всех сторон окружали мир тогдашней рабовладельческой цивилизации. Племена и народности, населявшие эти территории, как правило, еще не дошли в своем историческом развитии до классового строя, продолжая сохранять родо-племенную структуру. Обитатели этих стран знакомы с рабовладельческим строем не у себя на родине, но, попадая под гнет рабовладельческой эксплуатации, в других странах, куда их вывозили как военнопленных, проданных в рабство. Получалось так, что и в эпоху господства рабовладельческих отношений значительная часть человечества не была ими непосредственно затронута и испытывала на себе лишь косвенное влияние этих отношений.

Именно такой страной в рассматриваемое время было Северное Причерноморье — одна из окраин античного мира. Античная цивилизация была здесь представлена городами-колониями, основанными преимущественно ионийскими греками в пределах береговой полосы в пору Великой греческой колонизации, и сформировавшимся позднее на основе объединения этих городов-колоний Боспорским царством. Дальше за границами полисных территорий и боспорских владений простиралась огромная страна, населенная кочевыми, полукочевыми и оседлыми местными племенами. Одни из этих племен сразу же вступили в тесное общение с греческими переселенцами. На почве этого общения в Северном Причерноморье получают развитие процессы ассимиляции и синкретизма, наложившие свой отпечаток и на местное население, и на греческие прибрежные города, и на Боспорское царство, которое с полным на то основанием называют негреческим и неместным, а смешанным по характеру населения и особенностям культуры.²

Вполне понятно, что те из местных племен, которые раньше других вступили в тесное экономическое и культурное общение с греческими городами-колониями, в большей мере испытали

² См.: С. А. Жебелев. Северное Причерноморье. М. — ., 1953, стр. 117.

на себе воздействие рабовладельческих отношений, разлагавших устой родового строя; тем более что некоторые из этих племен, судя по ряду признаков, и до появления в Северном Причерноморье греков переживали интенсивный процесс разложения первобытнообщинных отношений.³ Напротив, другие племена, обитавшие вдали от побережья или в силу особенностей их исторического развития находившиеся ко времени колонизации на весьма низком уровне, в меньшей мере подверглись воздействию привнесенной греками цивилизации.⁴ К этому нужно прибавить, что на протяжении античной эпохи историческая жизнь Северного Причерноморья, будучи связанной многими нитями с исторической жизнью античного мира в целом, развивалась и в своих собственных направлениях. Происходили крупные передвижения племен, в ходе острых военных столкновений одни племена вытесняли другие, на исторической сцене появлялись новые племенные группировки и исчезали прежние.

Развитие мира северочерноморских племен, таким образом, протекало в сложных исторических условиях и, если иметь в виду отдельные группы населения, неравномерными темпами. Однако в целом эта страна в глазах ее античных наблюдателей продолжала сохранять неповторимое своеобразие. Античные авторы, которым мы обязаны наиболее ценными сведениями о Северном Причерноморье, воспринимают его как особый мир, противопоставляя его своему собственному. Эти противопоставления, иной раз носящие сугубо тенденциозный характер, красной нитью проходят через все дошедшие до нашего времени литературные свидетельства о Северном Причерноморье. Если одни из античных писателей изображают коренных обитателей этой страны в чертах нарочитой дикости, то другие, напротив, всячески их идеализируют, приписывают им добродетели людей, не испорченных цивилизацией. Платон, например, вспоминает о черноморских скифах тогда, когда ему понадобилось обосновать в «Ерихии» (XVIII) каким-либо конкретным примером свой тезис об относительности понятия ценности имущества: «если мы бы захотели разобраться, почему у скифов дома не считаются богатством, а у нас считаются».

Тенденция изображать северочерноморских скифов в виде идеализированных номадов, чуждых духа стяжательства и корыстолюбия, не знакомых с частной собственностью, мужественных и благородных, — хорошо нам известна. Она сказывается в трак-

³ Например, Синдика (см.: Н. В. Анфимов. Синдика в VI—IV вв. до н. э. Тр. Краснодарск. пед. инст., вып. XXXIII, 1963; Д. Б. Шелов. 1) Монеты синдов. КСИИМК, вып. XXX, 1949; 2) Монетное дело Боспора. М., 1956, стр. 42 и сл.; В. П. Шилов. Синдские монеты. Советская археология, 1951, XV; В. И. Мошинская. О государстве синдов. ВДИ, 1946, № 3, стр. 203 и сл.).

⁴ Например, Таврика (см.: А. М. Лесков. Горный Крым в I тысячелетии до н. э. Киев, 1965).

товке северочерноморских сюжетов у Гелланика, Эфора, Аполлония Родосского, Нимфодора, Посидония, Страбона, Исигона, Диона Хрисостома, у историков, представляющих традицию об Александре, у римлян — Помпея Трога, Горация, Вергилия, Мелы и др. Доживает эта тенденция до конца античной эпохи, и отголоски ее можно встретить в произведениях христианских писателей раннего средневековья.

Не касаясь сейчас большого и сложного вопроса о происхождении идеализирующей мир «варваров» Северного Причерноморья тенденции, присущей столь многим античным авторам, позволим себе подчеркнуть лишь самое в данной связи существенное: тенденция эта обнаруживает совершенно необыкновенную живучесть. Это не кратковременное увлечение парадоксальной мыслью о преимуществах нецивилизованного мира над цивилизованным, а устойчивое убеждение в том, что социальный строй северочерноморских скифов находится в большем соответствии с представлениями греков о справедливости и чистоте нравов, чем их собственный. В течение ряда веков этот взгляд переходит от одного писателя к другому. Чем, как не разочарованием в окружающей их действительности, насыщенной острыми противоречиями рабовладельческой эпохи, мог быть он вызван!

Но есть и другая сторона в самом факте существования в греческом обществе такого рода воззрений. Нельзя себе представить, чтобы они были начисто оторваны от реальной исторической обстановки. Идеализация не могла не иметь под собою почвы. Очевидно, перед глазами представителей рабовладельческой цивилизации в тех случаях, когда они переступали границы привычного им мира и попадали в Северное Причерноморье, раскрывалась картина социального быта, резко отличного от их собственного. Было бы неправильным не считаться с этой особенностью восприятия Северного Причерноморья современниками, тем более что она так заметно запечатлелась в античной литературной традиции.

Наиболее ранние, но в то же время наиболее обстоятельные реалистические и заслуживающие доверия сведения о социальном строе северочерноморских племен и, в частности, о рабстве у скифов содержатся у Геродота.⁵ В свойственной ему новеллистической манере Геродот в начале IV книги (IV, 1—2) рассказывает о восстании скифских рабов, с которыми во время продолжительного похода скифов в Азию вступили в связь оставшиеся на родине их жены. Сам по себе этот рассказ обладает всеми чертами типичной новеллы, написанной притом на весьма характерный для идеологии рабовладельцев сюжет: чтобы подавить сопротивление восставших, скифы догадались заменить обычное оружие на-

гайками, при виде которых восставшие рабы узнали в скифах, так сказать, своих законных хозяев и тотчас же обратились в бегство. В начале этого рассказа, однако, содержится ряд несомненно реалистических подробностей, касающихся использования труда несвободных в животноводческом хозяйстве скифов-кочевников. Геродот рассказывает, что скифы всех своих рабов, т. е. захваченных во время военных столкновений пленников, ослепляли. Поэтому в обязанности этих ослепленных рабов входило только взбалтывание уже выдоенного у кобылиц и разлитого по кувшинам молока, чтобы таким путем отделить от него сливки. На большее они не были способны.

Прием ослепления пленников-рабов в целях предотвращения их побегов не противоречит данным исторической этнографии. В обстановке кочевого быта такой прием вполне объясним: постоянные передвижения по бескрайним степным пространствам облегчали пленникам побег. Однако, если поверить Геродоту, то окажется, что труд рабов мог найти у кочевников лишь весьма ограниченное применение. В этом отношении показателен и рассказ Диодора (II, 43) о вторжении сарматов. Он пишет о поголовном истреблении, а не порабощении и продаже в рабство населения значительной части Скифии, о превращении этой страны в пустыню.

Таким образом, и в годы жизни Геродота, и два столетия спустя, т. е. в III в. до н. э., к которому относят засвидетельствованное Диодором вторжение сарматов в скифские степи, эксплуатация труда рабов у северочерноморских кочевников носила весьма ограниченный характер.

В хозяйственной жизни местного общества удельный вес несвободного труда, по всем признакам, был невелик, и рабовладельческие отношения у скифов в своем развитии вряд ли вышли за пределы патриархального периода. В этой связи обращает на себя внимание особое пояснение, которое дает Геродот в своем описании обряда погребений скифских царей (IV, 72). Упомянув о ритуальном умерщвлении слуг скифского царя на его могиле, Геродот прибавляет, что слуги эти «природные скифы» (Σχόθαι ἐγγενές), так как «царю служат те, которым он сам прикажет, а покупных рабов у него вообще нет».

Отсутствие покупных рабов у скифского царя — и с точки зрения автора этого описания, и с точки зрения его соотечественников и читателей — очевидно, явление столь необычное, что Геродот счел нужным прервать нить своего изложения и специально отметить эту особенность социального строя скифов. Вряд ли можно усомниться в расхождении этого наблюдения с реальной действительностью, оно не противоречит всем остальным сведениям о северочерноморских племенах, сообщаемым Геродотом в его «Скифском рассказе». Ритуальные умерщвления, таким образом, не такой уже бесспорный и обязательный признак рабского со-

⁵ См.: С. А. Жебелев. Северное Причерноморье. Изд. «Наука», Л., 1952, стр. 308 и сл. («Скифский рассказ Геродота»); F. Jacoby. RE, Suppl. II, 282 и сл.

стояния, каким их считает Л. А. Ельницкий в своей недавно опубликованной работе.⁶

Итак, в той картине исторической жизни Северного Причерноморья, которую раскрывает перед нашими глазами «Скифский рассказ» Геродота, более или менее развитые формы рабства еще не находят себе места. Очевидно, развитие производительных сил местного общества еще не достигло того уровня, который делал эксплуатацию несвободного труда рентабельной и порождал постоянную потребность в рабах.

Однако в Северном Причерноморье происходили постоянные военные столкновения между отдельными племенами и группировками племен. Геродот уделяет в «Скифском рассказе» много места описанию военных обычаев скифов. Многочисленные случаи обнаружения предметов вооружения во всех тех местах, где обитали скифы и сарматы, дополняют и подтверждают Геродота. Судя по всему, война в жизни северочерноморских племен была постоянным явлением. На этой почве между победителями и побежденными наряду с порабощением военнопленных, очевидно, могли возникать и другие отношения. Характеризуя «царских скифов», Геродот пишет, что всех остальных скифов они «считали своими рабами» (IV, 20). Следуя за текстом Геродота, эти его слова следует понимать не как констатирование уже свершившегося факта порабощения царскими скифами других северочерноморских племен, но лишь как потенциальную возможность, обусловленную воинственностью и военным превосходством царских скифов над другими племенами. Ведь у Геродота сказано, что они только считают (νομίζοντες) остальных скифов своими рабами, но не сказано, что они ими владеют.⁷

О стремлении кочевников более позднего времени подчинить себе другие земледельческие племена пишет и Страбон (VII, 4, 6). При этом Страбон поясняет, что такое подчинение побежденных выливалось в форму обложения их «умеренной данью». В обществе, в котором еще не созрели предпосылки для широкого использования труда рабов, взаимоотношения такого типа между победителями и побежденными вполне понятны. Конкретные примеры такого рода зависимости нам известны из документов более позднего времени. В ольвийском декрете в честь Протогена (IPE, I², 32) сообщается об обложении царем сайев Сайтафарном Ольвии данью, но, выплачивая ему дань, ольвиополиты не стали от этого его рабами. То же самое можно сказать и о колхах, по свидетельству Геродота (III, 97), раз в четыре года выплачивавших дань персам в виде поставок им ста мальчиков и ста девочек. И в этом

⁶ Л. А. Ельницкий. Возникновение и развитие рабства в Риме VIII—III вв. до н. э. М., 1964, стр. 6 и сл.

⁷ Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, стр. 137 и сл.

случае колхи, очевидно, продолжали жить так же, как жили они до обложения их персами этой данью.

Иными словами, установление зависимости такого типа не нарушало общего строя жизни побежденных и, по сути дела, представляло собою особую форму не прямой, но лишь косвенной их эксплуатации.

По свидетельству Страбона (VII, 4, 6), дань «варварам» выплачивал и Боспор. Судя по всему, обложение данью в течение веков представляло собою в Северном Причерноморье господствующую и, так сказать, традиционную форму взаимоотношений между победителями и побежденными в военных столкновениях. Объяснение этому, очевидно, следует искать в особенностях самих победителей. Если победы одерживались в ходе военных столкновений одними племенами над другими или так называемыми варварами в борьбе с греческими городами-колониями и Боспором, то в таких случаях победители, очевидно, просто еще не располагали нужными средствами для более полного использования своих военных успехов. Подобно галлам, разбившим римлян у Аллии и разрушившим Рим, но оказавшимся совершенно неспособными на длительное время подчинить себе этот город, скифы и сарматы, добиваясь военных успехов, также еще не были в состоянии их закрепить и всесторонне использовать. Для этого требовались более развитые, чем у них были, формы экономической жизни и более совершенная социально-политическая организация. Тем самым мы подходим к одному из самых важных, сложных и далеко еще не изученных вопросов истории Северного Причерноморья в античную эпоху — вопросу о времени возникновения в среде местных племен первых образований государственного типа и их характере.

Помимо Геродота, упоминания о скифских рабах встречаются и у ряда других античных авторов. Так, о скифских рабах упоминает, например, автор медицинского трактата о воздействии на человеческий организм воздуха, воды и климатических условий, вошедший в традицию под условным именем Псевдо-Гиппократ. Он сообщает, что скифские рабыни в отличие от тучных, страдающих бесплодием, свободных скифянок становятся беременными от одного лишь общения с мужчиной. По мнению автора трактата, это прямое следствие трудового образа их жизни, вызванной этим образом жизни сухости тела (SC, стр. 62—63). О скифских рабах упоминает также Полиэн (VII, 44, 2), почти дословно повторяющий приведенный выше рассказ Геродота о подавлении восстания этих рабов вернувшимися из похода скифами. Афинея (XII, 27) рассказывает о необыкновенно жестоком обращении скифов со своими рабами. Более реалистические, но такие же

отрывочные данные о рабах в Северном Причерноморье содержатся у Полибия (IV, 38, 4—5), Страбона (XI, 2, 3); из латинских авторов — у Тацита (Annal. XII, 17), Макробия (Saturn. I, 11, 33) и др.⁸ Однако все эти упоминания, вместе взятые, в лучшем случае лишь удостоверяют самый факт существования рабовладельческих отношений в Северном Причерноморье, но очень мало сейчас можно сказать о характере этих отношений и степени их распространения в северочерноморской племенной среде. При таких условиях вопрос о развитии в мире северочерноморских варваров рабовладельческих отношений и вопрос о времени образования в местной среде первых объединений государственного характера сливаются в одну проблему. При чрезвычайно скудости имеющихся источников по рабству в Северном Причерноморье такая постановка вопроса, по-видимому, представляется единственно возможной, поскольку в самом факте образования государства нельзя не видеть одного из самых надежных признаков перехода общества к классовой структуре.

К сожалению, в этом вопросе между учеными, занимающимися северочерноморской тематикой, были и существуют весьма значительные расхождения во взглядах. А. С. Лаппо-Данилевский, например, в своих вышедших в 1887 г. «Скифских древностях» считал, что местное северочерноморское население жило еще в условиях племенного строя.⁹ В противоположность ему М. И. Ростовцев в ряде Жюблеров работ выдвигал тезис об образовании еще в VII—VI вв. до н. э. большой «скифской державы» и определял эту державу в чертах раннефеодального государства, сравнивая ее с «Золотой ордой».¹⁰ Взгляд М. И. Ростовцева потом был принят рядом других ученых, в частности Ю. В. Готье¹¹ и С. Юшковым,¹²

⁸ Ср.: В. Д. Блаватский. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья. СА, 1954, XX, стр. 34 и сл.

⁹ А. С. Лаппо-Данилевский. Скифские древности. Зап. отд. русск. и слав. археол. Русск. общ., т. IV, 1887. Взгляды, изложенные в этой работе, совпадают с весьма распространенной в то время так называемой теорией родового строя.

¹⁰ М. И. Ростовцев. 1) Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. ИАК, 1913, вып. 49, стр. 23 и сл.; 2) Эллинство и иранство на юге России. СПб., 1918, стр. 35 и сл.; 3) Iranian and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, стр. 8—9, 12—13, 37—38, 41—44; 4) Скифия и Боспор Л., 1925, стр. 3 и сл., 22 и сл.; 5) Bosphoran Kingdom. САН, VIII, стр. 561 и сл.; 6) The social and economic history of the Hellenistic world t. I. Oxford, 1941, стр. 595 и сл.

¹¹ Ю. В. Готье. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до образования первого русского государства. Л., 1925, стр. 246 и сл. ¹² С. Юшков. 1) Учебное пособие по истории государства и права СССР, вып. 1—2. М., 1944, стр. 3—4; 2) Рецензия на работу Б. Д. Грекова «Борьба Руси за создание своего государства». Вопросы истории, 1946, № 1, стр. 140 и сл. (в этой рецензии автор суммирует свои взгляды на этот вопрос).

за границей — Н. П. Толлем,¹³ Эбертом,¹⁴ Кречмером¹⁵ и Г. Вернадским.¹⁶

В 1949 г. в «Очерках по истории Северного Причерноморья» эта концепция была подвергнута автором подробному разбору, так что останавливаться на этом вопросе и повторять выдвинутые его единомышленников контрдоводы

В советской исторической и археологической литературе по Северному Причерноморью также высказывались весьма различные мнения о времени образования первых местных государств. В 1931 г. и, по отзыву мере представлявшей собой пересказ доводов А. С. Лаппо-Данилевского, рассматривал социальный строй скифов, как построенный еще на началах родоплеменной организации.¹⁸ В. И. Равдоникас в работе «Пещерные города Крыма и готская проблема»¹⁹ отмечает начавшийся в скифском обществе процесс социально-имущественного расслоения и формирования рабовладельческих отношений, но в конечных своих выводах характеризует общественный строй скифов как еще доклассовый. А. П. Смирнов в 1935 г. выдвинул тезис о существовании у кочевых скифов геродотовского времени рабовладельческого строя и возникновении в их среде государства раннерабовладельческого типа. В противоположность этому взгляду пишет об этом в «Последнем Перисаде») считал, что до II в. до н. э., до образования скифского царства Скилура и Палака в Крыму, никаких объединений государственного характера у скифов не существовало. «Важным фактором во всей обстановке середины II в. в Крыму было то, — пишет С. А. Жебелев, — что скифы, жившие и действовавшие до тех пор вразброд, начали постепенно объединяться. В Крыму в тылу у Херсонеса образовалось объединенное скифское государство, во главе которого стал царь Скилур».²¹ В дальнейшем точка

¹³ Н. П. Толль. Скифы и гунны. Прага, 1928, стр. 17 и сл.

¹⁴ M. Ebert. Südrußland im Altertum. Bonn—Leipzig, 1921.

¹⁵ K. Kretschmer, s. v. Scythae. Scythia, RE, IIA, 1923, стр. 923—946.

¹⁶ A history of Russia by G. Vernadsky and M. Karpovich, vol. I. New Haven, Yale University press., 1943.

¹⁷ Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья..., стр. 81 и сл., 101 и сл.

¹⁸ С. А. Семенов-Зусер. Родовая организация у скифов Геродота. Изв. ГАИМК, т. IX, вып. 1, Л., 1931.

¹⁹ В. И. Равдоникас. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья. Изв. ГАИМК, т. XII, вып. 1—8, Готск. сборн., Л., 1932, стр. 85 и сл.

²⁰ А. П. Смирнов. Рабовладельческий строй у скифов-кочевников. М., 1935.

²¹ С. А. Жебелев. Северное Причерноморье, стр. 88.

зрения С. А. Жебелева была целиком принята М. И. Артамоновым²² и автором²³ и каждый попытался выдвинуть в ее пользу дополнительную аргументацию.

Противоположную позицию в этом вопросе занял Б. Н. Граков. В 1950 г. в статье «Скифский Геракл»²⁴ он выдвинул тезис о резком и быстром переходе в конце V и в первой половине IV в. до н. э. скифского общества от строя военной демократии к рабовладельческому государству. Б. Н. Граков считает, что этим рабовладельческим государством явилось царство Атея, включившее в свои границы огромное пространство от Истра до Меотиды.

В 1952 г. была проведена конференция ИИМК,²⁵ специально посвященная вопросам скифо-сарматской археологии. На этой конференции Б. Н. Граков выступил с развернутым докладом по этой проблеме.

Уже после конференции ИИМК вышла в свет книга Б. Н. Гракова «Каменское городище».²⁶ Археологической части этой работы предпослан и «Краткий очерк истории Скифии». В этом очерке Б. Н. Граков, развивая свои мысли, уже высказанные в докладе на конференции, формулирует основные положения своей концепции. «В 339 г., — пишет он, — завершается эпопея объединителя Скифии Атея. Этот царь прожил длинную, девяностолетнюю жизнь. К концу сороковых годов он уже закончил объединение всей страны от Меотиды до Истра».²⁷ Центр царства Атея, по словам Б. Н. Гракова, «лежал в пределах степей от Перекопа до Истра, тяготея в основном к Днепру».²⁸ Иными словами, раскопанное Б. Н. Граковым Каменское городище было объявлено своего рода столицей этого государства. Дальше Б. Н. Граков пишет о правящем в царстве Атея классе, основным источником доходов которого «был экспорт хлеба через греков»;²⁹ о рабах — «рабский труд типа труда гелотов был, вероятно, основной силой,

производительной формой для обеспечения такой торговли».³⁰ Б. Н. Граков считает, что в царстве Атея «рабство имело все три формы рабства древности — завоеванных рабов в Крыму, рабов, захваченных на войне, рабов-должников».³¹ Но, кроме рабов, существовали и другие группы зависимого населения: «могли быть тут и своеобразные скифские „перизки“, особенно среди кочевников».³² Государство Атея не прекратило своего существования и после поражения и смерти своего основателя. «Это царство с центром на Днепре после поражения Атея сохранилось в течение полутора столетий (IV—III вв. до н. э.)».³³

Конечный свой вывод Б. Н. Граков формулирует следующим образом: «Скифия являлась не конгломератом племен, как империя Кира, а государством народности, имевшей свой издавна сложившийся язык, свою экономическую базу, свою культуру... От начала союза племен она, более или менее единая, прожила в виде самостоятельного царства около 800 лет».³⁴

Точку зрения Б. Н. Гракова разделяет и ряд других лиц, занимающихся историей Северного Причерноморья: Э. И. Соломоник — в своей статье «О скифском государстве», опубликованной в юбилейном сборнике Керченского музея;³⁵ Д. Б. Шелов — в своей популярной книге «Античный мир в Северном Причерноморье»;³⁶ в статье, специально посвященной Атею,³⁷ и статье о месте античных государств Северного Причерноморья в истории народов СССР;³⁸ Т. В. Блаватская — в своей книге о западно-понтийских городах; А. И. Мелюкова — в автореферате кандидатской диссертации «Вооружение, войско и военное искусство скифов».³⁹ В этом автореферате А. И. Мелюкова, например, пишет: «С образованием государства (имеется в виду царство Атея, — Д. К.) в организации скифского войска наступили изменения... добровольный принцип организации уступил место принудительному, когда государственная власть регулировала численность воинов, необходимых для проведения тех или иных военных опе-

²² М. И. Артамонов. 1) Скифы. Очерки по истории Северного Причерноморья. Тезисы к диссертации на соиск. уч. степ. докт. истор. наук, ЛГУ, 1941; 2) Достижения советской археологии. ВДИ, 1939, № 2; 3) О землевладении и земледельческом празднике у скифов. Уч. зап. ЛГУ, сер. истор. наук, 1946, вып. 15, № 95, стр. 3—20; 4) Общественный строй у скифов. Вести. ЛГУ, 1947, № 9, стр. 70—87; 5) Скифское царство в Крыму. Вести. ЛГУ, 1948, № 7, и т. д. (см.: Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья. ..., стр. 263, прим. 21 и сл.).

²³ Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья. ..., стр. 101 и сл.

²⁴ Б. Н. Граков. Скифский Геракл. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950. Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.), М., 1954.

²⁶ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, М., 1954.

²⁷ Там же, стр. 206.

²⁸ Там же, стр. 22а.

²⁹ Там же, стр. 23а.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, стр. 21а.

³² Там же, стр. 23а.

³³ Там же, стр. 24а.

³⁴ Там же, стр. 34а.

³⁵ Э. И. Соломоник. О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья. Сб. «Археология и история Боспора», Симферополь, 1952, стр. 103 и сл.

³⁶ Д. Б. Шелов. Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956, стр. 91.

³⁷ Д. Б. Шелов. Царь Атей. Сб. «Нумизматика и сфрагистика», Киев, 1965, стр. 16 и сл.

³⁸ Д. Б. Шелов. Античные государства Северного Причерноморья и их место в истории народов СССР. Вопросы истории, 1965, № 11, стр. 41.

³⁹ А. И. Мелюкова. Вооружение, войско и военное искусство скифов. Автореферат. М., 1950.

раций».⁴⁰ Таким образом, по мнению А. И. Мелюковой, в государстве Атея существовала своего рода воинская повинность и призывы на военную службу.

Свое, так сказать, официальное признание излагаемая точка зрения получила на страницах сводного, обобщающего результаты многих других работ издания «Очерки истории СССР» Института истории материальной культуры Академии наук СССР.⁴¹ Здесь концепция Б. Н. Гракова излагается так, что у читателя, непосредственно незнакомого с источниками и историей этого вопроса, не может возникнуть никаких сомнений в исторической достоверности излагаемых в «Очерках» фактов.

На самом деле важнейший, можно сказать, решающий из этих фактов — самый факт существования большого скифского государства на территории «от Меотиды до Истра»,⁴² не говоря уже о всех приписываемых этому государству особенностях его социально-экономического строя, не может считаться засвидетельствованным античной литературной традицией, ибо ни один из античных авторов его прямо не констатирует; если, впрочем, не считать одной единственной фразы Страбона (VII, 3, 18), которая ниже будет подвергнута специальному разбору.

Не нашел этот факт отражения и в имеющемся материале археологических исследований скифских городищ и погребений. Опираясь на этот материал, относящийся к периоду, еще не озаренному светом местной письменности, можно составить лишь представление об общем уровне материальной жизни скифских племен, но не о величине и структурных особенностях скифского государства, если бы таковое и существовало. Иными словами, оперируя археологическими данными в таком вопросе, как вопрос о времени появления и характере скифского государства, в лучшем случае можно лишь говорить о предпосылках к образованию в местной племенной среде объединений государственного типа — констатировать лишь возможность появления таких объединений. Между возможностью появления государственных объединений и реальным, исторически засвидетельствованным фактом их возникновения, однако, дистанция огромных размеров.

Впрочем, штудировав работы Б. Н. Гракова и его единомышленников, очень нетрудно убедиться, что в обосновании выдвигаемого ими положения о существовании в IV в. до н. э. скифского государства с границами «от Меотиды до Истра» археологическая аргументация играет совершенно ничтожную роль.⁴³ Они вспоми-

нают об этой аргументации лишь при встречах с инакомыслящими. В этих случаях, будь то устное обсуждение или выступления в печати, всем, не согласным с выводами Б. Н. Гракова, с автоматической безотказностью предъявляется обвинение в «совершенном игнорировании археологического материала»⁴⁴ без всяких пояснений, что собственно следует иметь в виду под его использованием в данной конкретной связи. Между тем вопрос этот далеко не лишний. Базируясь на одном археологическом материале, как бы хорошо он не был изучен, вряд ли без помощи письменных источников окажется возможным когда-либо решить такие вопросы, как вопрос о границах Атеева царства или вопрос о его социальной и политической структуре. Познавательные возможности любой отрасли научного знания в большей или меньшей мере ограничены особенностями того материала, с которым ей приходится иметь дело. С этим нельзя не считаться.

При таких условиях в поисках ответа на интересующие нас в данной связи вопросы остается снова обратиться к тем свидетельствам античных авторов о скифском царстве Атея, которые дошли до нашего времени. Думается, что только таким путем можно попытаться внести хотя бы некоторую ясность в остающийся все еще очень спорным вопрос о времени появления скифского государства, его характере и исторических особенностях.

Имя скифского царя Атея упоминается в различной связи семью античными авторами: Страбоном (VII, 3, 18), в описании побережья от Истра и Борисфена до Тамираки и Каркинитского залива; Юстином (Just. I, 2, 1—15), излагающим не дошедшие до нашего времени произведения Помпея Трога; Павлом Оросием (III, 13, 4—7), почти полностью повторяющим рассказ Юстина о военных действиях между Атеем и Филиппом; Полиэном (Strateg. VII, 44, 1) и Фронтином (Strategmat. II, 4, 20), сообщающими об одной из военных хитростей Атея, примененной им в войне с трибаллами; наконец, Плутархом (Алоφθέρματα Ατῆων = SC, I, 496), и Климентом Александрийским (V, 5, 31). Они приводят несколько эффектных сентенций, вкладываемых ими в уста Атея.

Из семи античных авторов только один Страбон упоминает о власти Атея над местным северочерноморским населением. Пишет он об этой власти в тоне большой неуверенности — δοκεῖ—

автора, что изображение сцены борьбы человека со зверем на золотых штампованных бляшках представляет собою изображение скифского Таргитая, никак не доказывается, а принято в виде постулата. В лучшем случае в этом предположении можно видеть лишь весьма гадательную гипотезу.

В качестве одного из примеров использования такого рода полемических приемов можно привести хотя бы недавно опубликованную статью Д. Б. Шелова «Царь Атей» (см. сб. «Нумизматика и сфрагистика», Киев, 1965, стр. 20).

⁴⁰ Там же, стр. 23.

⁴¹ Очерки истории СССР. ИИМК АН СССР, М., 1956, стр. 486.

⁴² Б. Н. Граков. Каменское городище. . . , стр. 206.

⁴³ Статья Б. Н. Гракова «Скифский Геракл» (КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 7 и сл.) тут в расчет принята быть не может, потому что утверждение ее

«как кажется»:⁴⁵ Ἀτέας δὲ δοκεῖ τῶν πλείστων ἀρξαι τὴν ταύτην βαρβάρων ὁ πρός Φίλιππον πολεμήσας τὸν Ἀμόντου (VII, 3. 18 = SC, 121) — «Атей, воевавший с Филиппом, сыном Аминты, кажется господствовал над большинством здешних варваров». Фраза эта не связана у Страбона с общим контекстом § 18, в котором идет речь о климате Северного Причерноморья. Для читателя она звучит неожиданно.

Приведенное место, как заметил еще Бергер в своем исследовании о фрагментах Эратосфена, опубликованных в 1880 г.,⁴⁶ производит в общем контексте Страбона впечатление вставки, инородного тела, прерывающей ход его географического описания, к которому он потом снова возвращается. Такого рода отступления типичны для Страбона. Они свидетельствуют об использовании им в своем в значительной мере компилятивном по характеру труде различных источников, в том числе и источников исторических.

Из какого источника почерпнул Страбон свои сведения об Атее? Общеизвестно, что Страбон черпал материал для своего труда не столько из личных наблюдений (ибо ездил и наблюдал он сравнительно мало), сколько из современной ему и более ранней географической, этнографической и исторической литературы, на которую он часто ссылается.⁴⁷ Это можно с полным основанием распространить и на те книги труда Страбона, которые он посвятил западному, северному и южному берегам Понта. Автор до сих пор единственного исследования, специально посвященного Страбону как источнику по Северному Причерноморью (имеется в виду исследование М. И. Ростовцева, вышедшее в 1914 г. в Харькове отдельным изданием),⁴⁸ категорически утверждает, что вне зависимости от того, что Страбон был родом с Понта, в соответствующих частях его труда «нет ни малейшего указания на то, чтобы Страбон был лично знаком с северным и восточным побережьем Черного моря». По заключению М. И. Ростовцева, которое вряд ли может быть оспорено, описывая ту

⁴⁵ Совершенное недоумение вызывает утверждение Д. Б. Шелова, что в намерения автора этой работы входит «устранить это свидетельство... замечанием, что оно производит впечатление позднейшей вставки» (Д. Б. Шелов. Царь Атей. Сб. «Нумизматика и сфрагистика», Киев, 1965, стр. 20). Ведь в этом случае для автора работы весь последующий разбор этого высказывания Страбона утратил бы всякий смысл. Нигде и никогда автор этой работы таких «замечаний» не делал. По существу этого свидетельства см. Д. Каллистов. «Свидетельства Страбона о скифском царе Атее», которая печатается в ВДИ.

⁴⁶ Berger. Die Geographischen Fragmente des Eratosthenes. Leipzig, 1880, стр. 183.

⁴⁷ Такого мнения придерживается и В. Али, автор нового большого исследования о Страбоне (см.: W. Ali. Strabon von Amaseia. Bonn, 1957, стр. 396 и сл.; ср. стр. 101 и сл.).

⁴⁸ М. И. Ростовцев. Страбон как источник для истории Боспора. Харьков, 1914. Обстоятельную сводку литературы по Страбону см. - Honigmann. RE, IVA, 1931, s. v. Strab., стр. 85 и сл.

или иную часть этих побережий, Страбон всегда руководствуется: 1) периплом, т. е. описанием берега, рек, городов, гаваней, обитающих здесь племен; 2) историческими справками по поводу отдельных городов и племен (прибавим от себя, черпаемыми им из различных источников); 3) общим описанием страны, сопровождаемым, как правило, также историческими справками.

Третья глава VII книги Страбона, в § 18 которой содержится интересующая нас фраза об Атее, также построена по этому принципу. С § 14 этой главы начинается довольно сухой перечень рек, городов, племен, с указанием расстояний, начиная от Истра и дальше по побережью на северо-восток. Перечень этот, очевидно, почерпнутый из находившегося в руках Страбона перипла (вопрос, какой это был перипл, в данном случае несуществен), продолжается и в §§ 15, 16 и 17. На протяжении всех этих параграфов встречаются две исторические справки. Одна о совершивших по этим местам походы Дарий и Лисимахе. Причем о последнем сказано, что он попал в плен, но был отпущен благодаря εὐνόμενος τοῦ βαρβάρου — «благожелательности или снисходительности варвара». (Тут ссылка к уже сказанному выше, т. е. к § 8 той же главы, где об этом же говорится подробнее).

Вторая историческая справка в § 17 касается роксолан — их помощи Палаку во время войны с Диофантом, полководцем Митридата. На § 17 изложение перипла прерывается, ибо § 18 посвящен уже не дальнейшему описанию побережья, а характеристике климата и природных условий Северного Причерноморья в целом. В этом параграфе также две исторические справки. Одна служит иллюстрацией сурового климата — замерзание Керченского пролива. Здесь Страбон рассказывает о полководце Митридата Неоптолеме, одержавшем две победы на одном и том же месте в проливе: одну морскую и одну, когда пролив замерз, на льду в конном строю. Следует отметить, что о том же самом эпизоде и в той же связи — в связи с характеристикой климата — Страбон рассказывает во II книге: в I главе § 16; рассказывает почти в тех же словах с той лишь разницей, что здесь он не называет Неоптолема по имени, просто говорит ὁ τοῦ Μιθριδάτου στρατῆρς.

Вторая историческая справка в § 18, совершенно не связанная с общим его контекстом, это цитированная выше фраза об Атее. После этой фразы Страбон возвращается к прерванному им изложению перипла и в § 19 продолжает дальнейшее описание побережья от Борисфена до Тамираки и Каркинитского залива. Такое расположение материала не могло не обратить на себя внимания. Бергер считает, что весь этот отрывок о климате, вклинившийся в описание побережья, явно почерпнут Страбоном из другого источника.⁴⁹ Какого? На этот вопрос Бергер дает совершенно определенный ответ. Дело в том, что среди примеров,

⁴⁹ Berger. Die Geographischen Fragmente... , стр. 183 и сл.

иллюстрирующих холод, Страбон упоминает о медных гидриях χαλχαί ὑδρία, лопающихся от холода. Упоминание об этих χαλχαί υδρία гораздо более подробное и с прямой ссылкой на Эратосфена мы находим у Страбона (II, 1, 16=SC, 99). Здесь Страбон рассказывает, что Эратосфен в доказательство холода приводит надпись, поставленную жрецом Стратием в пантикапейском храме Асклепия, — надпись на лопнувшей от мороза медной гидрии. На этом основании Бергер приходит к выводу, что весь этот прерывающий описание побережья отрывок заимствован Страбоном из Эратосфена.⁵⁰ М. И. Ростовцев к этому прибавляет еще один довод: все примеры, иллюстрирующие суровость климата, связаны главным образом с Пантикапеем а не с Ольвией. Это, по мнению Ростовцева, характерно именно для Эратосфена и его времени, ибо тогда «Боспор в жизни северного побережья играл ту же роль, какую в эпоху Геродота, не знающего Пантикапея, играла Ольвия». Руководствуясь всеми этими соображениями, М. И. Ростовцев следующим образом формулирует свой вывод: «Не может быть поэтому сомнения, что весь отрывок взят у Эратосфена, включая и краткое замечание о царе Атее, заключающее отрывок и не вяжущееся ни с текстом рассказа, ни с эпохой Страбона».⁵¹

С этим выводом М. И. Ростовцева, однако, согласиться очень трудно. Эратосфен, как известно, умер в 195 г. до н. э. Факт этот не может возбуждать никаких сомнений, поскольку основные вехи биографии Эратосфена нам относительно хорошо известны. Между тем полководец Митридата Неоптолем одержал свои победы в Керченском проливе после 80 г. до н. э.⁵² Отсюда неоспоримо вытекает, что Бергер и М. И. Ростовцев в данном случае не правы. Отрывок заимствован Страбоном не целиком. В него он включил сведения по крайней мере о Неоптолеме, почерпнутые и из других источников.

В таком случае, какие у нас могут быть основания думать, что фраза об Атее заимствована у Эратосфена?

Для выяснения этого вопроса необходимо присмотреться, в каких случаях Страбон в части своего труда, посвященной Северному Причерноморью, упоминает имя Эратосфена. Всего таких случаев автор насчитал одиннадцать.

- I, 2, 1 — Страбон приводит мнение Эратосфена в связи с вопросом о значении походов Александра для расширения географического кругозора.
- I, 3, 2 — Страбон спорит с Эратосфеном и не соглашается

с его определением самого восточного пункта «нашего моря» (ἡμᾶς θαλάττης).

- I, 4, 2 — Упоминает имя Эратосфена в связи с вопросом о ширине обитаемой земли.
- I, 4, 7 — В связи с вопросом о делении материков.
- II, 1, 16 — Это цитированное уже место — о медной гидрии, лопнувшей от холода.
- II, 1, 18 — В связи с вопросом, лежат ли Фапсак и Каспийские горы на одном и том же меридиане.
- II, 4, 8 — Критикует мнение Эратосфена о числе полуостровов в Европе.
- II, 5, 25 — Обвиняет Эратосфена в ошибке, допущенной им при определении самого восточного пункта ойкумены.
- II, 5, 42 — Упоминает Эратосфена в связи с определением расстояния от Мерой до Геллеспонта и Борисфена.
- VII, 3, 6 — Ожесточенно спорит с Эратосфеном по вопросу об осведомленности Гомера в географии и этнографии.
- VII, 3, 7 — Также спорит с Эратосфеном по тому же вопросу.

Таким образом, во всех тех случаях, когда Страбон называет прямо имя Эратосфена, он не заимствует и не оспаривает у него никаких исторических сведений. Какие же в таком случае могут существовать основания предполагать, что сведения об Атее были почерпнуты Страбоном у Эратосфена? Больше того, когда Страбон, например, ссылается на Посидония, он часто выражает одобрение его взглядов: οὐ κακῶς εἰκάζει — «недурно предполагает» (VII, 2, 2; 3, 2; 3, 3) — и дальше безоговорочно принимает мнение Посидония. Из приведенных выше мест видно, что никогда Страбон таких комплиментов по адресу Эратосфена не расточает, обращается же к нему совсем в другом тоне.

К сожалению, вопрос о тех античных писателях, у которых Страбон, не называя их по имени, черпает свой материал, принадлежит к числу труднейших и в лучшем случае может быть разрешен лишь в сугубо предположительной форме. Тем не менее в отдельных случаях с большей или меньшей долей вероятности оказывается возможным установить то направление, к которому принадлежали эти писатели. В данном случае нас, конечно, в первую очередь интересуют те авторы, у которых Страбон черпал материал для своих исторических экскурсов и справок. В решении этого вопроса приходит на помощь сам Страбон.

В I, 2, 1 он сам излагает, если так можно выразиться, основные принципы, положенные им в основу использования исторического материала.

⁵⁰ Там же, стр. 184..

⁵¹ М. И. Ростовцев. Страбон как источник. . ., стр. 7.

⁵² См.: Th. Reinach. Mithridat Eupator. Leipzig, 1895, стр. 67, где сведены все относящиеся к этому данные.

1) Первый принцип он формулирует так: «К познаниям современников многое прибавило (των Ρωμαίων ἐπικράτεια καὶ τῶν Παρθυσῶν) владычество римлян и парфян».

2) До этого «людям, жившим после походов Александра (здесь ссылка на Эратосфена, — Д. К.), много знаний дали эти походы».

3) «Дальнейшие области до меоты и побережья, оканчивающегося областью колхов, сделал известными Митридат».

Нетрудно заметить, что почти все исторические экскурсы и примеры распадаются у Страбона именно на эти три раздела. В интересующей нас сейчас части труда Страбона исторические его экскурсы также распадаются в основном на эти три раздела.

Вспомним эти экскурсы.

В § 14 он вспоминает Дария и Лисимаха. О Дарии говорится очень кратко — это в сущности то, что может быть названо общеизвестным фактом, и ссылок на такие факты сравнительно немного. Экскурс же о Лисимахе связан с определенной тенденцией, приверженность к которой Страбон не скрывает от своих читателей. Напоминаю еще раз, что попавший в плен Лисимах, т. е. деятель, связанный с эпохой Александра (тут Страбон верен своим принципам), был отпущен благодаря εὐνομοῦνος τοῦ βαρβάρου. Страбон тут же оговаривает, что он подробнее говорил об этом выше. И действительно, в § 8 той же главы мы встречаемся с более подробным рассказом о Лисимахе, выдержанным в духе явной идеализации варварского мира, столь характерном для направления, представленного Эфором и Посидонием. Тут и «бедность» варваров, и «довольство своим положением», и «благородство», проявленное Дромикетом по отношению к плененному Лисимаху.

Второй исторический экскурс о помощи, оказанной роксоланами Палаку, в полном соответствии о вышесформулированными принципами Страбона, относится к эпохе Митридата.

В наиболее для нас интересном § 18 один из экскурсов о сражении Нептолема снова относится ко времени Митридата, а второй — посвящен Атею.

Этот экскурс, учитывая все то, что мы знаем об этом царе благодаря Помпею Трогу в изложении Юстина, Оросию, Полиэну и Фронтину, органически связан с традицией о Филиппе и Александре. Но тут важно подчеркнуть, что для этой традиции как раз характерна тенденция идеализировать варварский мир, писать о бедности и простоте жизни скифов и в то же время наделять их чертами высокой морали.

Приверженность Страбона к этому направлению совершенно бесспорна, ибо он сам об этом пишет в VII книге (глава 3, §§ 1—9). В органической связи с этими взглядами находится и прекло-

нение Страбона перед авторитетом Гомера. Для Страбона и его единомышленников Гомер был не только непревзойденным поэтом, но и олицетворением древней мудрости и простоты, непререкаемым авторитетом в области древней географии и этнографии. Можно с уверенностью утверждать, что Страбон не только знал, но и увлекался произведениями писателей, повествовавших о высоких моральных качествах, мужестве и могуществе скифов. (Приемы преувеличений для этих писателей очень типичны).

Таким образом, если мы не можем по имени назвать автора, у которого Страбон почерпнул свои сведения об Атее, «властвовавшем над большей частью варваров» Северного Причерноморья, то с большей или меньшей долей вероятности оказывается возможным установить то направление, к которому принадлежал этот писатель. Это то самое направление, которое создало столь популярный в античной традиции образ Анахарсиса — одного из семи мудрецов древности. И не случайно сентенции, вкладываемые Климентом Александрийским и Плутархом в уста скифского царя Атея, и по содержанию, и по форме, и по стилю весьма близки к сентенциям мудрого по своей неиспорченной цивилизацией природе Анахарсиса.

Направление, о котором идет речь, оказывается весьма долговечным. Восходящая к Эфору тенденция идеализации варваров затем переходит к историку Александра — Арриану, видимо, воспроизводящему традицию Птолемея, Аристубула и Клитарха. М. И. Ростовцев высказывает мысль, с которой трудно не согласиться: стремление возвеличить Александра, изобразить его победителем непобедимых, естественно, толкает историков этого направления к подробному и тенденциозному описанию его военных действий на территориях, населенных варварами. Бедность и справедливость скифов делала их непобедимыми.⁵⁴

Но любопытно, что та же идеализация скифов наблюдается и у Курция, который занимает по отношению к Александру резко отрицательную позицию. Подчеркивая моральное превосходство скифов, он нарочито противопоставляет эти их качества жадности и деспотизму Александра. При всех этих условиях нельзя не отдать должного критическому чутью и чувству меры приверженного к этой традиции Страбона. В своем экскурсе об Атее, которого, кстати сказать, не знает ни один другой письменный источник, непосредственно относящийся к Северному Причерноморью, Страбон все же не забыл сказать *δοξή*. Приходится только удивляться, почему это страбоновское *δοξή* начисто игнорируется Б. Н. Граковым и другими сторонниками его концепции.

Как только что выше было отмечено, все остальные шесть авторов, упоминающие имя Атея, не связывают его деятельности с Северным Причерноморьем. Для них она ограничивается райо-

⁵³ Об этой тенденции см.: Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья. . . , стр. 91 и сл.

⁵⁴ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 103 и сл.

ном, непосредственно прилегающим к Истру, и территорией Фракии, т. е. не Северным, а Западным Причерноморьем.

Так, военная хитрость Атея, о которой рассказывают Фронтин и Полиэн, связывается с военными действиями Атея против фракийского племени трибаллов. Рассказ этот у Фронтин сводится к тому, что «*Athas rex Scytharum*», когда ему пришлось сразиться с превосходящими силами трибаллов, — *iussit a feminis et pueris omnique imbelli turba*, — «приказал женщинам, детям и всей нестроевой толпе» подогнать к тылу неприятеля стада ослов и быков и нести впереди поднятые копья; затем он распустил слух, что к нему идут подкрепления от более отдаленных скифов (...*auxilia sibi ad ulterioribus Scythis adventarent*). Этим он побудил неприятеля отступить.

Примерно к тому же самому сводится и рассказ Полиэна с той разницей, что он не называет Атея по имени и приказ двинуться с табунами лошадей дается не женщинам и детям, а γεωργοῖς καὶ τοῖς ἱπποφοβοῖς — земледельцам и коневодам.

Вызывает совершенное недоумение вывод Б. Н. Гракова, основанный на этом рассказе. На стр. 20 «Каменского городища» он пишет: «Из передачи Полиэном известного анекдота о битве Атея с трибаллами видно, что власть Атея распространялась и на внутренние скифские племена».

Из чего это видно? Если придерживаться текста Полиэна, то выходит, что Атей только ввел в заблуждение противника, в исторической же действительности никакой помощи со стороны других скифов ему оказано не было. В этом и состояла военная хитрость, побудившая Полиэна и Фронтин включить этот эпизод в свои сборники.

Кроме того, Полиэн пишет: νομίσαντες τοὺς ἀπὸ Σκόθας ἡγεῖν αὐτοῖς συμμάχους, т. е. здесь имеются в виду союзники Атея, которые вовсе не обязательно могли быть его подданными.

Но существует еще одно обстоятельство, понижающее надежность рассказов Полиэна и Фронтин как исторических источников. Дело в том, что буквально та же самая военная хитрость приписывается Полиэном не только Атею, но и Пердикке (IV, 19; ср.: Фронтин IV, 7), а у Диодора встречается сходный рассказ, относящийся к военной деятельности Агафокла.

Создается впечатление, что здесь мы имеем дело с ходовым, популярным в античное время рассказом, который античные авторы связывают с различными историческими лицами. Строить какие-либо далеко идущие выводы на основании этих рассказов при таких условиях представляется по меньшей мере рискованным.

К этому можно прибавить, что источники Полиэна и Фронтин, касающиеся их сведений о скифах, по общему мнению ученых, занимавшихся этим кругом вопросов, не поддаются определению. Тут возможны лишь более или менее гадательные предпо-

ложения. По одному из таких предположений, высказанных Шубертом и М. И. Ростовцевым, рассказы эти, но не непосредственно, а через Дуриса, восходят к Феопомпу.⁵⁵ Но и в этом случае надежность их не повышается, поскольку за Феопомпом не случайно утвердилась репутация писателя кабинетного и не очень осведомленного в военных делах.

При таких условиях главным источником наших сведений о событиях, связанных с именем Атея, остается Помпей Трог в пересказе Юстина, к которому примыкает повторяющий его почти дословно Павел Оросий — писатель поздний, современник Блаженного Августина.

Помпей Трог занимает совсем особое место в латинской историографии. Оставляя сейчас в стороне вопрос о многочисленных и разнообразных источниках Помпея Трога, лежащих в основе большого его труда *Historiae Philippicae*, позволим себе остановиться в интересующей нас связи лишь на самом главном — на том, что может быть названо общей концепцией Помпея Трога. Вопросу об этой концепции Помпея Трога посвящена очень обстоятельная статья К. К. Зельина.⁵⁶ Помпей Трог, по мнению К. К. Зельина, резко отрицательно относился к тому, что мы теперь называем агрессией: завоевательные войны с целью порабощения соседей, с его точки зрения, безусловное зло. В идиллические времена древности цари, возглавлявшие народы — *populi, gentes, nationes*, воевали не ради порабощения своих соседей, а вели войны с более отдаленными от них народами ради славы. Но потом времена изменились, и главным мотивом завоевателей становится жажда добычи. Именно такими чертами характеризует Помпей Трог Филиппа II. Ему приписывается *perfidia* — коварство (VIII, 1, 3), он не отягощает себя никакими моральными соображениями. В VIII, 3, 13 говорится, что не было такого права, установленного людьми или богами (*jus* и *fas*), которое Филипп бы не осквернил. Он разрушает города, продает в рабство женщин и детей, грабит храмы (VIII, 3, 1 и сл.). Для морального облика Филиппа характерно лицемерие — *simulatio*. Дружбу он ценит лишь тогда, когда она ему выгодна.

В сходных чертах характеризует Помпей Трог в IX—XII книгах и Александра. Ему также свойственны *simulatio* — двоедушие, *crudelitas* — жестокость, *superbia* — высокомерие, жажда роскоши и жадность к деньгам.

Весьма любопытно, что в речи, вложенной в уста Митридата (XXVIII, 2, 8), Помпей Трог подобным же образом характеризует и своих соотечественников римлян. Кто такие римляне? Они отняли землю у ее законных собственников, похитили жен, осно-

⁵⁵ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 130.

⁵⁶ К. К. Зельин. Основные черты исторической концепции Помпея Трога. ВДИ, 1948, № 4, стр. 208 и сл.

вание их города сопровождалось братоубийством. Основатели государства вскормлены волчицей, и до сих пор души у римлян волчьи, они ненасытны в жажде крови и власти (XXXVIII, 6, 7).

И вот всем этим жестоким завоевателям и народам противопоставляются скифы — самый древний народ, сохранивший старинные обычаи и моральную чистоту. Скифы не знают собственности, презирают золото и серебро. Поэтому все попытки покорить скифов, предпринятые Киром, Дарием и Александром, не увенчались успехом. Скифы в полной мере обладают тем, что римляне обозначили словом *virtus*. Они тоже вели войны и покорили Азию, но руководствовались они при этом жаждой не добычи, а славы. Совершенно ясно, что такого рода воззрения Помпея Трога в значительной мере предрешили выбор первоисточников. В трактовке деятельности Филиппа и Александра он использует враждебную им традицию раннеэллинистического времени, а в характеристике скифов целиком примыкает к идеализирующему их направлению.

В передаваемом Юстином рассказе Помпея Трога об Атее (IX, 2, 1—16) влияние этой идеализирующей скифов традиции ощущается в каждой строке: и в полных достоинства переговорах Атея с Филиппом, и в его отказе удовлетворить требование Филиппа о погашении части его военных издержек. На это требование Атей отвечает, что у него нет таких сокровищ, которыми он бы мог удовлетворить столь богатого царя. Отказ Атея удовлетворить требования Филиппа и послужил, по Юстину, причиной войны. Филипп прекращает осаду Византия и предпринимает поход против Атея. При этом он еще раз обнаруживает присущее ему вероломство. Послы Филиппа, чтобы, так сказать, усыпить бдительность Атея, объявляют ему, что во время осады Византия Филипп обещал поставить статую Гераклу, и цель его похода ограничивается установкой этой статуи у устья Истра. Заканчивается этот рассказ тоже весьма характерно. Когда Филипп в сражении разбил скифов, несмотря на превосходство их в доблести и численности, при помощи хитрости — *cum virtute et numero praestarent, astu Philippi vincuntur* — победителям досталась богатая добыча: 20 тысяч детей и женщин, множество скота, но золота и серебра не оказалось — *auri argentique nihil*.

Если теперь отбросить из рассказа Трога—Юстина все эти красочные подробности, навеянные тенденциозной трактовкой обоих действующих в повествовании лиц, и македонского царя Филиппа, и Атея, то рассказ этот может быть сведен примерно к следующему.

Скифский царь Атей, теснимый войной с истрианцами — *rex Scytharum Atheas, qui cum bello Histrianorum premeretur*, попросил при посредстве аполлонийцев помощи у Филиппа — *auxilium a Philippo per Apollonieuses petit*.

Но тем временем умер *rex Histrianorum* и тем самым — *metu belli et auxiliorum necessitate Scythas soluit* — освободил скифов от страха войны и нужды в помощи.

После этого Атей взял назад свою просьбу о помощи Македонии и свое обещание передать за эту помощь свое царство Филиппу после своей смерти. Филипп, несмотря на это, потребовал у Атея денег, необходимых для погашения значительных военных расходов, связанных с осадой Византия. Когда же Атей отказал в выплате этих денег, Филипп после прекращения осады Византия, вызванной хорошо известными причинами, предпринял поход против Атея и в первом же сражении разбил его наголову.

Историческому осмыслению всех этих фактов и внесению в них известного рода корректив существенно могут помочь имеющиеся у нас сведения о военных и политических событиях этого времени.

События эти настолько значительны, что нашли отражение у целого ряда авторов: в речах Демосфена, у Диодора, Юстина, Полизна, Плутарха, Дионисия Византийского, Гезихия, Стефана Византийского и других авторов. Суть этих событий заключалась в том, что после походов 353, 351 и 346 гг. до н. э. Филиппа во Фракию, в 342—341 гг. до н. э., он захватил владения фракийских царей Тереса и Керсobleпта, т. е. овладел значительной частью Фракии. После того как на прилегающем к Геллеспонту побережье был основан Филипполис — опорный пункт македонского господства над Фракийским побережьем, Филипп приступил к завоеванию побережья Пропонтиды, выступив против Византия и находившегося с ним в союзе Перинфа.

Переход в руки Филиппа контроля над проливами, через которые шел в Грецию хлеб с побережий Черного моря, стал представляться делом недалекого будущего. Кровные интересы не только Афин, но и ряда других греческих городов оказались под угрозой. В результате образуется сильная коалиция греческих городов во главе с Афинами, располагавшая значительными морскими силами. В ходе начавшихся военных действий Филипп терпит первые в своей деятельности крупные неудачи. Вынужденный приостановить осаду Перинфа, он часть своих сил перебрасывает к Византию. Но вскоре ему пришлось снять осаду Византия и предпринять поход на север к Истру. Если вспомнить предшествующую военную деятельность Филиппа, а также то, что произошло уже после его смерти, станет ясным, что военные действия Македонии против фракийских племен и чередующиеся с ними столкновения с греческими городами были органически связаны друг с другом. Любая военная или политическая неудача на одном из этих двух участков деятельности неизбежно вызывала осложнения на другом. Неслучайно Александр сразу же после получения власти был поставлен перед необходимостью совершить поход к Дунаю. Вот почему неудача, которую Филипп потерпел под Византием, грозила уничтожить плоды всех его успехов, до-

стигнутых во Фракии в течение трех предшествующих лет. В этом коренятся основные причины его похода, предпринятого не только против Атея, но и поднявших против него оружие трибаллов.

Теперь уместно вернуться к вопросу: какую роль во всех этих событиях сыграл Атей?

Из Юстина—Трога вытекает, что столкновение между Атеем и *rex histrianorum* началось раньше, до осады Византия, во всяком случае до того, как осада эта была снята.

Кто этот *rex histrianorum*? Данов⁵⁷ и Глотц⁵⁸ видят в нем единоличного правителя греческого города Истрии; Пик,⁵⁹ Б. Н. Граков⁶⁰ и Кондураки⁶¹ — вождя одного из местных племен; Т. В. Блаватская — некую коалицию жителей Истрии с местными племенами.⁶² Два последних мнения вряд ли могут быть оправданы, поскольку ни один из античных авторов, кроме Псевдо-Скилака Кариандского, такого племени не называет.

Что касается Псевдо-Скилака, то в своем перипле (20) он пишет: *Ἰστροί; μετὰ δὲ Ἐνέτους εἰσὶν Ἰστροὶ ἔθνος, ποταμὸς Ἰστρος. Παράλλους δὲ τῆς Ἰστριανῶν χώρας.* Но свидетельство Псевдо-Скилака не отличается определенностью, так как энефы, по Геродоту (I, 196), представляют собой часть иллирийского племени и живут (V, 9) у Адриатического моря. Геродот же в рассказе о Скиле (IV, 78) сообщает, что Скил был сыном, родившимся *ἐξ Ἰστριηνῆς δὲ γυναίκος*. Штейн в комментарии к этому месту отмечает, что в данном случае может идти речь только об уроженке города Истрии.

В *Scriptores Augustae* (XXI, 16, 3) у Юлия Капитолина Максима и Бальбина встречается свидетельство о падении Истрии, с ссылкой на Дексиппа — *fuit et Histriae excidium eo tempore ut autem Dexippus dicit Histriae civitatis*.

Так как Дексипп писал по-гречески, то, следовательно, отсюда можно предполагать прилагательное *ιστριανός*, η, ον.

Наконец, в *Inscriptiones Atticae* (III, pars posterior, 1882) встречается аттическое надгробие римского времени № 2499: *Σίμη Ἀλατουρίου Ἰστριανή*.

Все эти данные подкрепляют мнение Керста Данова и Глотца, видящего в *rex histrianorum* единоличного правителя греческого города Истрии.

Но почему Трог—Юстин называют его *rex*? Какое значение это имеет в данном контексте? Для выяснения этого вопроса сле-

⁵⁷ Хр. М. Данов. Западният бряг на Черноморе в древността. София, 1947, стр. 52.

⁵⁸ G. Glotz. *Histoire grecque*. Paris, 1936, стр. 334 и сл.

⁵⁹ B. Pick und K. Regling. *Die antiken Münzen von Dacien und Moesien*, I, 1. Berlin, 1898.

⁶⁰ Б. Н. Граков. Каменское городище. . . , стр. 20⁶.

⁶¹ Histria, I. Bucaresti, 1954, стр. 32 и сл.

⁶² Т. В. Блаватская. Западнопонтские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952, стр. 87.

дует обратиться к труду А. И. Доватура,⁶³ который подвергает специальному анализу такие термины, как *τύραννος*, *μόναρχος* и *βασιλεὺς*. В конечном итоге А. И. Доватур приходит к выводу о довольно свободном словоупотреблении. Единоличные правители, овладевшие единоличной властью не в порядке престолонаследия, называются то *τύραννος*, то *μόναρχος*, а в повествованиях, прямо или косвенно отражающих устную новеллу, и термином *βασιλεὺς*.

Очень было бы важно проследить, как переводят эти термины латинские авторы, особенно близкие по времени к Помпею Трогу, Георгес в словаре пишет, что под словом *rex* в республиканское время разумеется всякий ненавистный правитель. К сожалению, близкий по времени с Помпеем Трогом Корнелий Непот, например, в биографиях Мильтиада и Фемистокла пользуется греческим термином «тиран» без перевода — *tyrannus . . . tyranni*. Но Тит Ливий знает оба термина. В главах 4—7-й и 21—26-й XXVII его книги, а также в главе 30-й XXXIV книги можно встретить и термин *rex*, и термин *tyrannus* для обозначения однородных политических явлений. Но самое в этом отношении интересное словоупотребление встречается у Авла Геллия — *Noctes Atticae*, XVI, 19.

В данном случае Авл Геллий пересказывает Геродота (I, 23—24), т. е. содержащееся у Геродота предание об Арионе.

И то место, в котором Геродот прямо называет Периаандра тираном, передает так: «*rex Corinthi Periander*», «*a rege Periandro*». При этом характерно, что Авлу Геллию знаком термин *tyrannus* и он пользуется им. О Дионисии Старшем он пишет: *et in Sicilia Dionysus superiar tyrannidem tenuit*.

Таким образом, у латинских авторов можно констатировать ту же свободу в политическом словоупотреблении, что и у греческих.

Из всего этого следует, что под *rex histrianorum* скорее всего следует разуметь единоличного правителя греческого города Истрии, утвердившегося у власти путем тиранического переворота.

Ничего неожиданного в этом нет. Когда Аристотель в «Политике» (V, 5, 1; 5, 7) приводит примеры олигархических переворотов, он называет и Истрию, и Аполлонию. Они у него упоминаются, так сказать, в паре. Из исторического опыта Греции мы очень хорошо знаем, как часто олигархические режимы сменяются тираническими. В частности, Милет — общая метрополия и Истрии, и Аполлонии — также не миновал этого этапа в своем историческом развитии.

Таким образом, все говорит за то, что Атей воевал с греческим городом Истрией. Если это так, то у нас возникают совершенно определенные представления об исторических масшта-

⁶³ А. И. Доватур. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957, стр. 46—58.

бах всех этих событий. Вряд ли может идти речь о главе грандиозного по тому времени государства, вызывающем о помощи к Филиппу при военном столкновении с одним из сравнительно небольших городов Западного Понта. Вряд ли Филиппу предстояло, если бы его соглашение с Атеем состоялось, короноваться в столице Атеева царства, Каменском городище, и, наконец, вряд ли вся эта эпопея могла бы закончиться одним сражением, если бы за спиной Атея действительно находилось подвластное ему государство с территорией, простиравшейся от Истра до Мео-тиды.

Нужно ли еще раз повторять, что в поле нашего зрения нет ни одного источника, который давал бы основания предполагать существование в этом государстве системы административного управления. Не существовало в нем и письменности, и не было никаких признаков постоянной военной организации.

Известны, правда, пять серебряных монет (серебряные драхмы, датируемые серединой IV в. до н. э., с изображением Артемиды на аверсе и скифского всадника на реверсе) с именем Ἀταίας, Ἀτέας, Ἀτοίας.⁶⁴ Три из них были опубликованы в 1952 г. в IX книге «Известий археологического общества в Варне» болгарским нумизматом А. Рогальским.⁶⁵ И А. Рогальский, и П. О. Карышковский⁶⁶ высказали предположение, что монеты эти связаны с деятельностью монетного двора Каллатии, т. е. только с Западным Понтом.

В. А. Анохин, автор последнего по времени исследования, посвященного этим монетам, соглашается с А. Рогальским и П. О. Карышковским в том, что три из пяти монет с именем Атея безусловно чеканились в Каллатии. Что касается двух других, относимых В. А. Анохиным к так называемой первой группе, то, по его предположению, они чеканились — очевидно, по заказу Атея — в Гераклее Понтийской, т. е. тоже далеко за пределами Северного Причерноморья.⁶⁷

⁶⁴ См.: В. А. Анохин. Монеты скифского царя Атея. Сб. «Нумизматика и сфрагистика», 2, Киев, 1965, стр. 3 и сл.

⁶⁵ А. Рогальский. Образец на Артемида върху монети от Каллатис. ИВАД, X, Варна, 1955, стр. 119—121.

⁶⁶ ВДИ, 1962, № 2, стр. 146 и сл.

⁶⁷ В. А. Анохин. Монеты скифского царя..., стр. 6 и сл. Мнение В. А. Анохина, кстати сказать, разделяемое и Д. Б. Шеловым (см. его статью: Царь Атей. Сб. «Нумизматика и сфрагистика», Киев, 1965, стр. 21), о том, что «наличие обеих монет в русских собраниях делает наиболее вероятным предположение о том, что они были найдены на территории Советского Союза», представляется весьма странным, чтобы не сказать больше. Неужели местопроживание коллекционеров античных монет нашего времени может служить основанием для решения такого рода вопросов, хотя бы и в предположительной форме?

В данной связи, однако, существеннее подчеркнуть другое: место находки двух монет первой группы никакому определению не поддается, так как никаких сведений об этом не сохранилось, происхождение же трех монет второй группы бесспорно связывается с Западным Понтом, территорией современной Болгарии.

Донативный характер всех пяти монет вряд ли может возбудить сомнения, так что о существовании системы монетного обращения в Атеевом царстве никто пока что говорить не решается.

Из всего сказанного следует, что деятельность Атея вряд ли можно рассматривать как выходящую далеко за пределы современной Добруджи. Атей был вождем одного из скифских племен, может быть группы скифских племен, в области Нижнего Дуная, выступление которого против Македонии без особой затраты сил было подавлено Филиппом в одном единственном сражении.⁶⁸ Большого на основании имеющихся источников не скажешь.

Итак, резюмируя все изложенное выше, следует прийти к выводу, что в Северном Причерноморье IV в. до н. э. никаких признаков крупных объединений скифских племен государственного характера и развитой системы классовых отношений отмечено быть не может. При таких условиях рабство в местной среде не могло достигнуть сколько-нибудь заметного развития и занять существенное место в экономической жизни. В развитых формах оно могло существовать в Северном Причерноморье только в прибрежной полосе, на территориях городов-колоний и во владениях Боспорского царства.

В ольвийском декрете в честь Протогена (IPE, 1,²-32) упоминается, что во время одного из очередных варварских нашествий рабы и пограничные микселлины были совращены врагами и покинули город. По свидетельству Макробия (Saturn. I, II, 33), во время осады Ольвии полководцем Александра Македонского Зооприоном ольвиополиты, чтобы отстоять свой город, были вынуждены пойти на такую крайнюю меру, как освобождение рабов.

Прямых свидетельств о рабстве на Боспоре и в Херсонесе V—III вв. до н. э. ни в дошедшей до нашего времени литературной традиции, ни в надписях не сохранилось. Однако в развитии и в этих государствах рабовладельческих отношений сомневаться

⁶⁸ J. Kaerst. Geschichte des Hellenismus, Bd. I, 2 Afl. Leipzig—Berlin, 1917, стр. 256; G. Glotz. Histoire grecque, III. Paris, 1936, стр. 344 и сл.; A. Momigliano. Filippo il Macedone. Firenze, 1934, стр. 152—153; P. Niculescu. La campagne de Philippe en 339. Dacia, II, 1925, стр. 23 и сл.; A. W. Pikard-Cambridge. Macedonian supremacy in Greece. CAH, V, 1927, стр. 256 и сл.; A. Aymard. Le monde grec au temps de Philippe II de Macedoine et Alexandre le grand. Paris, 1952, стр. 170; Chr. Danov. Zur Geschichte der außenpolitischen Beziehungen der griechischen Kolonien an der Schwarzmeerküste in Klassischer und hellenistischer Zeit. Etudes Historiques, t. II. Sofia, 1965, стр. 11 и сл. P. Alexandrescu. Ataias, «Studii clasice», 1967, IX, стр. 85 и сл.

не приходится, поскольку они нашли отражение в источниках более позднего времени. Тацит (*Annal.* XII, 17) рассказывает о событиях 49 г. н. э., когда во время военных действий на территории, населенной сираками, жители осажденной римлянами Успы предложили им в виде выкупа *servitii decern milia*. По всей видимости, под этими десятью тысячами *servitii* следует разумеать военнопленных-рабов. Дошла до нас и любопытная боспорская поствительная надпись (*CIRB*, № 976), датированная в самом тексте 151 г. н. э., в которой упоминаются пелаты — зависимое, прикрепленное к земле население. Дошли и боспорские манумиссии I—III вв. н. э. — эпиграфические документы об отпуске рабов на волю. Рабы упоминаются и в целом ряде других надписей.⁶⁹ Наконец, дошел до нас замечательный эпиграфический документ — херсонесский декрет в честь полководца понтийского царя Митридата Евпатора, из которого, если принять интерпретацию текста, предложенную С. А. Жебелевым, устанавливается факт активного выступления боспорских рабов скифского происхождения против своих эксплуататоров.⁷⁰

Однако, как и в очень многих других случаях (связанных с изучением рабства в отдельных районах античного мира), на основании имеющихся данных можно с уверенностью констатировать лишь сам факт существования рабовладельческого строя в северочерноморских полисах и Боспорском царстве. Попытки выяснить другие не менее важные и интересные для нас вопросы, касающиеся конкретных форм эксплуатации несвободного и зависимого труда и определения удельного веса труда рабов и зависимых в экономической жизни Боспора, Херсонеса и Ольвии, наталкиваются на почти совершенно непреодолимые затруднения, обусловленные отсутствием надлежащих сведений в имеющихся источниках. Поэтому такие вопросы, как вопрос о зависимом населении на Боспоре, освещаются, например, В. Ф. Гайдукевичем главным образом путем использования различного рода параллелей.⁷¹ То же следует сказать и о предположении В. Д. Блаватского, который пишет: «В I—III вв. н. э. мы наблюдаем на Боспоре постепенный распад рабовладельческих отношений, который, между прочим, выражается в усилении отпуски рабов на волю, засвидетельствованном боспорскими манумиссиями».⁷² Наблюдение очень интересное,

но ведь оно основано только на том, в конце концов случайном факте, что время сохранило нам несколько манумиссий I—III вв. н. э. Вывод же об «усилении» или «ослаблении» этого процесса вообще не находит себе никакой опоры в источниках, так как никаким материалом для сопоставлений мы не располагаем.

Со значительно большей уверенностью можно говорить о вывозе рабов в центральные районы Греции из Северного Причерноморья. В существовании этого экспорта сомневаться не приходится. Из надписей и литературных свидетельств мы хорошо знаем, что у афинян V в. до н. э. слово «скиф» успело стать синонимом полицейского. О широком экспорте северочерноморских рабов красноречиво свидетельствует и Полибий (IV, 38), а Страбон (XI, 2, 3; 2, 12) упоминает о существовании в Северном Причерноморье рынка рабов, на котором воинственные кочевники продавали своих военнопленных греческим работоторговцам.⁷³

Как сочетать эти сведения о широком вывозе рабов из Северного Причерноморья с нашими представлениями о еще патриархальных формах рабства?

Б. Д. Греков в «Киевской Руси» дает следующий ответ на этот вопрос: «Если античные общества стремились сосредоточить у себя возможно большее количество рабов в качестве рабочей силы, если для античных обществ таким путем разрешался вопрос о воспроизводстве рабочей силы, то здесь (в варварском обществе, — Д. К.) мы имеем обратный процесс: не концентрацию рабов, а их распыление».⁷⁴

⁷³ См.: В. А. Гольдберг. Северное Причерноморье как рынок рабов для Средиземноморского мира. ВДИ, 1953, № 1, стр. 200 и сл. Выводы автора этой работы о незначительности вывоза рабов в греческие центры из Северного Причерноморья и о широком использовании несвободного труда у скифов неубедительны. Основываясь на весьма отрывочных и случайных данных, нельзя решить вопроса о численном соотношении между рабами, ввозимыми в Грецию из различных стран. То же приходится сказать и о тех ссылках на Геродота, Псевдо-Гиппократ и других авторов, которыми В. А. Гольдберг пытается подкрепить свое мнение о многочисленности рабов в Скифии. От частого повторения одной и той же фразы о многочисленности рабов в Северном Причерноморье выводы его не становятся более убедительными.

⁷⁴ Б. Д. Греков. Киевская Русь, изд. IV. М., 1944, стр. 105.

⁶⁹ Перечень этих документов см. в работе В. Д. Блаватского: СА, 1954, XX, стр. 49 и сл.
70 С. А. Жебелев. Северное Причерноморье..., стр. 82 и сл.; ср.: В. В. Струве. Восстание Савмака. ВДИ, 1950, № 3, стр. 23 и сл.; К. В. Голенко. О монетах, приписываемых Савмаку. ВДИ, 1951, № 4, стр. 199 и сл.; 1963, № 3, стр. 69 и сл.; S. Lurie. Ieszcze o dekrete ku ezci Diofantosa. Meander, 1959, № 2, стр. 67 и сл.; В. Ф. Гайдукевич, ВДИ, 1962, № 1, стр. 3 и сл.; Э. Л. Казакевич, ВДИ, 1963, № 1, стр. 57 и сл.

⁷¹ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 148 и сл.

⁷² В. Д. Блаватский. Рабство и его источники..., стр. 55.

РАБСТВО В СИЦИЛИИ И ВЕЛИКОЙ ГРЕЦИИ

В Великой Греции и в Сицилии классовая борьба рабов против рабовладельцев достигала большого размаха. Наиболее яркими фактами в этом отношении служат восстания сицилийских рабов во II в. до н. э., а также значительное, но гораздо менее известное движение рабов в III в. н. э., в период острого социального и политического кризиса, охватившего всю Империю. Однако многие конкретные вопросы, связанные с историей рабства в Великой Греции и Сицилии, до настоящего времени не могут считаться решенными вследствие скудости источников. Действительно, основные сведения о движениях сицилийских рабов и рабов Великой Греции дошли до нас либо в надписях, отражающих только сравнительно позднее время, либо в античной литературной традиции в виде кратких, как правило, случайных упоминаний. Это и не удивительно: социальные движения рабов и бедноты в общем мало интересовали историков древности, трудами которых мы пользуемся. Поэтому о рабах они упоминают только в том случае, когда (а это случалось не часто) движения рабов выливались в форму крупных восстаний. Античные авторы, писавшие о Сицилии и Великой Греции в древности, не были исключением из этого общего правила. Правда, в отдельных случаях некоторые пояснения к уже забытой и ставшей непонятной терминологии, имевшей отношение к рабству, можно найти в трудах античных лексикографов — Фотия, Гесихия, Свида. Однако и эти краткие упоминания далеко не всегда проясняют существо дела. Да и нет уверенности в том, что эти писатели, отделенные почти тысячелетием от эпохи, когда бытовали поясняемые ими термины, дали им вполне правильное объяснение. При этом имеющиеся сведения относятся преимущественно к Сицилии, прежде всего к Сиракузам. В какой степени эти данные отражают историческую жизнь других греческих общин, в частности общин Южной Италии, остается неясным. Еще более непонятен вопрос о характере общественных отношений

у негреческого населения Сицилии и Южной Италии. Об этом в источниках никаких данных не содержится.

Тем не менее имеющиеся источники все же позволяют установить, что Сицилия и Великая Греция знали различные отношения зависимости и порабощения, хотя греческие авторы обычно обозначали их одним и тем же словом *δουλεία* — рабство. В исторической действительности далеко не во всех случаях, когда источники упоминают «рабов» (*δουλοι*), имеется в виду эксплуатация одного и того же типа. В одних случаях рабство было связано с полной утратой личной свободы и средств производства, превращением раба в «говорящее орудие» (*instrumentum vocale*), а в других — в руках его продолжали оставаться средства производства и ему предоставлялась некоторая хозяйственная самостоятельность. Существенное различие между этими двумя формами использования несвободного труда заключалось в том, что в первом случае раб трудился непосредственно в хозяйстве рабовладельца, тогда как во втором случае раб трудился в «своем» хозяйстве, выплачивая своему господину определенную ренту. Однако основным, определяющим признаком, характеризующим их положение в обществе, в обоих случаях было состояние несвободы и полной зависимости от рабовладельца. Между рабами и свободными стояла непроходимая грань.

Первые упоминания о рабах Сицилии встречаются в «Одиссее» (XXIV, 201 и сл., 307; XX, 383); по Гомеру, из этой страны доставлялись рабы, в частности, и в Эгеиду.¹ Из эпического рассказа об Эвмее — рабе Одиссея следует, что похищением рабов на греческом западе и их перепродажей занимались финикияне (*Odys.* XV, 403 и сл.). В поэме упоминается, что Эвмей происходил с острова Ортигия, т. е. оттуда, где впоследствии была основана одна из наиболее значительных греческих колоний на Западе — Сиракузы.² Финикияне хитростью заманили Эвмея на корабль и увезли его далеко от родины, а там продали в рабство. Подобным же промыслом занимались, очевидно, в Сицилии в доколониционный период и греки.

Колонизация Сицилии финикиянами и греками существенно изменила социально-экономический строй этого острова. Правда, финикияне основывали в Сицилии поселения, не имевшие, очевидно, своей сельской территории, носившие характер торгово-ремесленных факторий.³ Иначе обстояло дело в той части острова, которая была колонизована греками. Греческих поселенцев

¹ См.: Т. J. Dunbabin. *The western greeks*. Oxford, 1948, стр. 1—3, 22

² О локализации гомеровской Ортигии см.: J. Schmidt. *Ὀρτυγία*. RE. XXXVI, 1942, стлб. 1520—1526; H. L. Lorimer. *Homer and the monuments*. London, 1950, стр. 81

³ Подробно см.: И. Ш. Шифман. *Возникновение Карфагенской державы*. М., 1963.

влекло на запад не только стремление закрепиться на важнейших торговых путях древности, но и найти в Сицилии и Южной Италии пригодную для обработки землю, которой можно было бы наделить⁴ колонистов, лишившихся своих земельных участков на родине.

Наиболее достоверные сведения традиция сохранила о Сиракузах, основанных, по преданию, в 735 г. до н. э. Здесь на протяжении длительного времени у власти стояла аристократическая прослойка, именовавшаяся γαμόροι или (в произношении позднегреческого койне) γεμόροι. По данным Паросского мрамора (Marin. Par. 52), власть гаморов в Сиракузах была синхронна архонству в Афинах Крития первого ([ἀρχον]τος Ἀθήνησιν μὲν Κριτίου τοῦ προτέρου, ἐν Συρακούσας δὲ τῶν [γε]μόρων κατεχόντων τὴν ἀρχήν). Это соответствует 44—46 олимпиадам и, следовательно, может быть датировано временем около 600 г. до н. э.⁵ Сказанное, разумеется, не может свидетельствовать о том, что власть гаморов возникла только около этого времени. Правы, очевидно, те исследователи, которые относят утверждение их у власти уже к первым годам существования Сиракуз. В источниках более позднего времени содержатся некоторые сведения об экономическом положении гаморов. Так, в словаре Гесихия к слову γαμόροι даны следующие пояснения: «те, что трудятся на земле, или те, кто получил участок земли, или те, что налогами с земли приводят в порядок общественное имущество» (οἱ περὶ τὴν γῆν λονούμενοι, ἢ μόραν εἰληφότες τῆς γῆς, ἢ οἱ ἀπὸ τῶν ἐγγείων τιμημάτων τὰ κοινὰ διέποντες). Первое определение не может иметь прямого отношения к сиракузским гаморам, поскольку по всем признакам они представляют верхний слой общества. Третье определение в данном случае тоже представляется маловероятным, поскольку речь идет не о полисных магистратах, ведающих городской казной и общественным имуществом, но о сравнительно значительной общественной прослойке. Правда, в одном из сообщений Диодора гаморы выступают в качестве судебной инстанции по делу о сакральном преступлении (Diod. 8, 11). Однако это можно понять и так, что некоторые дела были подсудны гаморам как коллективу полноправных граждан, в руках которых была сосредоточена вся полнота власти в полисе.

Наиболее приемлемым в данном случае кажется второе определение Гесихия. Между прочим, оно совпадает с определением κληροῦχοι в других поздних источниках (Tim. Lex. Plat. p. 67). Таким образом, выдвинутое некоторыми исследователями опре-

⁴ Причины греческой колонизации подробно исследованы в советской литературе, поэтому нет необходимости специально останавливаться здесь на этом вопросе. Некоторые выводы см.: К. М. Колобова. Из истории раннегреческого общества. Л., 1951.

⁵ См.: A. Holm. Geschichte Siziliens im Altertum, Bd. I. Leipzig, 1870,

деление γαμόροι⁶ как потомков первых поселенцев, владевших участками земли,⁶ представляется вполне правильным. В ранний период истории Сиракуз гаморы, очевидно, представляли собой гражданскую общину, каждый член которой владел наделом на принадлежавшей Сиракузам территории. В дальнейшем гаморы превратились в замкнутую олигархическую группировку. Вновь прибывавшие поселенцы уже не попадали в их среду и не получали земельных наделов, ибо для этого требовался бы передел земли, не совпадавший с интересами коренных граждан.⁷ Так, в Сиракузах возник второй слой свободного населения, уже не обладавшего полнотой гражданских прав. В этой связи обращает на себя внимание одна из сицилийских надписей, в которой, в частности, упоминается слово γαμόρον.⁸ Основываясь на, к сожалению, сильно фрагментированном тексте этой надписи, М. Гвардуччи высказала предположение, что гаморы представляли собой группу населения, обладавшую собственническими правами. Судя по тексту той же надписи, происхождение которой не поддается точному определению, гаморы — не специфически сиракузский термин — он встречается и за пределами сиракузских владений. Следует ли в данном случае иметь в виду гаморов, изгнанных из Сиракуз Гелоном? Вполне возможно, что и в других сицилийских городах существовали аналогичные группы граждан, обозначавшиеся тем же термином.

Значительный интерес представляет вопрос об экономическом и правовом положении того слоя населения Сиракуз, который именуется в источниках килликиями или килликириями (вариант: калликириями). Геродот (VII, 155) упоминает о киллириях только как об участниках восстания против гаморов, при этом он поясняет, что они были рабами последних (τοὺς γαμόρους καλεομένους τῶν Συρηκουσίων ἐκπεσόντας ὑπὸ τοῦ δήμου καὶ τῶν σφετέρων δούλων καλεομένων δὲ Κυλλυρίων). Сведения о килликириях в более поздних источниках весьма скудны. В словаре Гесихия Κιλλικόριοι определяются следующим образом: это «те, кто напали на геоморов; они были рабами и изгнали господ» (οἱ ἐπεισελθόντες γεμόροις δούλοι δὲ ἦσαν οὗτοι καὶ τοὺς κυρίους ἐξέβαλον). Более подробно определяются килликирии в словаре Фотия (под словом Καλλικύριοι Фотий ссылается на VII книгу Тимея: Τίμαιος ἐν ζ' и на «Сиракузскую политику» Аристотеля: Αριστοτέλης ἐν

⁶ См.: A. Holm. Geschichte Siziliens..., Bd. I, стр. 147; Boerner, RE, VII,⁷ 1910, стлб. 1219—1221.

См.: E. A. Freeman. The history of Sicily from the earliest times, vol. II. Oxford, 1891, стр. 436—437. Т. Дж. Данбэбин видел в образовании слоя гаморов результат компромисса между аристократией и теми крупными землевладельцами, которые не принадлежали к аристократической верхушке (см.: T. J. Dunbabin. The western greeks, стр. 58).

⁸ См.: T. J. Dunbabin. The western greeks, стр. 415; M. Guarducci. Nuove note di epigrafia siceliota arcaica. Annuario della scuola archeologica di Atene, XXXVI—XXXVIII, 1960, стр. 254 и сл.

Συρακοσίων πολιτεία). Фотий отмечает прежде всего многочисленность килликириев (πολλοὺς Καλλικυρίους ελεγον). Это совпадает со свидетельствами Свида (παροιμία Καλλικυρίων πλείους) и Зенобия (IV, 54), которые приводят существовавшую в древности поговорку: «больше, чем килликириев». Свиды тут же поясняет, что килликириев было значительно больше, чем их господ (πλείους τῶν κυρίων αὐτῶν). Далее Фотий сообщает, что килликирии получили свое название, происходя из разных мест, но потом они сошлись в одно место (ὡνομάσθησαν δὲ ἀπὸ τοῦ ἐξ αὐτῶ συνελθεῖν παντοδαποὶ ὄντες). Не ограничиваясь упоминанием о рабском положении килликириев (δοῦλοι δ' ἦσαν οὗτοι),⁹ Фотий (со ссылкой на «Сиракузскую политику» Аристотеля) говорит, что их положение соответствовало положению илотов в Лакедемоне, пенестов в Фессалии и кларотов на Крите (οἰοῖται τοῖς παρὰ Λακεδαιμονίους Εἰλωσι, καὶ παρὰ Θεσσαλοῖς Πενέστοις καὶ παρὰ Ἰνρησί Κλαρώταις).

Основываясь на приведенных свидетельствах, можно, таким образом, установить следующие особенности в положении килликириев: они находились в зависимости от гаморов; их было много; они вели борьбу с гаморами, увенчавшуюся успехом. Сведения лексикографов, по словам Фотия, восходят к «Истории» Тимея и «Сиракузской политике» Аристотеля. Оттуда же, очевидно, они заимствовали и сам термин, обозначающий эту социальную группу, не совпадающий с термином Геродота.

Согласно свидетельствам всех античных авторов, килликирии-килликирии были рабами (δοῦλοι) гаморов. Конкретные особенности этого рабства источники не раскрывают. Как только что указывалось, в «Сиракузской политике» Аристотеля килликирии сравнивались со спартанскими илотами, фессалийскими пенестами и критскими кларотами. К этому можно добавить, что Дионисий Галикарнасский (VI, 62) сближает их положение с положением римских клиентов (πελάτας). Фримен¹⁰ считает более правильным в этом вопросе опираться на Фотия.¹¹ А. Гольм¹² ограничивается тем, что констатирует факт зависимости килликириев от гаморов, не определяя ее характера. Ряд других исследователей определяют килликириев как бесправное коренное население, поработанное греческими переселенцами.¹³ Наконец, была высказана точка зрения, согласно которой килликирии были крепостными гаморов.¹³

В общем, если сопоставление килликириев с илотами, пенестами и кларотами правильно, в них, очевидно, следует видеть зависимое сельское население, работавшее на землях гаморов, которое

в своей хозяйственной деятельности пользовалось известной самостоятельностью. Видимо, килликирии жили и работали на всех землях, находившихся во владении гаморов, и право на эксплуатацию их труда предоставлялось гаморам одновременно с наделением их земель. Такого рода зависимость килликириев от гаморов, очевидно, могла возникнуть только в результате внеэкономического принуждения, осуществляемого государством.

В этом отношении напрашивается еще одна аналогия с древней Спартой. В источниках отсутствуют какие-либо данные об отчуждении земель гаморов, так же как и данные о праве гаморов на личность или на имущество килликириев. Сопоставление Дионисия Галикарнасского килликириев с римскими клиентами в этом отношении также весьма показательно. В его глазах они не находились на положении римских рабов, безраздельно принадлежавших их хозяевам.

Весьма вероятно, что гаморы располагали правом отчуждать в свою пользу лишь часть дохода, получаемого килликириями от обрабатываемого ими участка земли. При всех этих условиях совершенно ясно, что античные авторы, упоминая о «рабстве» килликириев, имели в виду отношения зависимости, существенно отличавшиеся от рабства в его классической форме.¹⁴

В той или иной форме подобная же система эксплуатации зависимого коренного населения страны существовала, надо думать, и в других греческих центрах Сицилии и Южной Италии. Трудно допустить, чтобы Сиракузы были в данном случае исключением. В частности, такая форма эксплуатации коренного населения, по-видимому, имела место в Геле.¹⁵ Быть может, аналогичные явления существовали и в Таренте. В пользу такого предположения говорит факт основания этого города парфениями — выходцами из Спарты; они могли ввести на своей новой родине порядки, существовавшие в Лакедемоне. Существуют основания предполагать, что местное население было поработанно и в Локрах Эпизефирских (ср.: Polyb. XII, 6; Polyaeu. VI, 22).

Эксплуатация коренного населения греческими переселенцами не могла не вызвать с их стороны резкого противодействия. В Сиракузах, как уже упоминалось, интересы килликириев сомкнулись с интересами демоса, и в результате их совместного выступления господство гаморов было ликвидировано (середина V в. до н. э.). Может быть, эти события одним из своих последствий имели уничтожение самой системы эксплуатации килликириев. Отныне в Сицилии стала господствующей классическая форма эксплуатации рабов, т. е. непосредственно в хозяйстве их владельцев без предо-

⁹ Об этом упоминают также Свиды и Зенобий.

¹⁰ E. A. Freeman. The history of Sicily... , vol. II, стр. 430—439.

¹¹ A. Holm. Geschichte Siziliens, Bd. I, стр. 147 и сл.

¹² Ср.: L. Wickert. Syrakusai. RE, 2. Reihe, Hbbd. 8, 1932, стлб. 1481.

¹³ См.: E. A. Freeman. The history of Sicily..., vol. II, стр. 13; J. Oehler. Κυλλήριοι. RE, Bd. XI, 1922, стлб. 2460. Ср. также: А. Валлон. История рабства в античном мире. М., 1941, стр. 49.

¹⁴ Ср. точку зрения К. М. Колобовой (Из истории раннегреческого общества, стр. 186—187), которая полагает, что килликирии были подсобной рабской силой, использовавшейся на полях. По ее мнению, аналогия с илотами, пенестами и кларотами связана со способом поработнения килликириев.

¹⁵ К. М. Колобова. Из истории раннегреческого общества, стр. 178—186.

ставления им какой-либо самостоятельности в использовании средств производства.

Античное общество, правовые нормы которого нашли свое наиболее полное, можно сказать, классическое выражение в нормах римского права, зафиксированных в Кодексе Юстиниана, знало следующие два типа рабства: прирожденное рабство и рабство как следствие лишения свободы: либо насильственного (захват в плен и продажа), либо ненасильственного (самопродажа в рабство),¹⁶ явившегося следствием тяжелого материального положения терявшего свободу лица. Эти типы рабства наблюдаются в самых различных районах Средиземноморья: на Ближнем Востоке — в эллинистическо-римский период,¹⁷ и несомненно до эпохи эллинизма¹⁸ — в Италии и в самой Греции. В этом отношении Сицилия и Великая Греция несомненно не были исключением из правила.

Насильственное лишение того или иного лица свободы чаще всего имело место во время войн, когда в рабство продавались захваченные в плен воины, а также мирные жители побежденной страны. Значительный интерес в этом отношении представляет сохранившийся у Диодора (XI, 25) рассказ о разделе военнопленных после битвы при Гимере (около 480 г. до н. э.) между союзниками, разгромившими карфагенян. Согласно этому рассказу, военнопленные были разделены между победителями в соответствии с числом воинов, участвовавших в сражении со стороны каждого из союзников. Больше всего рабов получили акрагантйцы, некоторым воинам досталось до пятисот рабов.

Массовыми захватами рабов сопровождалась и войны южно-италийских греков с их соседями — коренным населением этого района. Павсаний (X, 10, 6) сообщает, что после разгрома мессапиев тарентинцы посвятили в Дельфах ex-voto — фигуры коней, изготовленные из бронзы, и статуи пленных женщин работы Агеллада из Аргоса.¹⁹ В руках отдельных граждан Тарента скапливалось значительное число рабов; в частности, одним из таких рабовладельцев был Архит — крупный политический деятель Тарента IV в. до н. э.²⁰

¹⁶ Ср.: Just., Inst., I, 3, 3.

¹⁷ См.: L. Mitteis. *Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des Römischen Kaiserreichs*. Leipzig, 1891.

¹⁸ Ср.: И. Ш. Шифман. Правовое положение рабов в Иудее, по данным Библиейской традиции. ВДИ, 1964, № 3.

¹⁹ Фрагменты этого памятника были найдены в Дельфах; они сопровождаются двумя посвятельными надписями, от которых также сохранились только фрагменты. Наиболее древняя из них датируется первой четвертью V в. до н. э. См.: P. Willeumier. *Tarente des origines à la conquête Romaine*. Paris, 1939. О порабощении тарентинцами побежденных италиков см. также: Athen. XII, 522f.

²⁰ F. Diels. *Fragmente der Vorsokratiker*,⁵ 47A, 7—8; ср.: P. Willeumier. *Tarente...*, стр. 173—174.

Пелопоннесская война и в особенности экспедиция афинян в Сицилию способствовали численному росту рабов как в самой Сицилии, так и в Южной Италии. Фукидид (VI, 62, 3—4) сообщает о том, что афинянами был захвачен в Западной Сицилии небольшой сиканский городок Гиккара (Ἰκκαρα πόλις αἰσικανικόν), все население которого было обращено в рабство (ἀνδραποδίσαντες τὴν πόλιν). Пленники-рабы были проданы в Эгесте, причем афиняне выручили от этой операции сто двадцать талантов (καὶ τ'ἀνδράποδα ἀπέδοσαν καὶ ἐγένοντο ἑξ αὐτῶν εἴκοσι καὶ ἑκατὸν τάλαντα). После бесславного завершения осады Сиракуз захваченные сиракузянами в плен афинские воины в течение длительного времени находились, как рассказывает Фукидид, в каменоломнях, где многие из них погибли вследствие исключительно тяжелых условий. Некоторое количество захваченных тогда сиракузянами военнопленных (за исключением собственно афинян и части их союзников) было продано в рабство (Thuc. VII, 87: ἐλείπα πλὴν Ἀθηναίων καὶ εἴ τίνας Σικελιωτῶν ἢ Ἰταλιωτῶν ξυνεστράτευσαν, τοὺς ἄλλους ἀπέδοντο).

Приведенные здесь примеры далеко не исчерпывают всех случаев обращения военнопленных в рабство. Подобные факты несомненно имели место и в годы борьбы Дионисия Старшего как в Сицилии с Карфагеном, так и в Южной Италии.

С началом I Пунической войны число продаваемых в рабство пленных значительно увеличилось. При захвате Акраганта в 262 г. до н. э. было обращено в рабство более 25 тысяч человек (Diod. 23, 9, 1; Polyb. I, 18, 7; 19, 15). Не меньше половины этих людей было захвачено в плен в ходе завоевания ряда мелких городов в центре, на юго-востоке и на юго-западе Сицилии (258 г. до н. э.). При захвате Панорма в 253 г. до н. э. 14 тысяч граждан выкупались из плена, уплатив победителям по 200 денариев каждый, и 13 тысяч человек было продано в рабство (Diod. 23, 18, 5). Значительное количество рабов было захвачено и в других областях Сицилии. Таким образом, общее число сицилийцев, попавших в рабство только в течение этой войны, превысило 50 тысяч.²¹ Во время II Пунической войны после повторного захвата римлянами Акраганта в 210 г. до н. э. все его граждане были проданы в рабство (Liv. XXVI, 40, 13). Этот случай, надо думать, был далеко не единственным.

Одновременно — в особенности во II—I вв. до н. э. и позже — контингенты рабов пополнялись в Сицилии за счет ввоза их извне, в частности, из Греции и эллинистического Ближнего Востока. Цицерон в речах против Верреса (2 Verr. 5, 146) упоминает о ввозе в Сицилию рабов-азиатов (venalesque Asiaticos). В повествовании Диодора о первом большом сицилийском восстании

²¹ Ср. сводку, составленную Б. В. Скрамуццой (B. V. Scramuzza. *Roman Sicily*. ESAR, III, стр. 229—230).

рабов (Diod. 34, 2) среди рабов упоминаются ахеец, киликиец и сирийцы. Как известно, вождь этого восстания Евн — сириец, происходивший из Апамен (Diod. 34, 2, 5), объявил себя царем восставших и принял имя Антиоха (ср.: Diod. 34, 2, 24). Использование Евном традиции сирийских царей Селевкидской династии косвенно свидетельствует о многочисленности сирийцев в среде повстанцев. Об интенсивном ввозе рабов в Сицилию говорит и численность участников восстания. По данным античной традиции, в этом восстании участвовало от 40 до 70 тысяч рабов (Flor. II, 7, 6; Liv. Epit. 56), а по другим данным — до 200 тысяч (Diod. 34, 2, 18). Эти цифры дают представление об общей численности сицилийских рабов к моменту восстания.

Согласно другому рассказу Диодора (36, 3, 1—2) о переговорах Мария с царем Вифинии Никомедом, множество вифинцев, проданных в рабство римскими публиканами, также было вывезено в Сицилию. Когда в соответствии с постановлением римского сената было произведено освобождение рабов, бывших свободнорожденными союзниками Рима (ὅπως μηδεὶς σύμμαχος ἐλεύθερος ἐν ἐπαρχίᾳ δουλεύῃ), то в течение нескольких дней получили свободу более восьмисот человек (ἐν ὀλίγαις ἡμέραις πλείους τῶν οὐκ αὐτοσφύλων). Эта цифра, конечно, далеко не полностью соответствует общему числу свободнорожденных союзников, обладавших правом на освобождение.

Однако огромная армия сицилийских рабов пополнялась не только за счет их ввоза. У Диодора (34, 2, 1) имеется любопытное сообщение о существовании в Сицилии своеобразного промысла, не имеющего, насколько нам известно, аналогий с другими областями древнего Средиземноморья. В Сицилии существовали особые «питомники», где выращивались и откуда потом распродавались рабы (συνηγόρων οἰκῆτόν τε πλῆθος οἱ ἐκ τῶν σωματοτροφείων ἀγγελῶν ἀπαχθεῖσιν εὐθύς χαρακτήρα ἐπέβαλλον καὶ στίγμας τοῖς σώμασιν). Хотя данные о времени возникновения этих σωματοτροφεῖα отсутствуют, весьма вероятно, что появились они вскоре после того, как Сицилия перестала быть ареной военных действий и приток рабов-военнопленных сократился. Возникновение подобного рода «питомников» объясняется, очевидно, значительным спросом на рабов. Совершенно очевидно, что продажа рабов из «питомников» ἀγγελῶν могла получить распространение только в том случае, если рабы «разводились» систематически и в большом количестве. Такие рабы должны были особенно высоко цениться: предполага-

лось, что они, никогда не знавшие свободы, «привыкшие» к неволе, менее склонны к непокорности и бунту, чем вчерашние свободные люди, тяжело переносившие свое подневольное состояние, склонные к неповиновению и побегам. По всей вероятности, в Сицилии имела место и самопродажа в рабство. Однако прямых свидетельств об этом дошедшая до нас традиция не сохранила.

Рабы, как в Сицилии, так и в Великой Греции, могли принадлежать либо частным лицам (известен даже случай, когда раб принадлежал сразу двум владельцам; см.: IG, XIV. 179), либо полисам, выступавшим в этом случае коллективными собственниками. Рабы, принадлежавшие полисам, назывались δημόσιοι (ср.: Diod. 11 25, 3: πλείστον δὲ εἰς τὸ δημόσιον ἀνερχθέντων; τὸ δημόσιον — в данном случае — обозначение «общественного рабства» как некоего состояния). Термин этот очень характерен. В теории эти рабы считались принадлежавшими демосу — «народу», иными словами, всем полноправным гражданам данного полиса. Эти рабы использовались на общественных работах. Например, в Акраганте в первой половине V в. до н. э. их руками были построены грандиозные храмы, подземные отводные каналы, а также пруд, использовавшийся как рыбопитомник (Diod. II, 25, 3—4). Судя по надписям периода Империи, общественные рабы выполняли в городах и различные административные функции (CIL X, 6979). Рабы, принадлежавшие частным лицам, использовались и в ремесле²³ (в этом можно не сомневаться, хотя прямыми данными в источниках мы и не располагаем), и в сельском хозяйстве. Использование их труда целиком зависело от воли рабовладельца. В этой связи небезынтересно одно из высказываний Диодора (34, 2, 2): «Они пользовались, — пишет Диодор, — молодыми из них (т. е. рабов, — И. Ш.) в качестве пастухов, а другими — как каждому покажется нужным» (ἐχρῶντο δὲ αὐτῶν τοῖς μὲν νέοις νομεῦσι, τοῖς δ' ἄλλοις ὡς πῃ ἐκάστω ἢ χρεῖα ἐπέβαλλε). В более поздних источниках, в частности в надписях периода ранней Империи, мы видим рабов в роли слуг (CIL X, 7457; 175 г. н. э.), гладиаторов (CIL X, 7297, 7364) и т. д.

Основываясь на речах Цицерона против Верреса, М. И. Ростовцев пришел к выводу, что Сицилия к времени Гиерона и периода римского господства представляла собой комплекс полисных земель (Stadtterritorien). Часть этих земель использовалась их владельцами на началах частной собственности, часть сдавалась в аренду наследственным или временным арендаторам. Земельные отношения внутри каждого полиса регулировались местными магистратами в соответствии с действовавшими там законами. В то же время владельцы и арендаторы земель были обязаны выплачивать через откупщиков римским властям, а до римского

²² Б. В. Скрамуцца (B. V. Scramuzza. Roman Sicily, III, стр. 335—336), ссылаясь на мнение Ю. Белоба (J. Beloch. La popolazione antica della Sicilia. Archivio storico di Sicilia, 1889, стр. 63—64), полагает, что общее число рабов с учетом мужчин, не принимавших участия в восстании, а также женщин и детей достигало 400 тысяч. В I в. до н. э. общее число рабов, по его мнению, сократилось до 250 тысяч, что он считает следствием частичного освобождения рабов римлянами.

²³ О ремесле в Сицилии см.: B. V. Scramuzza. Roman Sicily, стр. 285—291.

господства — Сиракузам (что было упорядочено так называемым *lex Hieronica*) и Карфагену налог с земли в размере одной десятой доли урожая.²⁴ Частная собственность на землю явилась предпосылкой роста крупного землевладения, где в больших масштабах использовался труд рабов. О существовании крупного землевладения уже в V в. до н. э. косвенно свидетельствует появление в Сицилии огромного числа рабов (как в Акраганте — до 500 человек), использовавшихся, как свидетельствует Диодор (11, 25, 2), и в сельском хозяйстве (*πλείστους δὲ λαβόντες Ἀκραγαντῖνοι τὴν τε πόλιν αὐτὴν καὶ τὴν χώραν ἐκόσμεσαν*). Последующие войны, в особенности I и II Пунические войны, сопровождавшиеся массовыми конфискациями и распродажей имущества в побежденных Римом полисах, несомненно способствовали дальнейшей концентрации земель в руках немногих и росту крупного землевладения. Дионисий Старший, проводя в 405—404 гг. до н. э. перераспределение земли равными долями, чтобы укрепить социальную базу своей власти (Diod. 14, 7, 4—5: *τὴν δ' ἄλλην (χώραν) ἐμέρισεν ἐπ' ἰσῆς ξένῳ τε καὶ πολίτῃ, συμπεριλαβὼν τῶ τῶν πολιτῶν ὀνόματι τοῖς ἐλευθερωμένοις δούλους*), мог лишь задержать на какое-то время процесс концентрации земель, но приостановить, этот процесс он, естественно, не мог.

Прямое свидетельство о массовом использовании труда рабов, в крупных землевладельческих хозяйствах во II в. до н. э. мы находим опять-таки у Диодора (34, 2, 27). Дамофил, жестокое обращение с рабами которого послужило поводом к первому восстанию рабов в Сицилии, характеризуется Диодором как крупный земле- и скотовладелец (Diod. 34, 2, 34). Цицерон в речах против Верреса упоминает о рабах (*familia*), принадлежавших некоему сикулу Леониду из Трикалы (2 Verr. 5, 10). Рабы, принадлежавшие частным лицам и использовавшиеся для обработки земли в крупных хозяйствах, упоминаются и в некоторых других речах у Цицерона (2 Verr. 5, 15). В одной из поздних надписей (IG XIV, 179), происходящей из Сиракуз, упоминается о рабе, ведавшем ирригацией.

В первые века Империи, как показывают многочисленные источники, в Сицилии продолжало существовать и развиваться крупное землевладение (ср., например, Ovid. Ex Pont. 4, 15, 15; Hor. Carm. 2, 16, 33—36; Petr. Satyr. 48, и т. д.). В известном итинерарии Антонина перечисляются отдельные большие латифундии и находящиеся на их территории поселения (*Capitiana, Gelasium, Philosophiana, Petiliana, Calloniana, Corcoriana, Pitiana, Comitiana, Calvisiana*), названные по именам владельцев. Крупные землевладельцы выходили из-под контроля полисных органов власти. На

принадлежавших им землях в широких масштабах применялся труд рабов и, вероятно, колонов, как это происходило и в других областях Империи.

В сельском хозяйстве рабы использовались не только на работах, связанных с возделыванием земли и сбором урожаев, но и в качестве пастухов. Об этом прямо говорит Диодор (34, 2, 2). В «Верринах» Цицерона также неоднократно упоминается о пастухах-рабах. В особенности интересен в этом отношении характер обвинений, предъявленных, как рассказывает Цицерон, Верресом некоему Аполлонию Гемину из Панорма (2 Verr. 5, 17). Аполлоний обвинялся в том, что среди его рабов был некий пастух (*magister pecoris*), возглавивший заговор рабов. Обвиняемый отрицал, что у него есть такой раб. Аполлоний, по словам Цицерона, был известен своими огромными богатствами, в которые входили массы рабов, стада и земельные владения (*fortunas eius ita constitutas fuisse familia pecore villis pecuniis creditis ut nemini minus expediret ullum in Sicilia tumultum aut bellum commoveri*).

В другом месте у Цицерона (2 Verr. 5, 15) упоминаются *vilicos pastoresque* римского всадника Гая Матриния. Контекст (упоминание *pastores* вместе с *vilicos*) позволяет считать, что эти пастухи также были рабами. Рабы-пастухи фигурируют у Цицерона еще в одном отрывке из «Веррин» (2 Verr. 5, 7).

Некоторые сведения об организации труда рабов в крупных имениях можно почерпнуть из упоминаний о виликах (2 Verr. 5, 15). Такие рабы-надсмотрщики использовались по своему назначению в хозяйстве Евменида из Галика и, как уже отмечалось выше, в хозяйстве Гая Матриния. Вилик упоминается также в надгробной латинской надписи из Катаны (CIL X, 7041): *D<is> M<anibus> S<acrum>. Gallicano fidelissimo, qui fuit vilicus Afinianus. Vi<xit> ann<is> XLV.*²⁵ Вилик (*ἐπίτροπος*) имелся и в хозяйстве Г. Асиния Никомаха. Юлиана из Дрепанума (IG XIV, 283 и 284). Как показывает надпись IG, XIV, 63 из Сиракуз, датируемая 410 г. н. э., в хозяйстве некоего Никострата тоже был названный по имени вилик (*ἐπίτροπος*); иными словами, практика использования для надзора за рабами виликов существовала еще в V в. н. э. В другой надписи (CIL X, 8059—189) из Катаны некий раб Гераклеон назван управителем (*dispensa[tor]*), в функции которого, видимо, входил также и надзор за рабами. Наконец, и Афинион, один из руководителей второго восстания рабов в Сицилии, был виликом (*οἰκονόμος*) у двух богатых братьев, имевших общее неразделенное хозяйство (Diod. 36, 5, 1). Сама по себе структура сицилийской виллы, видимо, мало отличалась от италийской.

Эксплуатация труда рабов вылилась в Сицилии во II в. до н. э. в исключительно тяжелые для них формы. Диодор (34, 2, 2)

²⁵ Эта надпись, к сожалению, не поддается датировке, однако она относится несомненно к периоду ранней Империи.

²⁴ M. Rostowzew. Studien zur Geschichte des Römischen Kolonates. Leipzig—Berlin, 1910, стр. 233—240. Ср.: B. V. Scramuzza. Roman Sicily, стр. 237 и сл.

следующим образом характеризует положение сицилийских рабов (при этом следует учесть, что речь идет у него не о частном случае, но о широко распространенном явлении): Βαρέως δ' αὐτοῖς κατὰ τὰς υπηρεσίας ἐχρώντο, καὶ ἐπιμελείας παντελῶς ὀλίγης ἤξιουν, ὅσα τε ἐντρέφεσθαι καὶ ὅσα ἐνδόνασθαι. Ἐξ ὧν οἱ πλείους ἀπὸ ληστείας τὸ ζῆν ἐπορίζοντο, καὶ μεστὰ φόνων ἦν ἅπαντα.

Таким образом, владелец раба присваивал себе полностью едва ли не весь произведенный трудом раба продукт, не принимая на себя заботу о воспроизводстве его физических сил. Столь своеобразная и в общем для древности весьма необычная ситуация могла возникнуть, на первый взгляд, только вследствие появления в Сицилии большого количества дешевых рабов, стоимость которых в силу конкретных условий оказывалась ниже затрат крупного латифундиста на длительный прокорм раба. Это делало бы снабжение раба даже минимумом продовольствия и одежды экономически невыгодным. Однако такому выводу противоречит факт существования «питомников» рабов, показывающий, что средняя стоимость раба-вскормленника должна была быть выше затрат на его содержание и обучение. Источники такого положения следует искать в другом. В связи с этим определенный интерес представляют рассказы Диодора о разбоях, которыми занимались рабы с целью добыть средства к существованию. Подобные действия могли иметь место только в том случае, если раб располагал для этого с санкции своего господина временем, свободным от работы в хозяйстве последнего. Напомним, что, по словам Диодора, владельцы этих рабов — зачастую римские всадники — не давали возможности представителям власти ликвидировать разбой.

Иными словами, экономическое положение рабов в подобных случаях можно себе представить следующим образом. Раб должен был определенное время или определенный урок отработать в хозяйстве своего господина. Затем он имел возможность любыми средствами и способами обеспечивать себе питание и одежду. Однако при этом раб не получал в свое распоряжение ни земли, ни орудий труда, что ставило его перед необходимостью прибегнуть к разбою. Нельзя тем не менее не увидеть в подобной ситуации известного новшества. По существу, мы имеем здесь дело с зародышем барщинной системы, не получившей, однако, своего дальнейшего развития.

Особую роль играли в Сицилии храмовые рабы, принадлежавшие храму Афродиты на горе Эрике, которых Цицерон называет Venerii. Веррес использовал их как своих полицейских агентов (см.: 2 Verr. 2, 92—93; 3, passim; 4, 104). Не совсем ясно, было ли такое использование этих рабов правомерным или же оно явилось следствием злоупотреблений со стороны Верреса.

Отпуск рабов на волю практиковался в Сицилии со сравнительно раннего времени. Выше уже упоминалось о наделении воль-

ноотпущенников землей и гражданскими правами, имевшем место в Сиракузах в 405—404 гг. до н. э. Из рассказа Диодора об этом событии (Diod. 14, 7, 4—5) с неоспоримостью вытекает, что обычно вольноотпущенники при освобождении не получали ни того, ни другого. В период Империи вольноотпущенничество получило еще более широкое распространение. До нас дошли некоторые надписи этого времени — греческие (например, IG, XIV, 389, 408) и латинские (например, CIL X, 6985, 7063, 7087, 7157, 7188, 7206, 8062-13, 8314, 8315), в которых упоминаются вольноотпущенники. В этом отношении обращает на себя внимание надпись CIL X, 7457 из Чефалу, датируемая 175 г. н. э., в которой упоминается об отпуске рабов на волю по завещанию. В случае, который имеет в виду эта надпись, умерший не был *persona sui iuris*, а поэтому его завещание оформлено в виде просьбы к отцу, от усмотрения которого, очевидно, зависело — выполнить или не выполнить волю сына. Текст гласит: A te peto Eutychianum alumnus meus manumittas vindictaque liberes: item Aprilem servum, qui solus ex ministerio meo superavit.

Некоторое представление о правовом положении вольноотпущенников в греческих полисах Южной Италии дает надпись XIV, 634: καὶ ἀπελευθέροις · εἰ τις ἐὶ ἀνύξει [δ]ώσῃ πρός τε τιμὸν τῷ ταμείῳ σέστ[έρ]τια τριάκοντα. Характер упоминаемого в надписи преступления не совсем нам ясен; несомненно, однако, что надпись имеет в виду положение вольноотпущенников и каких-то еще групп населения. Имелись в Сицилии и императорские вольноотпущенники (ср.: CIL X, 7144, 7189).

Источники отражают активную роль рабов в истории Сиракуз. Выше уже говорилось о том, что килликирии вместе с сиракузским демосом ниспровергли власть гаморов. Во время осады афинянами Сиракуз там вспыхнули волнения рабов, быстро, однако, ликвидированные стратегом Гермократом (Polyaen I, 43). При этом, намереваясь привлечь рабов к участию в обороне города, он обещал им свободу, т. е. предоставление гражданских прав. Но обещание это не было выполнено, отпуска на волю рабы не получили и около трехсот из них перебежали к афинянам.

Наделение земель вольноотпущенников (ἡλευθερωμένους), которое осуществил около 405—404 г. до н. э. Дионисий Старший (Diod. 14, 7, 4—5), показывает, что какая-то группа рабов оказала ему поддержку и помогла овладеть властью, за что и была вознаграждена землею, предоставлением свободы и гражданских

²⁶ В литературе высказывалось мнение, не находящее подтверждения в источниках, что эти ἡλευθερωμένοι были потомками килликириев (см.: J. Beloch. Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt. Leipzig, 1886. стр. 280). Компромиссная точка зрения была высказана Л. Виккертом (L. Wickert. Syrakusai, стлб. 1508).

Наиболее значительным было движение рабов в Сицилии во II в. до н. э.

Одним из важных вопросов, связанных с историей первого восстания рабов, является вопрос о датировке этого восстания, поскольку источники не дают на этот счет достаточно надежных сведений. По данным Диодора (34, 2, 1), оно произошло через шестьдесят лет после падения карфагенского господства (μετά τήν Καρχηδονίων κατάλυσιν ἐπὶ ἑξήκοντα ἰτεσι). Если Диодор (или, вернее, его источник в данной части — Посейдоний) имел в виду окончание II Пунической войны, то δουλικός πόλεμος нужно будет датировать сороковыми годами II в. до н. э. А. Гольм относит его начало к 139 г. до н. э.²⁷ Однако в других, посвященных этому вопросу исследованиях даты восстания определяются 135—132²⁸ либо 136—132 гг. до н. э.²⁹ А. П. Дьяконов в результате тщательного исследования хронологии первого восстания рабов выдвинул предположение, что оно должно быть датировано 138—131 гг. до н. э.³⁰ Очевидно, до появления новых данных этот вопрос полностью решить не удастся.³¹

Причины первого восстания рабов в Сицилии, безусловно, связаны с исключительно тяжелыми и жестокими формами

²⁷ A. Holm. Geschichte Siziliens. . . , Bd. III, стр. 106. Подробные хронологические указания А. Гольма см. также: стр. 519—520, где разобрана и вся предшествующая литература вопроса.

²⁸ См.: B. V. Scramuzza. Roman Sicily, стр. 240; H. Last в кн.: Cambridge ancient history. Cambridge, 1932, стр. 12; см. также статью Е. Чиачери (E. Ciaceri. Roma e le guerre servili in Sicilia. Processi politici e relazioni internazionali, Roma, 1918, стр. 70 и сл.), на которую ссылается Лэст

²⁹ См.: С. И. Ковалев. История Рима. Л., 1948, стр. 340. С. А. Жебелев (Источники изучения рабских восстаний в древнем мире. Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 9—10, стр. 149) полагал, что начало восстания следует датировать 136 г. до н. э., так как 56-я книга Ливия, содержащая рассказ об этом восстании, должна была, по его мнению, начинаться событиями 136 г.

³⁰ А. П. Дьяконов. О хронологии первого восстания рабов в Сицилии. ВДИ, 1940, №№ 3—4, стр. 62—70. Этой же точки зрения придерживается и А. Б. Ратнер (Восстания рабов в Сицилии во второй половине II века до нашей эры. Уч. зап. Петрозаводск, гос. унив., т. IV, 1954, вып. 1, стр. 10—11).

³¹ Предположения о «дубликации» традиции, касающейся первого восстания рабов и перенесении ряда характерных черт первого восстания на второе, представляются слабо обоснованными. См.: E. Ciaceri. Roma e le guerre...; A. Giacobbe. Sulla duplicazione delle guerre servili in Sicilia. Rendiconti della Accademia Reale dei Lincei, I, 1925; ср.: L. Pareti. I supposti «sdoppiamenti» delle guerre servili in Sicilia. Rivista di filologia classica, I, 1927; А. Б. Ратнер. Восстания рабов в Сицилии. . . , стр. 27—37. Исчерпывающая характеристика источников по данному вопросу содержится в специальной статье С. А. Жебелева (Источники изучения рабских восстаний в древнем мире, стр. 145—155). Рассказ Диодора представляет собой переложение повествования Посейдония. Возможно, что другие авторы, в частности Тит Ливий, использовали и другие источники, среди которых мог иметься и труд волноотпущенника иудея Цецилия «О рабских войнах», о котором упоминает Афиней (Athen. Deipnosoph 272f).

эксплуатации их труда и невыносимыми условиями их быта.³² На работу рабов выгоняли в цепях, клеймили их, заставляли выполнять непосильную работу (Diod. 34, 2, 27). Кроме того, сицилийские рабовладельцы, как уже указывалось выше, почти не кормили и не одевали своих рабов, толкая их на то, чтобы они добывали себе пищу и одежду путем разбоя (Diod. 34, 2, 38). Между тем, взяв в руки оружие, раб мог в любую минуту обратить его не только против первого встречного, но и против своего хозяина.

Сигнал к массовому выступлению рабов в различных пунктах Сицилии дало восстание рабов в Энне. Начавшие восстание рабы принадлежали некоему Дамофилу, известному своею бесчеловечностью. Рабы Дамофила вступили в заговор против своего владельца. Заговорщики получили одобрение Евна — раба одного из жителей Энны Антигона. Одобрение Евна было для них особенно важно, поскольку Евн, имея репутацию мага и прорицателя, пользовался в среде рабов большим авторитетом. Судя по дальнейшему рассказу Диодора, участники заговора предложили Евну быть их вожаком, и Евн принял их предложение.

Вскоре после этих переговоров сорок рабов во главе с Евном ворвались в Энну и перебили многих рабовладельцев. Погибли и Дамофил, и его жена Мегаллида. Лишь дочь Дамофила, известная мягким отношением к рабам, осталась в живых. Своего вождя — Евна восставшие избрали царем, и он принял имя Антиоха.

Факты, которые приводит Диодор, показывают, насколько тенденциозно³³ передаваемое им мнение, согласно которому Евн был избран царем не за личное мужество, не за полководческий дар, но потому, что он пользовался славой колдуна и в его имени восставшие усматривали доброе предзнаменование (ср.: Diod. 34, 2, 14). Все эти мотивы, может быть, и сыграли свою роль, но для того чтобы возглавить восстание и добиться успехов в борьбе, необходимо было иметь и другие качества: мужество и значительные организаторские способности. Именно эти качества, надо думать, а не репутация колдуна, которая у Диодора выдвигается на первый план, привлекли рабов к Евну.³⁴

³² Б. В. Скрамуцца (B. V. Scramuzza. Roman Sicily, стр. 243) видел причину восстания главным образом в том, что большинство рабов были сравнительно недавно свободными. Аналогичной точки зрения придерживаются и некоторые другие исследователи (ср., например: J. Vogt. Struktur der antiken Sklavenkriege. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse, Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz, Jahrgang 1957, № 1). Этот фактор несомненно играл свою роль, однако вряд ли он был решающим. Известно немало случаев, когда рабы, еще вчера бывшие свободными, после порабощения не восставали.

³³ Ср.: А. Б. Ратнер. Восстания рабов в Сицилии..., стр. 12—13.
³⁴ П. Грин (P. Green. The first Sicilian slave war. Past and present, № 20, 1961, стр. 10—29) справедливо отмечает проримскую и, следовательно, враждебную рабам ориентацию Диодора. Ср., однако, критику его точки зрения со стороны Форреста и Стинтона (W. G. Forrest,

Избрание Евна царем свидетельствует о том, что восставшие стремились к созданию централизованной политической организации. В этом отношении — по целям, по степени организованности, зрелости — первое восстание рабов в Сицилии несомненно стояло выше даже восстания Спартака, ибо последнее имело целью не создание государства угнетенных, как было в данном случае, но лишь освобождение участников движения, увод их из Италии. Свидетельства, передаваемые Диодором, позволяют составить представление о некоторых характерных чертах организации, созданной восставшими рабами. Обычно в литературе отмечается близость ее структуры к структуре сирийско-эллинистического государства Селевкидов.³⁵ Этот вывод, однако, не вскрывает некоторых, на наш взгляд, очень существенных особенностей восстания. Прежде всего следует подчеркнуть, что весьма значительную роль в организации восставших играло народное собрание — сходки участников восстания. На одной из таких сходок Евн был избран царем (Diod. 34, 2, 14), на сходке же (Диодор употребляет термин *ἐκκλησία*) был решен и вопрос о судьбе бывших рабовладельцев (Diod. 34, 2, 15). Симптоматично и то обстоятельство, что Евн получил свою власть путем избрания. Сосредоточение в его руках власти (Diod. 34, 2, 15: *τὸν ὅλον γὰρ τοῖς ἀποστάταις καταστάς ὕριος*) диктовалось военной обстановкой. Тем не менее создается впечатление, что восставшие стремились придать своему объединению демократические формы.³⁶ В этой связи не может не обратить на себя внимание тот бросающийся в глаза факт, что в государстве, созданном рабами, не было царского культа, в чем И. Фогт справедливо видел характерное его отличие от государства Селевкидов.³⁷ При царе существовал особый совет (Diod. 34, 2, 16: *συνέδρους τε τοὺς συνέσει δοιοῦντας διαφέρειν ποιησάμενος*), в котором наиболее заметную роль играл Ахей. По словам Диодора, он отличался большими военными и административными способностями (*ἀνὴρ καὶ βουλὴ καὶ χεὶρ διαφέρων*). По данным, передаваемым тем же Диодором, члены совета были назначены Евном и, по-видимому, непосредственной ответственности перед народным собранием не несли. Эта ответственность, однако, целиком лежала на самом Евне. В случае перевыборов царя (а такая возможность

T. C. W. Stinton. The first Sicilian slave war. Past and present, № 22, 1962, стр. 87—92).

³⁵ П. Грин (P. Green. The first Sicilian slave war, стр. 21) полагает, что только концепция эллинистического царства могла быть противопоставлена римскому господству. Это указание не точно: эллинистическое царство могло быть выбрано рабами лишь как наиболее известная им форма организации, но вряд ли по идейным мотивам.

³⁶ Следует поэтому признать слишком упрощенными представления о том, что принятие Евном царского титула было связано с легендарными представлениями о «хорошем царе» (см.: А. Б. Ратнер. Восстание рабов в Сицилии.³⁷, стр. 14).

J. Vogt. Struktur..., стр. 18—21.

при установившейся у рабов организации не была исключена) созданный Евном совет должен был автоматически прекратить свою деятельность.

Как известно, Евн выпускал от своего имени монету.³⁸ Это должно было поднять авторитет и подчеркнуть суверенность созданного рабами государства. Как мы увидим далее, аналогичная организация была создана и во время второго восстания рабов. Это позволяет говорить о преемственности между обоими движениями.

Очень интересна и социальная структура созданной восставшими рабами организации. Основную и в то же время господствующую массу составляли освободившиеся рабы, они же, очевидно, и воины армии Евна. Точная численность этой армии неизвестна; по словам Диодора (34, 2, 16), только в течение трех дней были вооружены более шести тысяч рабов. В дальнейшем, по данным Диодора (34, 2, 18), численность восставших рабов достигла 200 тысяч. Более правдоподобными, однако, считаются данные Ливия (Epit. 56) — 70 тысяч человек, и Флора (Hist. Rom. II, 7) — 60 тысяч человек. Однако цифра, приведенная Ливием, не противоречит данным Диодора, поскольку Ливий указывает только число рабов, находившихся под властью Клеона (Cleon quoque, alter servus, ad septuaginta milia servorum conpaxit).

Диодор (34, 2, 48) сообщает, что, заботясь о будущем создаваемого ими государства, рабы не разрушали вилл своих бывших хозяев и не опустошали их сельскохозяйственных угодий (*οἱ μὲν ἀποστάται προνοηθέντες ἐμφρόνως περὶ τοῦ μέλλοντος, οὔτε τὰς ἐπαύλεις ἐνεπύριζον, οὔτε τὰς ἐν αὐταῖς κτήσεις καὶ καρπῶν ἀποθέσεις ἐλυμαίνοντο*). Одна из причин такого поведения восставших заключалась, очевидно, в том, что они заботились об обеспечении своей армии запасами продовольствия. В то же время перед вождями восстания не мог не встать вопрос об управлении попавшим в их руки имуществом. К сожалению, источники об этом молчат. Не содержится в них никаких сведений и о тех земельных отношениях, какие устанавливались на занятых восставшими территориях после начала восстания. Никаких сведений о земельных переделах до нас не дошло. Значит ли это, что у рабов существовала государственная собственность на землю? Такому предположению во всяком случае ничто не противоречит.

Особую группу населения на занятых повстанцами территориях составляли свободные крестьяне — владельцы небольших участков земли, которых рабы не притесняли и которым предоставили возможность вести свое хозяйство (Diod. 34, 2, 48; Cic. 2 Verr.

³⁸ См.: E. S. G. Robinson. Antiochus, king of the slaves. Numismatic Chronicle, IV ser., vol. XX, 1920, стр. 175.

3, 125).³⁹ Следует при этом учесть и то, что демос в сицилийских полисах воспользовался выступлениями рабов, для того чтобы свести счеты со своими политическими противниками — крупными рабовладельцами и землевладельческой знатью (Diod. 34, 2, 48). В сложившихся условиях демос стал естественным союзником восставших рабов.

Однако восстание рабов при всех его демократических и анти-аристократических тенденциях не было направлено против существования самого института⁴⁰ рабства. В этом отношении показательна судьба бывших рабовладельцев в Энне. Тех из них, кто остался в живых и, по мнению восставших, мог быть использован в сфере производства, заставили работать в оружейных мастерских (Diod. 34, 2, 15); иначе говоря, они стали рабами нового государства. В этом факте несомненно сказалась известная ограниченность движения, скованного рамками своей эпохи.⁴¹ С этой точки зрения представляется безусловно ошибочной оценка созданного рабами государства как диктатуры восставшего народа, направленной против ранее существовавшей системы эксплуатации.⁴² Речь здесь по сути дела шла не о ликвидации эксплуататорского строя эксплуатируемыми, но о попытке эксплуатируемых самим стать эксплуататорами. В связи с этим и создаваемое рабами государство, поскольку рабы перестали в ходе восстания быть ими, не могло уже быть государством рабов в строгом смысле этого слова. Это было государство нового слоя эксплуататоров и свободных мелких производителей, направленное против бывших эксплуататоров, ставших теперь угнетенными. Социальная природа государства, таким образом, не изменилась, различные социальные слои лишь поменялись ролями внутри той же социальной структуры.⁴³

Одновременно с восстанием в Энне, возглавленным Евном, в районе Акраганта также началось восстание рабов, вождем которого стал киликиец Клеон. Надежда рабовладельцев на то, что между обеими группами восставших начнутся распри и таким образом движение будет ослаблено, не оправдалось. Клеон признал власть Евна над собою, и восставшие продолжали борьбу единым фронтом.

³⁹ В связи с этими единодушными указаниями источников следует признать безусловно недостоверными сообщения Флора (Hist. Rom. II, 7) об опустошении Сицилии, которое будто бы было следствием восстания рабов. Ср.: J. Vogt. Struktur..., стр. 54—57.

⁴¹ Все сказанное показывает, что оценка первого восстания рабов в Сицилии, данная Т. Моммзеном (История Рима, т. II. М., 1937, стр. 78—79), как движения «дикой банды», тенденциозна и не соответствует действительности.

⁴² См.: В. Е. Чиркин. О государственности восставших рабов и крестьян Советского государства и право, 1957, № 3, стр. 71—72.

⁴³ Ср. по этому поводу также указания И. Фогта, принявшего точку зрения советской историографии (J. Vogt. Struktur..., стр. 49—50, со ссылками на труды С. И. Ковалева и А. В. Мишулина).

Первые шаги восставших увенчались значительными успехами. По-видимому, им неоднократно удавалось одерживать победу над римскими войсками. Тит Ливий (Epit. 56) говорит о том, что преторы не могли подавить движение рабов (cum opprimi a praetoribus non potuissent); множественное число (praetoribus) служит в данном случае достаточно красноречивым свидетельством того, что против восставших была предпринята не одна, а несколько попыток подавления. Флор (Hist. Rom. 2, 7) упоминает о разгроме рабами Манилия, Лентула и Писона. Наиболее значительным, однако, было тяжелое поражение, которое соединенные отряды Евна и Клеона нанесли претору Люцию Гипсею, после чего под власть рабов попал почти весь остров, в том числе, по свидетельству Страбона (272), и такие крупные центры, как Катана и Тавромений. В дальнейшем Тавромений был осажден римлянами (Diod. 34, 2, 20—21).

Неудачи заставили римлян перейти к более решительным мерам, тем более что восстание рабов послужило своеобразным сигналом к выступлениям рабов в самой Италии, в Аттике, на Делосе и в других местах (Diod. 34, 2, 19; Oros. 5, 9, 5). В мае 134 г. до н. э. в Сицилию был направлен консул Гай Фульвий Флакк, которому, однако, не удалось нанести восставшим решающего поражения. Консул 133 г. до н. э. — Люций Кальпурний Писон Фруги — достиг больших результатов: он разбил повстанцев в открытом бою и заставил их перейти к оборонительной тактике в укрепленных городах. Кальпурнию Писону удалось также захватить город Мамертий; после этого он сумел подойти непосредственно к Энне и попытался, правда, безуспешно, взять ее штурмом.

Окончательно подавил восстание консул 132 г. до н. э. Публий Рупилий, осадивший и взявший Тавромений. Восставшие рабы, несмотря на страшный голод, мужественно защищались, и овладеть городом римляне смогли только благодаря измене некоего сирийца Сарапиона.

После взятия Тавромения Рупилий подступил к стенам Энны. Отчаянная попытка Клеона, которую Диодор (34, 2, 21) называет даже героической (ἥρωϊκὸς ἀγωνισαίνων), отогнать римлян от Энны успеха не имела. Сам Клеон был убит во время вылазки. Потеряв всякую надежду на спасение, мучимые голодом, рабы были вынуждены капитулировать. Евн бежал из города и через некоторое время сдался Рупилию; позже он умер в тюрьме в Моргантине. Но, подавив главные очаги восстания, Рупилий в течение длительного времени был вынужден бороться с мелкими отрядами восставших рабов, которые бродили по всей Сицилии.

Непосредственным поводом к новому восстанию рабов (Diod. 36, 3—8),⁴⁴ которое началось в 104 г. до н. э., послужили следую-

⁴⁴ Ср.: К. М. Колобова. Второе сицилийское восстание рабов (104—99 гг. до н. э.). EIRENE, вып. II, 1964. Она особо подчеркивает участие в восстании рабов местного происхождения.

щие события. Вовремя войны скимврами Гай Марий, получивший от сената полномочия, обратился к вифинскому царю Никомену. Никомед ответил, что он не может оказать римлянам помощь, так как большинство его подданных уведено римскими ростовщиками в рабство и теперь находится в римских провинциях. После этого сенат принял специальное постановление, запрещавшее держать в рабстве свободнорожденных союзников и предписывавшее немедленно освободить их. В связи с этим пропретор Сицилии Публий Лициний Нерва в течение нескольких дней освободил более 800 рабов. Сицилийские рабы были охвачены волнением, так как многие рассчитывали получить свободу. Однако через некоторое время, видимо, под влиянием богатых рабовладельцев, опасавшихся разорения, а может быть, будучи подкупленным, пропретор Нерва прекратил освобождение рабов и всех обращавшихся к нему в чаянии отпуска на волю свободнорожденных союзников отсылал обратно к их господам. Такой поворот событий вызвал волнения и заговоры среди рабов. В Галикии тридцать рабов под предводительством Вария убили двух братьев — своих господ, а затем призвали всех рабов бороться с оружием в руках за освобождение. За короткое время собралось более 800 рабов, которые заняли труднодоступную местность недалеко от города и там укрепились. Лишь с большим напряжением сил Нерве удалось подавить это восстание. Еще более серьезным было восстание в районе Гераклеи, где 80 рабов убили своего хозяина римского всадника Публия Клодия. Восставшие укрепились на Каприановой горе; Нерва не решился напасть на них. Численность восставших рабов быстро увеличивалась и вскоре достигла двух тысяч человек. Войска, посланные под командованием Марка Титиния на подавление этого восстания, потерпели поражение. Восстание охватило весь остров, а общее число рабов, поднявших оружие, возросло до шести тысяч человек. Как и в сороковых годах, восстание рабов было поддержано свободной беднотой.

Первое восстание сицилийских рабов было еще свежо в памяти, и восставшие воспользовались его опытом. Они создали свои органы государственной власти. На сходке рабов (по словам Диодора: *οτε δι' ηα εις εχλησιαν συνελθόντες*) царем был избран Сальвий, пользовавшийся репутацией прорицателя. Разделив свои войска на три отряда, Сальвий приказал им пересечь весь остров. Сицилийские рабы массами присоединялись к восставшим. Вскоре армия Сальвия выросла до 20 тысяч пехотинцев и 2 тысяч всадников. Со всеми своими силами Сальвий двинулся к Моргантине и осадил этот город.

В течение длительного времени борьба за Моргантину шла с переменным успехом. Внезапно напав ночью на осаждавших город повстанцев, Нерва, располагавший десятью тысячами воинов, овладел их лагерем и двинулся на выручку к Моргантине. Однако, оправившись от неожиданности, рабы завязали сражение и обра-

тили противника в бегство. Более шестисот италиков и сикелиотов, находившихся в войсках Нервы, были убиты, около четырех тысяч сдались в плен. Весть об этом успехе восставших быстро распространилась. Численность войск Сальвия вскоре возросла чуть ли не вдвое.

Возобновив осаду Моргантины, Сальвий объявил, что все находящиеся в городе рабы получают от него свободу. Перепуганные моргантинские рабовладельцы в свою очередь объявили об освобождении тех рабов, которые сохраняют им верность и примут участие в обороне города. Многие рабы предпочли получить свободу «на законном основании», однако пропретор отменил это обещание. Тогда большинство рабов перебежали из осажденного города к повстанцам.

Между тем восстание продолжало распространяться и охватило район Эгесты и Лилибея. Восставших рабов здесь возглавил киликиец Афинион. Первоначально его отряд насчитывал всего около двух сотен человек, но вскоре увеличился до тысячи. Как и Сальвий, Афинион был провозглашен царем.

Источники сохранили интересные сведения о характере сложившейся под главенством Афиниона организации восставших. Часть восставших рабов стала воинами, но другая часть продолжала заниматься своим обычным трудом, чтобы обеспечить войска всем необходимым.

Однако попытка Афиниона осадить и взять хорошо укрепленный Лилибей не увенчалась успехом. Не оказался в состоянии овладеть Моргантиной и Сальвий. После длительной осады он отступил от нее и занял Триокалу. Этот хорошо укрепленный город стал теперь главным центром восставших. Здесь Сальвий принял имя Трифона, выстроил дворец, составил совет. Стремясь поднять авторитет своей власти, он совершал официальные выходы в претексте и пурпурном одеянии, при этом его сопровождали ликторы. Сюда же в Триокалу Трифон призвал Афиниона. Как и во время первого сицилийского восстания рабов, надежды римлян на раскол между двумя вождями восстания не оправдались. Хотя первоначально, опасаясь Афиниона, Трифон взял его под стражу, в дальнейшем взаимное доверие между ними восстановилось и Трифон назначил Афиниона своим стратегом. Свою роль в этом сыграло и начавшееся в 103 г. до н. э. новое наступление римлян.

В течение ряда лет римляне не могли добиться в борьбе против повстанцев сколько-нибудь ощутимых результатов. В 103 г. до н. э. новый пропретор Люций Лициний Лукулл высадился в Сицилии, имея более тридцати тысяч воинов. Трифон предполагал ограничиться обороной Триокалы, однако в конце концов победило мнение Афиниона, советовавшего принять открытый бой. Войска рабов расположились лагерем неподалеку от Скирфии.

Во время сражения, в ходе которого успех уже стал клониться на сторону восставших рабов, распространился слух о гибели Афиниона. Этот слух деморализовал рабов, и они отступили к Триокале, но захватить Триокалу римлянам тогда не удалось.

В 102 г. до н. э. в Сицилию был назначен новый пропретор — Гай Сервилий. Примерно тогда же умер Трифон, и царем рабов стал Афинион. Не встречая сопротивления со стороны Сервилия, Афинион совершал все новые и новые походы по Сицилии, осаждая города и захватывая добычу. Бездействие Сервилия объясняется, видимо, тем, что он не располагал необходимыми силами: перед его вступлением в должность Лукулл распустил войска и Сервилию пришлось набирать новые. Между тем бездействие Сервилия вызвало подозрение в том, что он подкуплен. В результате Сервилий был отозван.

В 101 г. до н. э. в Сицилию был направлен уже один из консулов — Маний Аквилей, которому с большим трудом, только к 99 г. до н. э., удалось подавить восстание. Разгромив в открытом бою Афиниона, Маний Аквилей затем ликвидировал отдельные мелкие очаги восстания.

Оба восстания сицилийских рабов надолго остались в памяти. Как показывают речи Цицерона против Верреса (ср., например, 2 Verr. 5, 17), в Сицилии постоянно опасались заговоров и волнений рабов; обвинение в попустительстве таким заговорам часто использовал Веррес.

Однако в течение длительного времени — по крайней мере внешне — Сицилия была спокойна. Даже во время восстания Спартака здесь не замечалось каких-либо волнений.

Единственное сообщение о восстании рабов в III в. н. э. содержится у Требония Полиона в его биографии Галлиенов (SHA Treb. Pollio, Gallieni duo 4, 9: etiam in Sicilia quasi quoddam bellum servile extitit latronibus evagantibus, qui vix oppressi sunt). То обстоятельство, что движение рабов вылилось в формы разбоя, не представляло собой чего-то исключительного: разбой как форма классовой борьбы был для того времени обычным явлением. Требоний Поллион не сообщает, каковы были непосредственные причины этого движения; представляется несомненным, что оно было тесно связано с другими движениями этого времени, породившими кризис III века. Привело ли это восстание сицилийских рабов к каким-либо существенным изменениям в их положении, мы не знаем.

Глава IX

РАБСТВО В КАРФАГЕНЕ

Социально-экономическая структура карфагенского общества, в том числе и проблема рабства, до сих пор специально не изучалась ни в советской, ни в зарубежной литературе. Существуют лишь весьма неполные по материалу и во многом устаревшие очерки в сводных работах Н. А. Машкина,¹ О. Мельтцера² и Ст. Гзелля.³

Недостаточная изученность этого вопроса на конкретно историческом материале способствовала появлению на страницах изданий, предназначенных, как правило, для весьма широкого круга читателей, разного рода домыслов и фантастических предположений. В частности, очень широко распространена в зарубежной карфагенистике точка зрения, согласно которой Карфаген был обществом капиталистическим. Имелись даже попытки представить Карфаген своеобразным вариантом фашистского корпоративного государства.

Авторы подобных построений либо игнорируют источники, либо вычитывают из них то, что в источниках не сказано. Предпосылкой для возникновения этих воззрений, помимо присущей буржуазной историографии тенденции опрокидывать в прошлое капиталистические отношения, послужило смешение капиталистического производства с товарным.

Как известно, товарное производство — это производство для обмена или продажи. Исторически оно возникает лишь с появлением общественного разделения труда, обособлением отдельных хозяйственных ячеек и, наконец, развитием частнособственнических отношений. Капиталистические производственные отношения начинаются там, где действие закона стоимости распространяется на взаимоотношения между эксплуататором и эксплуатируемым. Однако в Карфагене, насколько об этом можно судить по имею-

¹ Н. А. Машкин. Карфагенская держава до Пунических войн. ВДИ, 1948, № 4.

² O. Meltzer, GK, II.

³ St. Gsell. HAAN, IV.

щимся данным, господствовало внеэкономическое принуждение к труду. Именно поэтому К. Маркс находил в сельскохозяйственном товарном хозяйстве Карфагена «больше сходства с плантаторским хозяйством, чем с формой, соответствующей действительно капиталистическому способу эксплуатации».⁴

В экономической жизни Карфагена исключительно важную роль играло сельское хозяйство. Основную массу населения территорий, находившихся под властью Карфагена, составляли земледельцы, возделывавшие и зерновые культуры, и культуры особые — маслины и т. п. — как для удовлетворения собственных нужд, так и для продажи на внутреннем рынке. Кроме того, осуществлялся и вывоз зерна за пределы карфагенского государства. Он занимал видное место в пунийском экспорте, особенно в III—II вв. до н. э.

Подвластные Карфагенской державе сельскохозяйственные территории складывались из ее африканских владений, т. е. ливийских земель, покоренных во второй четверти V в. до н. э., и земельных угодий, принадлежавших карфагенянам в Сицилии и Сардинии. Положение всех этих земель и находившегося на них населения было далеко неоднородным, хотя некоторые общие черты могут быть установлены.

Тит Ливий рассказывает (XXI, 45, 5), что Ганнибал перед битвой при Тичине обещал даровать своим солдатам «землю в Италии, Африке, Испании, где кто пожелает, причем получивший землю и его дети будут свободны от налогов» (*immunem ipsi, qui acceperisset, liberisque*). В этой сентенции, которую античная традиция вкладывает в уста пунийского полководца, несомненно нашла свое отражение реальная историческая действительность. На всей территории карфагенской державы с тех, кто обрабатывал и владел землей, взимались налоги. Однако из этого же свидетельства Тита Ливия следует, что существовали определенные слои населения, пользовавшиеся налоговым иммунитетом. Более конкретными сведениями мы располагаем о карфагенской Ливии и карфагенской части Сицилии.

Полибий, упоминая о причинах участия ливийцев в так называемом восстании наемников 241—239 гг. (I, 72, 1—2), писал: «Ведь во время предшествующей войны (имеется в виду I-я Пунийская война, — *И. III.*), полагая, что имеют благовидный предлог, они (карфагеняне, — *И. III.*) жестоко властвовали над населением Ливии, взыскивая половину всех прочих плодов, а также

удвоив городам (*ταῖς πόλεσι*) подати (*τοὺς φόρους*)». Упоминания о тяжести и жестокости карфагенского господства в Ливии в античной литературе встречаются многократно; видимо, их нельзя отнести только за счет враждебной пунийцам традиции. Так, у Диодора (XX, 55, 4) в его знаменитой характеристике основных групп населения Ливии говорится, что ливийцы ненавидели карфагенян из-за жестокости их верховной власти. Но разберем свидетельство Полибия по существу.

Полибий явно противопоставляет «прочие плоды» регулярно взыскиваемому форосу с «городов». Очевидно, взыскание этих «прочих плодов» было экстраординарной мерой, регулярно же взыскиваемый форос состоял из доли урожая определенной сельскохозяйственной культуры, надо полагать, пшеницы, наиболее распространенной в Северной Африке. Какие-либо данные о размерах удвоенного фороса у Полибия не приводятся. Предположение, что форос в обычное время составлял четверть урожая, твердых оснований под собой не имеет.

Хотя отсутствие деловой документации и не позволяет окончательно решить этот вопрос, представляется наиболее правдоподобным, что поземельный налог взыскивался в Карфагенской державе и, в частности, в Ливии в порядке обложения данью покоренного силой оружия населения. По существу, мы имеем здесь дело с постоянно повторявшейся частичной экспроприацией собственности свободных мелких производителей. Следует, однако, отметить, что высказывавшиеся в литературе предположения о существовании в Карфагене илотии⁶ или прикреплении крестьян к земле⁷ источниками не подтверждаются.

Земельные отношения в той части Сицилии, которая находилась под властью Карфагена, в принципе не отличались от земельных отношений в пунийской Африке. У Диодора (XIII, 59, 3; 114,1) сохранились указания на то, что сицилийские города были обязаны выплачивать карфагенянам налог с земли, составлявший одну десятую долю урожая. Известные речи Цицерона против Верреса дают возможность ретроспективно выяснить некоторые черты, характеризующие порядок налогообложения, существовавший в Сицилии до установления на этом острове римского господства. Цицерон говорит (*In Ver.* II, III, 6): «Общины Сицилии мы приняли в дружбу и союз так, чтобы они имели те же права, что имели и раньше, чтобы на тех же условиях они повиновались римскому народу, на каких повиновались до того своим». В то же время Тит Ливий (XXXVI, 2) отмечал, что господство карфагенян в Сицилии ничем не отличалось от господства сиракузских тиранов.⁸

⁴ К. Маркс. Капитал. Госполитиздат, М., 1949, стр. 800.

⁵ Ср. по этому поводу: L. Casson. The grain trade of the Hellenistic world. Transactions of the American Philological Association, vol. 85, 1954, p. 178; И. Ш. Шифман. К восстановлению одной истрийской надписи. ВДИ, 1958, № 4. Точка зрения М. И. Ростовцева (SEHNW, II, стр. 1462), утверждавшего, что карфагенский купец, упоминаемый в надписи, торговал некарфагенским зерном, недоказуема.

⁶ O. Meltzer, GK, II, стр. 87.

⁷ St. Gsell. HAAN, IV, стр. 10.

⁸ Уже М. И. Ростовцев (M. Rostowzew, Studien zur Geschichte des römischen Kolonats. Leipzig, 1910, стр. 229 и сл.) отмечал, что Рим унасле-

Согласно Цицерону, кроме нескольких городов, поставленных римлянами в положение *civitates liberae et immunes*, «вся земля в Сицилии обложена десятиной так, как до владычества римского народа это было согласно желанию и правовым установлениям самих сицилийцев» (Cic. In Verr. II, III, 6). Примечательно совпадение этого свидетельства Цицерона с приведенным выше свидетельством Диодора. За уплату десятины, как и в Ливии, здесь отвечал «город» — община, к которой была приписана земля. Откупщик — уже в римскую эпоху — имел дело повсеместно с городом в целом. Цицерон оговаривает, что требуемый налог вносится *publice*, т. е. всею общиной в целом, которая сама организует сбор подати с владельцев земельных участков (Cic. In Verr. II, III, 27, 28, 31, 32, 34). Об отдельных владельцах земли мы узнаем только в том случае, когда вся община выплатила причитающийся с нее налог, а данный землевладелец не смог или отказывался это сделать. В таких случаях дело должно было решаться судебными органами соответствующего города (Cic. In Verr. II, III, 15). Нарушение этого порядка представляло собой одно из тех преступлений, которые инкриминировались Верресу. Интересно отметить, что даже граждане городов, освобожденных от уплаты налогов, даже римские граждане в тех случаях, когда они владели землей в городах, обложенных налогами, должны были в этих городах платить установленный налог на землю. Таким образом, налоговый иммунитет относился не к личности как таковой, а к общине и, соответственно с этим, к земле, которою владел плательщик (Cic. In Verr. II, III, 21, 23, 25). Если земля сдавалась в аренду, налог выплачивал арендатор. Подобное же положение, видимо, существовало в Сицилии и во времена карфагенского господства.

После завоевания Карфагеном Ливии значительные фонды земель в наиболее плодородных районах страны (каковы, например, долина реки Баграда и побережье Средиземного моря) сосредоточились в руках карфагенских граждан.

О земельных владениях средних и мелких землевладельцев, существование которых в Пунийской Африке предполагает Ст. Гзелль,⁹ прямыми сведениями мы не располагаем. Обращает, однако, на себя внимание, что и в марсельском, и в карфагенском тарифах отчислений от жертвоприношений в пользу жрецов упоминается жертвоприношение *ubi*. Это жертвоприношение могло иметь место, очевидно, только в связи с сохранением в пунийской среде, хотя бы в виде пережитка, обряда, аналогичного библейскому Юбилею (*yöbel*): обряд сложения долгов и возвращения земли прежде закабаленному соплеменнику (Лев. 25). Факт су-

ществования такого обряда дает основания предполагать различную по своим размерам земельную собственность. Предположение о среднем и мелком землевладении на карфагенской территории, таким образом, имеет под собою известную почву.

Основную роль в карфагенском сельском хозяйстве, однако, играло крупное рабовладельческое землевладение. Каков был юридический статус этих хозяйств? Об этом трудно сказать что-либо определенное. Опираясь на некоторые косвенные данные, можно думать, что «усадьбы» крупных карфагенских землевладельцев находились за пределами городов, в том числе и самого города Карфагена. Колумелла (Res. r. I, I, 18) цитирует следующее изречение Магона: «Кто приобретает поле, продает дом; предпочтительнее приносить жертвы не городским, а деревенским домашним богам; кому больше по сердцу городское жилище, тому нет нужды в сельской усадьбе». Плиний (Nat. hist. XVIII, 35), упоминая об этом «жестоком», по его мнению, взгляде Магона, прямо подчеркивает его антигосударственный характер (*non ex utilitate publici*). Отсюда следует, что, с точки зрения Плиния, сентенции Магона встают в противоречие с широко распространенным в древности воззрением на сельский труд как на единственное занятие, достойное свободного гражданина, поскольку именно благо государства выдвигалось обычно в таких случаях в качестве основного довода в пользу занятий граждан земледелием. Речь у Магона шла, очевидно, о том, что собственники крупных землевладений фактически порывали связь с государством, стремились от него обособиться. В годы Пунических войн такая позиция крупных землевладельцев привела их к изменнической, по сути дела, политике капитуляции перед римлянами. Остается, однако, неясным, привела ли эта тенденция к возникновению в Карфагене какого-либо своеобразного юридического статуса, ограждавшего своекорыстные интересы крупных землевладельцев.

Современники поражались богатству карфагенских аристократов. У Диодора (XX, 8, 2—4) мы находим следующую, достаточно выразительную характеристику, восходящую, несомненно, к рассказам воинов Агафокла, вторгшихся около 310 г. до н. э. на территорию Пунийской Африки: «Агафокл, стараясь освободить воинов от страха, повел войско против так называемого Мегалополя, принадлежавшего карфагенянам. Находившаяся по дороге страна, через которую они проходили, изобиловала садами и различными посевами, была пересечена многоводными каналами, орошавшими каждое место. Поселения (*ἀγοῖαι*) следовали одно за другим; они были застроены роскошно украшенными домами (*οἰκδομαῖς*), показывавшими богатство их владельцев. Дворы же (*ἐπαύλεις*) были наполнены всем, предназначенным для наслаждения, как бы указывая на богатство местных жителей плодами, накопленными во время длительного мира. Что касается земли, то часть ее была засажена виноградниками, часть — маслинами и

довал в Сицилии те земельные отношения, которые там существовали до римского завоевания.

⁹ St. Gsell. HAAN, IV, стр. 46 и сл.

была наполнена другими плодовыми деревьями. В других районах на равнине паслись стада коров, а ближайшие луга были наполнены пасущимися лошадьми. Вообще же в этих местах было всякого рода богатство, так как знатнейшие из карфагенян захватывали владения и старались отличиться богатствами, предназначенными для наслаждения».

Сведения Диодора об основных отраслях карфагенского сельского хозяйства хорошо подтверждаются дошедшими до нас фрагментами агрономического труда Магона. В этом труде содержались указания по выращиванию злаков (Plin. Nat. hist. XVIII, 38), оливок (Colum. De arbor. 17; Plin. Nat. hist. XVII, 128), миндаля (Nat. hist. XVII, 63, 131), содержанию домашнего скота (Colum. Res. г. VI, 1, 2—3; 26, 1—2; 37, 3) и т. п. В одной из карфагенских надписей (CIS, I, 166) сохранился список приносимых в жертву сельскохозяйственных продуктов; в нем перечисляются злаковые культуры (lhm) и упоминаются также фиги (tyn). Фиги упоминаются также и в известном рассказе Плиния Старшего (Nat. hist. XV, 74—75) как один из признаков процветания Карфагена.

Вряд ли могут возникнуть какие-либо сомнения в том, что в крупных земельных владениях основную массу непосредственных производителей составляли рабы. Имеющиеся в нашем распоряжении источники свидетельствуют о концентрации в руках карфагенской аристократии огромного числа рабов. Так, Юстин (XXI, 3) рассказывает, что Ганнон, подготавливая антиправительственный заговор, мог вооружить двадцать тысяч принадлежавших ему рабов. Даже если допустить, что цифра эта несколько преувеличена (хотя это и маловероятно), и учесть, что сосредоточение такого числа рабов в руках одного лица, вероятно, не было правилом, все же придется признать, что приведенное свидетельство Юстина, восходящее к Помпею Трогу, ярко характеризует общий уровень рабовладения в Карфагене в V—IV вв. до н. э., так сказать, его масштабы.

Концентрация такого количества рабов в руках одного владельца, надо думать, порождала потребность в специальном аппарате для организации их работы в подобных хозяйствах. Однако прямых данных об этом, к сожалению, до нас не дошло.¹⁰

Помимо труда рабов, карфагенские землевладельцы использовали в своих хозяйствах и труд наемных работников. У Варрона (Res. г. I, 17, 3) сохранился отрывок из эксцерпта труда Магона, составленного Кассием Дионисием. Из контекста, в котором приведен этот отрывок, следует, что речь шла в нем о том, как нужно подготавливать работников (operarios), привычных к тяжелым сельскохозяйственным работам. Под этими работниками явно понимаются свободные наемные батраки (mercennariis).

¹⁰ Ср.: St. Gsell. HAAN, IV. стр. 47—48.

Соотношение между рабским и свободным трудом в пунийском хозяйстве установить не представляется возможным. Исходя из приведенной выше цифры (20 тысяч рабов), видимо, можно предполагать, что решающую роль в сельскохозяйственном производстве, по крайней мере в крупных хозяйствах, играл труд рабов.

Едва ли не с первых лет своего существования Карфаген, как и другие финикийские колонии в Западном Средиземноморье, становится крупным центром ремесленного производства. Изделия пунийских ремесленников предназначались как для внутреннего рынка, так и для экспорта.¹¹ До нашего времени дошло значительное число пунийских надписей, в которых упоминаются такие виды ремесла, как изготовление саркофагов, обработка золота, серебра, меди, производство деревянных повозок, гребней, шипцов, ткачество, портняжничество и т. п. (CIS, I. 326—332. 338, 340, 342, 344, 345, 346, 354; III, 4873, 4877, 4884, 4886). Дошли до нас и многочисленные образцы пунийской керамики,¹² а также украшения из золота, серебра, бронзы и стекла. Надписи составлялись, очевидно, владельцами соответствующих ремесленных мастерских. Есть основания считать, что в пунийских городах существовали корпорации ремесленников, обозначавшиеся термином gw.¹³

Не приходится сомневаться в том, что в карфагенских ремесленных мастерских, так же как и в сельском хозяйстве, широко использовался труд рабов. Однако в пунийских надписях рабы не упоминаются, что обусловлено самим характером этих документов. Нарративные источники сведений об эксплуатации рабов в ремесленных мастерских также не содержат.

На особом положении в Карфагене находились рабы, которым их хозяевами была предоставлена известная доля экономической самостоятельности. Об этих рабах мы осведомлены более подробно. До нас дошла следующая надпись, выполненная на чаше: syhwln bn s[mr] 'bd 'bdmlqrt bn hlsb l bn b'lhnl hrt bmhsp — «Иахавлона сына Ша[мара] раба Абдумелькарта сына Хиллебаала сына Баалханнона, гравировщика на вазах».¹⁴ Согласно прямому смыслу надписи, сын раба в данном случае таковым не является. В то же время его отец был несомненно рабом. Отсюда следуют два важных вывода. Во-первых, из надписи вытекает, что в Карфагене могли иметь место признававшиеся законом браки между рабами. Этот вывод подтверждается, помимо приведенного текста, еще

¹¹ См. подробно: И. Ш. Шифман. Возникновение Карфагенской державы. Изд. «Наука», М.—Л., 1963.

¹² Подробно история пунийской керамики исследована П. Сента (P. Cintas. Ceramique punique. Paris, 1950).

¹³ A. Berthier, R. Charlier. Le sanctuaire punique d'El-Hofra. Paris, 1955, № 24; И. Ш. Шифман. Пунийский архив из эль-Хофра. ВДИ. 1962, № 4.

¹⁴ Musee Lavigerie de St. Louis de Carthage. Paris, 1900, p. 69. Ср.: RES, I, № 10, где надпись датирована, правда, без достаточных обоснований, IV—III вв. до н. э.

Плавтом (Casina 67—74), который, в оправдание сюжета своей комедии, ссылается на то, что «рабские браки» (*serviles nuptiae*) происходили в Карфагене. Во-вторых, из надписи устанавливается факт существования таких браков между рабами, при которых потомство оказывалось лично свободным от рабской зависимости. Упоминание о рабском происхождении отца или более отдаленного предка в данном случае свидетельствует о сохранении каких-то связей между рабовладельцем и потомками его раба. По-видимому, эта зависимость могла сохраняться на протяжении ряда поколений.

Однако такие случаи были, очевидно, возможны только либо при отпуске раба на волю, либо в случаях брака раба со свободной женщиной. Последнее было, видимо, возможно только при условии, если раб пользовался известной хозяйственной самостоятельностью, ибо трудно представить себе, чтобы со свободной женщиной мог вступить в брак раб, находившийся в доме своего господина. Так как в приведенной выше надписи отсутствуют какие-либо указания на то, что Иахавлон был вольноотпущенником, остается предположить, что отец Иахавлона Шамар вел самостоятельное хозяйство. Аналогичные случаи, очевидно, отражают и посвященные надписи сыновей рабов (CIS III, 4845, 4848, 4850, 4851, 4853, 4854, 4855, 4856).

Наряду с этими встречаются и надписи, поставленные от имени лиц, ведших самостоятельное хозяйство (CIS III, 4847, 4849, 4852). Характерная особенность этих надписей состоит в том, что в них рабы не указывают своей родословной (например, в надписи № 4849 посвятителем является Бодаштарт раб Малха сына Адониваала). Очевидно, раб в отличие от свободного по карфагенским порядкам не мог иметь официально фиксируемого родословия.

Особое место в экономической жизни Карфагена занимала эксплуатация испанских серебряных рудников, находившихся на побережье Пиренейского полуострова неподалеку от Нового Карфагена (Strab. III, 4, 6; Polyb. X, 8, 2; 10, 1: 38, 7). По сообщению Полибия (XXXIV, 9, 8—10), на этих рудниках постоянно работали до сорока тысяч рабов, которые ежедневно добывали серебра на 25 тысяч драхм. Для сравнения можно отметить, что в те времена, о которых идет речь у Полибия (середина III в. до н. э.), сицилийский медимн ячменя стоил в Луситании 1 драхму, теленок — 5 драхм, рабочий вол — 10 драхм (Polyb. XXXIV, 8, 7—10). При взятии Нового Карфагена П. Корнелий Сципион захватил там более шестисот талантов серебра из государственной казны Карфагена (Polyb. X, 19, 1; Liv. XXVI, 47, 10). Это было, конечно, то серебро, которое было добыто на испанских рудниках и еще не перевезено в Карфаген.

Рудники в Испании, несомненно, принадлежали государству, поэтому, возможно, и рабы, занятые там, были рабами государственными. Впрочем, не исключено, что в рудниках работали и

рабы частных владельцев, сдававшие их хозяевами государству на началах аренды за определенное вознаграждение. Положение рабов в рудниках было очень тяжелым; их смертность была исключительно велика. Видимо, покупка новых рабов для работы в рудниках считалась более рентабельной, чем забота о поддержании сил и здоровья уже имеющихся, производительность труда которых вследствие крайне тяжелых условий работы в рудниках уже начинала падать.

Заметную роль в экономической жизни Карфагенского государства играли храмы. Судя по некоторым данным, карфагенские храмы и, очевидно, их хозяйственная деятельность находились до известной степени под контролем государства. Из одной найденной в Карфагене надписи (CIS I, 175) следует, что там существовала особая коллегия десяти, ведавшая храмами (*'srt h'sm 's^c1 hmqdsm*). Хотя, по тексту надписи, в функции этих «децемвиров» прежде всего входило восстановление разрушенных святилищ и, возможно, строительство новых, вряд ли их обязанности этим исчерпывались. Само их название *'s^c1 hmqdsm* — «которые над святилищами» — показывает, что коллегия десяти, очевидно, ведала всеми сторонами жизни храмов, представлявших собой достаточно сложный хозяйственный организм. Как мы увидим, храмы одновременно были крупными рабовладельцами. Из других дошедших до нас надписей вытекает, что доходы храмов складывались из ряда статей. Прежде всего они получали отчисления от приносимых богам жертвоприношений. Об этом можно судить на основании так называемого Марсельского тарифа жертвоприношений (CIS I, р. 165). Очевидно, вывезенного из Карфагена в Массалию при неизвестных нам обстоятельствах. Кроме того, известен и собственно Карфагенский тариф, восстановленный в настоящее время по надписям CIS I, 167; III, 3915—3917 (сводный текст см.: CIS III, р. 164). Фрагменты подобных же тарифов сохранились и в надписях CIS I, 169—170. По содержанию своему все эти документы однотипны. В них указывается вид приносимой жертвы, соответствующие денежные платежи и натуральные отчисления. Последние составляли обычно значительную и лучшую по качеству часть туши жертвенного животного. Денежные взносы по Марсельскому тарифу составляли от 0.75 до 10 сиклей. Согласно другому тарифу (CIS I, 170), денежный взнос достигал 20 сиклей серебра. В условиях сравнительно высоко развитого товарного производства и денежного обращения передача жрецам определенной части туши жертвенного животного представляла собой пережиток древних обычаев, сложившихся в Сирии и Палестине (в том числе и у финикийцев) задолго до финикийской колонизации, вероятно, еще в эпоху доклассового общества. Обращает на себя внимание, что в библейских узаконениях, близких по содержанию к пунийским тарифам, денежные платежи не предусмотрены (ср. Лев. 6, 19; 7; 8, 15—19; 31—34; Второз. 18, 3

и сл.). Таким образом, эти платежи представляют собой своего рода нововведение, непосредственно связанное с развитием в Карфагене товарного хозяйства и денежного обращения.

Другие статьи храмовых доходов непосредственно связаны с эксплуатацией принадлежавших храмам хозяйственных угодий. К сожалению, мы сравнительно очень мало осведомлены о наиболее интересной для нас в данной связи стороне их деятельности этого рода — об эксплуатации ими непосредственных производителей.

В пунийских надписях дошли упоминания об общинах, названных по имени храмов, от которых они зависели (CIS, I, 263 и 264) — Мелькарта и Аштарт. Трудно сказать, каковы были конкретные формы этой зависимости. Вряд ли можно сомневаться в том, что храмы принимали непосредственное и, надо думать, значительное участие в эксплуатации ливийского крестьянства.

Храмы имели в своем распоряжении и определенные контингенты рабов. До нас дошли пунийские надписи, содержащие прямое указание на храмовое рабство. Правда, не всегда термин ^cbd — «раб» в сочетании с именем божества может восприниматься как обозначение социального положения посвяtitеля. В частности, когда в посвящении богине Тиннит (CIS, III, 4777) некий Акбар сын Пумай называет себя ее рабом (^cbdk — «раб твой»), то в этом следует видеть лишь выражение общей идеи зависимости каждого человека от божества, его подчинения божеству. Однако в большинстве случаев значение термина ^cbd — «раб» как социальной категории сомнения не вызывает.

Судя по сохранившимся надписям, рабами владели следующие храмы.

1. Храм Хатормаскар. В надписи CIS I, 253 посвяtitелем является Абдэшмун сын Амаштарт дочери Йатонцида, раба храма Хатормаскар (^cbd bt htrmskr). В другой надписи (CIS I, 254) посвящение производится Бодаштартом сыном Абдумелькарта сына Бодаштарта, раба храма Хатормаскар (^bd bt htrmskr), за Бодмилка, внука посвяtitеля. Наконец, в тексте CIS, III, 4834 посвящение приносится от имени Бодаштарта сына Абдаштарта сына Бодаштарта, раба храма Хатормаскар.

2. Храм Цидитиннит в Мегаре (один из районов Карфагена). В надписи CIS, I, 247 посвяtitель — Химилкат сын Бодаштарта сына Абдумелькарта сына Акбара, раба храма Цидитиннит в Мегаре (^bd bt sdtnt m[^cr]t). Другое посвящение составлено от имени Бодаштарта сына Абдумелькарта сына Ариша, раба храма Цидитиннит в Мегаре (CIS I, 248). В надписи CIS I, 249 посвяtitелем является Шафат сын Аришама, раба храма Цидитиннит в Мегаре (^cbd bt sdtnt m^crt).

3. Храм Аштарт могучей. До нас дошли три надписи, в которых упоминаются рабы этого храма. Однако в отличие от других случаев две надписи этого цикла составлены с некоторым

отступлением от обычной формулы посвящения. Слово bt — «храм» в них отсутствует. В надписи CIS, I, 255 в качестве посвяtitеля назван Шафат сын Бодаштарта сына Абдумелькарта, раба Аштарт могучей (^cbd 'strt h'drt). В надписи CIS, III, 4843 упомянут Йатонцид сын Бодаштарта, раба Аштарт могучей (^cbd 'strt 'drt). В надписи CIS III, 4842, однако, посвяtitель охарактеризован с применением обычного формуляра: Бодаштарт сын Баалшиллека, раба храма Аштарт могучей (^bd bt 'strt h'drt).

Исходя из этих различий в формулах посвящения, можно полагать, что между «рабами бога» и «рабами храма бога» существовала определенная разница и что в данном случае перед нами — обозначения двух различных категорий рабов. Возможно, что «раб бога» участвовал непосредственно в служении божеству, иными словами, в отправлении культа, тогда как «раб храма» был занят в храмовом хозяйстве. Однако при современном состоянии источников окончательно решить этот вопрос не представляется возможным.

4. Храм Цидимелькарта. Единственная дошедшая до нас надпись, в которой упомянут раб этого божества (CIS I, 256), также составлена с отклонением от обычной формулы (^bd sdmlqrt).

5. Храм Мелькарта. Здесь имеется только одна надпись (CIS III, 4840), поставленная Абдумелькартом сыном Химильката сына Абдумелькарта сына Баркана, раба храма Мелькарта (^cbd bt mlqrt).

6. Храм Аршафа. Надпись CIS I, 251 сильно фрагментирована; сохранилось только упоминание: «раб храма Аршафа» (^bd bt 'rs[p]).

7. Храм Милкаштарта. В одной из надписей (CIS I, 250) посвяtitель — Химилькат сын Баалханнона сына Бодаштарта сына Йатонмилка, раба храма Милкаштарта (^cbd bt mlk^cstrt). В другой надписи (CIS III, 4839) упоминается Адонибаал сын Баалханнона сына Азрумилка сына Баалханнона, раба храма Милкаштарта (^cbd bt mlk'strt).

8. Храм Эшмуна. В настоящее время известны пять надписей, в которых упоминаются рабы этого храма. В тексте CIS I, 252 встречается только термин: «раб храма Эшмуна» (^cbd bt [sm]n). В CIS III, 4834 посвящение приносится от имени Химилькона сына Йатонцида сына Ханнона сына Йатонцида сына Баалшиллека, раба храма Эшмуна (^cbd bt 'imn). В другом случае посвяtitель — Мусаф сын Абдукашара сына Абдимилка, раба храма Эшмуна (^cbd bt 'smn; CIS III, 4835). В надписи CIS, III, 4836 сохранилось только родословие посвяtitеля: ...сын Бодаштарта сына Бодмелькарта сына Шафота, раба храма Эшмуна. Наконец, в надписи CIS III, 4837 говорится о Бодаштарте сыне Абдэшмуна сына Йакуншалама, раба храма Эшмуна.

9. Храм Сакана. Единственная надпись (CIS III, 4841), в которой упоминается раб этого храма, содержит некоторые неясно-

сти. В качестве посвяtitеля назван Йатонбаал сын Ариша сына Хашакмата сына Бодаштарта, раба храма Сакана (^cbd bt skn). К имени божества в надписи имеется эпитет b^cl 'qds, который следует, по-видимому, переводить «владыка священный».

До нас дошла еще надпись CIS III, 4844, в которой упомянут раб храма, однако имя божества не сохранилось.

Опубликованные до настоящего времени пунийские надписи позволяют утверждать, что в Карфагене довольно значительное распространение приобрело вольноотпущенничество. Надписи, содержащие формулу bsgm, по всей видимости, принадлежат вольноотпущенникам. Эту формулу, очевидно, следует переводить: «за освобождение его».¹⁵ Условия, на которых производилось освобождение рабов, известны пока лишь частично. Одна из надписей, связанных с этим актом, дает основание считать, что существовали два типа освобождения от рабства: с предоставлением так называемого сидонского гражданства или же со специальной оговоркой, что вольноотпущенник не будет пользоваться последним. Весьма возможно, что во втором случае вольноотпущеннику предоставлялось полное равноправие. Эта же надпись показывает, что рабы могли освобождаться на условиях выкупа, а также и без него, в зависимости от воли владельца раба.

Помимо эксплуатации рабов, в Карфагене широко была распространена эксплуатация полусвободных производителей. Эти последние называются в пунийских надписях термином bd, который употреблялся для обозначения зависимости посвяtitеля или его отца от «господина его» ('dny).¹⁷ В ряде случаев лица, обозначенные этим термином, в документах одновременно называются и 'ssdn — «человек Сидона», что указывает на их своеобразный гражданский статус. Впрочем, в ряде других случаев посвяtitели именуются «людьми» Сидона без указания на то, что они являются «бодами» и находятся в зависимости от кого бы то ни было (CIS, I, 271, 273, 274, 277, 281, 283, 291). Из этого, очевидно, следует, что статус «бода» не обязательно сопровождался утратой или ущемлением личной свободы.

Интересную параллель этому материалу дают тексты Полибия (10, 17, 6 и сл.) и Тита Ливия (26,47), где рассказывается о том, что Сципион, захватив Новый Карфаген, взял в плен около десяти тысяч мужчин. Из них граждан города (πολιτικοί, cives Novae Car-

thaginis) он освободил, а ремесленников (χειροτέχνηι orifices), очевидно, не являвшихся гражданами, превратил в государственных рабов Рима (δημόσιοι της 'Ρώμης, publicos populi Romani). Сципион, как это показывает вся его деятельность в Новом Карфагене, стремился приобрести симпатии покоренного населения. При таких условиях вряд ли он стал бы проводить меры, ухудшавшие положение ремесленников. Скорее можно предполагать обратное. По всей видимости, эти ремесленники и до захвата Сципионом Нового Карфагена были людьми зависимыми, вероятно «бодами». Зависимость их от частных лиц Сципион заменил зависимостью от государства.

В нашем распоряжении почти нет сведений о том, какую роль играли рабы в социальной жизни Карфагенской державы. Во всяком случае, сколько-нибудь значительные самостоятельные выступления рабов, которые хотя бы отдаленно можно было сравнить с грандиозными восстаниями рабов в Сицилии и Италии, здесь не встречаются. Однако рабы несомненно принимали активное участие в выступлениях ливийского крестьянства против карфагенского господства.

Первым таким движением было восстание 396—394 гг. до н. э., в ходе которого восставшие ливийские крестьяне заняли Тунет (современный Тунис). К восставшим бежали и присоединились многочисленные рабы. Карфагенскому правительству удалось подавить это движение только путем подкупа некоторых вожаков восстания (Diod. 14, 77).

Наиболее крупным движением ливийского крестьянства, в котором участвовали и рабы (App. Sic. 2), было так называемое «восстание наемников» 241—239 гг. до н. э.¹⁸ Обращает на себя внимание тот факт, что одним из его руководителей был беглый раб Спендий.

После разгрома Карфагенской державы в 146 г. до н. э. и установления в Северной Африке римского господства начинается новый период в истории этой страны.

¹⁵ И. Ш. Шифман. Пунийский архив стр. 134. Другое толкование предложено И. Хофтэйзером (J. Hoftijzer. Eine Notiz zum punischen Kinderopfer. Vetus Testamentum, vol. VIII, 1958, 3, SS. 288—292).

¹⁶ Подробно см.: И. Ш. Шифман. Эпиграфические заметки. Краткие сообщения Института народов Азии, вып. 86, 1965. Ср., однако: A. van den Branden, BiOr, vol. XXIII, 1966, N 3—4, стр. 142—145.

¹⁷ Подробно см.: И. Ш. Шифман. К вопросу о значении термина «бод» в пунийских посвяtitельных надписях. Эпиграфика Востока, 1963, № 15.

¹⁸ Подробно см.: Н. А. Машкин. Последний век пунического Карфагена. ВДИ, 1949, № 2.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Адриатическое море 216.
 Азия 13, 15, 44, 68, 152, 196, 214
 Азия Малая 5, 35, 60, 62, 93—104, 111, 113, 116, 119—122, 125, 127, 136, 141, 146, 150, 154, 155, 157, 171, 178.
 Акрагант, г. 229, 231, 232, 240.
 Алабанды, г. 157.
 Александрия, г. 40, 44, 47.
 Аллия, р. 199.
 Аман 93.
 Америя, г. 122.
 Амис, г. 124—126, 128
 Аморг, о. 81, 156, 170.
 Амфиполь, г. 156.
 Антандр, г. 157.
 Апамея, г. 230.
 Аполлония, г. 217.
 Аргинусы, о-ва 59, 66, 67, 169.
 Аргос, г. 46, 68, 69, 149, 176, 192, 228.
 Ариуса. обл. на Хиосе 170.
 Аркадия 82, 87.
 Аркесина, г. 81.
 Армения 119.
 Арна, г. 140.
 Ассирия 93, 94, 119.
 Астипалея, г. 156, 157.
 Атарней, г. 151, 171.
 Атика 24—26, 28, 40, 41, 69, 99, 100, 131, 133, 135, 168, 177, 185, 241.
 Афидны дем 89.
 Афины, г. 22, 24, 26—28, 30, 32—41, 45, 46, 55, 56, 59, 61, 64, 66, 68—71, 73, 74, 79—82, 85, 86, 89, 97—99, 101, 109, 126, 132, 133, 147, 153—156, 163, 166, 168, 170, 176—178, 215, 224.
 Африка 246.
 Африка Пунийская 247—249.
 Африка Северная 247, 257.
 Ахерусийский п-ов 137.
 Ашшур, г. 93.
 Баград, р. 248.
 Балканский п-ов 88.
 Беотия 31, 32, 58, 64, 69, 140.
 Богазкеой 95.
 Болгария 219.
 Борисфен, р. 205, 207, 209.
 Боспор 107, 133, 195, 199, 200, 203, 206, 208, 211, 213, 219, 220.
 Боспорское царство 105, 106, 126, 127, 135, 146, 152, 194, 200, 219, 220.
 Босфор, пролив 151.
 Бурушханда, г. 93.
 Вавилония 119, 122.
 Ванское царство 94.
 Варна, г. 218.
 Вахшушанай, г. 93.
 Византии, г. 60, 96, 102, 145, 156, 214—216.
 Вифиния 230.
 Газа, г. 91.
 Галик, г. 233.
 Галикарнасс, г. 42—44, 47, 111, 114—118, 120, 122, 157.
 Галикарнасский п-ов 111.
 Галикия 242.
 Галис, р. 137.
 Гела, г. 227.
 Геллеспонт, пролив 102, 126, 151, 209, 215.

Гераклея Понтийская, г. 112, 124—126, 130, 135—139, 141—143, 145—148, 157, 218.
 Гестиея, г. на Евбее 161.
 Гиккара, г. 229.
 Гимера, г. 228.
 Гисии, г. 64.
 Гортина, г. 25, 114.
 Греция 7, 8, 11—14, 24—31, 35, 36, 38, 40, 44, 46, 48—50, 55—57, 60—62, 67, 72, 73, 80, 84, 87, 88, 90—93, 96, 98—100, 102, 104, 105, 114, 121—123, 143, 151—153, 156, 158—160, 163, 166, 170, 172, 177, 189, 192, 215, 217, 221, 228, 229.
 Греция Великая 222, 223, 228, 231.
 Грион, горная местность 108.
 Двуречье 93, 94.
 Декелия, г. 74.
 Делос, о. 98, 135, 185, 241.
 Дельфиний 179, 182.
 Дельфы, г. 131, 167, 228.
 Дидимы, святилище Аполлона Дидимейского 96, 108.
 Днепр, р. 145, 202, 203.
 Добруджа 219.
 Дрепанум 233.
 Дунай, р. 61, 151, 215.
 Дунай Нижний 219.
 Дурхуллит, г. 93.
 Европа 15, 209.
 Европа Восточная 200.
 Египет 28, 29, 40, 44, 102, 103, 152, 153, 156, 167.
 Зела, г. 122.
 Зелея, г. 112.
 Иас, о. 88.
 Иллирия 61, 163.
 Иония 47, 97—103, 109, 127, 153, 159, 160.
 Исмар, местность во Фракии 153, 171.
 Испания 103, 246, 252.
 Истр, р. 202, 204, 205, 207, 212, 214—216, 218.
 Истрия, г. 216, 217.
 Италия 75, 172, 173, 228, 238, 241, 246, 257.
 Италия Южная 222—224, 227, 229, 235.
 Иудея 228.
 Кабира, г. 157.
 Кавалле, г. 103, 153.
 Кавказ 103.
 Кадеш, г. 94.
 Калабак-Тепе 107.
 Каллатия, г. 136, 218.
 Камир 135.
 Канес, г. 93, 94.
 Каппадокия 93, 103.
 Каприанова гора 242.
 Кария 86, 94, 100, 116, 118—121, 126.
 Каркинитский залив 205, 207.
 Карфаген, г. 5, 61, 229, 232, 245—254, 256, 257.
 Карфаген Новый 252, 256, 257.
 Карфагенская держава 223, 246, 247, 251, 257.
 Каспийские горы 209.
 Катана, г. 233, 241.
 Кед (обл. в Киликии) 94.
 Керасунт, г. 128, 130.
 Керкира, о. 59, 70, 71, 73, 76, 149, 155, 176.
 Керченский пролив 207, 208.
 Кизик, г. 96, 104, 107, 111, 114, 157.
 Киликия 94, 103.
 Кипр, г. в Египте 102.
 Кирополь, г. 91.
 Клазомены, г. 100.
 Книд, г. 170.
 Колофон, г. 97—100, 107, 109.
 Комана Каппадокийская, г. 122.
 Комана Понтийская, г. 122.
 Коринф, г. 46, 71, 73—74, 102, 105, 107, 152, 163, 177, 178.
 Кос, о. 170.
 Котиора, г. 128, 130.
 Крит, о. 24—26, 36, 37, 97, 114, 143, 185, 226.
 Крым 195, 201—203.
 Кюль-Тепе 94.
 Лагаш, г. 93.
 Лада, о. 153, 166, 167.
 Лакедемон см. Спарта.
 Лампсак, г. 157.
 Лаодикия, г. 157.
 Лебедос, г. 100.
 Левкада 87.
 Лера, г. 96, 97.
 Лесбос, г. в Египте 102.
 Лесбос, о. 64, 81, 151, 154, 169—171.
 Ливия 246—248.
 Лидия 61, 95, 96, 103, 104, 126, 163, 167.
 Лик, р. 137.
 Ликейская равнина 137.
 Ликия 94.
 Лилибей, г. 243.

1 Список принятых сокращений: г. — город, обл. — область, о. — остров, п-ов — полуостров, р. — река, р-н — район.

Лименен 109.
 Линд, г. 135.
 Локры Эпизефирские, 227.
 Луситания 252.

Магнесия, г. на Меандре 100, 101, 107.
 Македония, 14, 22, 82, 89, 215, 219.
 Малоазийское побережье 188, 190.
 Мамертий, г. 241.
 Мантинейя, г. 52, 90.
 Маронея, г. 152, 153, 163.
 Массалия, г. 103, 253.
 Меандр, р. 100, 101, 107—109.
 Мегалополь, г. 249.
 Мегара, р-н Карфагена 254.
 Мегары, г. 32, 46, 69, 74, 105, 136.
 Мелос, о. 66, 72, 80, 83, 84, 154.
 Менда, г. 154.
 Меотида (Азовское море) 202, 204, 218.
 Мероэ, о. 209.
 Мефимна, г. 81.
 Миласа, г. 118—121, 178.
 Милет, г. 46, 96, 97, 99—103, 105—110, 113, 114, 125—128, 151—153, 169, 171, 178, 217.
 Минд, г. 170.
 Мисия 94, 151.
 Митилена, г. 65, 157.
 Миунт, г. 100, 109.
 Моргантина, г. 241—243.
 Моримена, одна из 10 областей Каппадокии 122.

Навкратис, г. 102, 152, 167.
 Навпакт, г. 56.
 Ниса, г. 157.
 Нисея, гавань г. Мегары 69, 73—75.

Олим, г. 120, 121.
 Олинф, г. 80, 83, 89.
 Ольвия, г. 198, 208, 219, 220.
 Ортигия, о. 223.
 Орхомен, г. 31, 58.

Палестина 253.
 Панорм, г. 229, 233.
 Пантикапей (Керчь), г. 127, 135, 208.
 Парос, о. 96, 108.
 Пафлагония 61, 131, 144, 163.
 Пелла, г. 78.
 Пеллена, г. 89.
 Пелопоннес, обл. Греции 57, 98.
 Перекоп (Перекопский перешеек) 202.

Перинф, г. 215.
 Персия 13, 88, 164.
 Пилос, г. 98—101.
 Пирей, гавань Афин 70, 74, 135, 163.
 Пиренейский п-ов 252.
 Платея, г. 64, 72, 149.
 Понт см. Понт Евксинский.
 Понт Евксинский (Черное море) 102, 103, 105—107, 124—128, 130, 134—136, 146, 147, 152, 156, 164, 206, 215.
 Понт Западный см. Причерноморье Западное.
 Понт Северный см. Причерноморье Северное.
 Понт Южный см. Причерноморье Южное.
 Понтийское побережье 109.
 Приена, г. 100, 101, 109, 111—113, 147.
 Причерноморье 102, 151.
 Причерноморье Западное 206, 212, 218, 219.
 Причерноморье Северное 5, 106, 107, 127, 130, 132, 133, 135, 145, 146, 193—196, 198—203, 206—208, 210—212, 218—221.
 Причерноморье Юго-Восточное 125—129, 131, 132, 134.
 Причерноморье Южное 124, 206.
 Пропонтида (Мраморное море) 96, 102, 104, 106, 107, 153—155, 215.
 Псира, о. 150.

Регий, г. 73, 77.
 Рим, г. 26, 27, 41, 49, 90, 101, 122, 169, 198, 199, 230, 232, 236, 247, 257.
 Родос, о. 5, 44, 46, 74, 84, 155, 156, 170.
 Россия 200.
 Русь Киевская 221.

Салмакида, квартал в Галикарнассе 117.
 Самос, г. в Египте 102.
 Самос, о. 46, 58, 62, 100, 103—105, 109, 149, 160, 169.
 Самофракий, г. 156.
 Сардиния 246.
 Сарды, г. 157, 163.
 Сеет, г. 60.
 Сиботские о-ва 70.
 Сидон, г. 130, 256.
 Сикион, г. 46.
 Синдика, обл. 195.

Синопа, г. 94, 107, 124—130, 132—136, 146, 157.
 Синури, святилище 120.
 Сиракузы, г. 147, 187, 190, 191, 222—227, 229, 231—233, 235.
 Сирия 61, 103, 163, 253.
 Сицилия, о. 5, 36, 70—73, 75, 77, 80, 87, 143, 154, 187—192, 217, 222—224, 227—238, 240—244, 246—248, 257.
 Сицилия Западная 229.
 Скиона, г. 64, 66, 72, 80, 154.
 Скирос, о. 60.
 Скирфия 243.
 Скифия 61, 163, 197, 200—203, 211, 213, 221.
 Смирна, г. 94, 97, 100, 158.
 Советский Союз 218.
 Сорнона 65.
 Спарта 64, 69, 73, 81, 128, 129, 143, 148, 155, 165, 176—180, 192, 226, 227.
 Средиземное море 163, 248.
 Средиземноморский бассейн 188.
 Средиземноморье 61, 103, 151, 164, 187, 188, 190, 228, 230.
 Средиземноморье Западное 251.
 Сфактерия, о. 69, 80.

Тавр, горная цепь в Азии 93.
 Таврика 195.
 Тавромений, г. 241.
 Тамирака, мыс 205, 207.
 Тарент, г. 156, 227, 228.
 Тарувиса см. Троя.
 Тенедос, о. 68, 156.
 Тенос, о. 135.
 Теос, г. 100, 113, 157.
 Техиус, г. 96, 97.
 Тиатир, г. 157.
 Тинида, о. 138.
 Тиос, г. 138.
 Тир, г. 91.
 Тицина, г. 246.
 Торона, г. 64, 66, 69.
 Трапезунт, г. 107, 124, 125, 128, 130.
 Триокала, г. 232, 243, 244.
 Троя (Тарувиса), г. 94, 160.
 Тунет, г. (совр. Тунис) 257.
 Турция 102.

Успа, г. 220.

Фапсак, г. 209.
 Фасос, о. 96, 103, 104, 153, 170.
 Феодосия, г. 145.
 Ферма, г. 52.

Фессалия 61, 141, 143, 146, 147, 160, 176, 178, 179, 192, 226.
 Фивы, г. 22, 30, 32, 33, 77, 89, 90.
 Филипполис, г. 215.
 Фирея, г. 68, 69.
 Фокея, г. 100, 103, 157.
 Фракийское побережье 215.
 Фракия 60, 61, 64, 86, 103, 152—154, 163, 164, 212, 215, 216.
 Фригия 96, 103, 163.

Халкида, г. на о. Эвбея 108.
 Халкидика, п-ов 100, 105.
 Харьков, г. 206.
 Хаттуш, г. 126.
 Херонея, г. 58, 83, 88, 155.
 Херсонес Таврический, г. 136, 201, 219, 220.
 Хеттское царство 94, 119.
 Хиос, г. в Египте 102.
 Хиос, о. 5, 46, 47, 62, 64, 68, 100, 102—105, 149—173, 176—182, 184, 187, 188, 190—192.

Черное море см. Понт Евксинский.
 Чечалу 235.

Шумер 93, 94.

Эвбея, о. 58, 160, 161.
 Эвримедонт, р. 60, 61.
 Эгеида 223.
 Эгейский бассейн 103, 105, 109, 152, 156, 157.
 Эгейский р-н 105, 153.
 Эгейское море 149, 151, 154.
 Эгеста, г. 229, 243.
 Эгина, о. 37, 55, 56, 59, 96, 102, 105, 151—153, 156, 163, 177.
 Эгоспотамы, р. и г. 64, 65, 67.
 Эйон, г. 60.
 Элея, г. 157.
 Эллада 7, 10, 13, 14, 22, 63, 81, 87, 91, 92.
 Эль-Хофра 251.
 Эмпорий 179.
 Эниады, г. 56.
 Энна, г. 237, 240, 241.
 Энуссы, о-ва 150, 171.
 Эолида 171.
 Эпидавр, святилище 154.
 Эпидамн, г. 71.
 Эретрия, г. 105.
 Эрике, гора 234.
 Эрифры, г. 100, 156, 157, 163, 170, 178.
 Этолия 52.
 Эфес, г. в Египте 102.
 Эфес, г. в Лидии 99, 100, 105, 107, 112, 114, 122, 163.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абдукашар, сын Абдимилка 255.
 Абдумелькарт, сын Баркана 255.
 Абдумелькарт, сын Бодаштарта 254
 Абдумелькарт, сын Хиллецабаала 251.
 Абдумелькарт, сын Химильката 255.
 Абдэшмун, сын Амаштарт 254.
 Абдэшмун, сын Йакуншалама 255.
 Август 185.
 Августин Блаженный 213.
 Агафокл 212, 249.
 Агелад 228.
 Агесилай 68, 81.
 Адонибаал, сын Баалханнона 255.
 Адониваал 252.
 Адран 189.
 Азрумилк, сын Баалханнона 255.
 Акбар 254.
 Аквилый Маний 244.
 Александр Македонский 20, 22, 77, 85, 90, 91, 157, 168, 185, 196, 208, 210, 211, 213—215, 219.
 Али В. (Aly W.) 206.
 Алиатт 167.
 Алкивиад 64, 68—70, 83, 84.
 Алкид 64, 155.
 Амаштарт 254.
 Америк 176.
 Аминта 206.
 Аммоний 46, 75.
 Амфикл 161.
 Анаксибий 88.
 Анахарсис 211.
 Андокид 83, 84.
 Андреадис А. М. (Andreades A. M.) 166.
 Андремон 98, 99.
 Андрокул 100.
 Андроклиды 100.
 Андроцион 81.
 Анникей 178, 179.
 Анохин В. А. 218.
 Антигон 145.
 Антигон, житель Энны 237.
 Антиох III 145.
 Антифонт 20.
 Антонин 232.
 Анфемокрит 54.
 Анфимов Н. В. 195.
 Аполлодор 36—38.
 Аполлон 43, 115, 116.
 Аполлон Делосский 99, 150, 157.
 Аполлон Фанейский 167.
 Аполлоний Гемин 233.
 Аполлоний Родосский 196.
 Аполлоний Тианский 87.
 Аретузий 38.
 Ариадна 160.
 Арион 217.
 Аристарх 13.
 Аристобул 211.
 Аристон, философ-стоик 158.
 Аристон, хосеп 162.
 Аристотель 9, ~10, 14—24, 31, 44, 45, 51, 53, 73, 75—77, 79, 81, 84, 98, 100, 111, 116, 124, 136, 140, 146, 147, 156, 169, 217, 225, 226.
 Аристофан 13, 32, 34, 35, 61, 86, 131, 139, 159, 163.
 Ариш, сын Хашакмата 256.
 Арриан 66, 72, 157, 211.
 Артамонов М. И. 202.
 Артемида 99, 100, 107, 121, 218.
 Архемах 140, 141.
 Архерм 158.
 Архестрат 85.
 Архит 228.
 Аршаф 255.
 Асидат 96.
 Асиний Никомах Юлиан Г. 233.
 Асклепий 208.
 Атей 202—219.
 Атенис 158.
 Атрестид 82.
 Афейдант 52.
 Афина 43, 116.
 Афиней 110, 111, 113, 129, 136, 138—140, 144, 150, 157—160,

164, 167—170, 173—177, 182, 183, 186, 190, 199, 228, 236.
 Афинодор 118.
 Афродита 234.
 Ахей 238.
 Ахемениды 95, 126.
 Аштарт 254, 255.
 Баалханнон 251.
 Баалханнон, сын Азрумилка 255.
 Баалханнон, сын Бодаштарта 255.
 Бабелон Э. (Babelon E.) 125, 136.
 Баклер В. (Buckler W. H.) 119, 121.
 Бальбин 216.
 Басилиды 178.
 Белох Ю. (Beloch J.) 96, 107, 166, 230, 235.
 Бенвенист Е. (Benveniste E.) 164.
 Бергер А. К. 16, 17.
 Бергер (Berger) 206—208.
 Бин Г. (Bean G. E.) 111.
 Блаватская Т. В. 126, 203, 216.
 Блаватский В. Д. 107, 200, 220.
 Бласс У. (Blass F.) 36, 39, 81, 83, 88, 156.
 Бодаштарт, сын Абдаштарта 254.
 Бодаштарт, сын Абдумелькарта 254.
 Бодаштарт, сын Абдэшмуна 255.
 Бодаштарт, сын Баалшиллека 255.
 Бодаштарт, сын Бодмелькарта 255.
 Бодаштарт, сын Йатонмилка 255.
 Бодмелькарт, сын Шафота 255.
 Бодмилк 254.
 Бокхорид 27, 40.
 Бордман Ю. (Boardman J.) 152, 158, 179.
 Бормон 137, 144.
 Брасид 64, 80.
 Бузескул В. 12.
 Бузольт Г. (Busolt G.) 58, 67, 68, 76, 106, 107, 110, 143, 160, 161.
 Бупал 158.
 Бурский М. М. 180.
 Бэррон Д. П. (Barron J. P.) 96, 97.
 Бюрхнер Л. (Bürchner L.) 149, 187, 191.
 Ваддингтон В. (Waddington W. H.) 121, 125, 136, 178.
 Вайс Е. (Weiss E.) 26—30, 33, 40—43, 45, 46, 118.
 Валлон А. (Walton H.) 166, 226.
 Вансеверен Ж. (Vanseveren J.) 156, 170.
 Варрон 165, 180, 250.
 Велков В. И. 86, 104.
 Веллс Д. (Wells D.) 98.
 Вергилий 196.
 Вернадский Г. (Vernadsky G.) 201.

Веррес 229, 231—234, 239, 244, 247, 248.
 Вестерманн В. Л. (Westermann W. L.) 7, 8, 11, 12, 15, 24, 27, 31, 40, 41, 60—62, 77, 78, 89, 163, 166, 168, 185, 188.
 Виккерт Л. (Wickert L.) 226, 235.
 Вилламовиц-Моллендорф У. фон (Wilamowitz-Moellendorff U. von) 47, 98, 101, 181.
 Вильгельм А. (Wilhelm A.) 108.
 Гайдукевич В. Ф. 105, 106, 132, 133, 152, 156, 220.
 Галлиены 244.
 Ганнибал 246.
 Ганнон 250.
 Гарднер П. (Gardner P.) 152, 154, 156, 158, 168.
 Гарпократион 134, 162.
 Гвардуччи М. (Guarducci M.) 225.
 Гегесандр 167.
 Гелон 225.
 Гекатомн 120.
 Гекатомниды 120.
 Гекатоним 130.
 Гектор 161.
 Гелланик 196.
 Геллий Авл 217.
 Георгес 217.
 Геракл 202, 204, 214.
 Гераклид из Миласы 120.
 Гераклид Понтийский 108, 110.
 Гераклид с о. Кипр 135.
 Гермипп 168.
 Геродот У, 55—57, 59, 60, 65, 73, 75, 76, 78, 81, 88, 95, 96, 98—104, 107—109, 119, 120, 137, 145, 150, 151, 153, 157, 160, 161, 163, 166, 167, 171, 196—199, 201, 208, 216, 217, 221, 225, 226.
 Гермократ 235.
 Гесикий 11, 61, 159, 162, 168, 176, 177, 215, 222, 224, 225.
 Гестией 151.
 Гзелль Ст. (Gsell St.) 245, 247, 248, 250.
 Гиерон 231.
 Гиллер фон Гертринген Ф. (Hiller von Gärtringen F.) 44, 109.
 Гиперид 81—83.
 Гиппократ, хосец 158.
 Гиппократ-Псевдо 199, 221.
 Гиппонакт 110.
 Гипсей Люний 241.
 Главк 157, 167.
 Глотц Г. (Glotz G.) 101, 216, 219.
 Глускина Л. М. 26.

Голенко К. В. 220.
 Голубцова Е. С. 111, 122.
 Гольдберг В. А. 221.
 Гольм А. (Holm A.) 143, 224–226, 236.
 Гомер 8, 29, 57, 76, 116, 157, 162, 170, 209, 211, 223.
 Гомм А. В. (Gomme A. W.) 14, 53, 58, 59, 65, 69–71, 80.
 Гораций 196, 232.
 Готье Ю. В. 200.
 Граков Б. Н. 129, 131, 136, 145, 202–205, 211, 212, 216, 218.
 Греков Б. Д. 200, 221.
 Грин П. (Green P.) 237, 238.
 Гудеа 93.
 Гшницер Ф. (Gschnitzer F.) 173, 174, 176.
 Дамасенор 107.
 Дамофил 192, 232, 237.
 Данбэбин Т. Дж. (Dunbabin T. J.) 223, 225.
 Данов Хр. М. (Danov Chr.) 216, 219.
 Дарий 96, 137, 151, 207, 210, 214.
 Датам 129, 130.
 Дейнон 37.
 Дексипп 216.
 Демад 82, 83.
 Демокрит 158.
 Демосфен 22, 36–39, 45, 54, 64, 74, 76, 78–82, 85, 87, 89, 132, 134, 154–156, 215.
 Дзагурова В. П. 136, 138.
 Диевкид 174.
 Дикеополь 32.
 Диллер А. (Diller A.) 85.
 Динарх 89.
 Диодор 22, 27–29, 33, 44, 46, 55, 58–60, 64, 66, 68, 70–73, 75–77, 80, 126, 147, 157, 158, 160, 182, 188–190, 192, 197, 212, 215, 224, 228–242, 247–250, 257.
 Дион Хрисостом 196.
 Дионис 160.
 Дионисий Византийский 215.
 Дионисий Галикарнасский 226, 227.
 Дионисий, тиран Гераклеи 138.
 Дионисий I Старший, тиран Сиракуз 36, 73, 77, 147, 148, 217, 229, 232, 235.
 Диопиф-78.
 Диофант 207.
 Доватур А. И. 14, 19, 21, 22, 109, 178, 217.
 Дорид 104.
 Дорией 74.

Дромихет 210.
 Дурис 213.
 Дьяконов А. П. 236.
 Дьяконов И. М. 93, 119.
 Евменид 233.
 Еврипид 9, 15.
 Евсевий 102, 107.
 Егуннов А. Н. 11.
 Ельницкий Л. А. 198.
 Жебелев С. А. 11, 17, 19, 106–108, 194, 196, 201, 202, 220, 236.

Зевс 52, 122.
 Зевс Додонский 52.
 Зевс Карииский 120.
 Зевс Оторкондий 121.
 Зельин К. К. 24–26, 40, 213.
 Зенобий 226.
 Золотас Кс. (Zolotas Xen.) 164.
 Зопирион 219.

Иахавлон 251, 252.
 Иессен А. А. 106.
 Ион 157, 160, 161.
 Исей 79–81.
 Исигон 196.
 Исократ 10, 13–15, 27, 29, 30, 33–35, 46, 53, 66, 72, 83, 84, 148.
 Ификрат 68, 73, 75, 78.

йатонбаал, сын Ариша 256.
 йатонцид, сын Баалшиллека 255.
 йатондиц, сын Ханнона 255.

Кавкал 158.
 Казаманова Л. Н. 25, 36, 114, 143.
 Казакевич Э. Л. 133, 134, 176, 220.
 Калликратид 64, 81, 155.
 Каллистов Д. П. 198, 201–203, 206, 210, 211.
 Каллистрат 139, 140.
 Каллисфен 118.
 Капитолии Максим Юлий 216.
 Карышковский П. О. 218.
 Кассий Дионисий 250.
 Катон 172, 173, 178.
 Кейль Б. (Keil B.) 116.
 Керсоблент 215.
 Керст Ю. (Kaerst J.) 216, 219.
 Кечежьян С. Ф. 14, 36.
 Кимон 60, 61.
 Кинаит 158.
 г Кир, 203, 214.
 Кир'Младший 88.
 Кихле -Ф. -(Kiefchlt ,F.) 49, 51, 52, 54–56, 58, 60, /62^64. 80, 90.
 Клеарх 147, 148.

Клеомен 56.
 Клеомид 81.
 Клеон 65.
 Климена 100.
 Климент Александрийский 205, 211.
 Клитарх 211.
 Клитиды 179.
 Клодий Публий 242.
 Кобылина М. М. 101, 106, 107.
 Ковалев С. И. 236, 240.
 Кодр 98–100.
 Кодриды 100.
 Колобова К. М. 26, 102, 103, 106, 149, 152, 166, 167, 170, 174–176, 178, 185, 187, 192, 224, 227, 241.
 Колумелла 172, 180, 249, 250.
 Кондолеон Н. М. (Condoleon N. M.) 160, 161.
 Кондураки Э. (Condurachi Em.) 216.
 Котта 137.
 Крез 137, 151.
 Кречмер К. (Kretschmer K.) 201.
 Крипп 76, 78, 79.
 Критий, афинский архонт 224.
 Критий, поэт 147, 168.
 Крюгер О. О. 181, 189.
 Ксенократ 163, 181.
 Ксеномед 158.
 Ксенофонт 11–13, 30, 51, 60, 61, 63–68, 70, 73–78, 80–82, 84, 85, 87, 88, 96, 109, 124, 125, 128–131, 136–138, 142, 145–147, 155, 169, 174, 176.
 Ксеркс 57, 96, 126.
 Кудрявцев О. В. 87, 88.
 Кук Дж. (Cook J. M.) 97, 108, 111.
 Курций 211.
 Кюммель О. (Kümmel O.) 136, 144, 146.
 Кюмон Ф. (Cumont F.) 125.
 Лакер Р. (Laquer R.) 136, 185–187.
 Лакруа Л. (Lacroix L.) 169, 171, 172.
 Ламах 147.
 Ламмерт Ф. (Lammert F.) 73, 75.
 Лампид 134.
 Ландсбергер Б. (Landsberger B.) 94.
 Лаппо-Данилевский А. С. 200, 201.
 Леви Е. И. 136, 141, 148.
 Леонид из Трикалы 232.
 Лентул 241.
 Ленцман Я. А. 7, 8, 40, 46, 50, 51, 60, 99, 113, 122, 166, 173–175, 177.
 Леншай Т. (Lenschau Th.) 98, 109.
 Лесков А. М. 195.

Ливии Тит 45, 217, 229, 230, 236, 239, 241, 246, 247, 252, 256.
 Лигдамид 42, 114.
 Ликург 86, 88, 89.
 Лисандр 64, 67, 80, 82, 155.
 Лисий 27, 29, 30, 33–35, 39, 46, 81, 118, 132.
 Лисимах 207, 210.
 Лисистрата 13, 86.
 Лиф В. (Leaf W.) 129.
 Лотце Д. (Lotze D.) 143.
 Лукулл Люций Лициний 243, 244.
 Лурье С. Я. 9, 13, 26, 31, 32, 60, 76, 98–101, 122, 169, 220.
 Лэст Г. (Last H.) 236.
 Мавсол 120.
 Магон 249, 250.
 Майер М. (Meier M. H. E.) 88, 89.
 Макробий 200, 219.
 Максимова М. И. 125–129, 131, 132, 134.
 Малх сын Адониваала 252.
 Манилий 241.
 Мариандин 144.
 Марий Гай 230, 242.
 Маркс К. 246.
 Матвеев С. Н. 102.
 Матриний Гай 233.
 Машкин Н. А. 245, 257.
 Мегабис 112.
 Мегаллида 237.
 Мейер Э. (Meyer E.) 98, 100, 101, 107.
 Мелан 160.
 Мела Помпоний 196.
 Мелюкова А. И. 203, 204, 218.
 Мелькарт 254, 255.
 Мельтцер О. (Meitzer O.) 245, 247.
 Мемнон, военачальник персидской армии 157.
 Мемнон, греческий историк 124, 136–138, 145, 148.
 Менандр 27, 33, 34, 61.
 Менон 85, 89.
 Мерлан Ф. (Merlan Ph.) 20.
 Метродор 158.
 Миккиад 158.
 Микнат Г. (Micknat G.) 50, 57.
 Милкаштарг 255.
 Миллиор Е. А. 13.
 Мильтиад 217.
 Мимнерм Колофонский 98, 99.
 Митридат Евпатор 122, 207, 208, 210, 213, 220.
 Миттайс Л. (Mitteis L.) 26, 38, 41, 228.
 Мишулин А. В. 240.
 Мищенко Ф. 75.

Мнесимах 121.
Моммзен Т. (Mommsen Th.) 240.
Морроу Г. (Morrow G.) 9, 10, 27.
Мошинская В. И. 195.
Мусаф, сын Абдукашара 255.
Мюллер К. О. (Müller K. O.) 31.
Мюллер М. (Müller M.) 31.
Набис 148.
Невская В. И. 102.
Нелей 98—100.
Неоптолем 207, 208, 210.
Непот Корнелий 217.
Нерва Публий Лициний 242, 243.
Несс 158.
Никарета 85.
Никий 59, 69—71, 87.
Николай Дамасский 32, 108.
Никомед 230, 242.
Никострат из Афин 36—38, 78.
Никострат из Сиракуз 233.
Нимфид 136, 144, 148.
Нимфодор 150, 173, 175, 182--192, 196.
Нимфодор, отец Тимона 187.
Ньюмен В. Л. (Newman W. L.) 15—17, 20, 23.
Одиссей 223.
Ойбарес 96.
Олиат 120.
Оросий Павел 205, 210, 213, 241.
Оссулье Б. (Haussoullier B.) 43, 116, 117, 118, 178, 179.
Павловская А. И. 50.
Павсаний 52—54, 56, 74, 97, 98, 128, 138, 158, 160, 161, 228.
Пактия 151.
Палак 201, 207, 210.
Палики, братья 189, 191.
Пантий 158.
Папе В. (Pape W.) 61, 174.
Парисатида 96.
Пахет 68.
Педарит 165.
Пердикка 212.
Периандр 217.
Перикл 58—60, 66, 126.
Периханян А. Г. 119—122.
Пик Б. (Pick B.) 216.
Пикар Ш. (Picard Ch.) 164.
Писистрат 98.
Писон Люций Кальпурний 241.
Пифий 96.
Плавт 170, 252.
Плассар А. (Plassart A.) 164.
Платон 9—12, 14, 21, 22, 27, 48, 78, 81, 83—85, 139, 140, 142, 148, 195.

Плиний 106, 109, 129, 158, 168, 169, 180, 249, 250.
Плутарх 22, 24, 32, 57—61, 64, 66—71, 75, 79, 80, 83, 86—89, 98, 108, 126, 153, 155, 205, 211, 215.
Полибий 50—53, 82, 90, 105, 127, 200, 221, 227, 229, 246, 247, 252, 256.
Поликрат 109.
Поллон Требоний 244.
Полиоркет 75.
Полиэн 129, 145, 199, 205, 210, 212, 215, 227, 235.
Поллукс 98, 111, 136, 140, 159.
Посейдон 160.
Посидоний 139, 141, 150, 160, 183, 188, 190, 196, 209, 210, 236.
Протоген 198, 219.
Псевдартабас 86.
Птолемей 211.
Птолемей Керавн 145.
Пумай 254.
Равдоникас В. И. 201.
Радамант 160.
Радциг С. И. 82.
Ракий 97.
Рамзес II 94.
Ранович А. Б. 40, 90, 91.
Ратнер' А. Б. 236—238.
Ревейю Э. (Reveillout E.) 28.
Рейнак Т. (Reinach Th.) 125, 136, 208.
Риан 185.
Робер Л. (Robert L.) 119, 125, 135, 149, 156, 157, 162, 164, 165, 182.
Робинзон Д. (Robinson D.) 121, 125.
Рогальский А. 218.
Ростовцев М. И. (Rostovtzeff M. I.) 90, 122, 200, 201, 206, 208, 211, 213, 231, 232, 246, 247.
Рупилий Публий 241.
Рэбак К. (Roebuck C.) 102—105, 128, 130, 150, 152, 153, 166, 167, 169—171.
Садиятт 109.
Сайтафарн 198.
Сакан 255, 256.
Свенцицкая И. С. 111, 112, 120, 141, 142, 146.
Свида 59, 141, 222, 226.
Свобода Г. (Swoboda H.) 25, 28, 36, 40, 41, 106, 143.
Селевкиды 238.
Семепов-Зусер С. А. 201.
Сенека 106.

Сента П. (Cintas P.) 251.
Сервилий Гай 244.
Сергеенко М. Е. 172, 180.
Силен 118.
Скил 216.
Скилак-Псевдо 138, 216.
Скилур 201.
Скимн 158.
Скрамуцца Б. В. (Scramuzza B. V.) 229—232, 236, 237.
Смирнов А. П. 201.
Соболевский С. И. 34, 35, 39, 61, 96, 163.
Сократ 10—13, 85.
Соломоник Э. И. 203.
Солон 24, 26—28, 32, 35, 37, 40, 41, 44, 46, 98, 114, 181.
Сострат 158.
Сотим 135.
Стефан Византийский 128, 129, 160, 176, 177, 215.
Стинтон Т. (Stinton T. C.) 237, 238.
Страбон 66, 95, 98—100, 102—104, 106, 111, 118—120, 122, 124, 125, 127, 129, 130, 136—139, 144, 145, 157, 158, 160, 168, 170, 196, 198—200, 204—211, 221, 241, 252.
Стратий 208.
Страттис 151.
Струве В. В. 94, 95, 220.
Сципион Публий Корнелий 252, 256, 257.
Тал 160.
Тантал 69.
Таргитай 20э.
Тарн В. (Tarn W.) 52, 63, 89-91.
Та'ит 200, 220.
Тезей 52.
Теофраст 105, 129.
Тепфер И. (Töpffer J.) 98.
Терее 215.
Теренций 34.
Тимей 174, 225, 226.
Тимесилай 126.
Тимон, сын Нимфодора 187.
Тимофей, афинский стратег 68.
Тимофей, тиран Гераклеи 138.
Тиннит 254.
Тинних 145.
Тиссаферн 88.
Титаний Марк 242.
Толль Н. П. 201.
Томсон Дж. 51, 62, 63, 160.
Трибалл 86.
Трипанис К. А. (Tiypanis C. A.) 158.
Трог Помпей 196, 205, 210, 213, 214, 216, 217, 250.

Тураев Б. А. 28,
Тюменев А. И. 149.
Тухе, богиня судьбы 158.
Фалес Милетский 169.
Фарнабаз 88.
Фемистий 89.
Фемистокл 217.
Феодор 158.
Феокрит 158.
Феопомп 150, 157—161, 164, 165, 170, 173, 176, 177, 183, 213.
Феофраст 67, 168.
Филарх 52.
Филипп II 13, 22, 36, 38, 52, 54, 82, 83, 205, 206, 210, 213—215, 218, 219.
Филипп из Феангелы 111.
Филлипсон К. (Phillipson C.) 49, 51, 53, 59, 63, 87.
Филокл 67.
Филократ 82.
Филолай 31.
Филострат 45, 87.
Финли М. И. (Finley M. I.) 7, 8, 26-29, 31, 33, 34, 36, 37, 44, 46, 49, 80, 166.
Флакк Гай Фульвий 241.
Флор 230, 239—241.
Фоант 107.
Фогт И. (Vogt J.) 35, 186, 237, 238, 240.
Фолькманн Г. (Volkman H.) 31, 50, 51, 61.
Форбант 174.
Форрест В. Г. (Forrest W. G.) 162, 170, 179, 182, 237.
Фотий 136, 222, 225, 226.
Фрасибул 103, 107.
Фримен Е. А. (Freeman E. A.) 225, 226.
Фролов Э. Д. 174, 176.
Фронтин 205, 210, 212.
Фукидид 52, 53, 56, 58—60, 63—66, 68—76, 80, 88, 98, 100, 149, 150, 154, 155, 157, 162, 165—169, 171, 176, 177, 179—182, 190, 192, 229.
Фюстель де Куланж Н. Д. (Fustel de Coulange N. D.) 102, 149, 151, 157, 158, 165, 166, 169, 171, 184—186, 191.
Хаммураппи 24.
Ханнон, сын Йатонцида 255.
Хатормаскар 254.
Хашакмат, сын Бодштарта 256.
Хиллецабал, сын Баалханнона 251.
Химилкат, сын Бодаштарта 254.

- Химилькат, сын Абдумелькарта 255.
Химилькат, сын Баалханнона 255.
Химилькон, сын Йатонцида 255.
Хиос 160.
Хирцель Р. (Hirzel R.) 53.
Хофтэйзер И. (Hoftijzer J.) 256.
Хрисипп 176.
- Церетели Г. Ф. 33, 34.
Цецилий 236.
Цидимелькарт 255.
Цидитиннит 254.
Цицерон 229, 231—234, 239, 244, 247, 248.
- Чиачери Е. (Ciaceri E.) 236.
Чиркин В. Е. 240.
- Шафат, сын Аришама 254.
Шафат, сын Бодаштарта 255.
Шелов Д. Б. 195, 203, 205, 206, 218.
Шеманн Г. Ф. (Schoemann G. F.) 53, 73, 75, 87, 163.
Шилов В. П. 195.
Шифман И. Ш. 223, 228, 246, 251, 256.
Шлайфер Р. (Schlaifer R.) 8, 9, 11, 16, 18, 30, 36, 89, 115, 116.
Шмидт И. (Schmidt J.) 171, 223.
Шмидт Р. В. 143.
Штаерман Е. М. 183, 190, 192.
Штейн Г. (Stein H.) 216.
Шуберт Р. (Schubert R.) 213.
- Эберт М. (Ebert M.) 201.
Эванф 160.
Эвтимах 89.
Эвфикрат 83.
Эгисф 83.
Элиан 31, 32, 59, 66, 72.
Энопид 158.
Энопион 160, 161.
Эпаминонд 74.
Эратосфен 206, 208—210.
Эренберг В. (Ehrenberg V.) 86.
Эсхил 8, 137.
Эсхин 55, 74, 78, 82, 90.
Эфор 136, 141, 196, 210, 211.
Эшмун 255.
- Юдейх В. (Judeich W.) 119.
Юстин 136, 147, 148, 205, 210, 213—216, 250.
Юстиниан 228.
Юшков С. 200.
- Якоби Ф. (Jacoby F.) 185—187, 191, 196.
- Янковская Н. 93.
- Afinianus 233.
Alexandrescu P. 219.
Allen T. W. 99, 105.
Anderson J. G. 125.
Aymard A. 51, 219.
- Baldry H. C. 16.
Beauchet L. 36, 39.
Berthier A. 251.
Bétant E. A. 73.
Bilabel F. 106, 107.
Boerner 225.
Branden A. van den 256.
Braythorn T. R. 101.
Büchschütz B. 62, 164.
Burn A. B. 103, 105.
- Casson L. 246.
Charlier R. 251.
Chrimes K. M. 143.
Cook R. M. 152.
- Diels F. 228.
Diller H. 8.
Diogenes Laertius 78.
Dittenberger W. 42.
- Eratosthenes 206.
Eustathios 46.
- Foucart P. 131.
Freeman K. 103.
- Garstang J. 126.
Giacobbe A. 236.
Grégoire H. 125.
Gruppe O. 98.
- Häde C. 39.
Halliday W. K. 99, 105.
Hasebroek J. 109.
Hecateus 102.
Helvetius 106.
Hermann K. F. 36, 39.
Hill G. F. 104.
Honigmann E. 206.
Hrozny B. 95.
- Jardé A. 109.
Jeffery L. H. 47.
- Kahrstedt U. 143.
Karpovich M. 201.
Kuentz Ch. 94.
- Lamb W. 167.
Larsen A. O. 47, 55.
- Lauffer S. 168.
Laumonier A. 111.
Le Bas Ph. 121, 178.
Leocratus 88.
Levy-Bruhl H. 27.
Lipsius J. H. 53, 73, 87, 163.
Lorimer H. L. 223.
Lucianus 168.
- Magie D. 119.
Meissner B. 93.
Mendelsson I. 114.
Minns E. 106.
Momiliano A. 219.
- Nicorescu P. 219.
- Oehler J. 226.
Oliver J. H. 40, 122.
- Pareti L. 236.
Passow F. 76.
Pauly 172.
Petre Z. 9.
Petronius 159, 232.
Pikard-Cambridge A. W. 219.
Polsberw H. L. 136.
- Regling K. 216.
Reverdin O. 14.
Robinson E. S. G. 239.
Rüge W. 128.
- Sappho 104.
Scheibe C. 88.
- Schneiderwiith J. 136.
Sines E. E. 99, 105.
- Taubenschlag R. 28, 40.
Texier Ch. 102.
Thalheim Th. 36, 39.
Tod M. N. 47, 155, 158.
- Ure P. N. 151.
- Wecher C. 131.
Weiher A. 150.
Wieckert C. 97.
Woodhead A. G. 152.
Wuilleumier P. 228.
- Ἀλκέτας 146.
Ἀπατουρίος 216.
Ἀπολλωνίδης 114.
Ἀττάλος 132.
Βόρυς 132.
Γῆριττος 132.
Διότιμος 117.
Ἐχραταία 117.
Κάχρας 117.
Κάρολος 132.
Κύρος 132.
Μιθριδάτης 132.
Μολοσσός 146.
Πανιώνιος 163.
Σαρυσάλλος 117.
Σίμη 216.
"Γἄλλος 132.
Τσσελδώμος 117.
"Γσσωλλος 118.

ИМЕНА РАБОВ И ВОЛЬНООТПУЩЕННИКОВ

Абдимилк, раб храма 255.	'Αρτέμων 164
Абдумелькарт, раб богини Лштарт 255.	Ἀρτύμης 164
Акбар, раб храма 254.	"Αττεις 133
Ариш, раб храма 254.	Βόστρυχος 133
Аришам, раб храма 254.	Γηρος 164
Афинион 233, 243, 244.	Γώτος 133
Ахей 238.	
Баалханнон, раб храма 255.	Εὔδρομος 164
Баалшиллек, раб храма 255.	"Εφεσος 164, 165
Баркан, раб храма 255.	θράττα 86
Бодаштарт, раб богини Аштарт 255.	"Ιδας 133
Бодаштарт, раб Малха 252.	Καραχυδης 133
Бодаштарт, раб храма 254, 256.	Καρίων 34, 35, 86, 163
Варий 242	Κερχίνος 133
Гераклеон 233	Κιλίχας 164
Гет 61	Αυδός 86, 133, 163
Дав 61	Μάγης 133
Дримак 150, 173, 175, 182—192.	Μάνης 133
Евн (Антиох) 188, 189, 230, 237, 238, 239, 240, 241.	Μάνιππος 164
Ефросина 131.	Μασυντίας 86
Иакуншалам, раб храма 255.	Μετάμβριος 133
йатонмилк, раб храма 255.	Μετάνειρα 85
Йатонцид, раб храма 254.	Μίδας 86, 133, 164
Клеон 239—241.	Ξανθιάς 86
Пасион 85, 134.	Οίβάρης 164
Родопея 104.	Πάπης 133
Савмак 220.	Παρδόχας 86
Сальвий (Трифон) 242—244.	Παρμένιοι 164
Сарапион 241.	Παφλάγων 163, 164
Сафо 131.	Παφλαγωνίδης 164
Спартак 238, 244.	Πόντιχος 133
Спендий 257.	Πυρρίας 86
Тибий, вольноотпущенник 33.	Σχεβλύας 86
Фил, вольноотпущенник 162.	Σχύθας 133, 146
Формион 85, 134.	Στρατόλα 85
Шамар, раб Абдумелькарта 251, 252.	Συλιάς 133
Эвмей 223.	Σύνδος 133
"Αντεια 85	Σύρα 86
"Αραψ 133	Σύρος 163, 164
"Αριστόχλεια 85	Ταυρίσχος 133
	Τίβε^ς 164
	Τόργαστος 164
	Φρύξ 86, 163, 164

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСПИ	— Античный способ производства в источниках.
ВДИ	— Вестник древней истории.
AJA	— American Journal of Archaeology.
Am. Journ. Ph.	— American Journal of Philology.
BCH	— Bulletin de correspondance hellénique.
BiOr	— Bibliotheca Orientalis.
BSA	— Annual of British School at Athens.
CAH	— Cambridge Ancient History.
CIL	— Corpus inscriptionum latinarum.
CIRB	— Corpus inscriptionum regni Bosporani.
CIS	— Corpus inscriptionum semiticarum.
ESAR	— The economic survey of ancient revue, ed. by Tenney Frank
F. Gr. Hist.	— F. Jacoby. Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin, 1923.
HAAN	— St. G s e l l. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, vol. 1—VIII. Paris, 1913—1928.
IG	— Inscriptiones Graecae.
JHS	— Journal of Hellenic Studies.
GK	— O. Meitzer. Geschichte der Karthager. Bd. I—III, Berlin, 1876—1913.
Liddell—Scott	— H. G. Liddell and R. A. Scott. Greek-English Lexicon. New edition by H. S. Jones. Oxford, 1925—1932.
Pape	— W. Pape. Wörterbuch der griechischen Sprache. Braunschweig, 1874.
Passow	— Handwörterbuch der Griechischen Sprache begründet von F. Passow. Leipzig, 1844—1857.
RE	— Pauly's Realenzyklopädie der Klassischen Altertumswissenschaft, bearbeitet von G. Wissowa.
REG	-- Revue des etudes grecques.
SEG	— Supplementum epigraphicum graecum.
SEHWW	— M. Rostowtzeff. The Social and economic history of the Hellenistic World. Oxford, 1941.
RES	— Répertoire d'épigraphie sémitique.
SGDI	— Sammlung der griechischen Dialekt—Inschriften.
SHA	— Scriptores Historial Augustae.
Syll. ³	— Sylloge inscriptionum Graecarum, ed. W. Dittenberger, 3 ed., I—IV. Leipzig, 1915—1924.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Предисловие	5
Глава I. Воззрения древних греков на порабощение эллинов. (И. А. Шишова).	7
Глава II. Долговое рабство. (И. А. Шишова).	24
Глава III. Порабощение военнопленных в Греции V—IV вв. до н. э. (И. А. Шишова).	49
Глава IV. Рабство в малоазийских торговых греческих городах. (А. А. Нейхардт).	93
Глава V. Рабство в греческих городах южного побережья Понта. (А. А. Нейхардт).	124
Глава VI. Рабство на Хиосе. (И. А. Шишова).	1
Глава VII. Рабство в Северном Причерноморье V—III вв. до н. э. (Д. П. Каллистов).	193
Глава VIII. Рабство в Сицилии и Великой Греции. (И. Ш. Шифман)	222
Глава IX. Рабство в Карфагене. (И. Ш. Шифман).	245
Географический указатель	258
Именной указатель	262
Список сокращений	271

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
53	15 и 17 сверху	possesed	possessed
106	3 «	то	что
118	10 снизу	ων	ών
124	1 «	ΑΥΑ	ΑΙΑ
150	12 сверху	логографов	лексикографо!
157	4 снизу	Τόφλος	Τυφλός
168	2 сверху	οτάμνιο	οτάμνιο
168	10 «	χῖβι	χῖαι
188	3 снизу	№ 608	ΛΙ 609

Зак. М Ю85

Д. П. Каллистов, А. А. Нейхардт,
И. Ш. Шифман, И. А. Шишова

РАБСТВО НА ПЕРИФЕРИИ АНТИЧНОГО МИРА

*

Утверждено к печати
Ленинградским отделением
Академии наук СССР
института истории

Редактор издательства И. Б. Морморштейн

Художник М. И. Разулевич

Технический редактор Л. Л. Любимови

Корректоры Е. В. Вивчар и Э. В. Коваленко

Сдано в набор 10/IV 1968 г. Подписано к печати 4/XI 1968 г. РИСО АН СССР № 85—122Р.
Формат бумаги 60 X 90Vi а- Бум. л. 8V2. Печ. л. 17 = 17 усл. печ. л. -Уч.-изд. л. 19.77.
Изд. № 3147. Тип. зак. № 1035. М-40245. Тираж 1700. Бумага № 1. Цена 1 р. 43 к.

Ленинградское отделение издательства „Наука”
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тиц. издательства „Наука”. Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12